Валерий
Шамбаров
Александр II
Освободитель
От России крепостной
к революционной

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Император Александр II упразднил крепостное право, тяжелыми победами над Турцией принес свободу Болгарии, Сербии, Черногории, Румынии. Успешно завершил долгую Кавказскую войну, усмирил восставшую Польшу, присоединил к России Среднюю Азию, Приамурье и Приморье. Но его правление ознаменовалось и либеральной «перестройкой» под лозунгами «Гласность, устность, гражданственность». Была продана Аляска, сданы Курилы, расшатывались устои православия и самодержавия, набрали силу революционеры, террористы, в жестокой войне с которыми пал и сам государь. Причем как либералы, так и революционеры подпитывались и направлялись Западом. Об этой сложной и неоднозначной эпохе в отечественной истории рассказывает новая книга известного писателя-историка Валерия Шамбарова «Александр II Освободитель. От России крепостной к революционной».

- Валерий Шамбаров
  -
  - Пролог
  - Глава 1. Продолжатель династии
  - Глава 2. Наследник престола
  - Глава 3. Становление цесаревича
  - Глава 4. Крепостное наследство
  - Глава 5. Помощник отца
  - Глава 6. Монархи и революции
  - Глава 7. Тучи с Запада
  - Глава 8. Мифы и реальность Крымской войны
  - Глава 9. Наследник принимает командование
  - Глава 10. Проиграла ли Россия всей Европе?
  - Глава 11. «Перестройка» в XIX веке
  - Глава 12. Неспокойный мир
  - Глава 13. Реформы и реформаторы
  - Глава 14. Ядовитая поросль
  - Глава 15. Экзамен на прочность
  - Глава 16. Царева служба и Божий промысел
  - Глава 17. Восток – дело тонкое
  - Глава 18. Любовь и пули
  - Глава 19. И снова реформы…
  - Глава 20. Париж, Германия и Черное море
  - Глава 21. Плоды «прогресса»
  - Глава 22. Схватка за Среднюю Азию

- Глава 23. Раскаленные Балканы
- Глава 24. За други своя…
- Глава 25. Щит на вратах Цареграда
- Глава 26. Битвы не железных канцлеров
- Глава 27. Еще один фронт – внутренний
- Глава 28. Последние победы
- Глава 29. Два заговора
- Глава 30. Первое марта
- Глава 31. Твердой рукой…
- Литература

Валерий Шамбаров
Александр II Освободитель. От России крепостной к революционной

© Шамбаров В.Е., 2024
© ООО «Издательство Родина», 2024

Пролог

Видение Валаамского старца иеромонаха о. Иоиля, почившего в 1937 г. на Порфирьевском острове. Случилось за семь дней до войны с Японией в 1904 г., впервые записано 2 января 1905 г., переписано 30 января 1917 г.

«…Еще ниже стоявшего собора святителей я увидел множество народа, как на некоем поле, а впереди их стоят три мужа в царских одеяниях, и вот мы подошли близко к ним. Один из них спрашивает меня:

– Видал ли ты меня когда?

– Нет, – сказал я ему.

Потом я спросил Юношу:

– Кто сей будет?

– Это именуемый Царь-Освободитель, – Император Александр II – Царь Мученик. Когда он предстал Господу Богу, Господь сказал ему: “Никто любви больше не имать, как тот, кто положит душу свою, за други своя”. А он это соблюл и за сие даде ему Господь царское достоинство и царское одеяние.

На нём мантия царская, жезл золотой, и корона чудная на главе его. Рядом с ним стоит другой муж, и тоже в царском одеянии, его назвал благоверным князем Александром Невским… Третий стоит юноша, также в царском одеянии, но у него нет короны на голове… Я спросил:

– Кто этот юноша?

– Это – Димитрий-царевич, который имел законное право на царский престол, но, будучи юн, он никогда не помышлял быть Царем, и он потерпел насильственную смерть, но Господь не лишил его царского достоинства…

…Когда я выслушал все это от Юноши, то до пояса поклонился Царям и прочим стоящим. Но диво! Они тоже ответили мне все поясным поклоном. Потом Император Александр II говорит:

– Скажи людям моим, которые за меня молятся Богу, что вельми приятна мне их молитва, и я знаю это, что во многих семьях меня чтут как родного отца. Но видишь, я отсюда не нуждаюсь в их молитвах, любовь же их весьма любезно приемлется Господом Богом, и я молюсь о них и впредь молиться буду…»

Глава 1. Продолжатель династии

Москва в 1818 г.

После нашествия Наполеона миновало 5 лет, а в Москве еще всюду торчали обгоревшие остовы зданий. Наспех сколоченные деревянные домишки соседствовали с закопченными руинами, с заросшими бурьяном пустырями. И у правительства с финансами было худо, чтобы помочь Первопрестольной. В сентябре 1817 г. Александр I командировал туда младшего брата Николая.

Как раз перед этим он обвенчался с прусской принцессой Шарлоттой, ставшей в православии Александрой Федоровной, был назначен главным инспектором Корпуса инженеров и командиром Лейб-гвардии саперного батальона. И первым важным заданием стало восстановление Москвы. Николай Павлович отправился туда с молодой супругой, командировка совместилась у них со свадебным путешествием. С ними поехала царская мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Она властно считала себя главой рода, сразу взяла их семью под опеку.

Добавились челядь, приближенные, вроде поэта Жуковского, любимого чтеца Марии Федоровны, назначенного обучать Александру Федоровну русскому языку. Обосновались с Кремле, в наименее пострадавшем Чудовом монастыре. Для Николая с матерью и женой оборудовали дом недавно умершего митрополита Платона. Новый инспектор инженерных войск централизовал усилия с городскими, церковными властями, распределил воинские команды на разбор завалов, ремонт

аварийных сооружений. Дело пошло… А Мария Федоровна занялась налаживанием учебных заведений, Московского сиротского дома.

Даже само появление в Кремле «малого двора» воодушевило москвичей. Как бы одухотворило растоптанное сердце Земли Русской. Люди оценили: с ними царский брат, царская мать. Энергичный и подтянутый Николай проносился по улицам на коне. Появлялся у разных объектов, советовался с инженерами, отдавал распоряжения своим саперам. А в свободное время гулял с супругой, их постоянно видели на церковных службах. Они любили друг друга, были счастливы, и их молодая энергия как будто передавалась окружающим. В уцелевших и отремонтированных домах и усадьбах после долгого перерыва зазвучала музыка. Возобновлялись званые вечера, балы. А потом разглядели и то, что Александра Федоровна уже непраздна…

Облик города постепенно улучшался. А весна 1818 г. выдалась ранняя, теплая. Бурно распускались листья деревьев, кустов, закрывая свежей зеленью язвы пожарищ. 14 апреля, на Пасху Христову, толпы людей в лучших нарядах собрались погулять по Кремлю. Радовались, что он уже расчищен, можно вот так пройтись, «похристосоваться» со знакомыми. А через два дня, на Светлой неделе, подали вдруг голос колокола Ивана Великого, их подхватывали в других уцелевших храмах. Александра Федоровна разрешилась от бремени.

Роды были тяжелыми, и Николай дал обет построить придел в Новом Иерусалиме. Когда все завершилось, целовал жену и плакал с ней, благодарили Бога – еще не зная, какого пола ребенок. Вошла императрица-мать, объявила: «Это сын». Наследником Александра I числился брат Константин, Николай был лишь третьим. Но оба старших брата были бездетными, и продолжение мужской линии Романовых в любом случае было важным, в Москве прогремел 201 орудийный выстрел в честь младенца.

Крестили его 29 апреля в монастырской церкви Чуда Михаила Архангела. Храм-то был не простой. В нем еще Иван Грозный в 1557 г. крестил сына Федора, будущего царя. И в 1629 г. патриарх Филарет крестил своего внука, будущего царя Алексея Михайловича. А в 1672 г. и Алексей Михайлович крестил тут сына Петра!.. Мальчика нарекли Александром. Правда, до праздников св. Александра Невского было далеко, но распоряжалась бабушка, и малыш стал Александром в честь царственного дяди. Бабушка-то однозначно считала: он и продолжит династию. После крещения сама возложила на младенца знаки ордена С в. Андрея Первозванного, как

полагалось великим князьям с рождения. А потом повторила символический жест родителей Петра I – положила ребенка на раку с мощами св. митрополита Алексия, передавая под его покровительство.

Отгремел салют и в Петербурге, звонили колокола по всей России. Александра I известие догнало на дороге из Варшавы в Одессу, и он с ходу назначил новорожденного шефом лейб-гусарского полка. В июне, когда ребенок и его мать окрепли, он отозвал брата из Москвы. А малыша бабушка забрала к себе. Сама подбирала нянек, докторов. Свой обет Николай Павлович исполнил. В Новом Иерусалиме построил в храме придел в честь св. Александра Невского. Архиепископу Московскому Августину (Виноградскому) он писал: «Изъявление благодарности не нужно Тому, Кто читает в глубине души, но оно необходимо душе благодарной… Пускай перед алтарем, воздвигнутым благодарностью отца, приносятся молитвы и о матери, и о сыне… на службу Государю, на честь и пользу Отечеству» [1].

Но рождение Александра сказалось и на судьбе его родителей. У великого князя Константина Павловича семья совсем развалилась. Его жена, принцесса Анна Кобургская, уехала на родину и возвращаться к мужу не желала. Он тоже мечтал о разводе. Жил в Варшаве и хотел жениться на полячке Грудзинской. Летом 1819 г. Николай Павлович, уже командовавший гвардейской бригадой, участвовал в маневрах в Красном Селе. Император похвалил его войска и заехал к нему в гости. Сынишке исполнился годик, и Александра Федоровна снова ходила непраздной. Царь разговорился, что рад видеть их счастье. Винил себя в грехах молодости, из-за чего остался бездетным, как и Константин.

Потом вдруг повернул тему, что пост государя очень тяжелый, требует чрезвычайного напряжения, а его силы слабеют. Поэтому он принял решение: когда почувствует, что больше не может исполнять свой долг, отречься от власти. Сообщил, что Константин об этом знает, однако наследовать престол категорически не хочет. Но оба они видят знаки Божьей благодати в семье Николая, где род продолжается. Поэтому Николай должен знать заранее – взойти на трон предстоит ему. Брат императора и его жена были «поражены как громом». А Александр успокаивал: это произойдет не скоро. Может, лет через 10 [2].

Что ж, состояние Николая Павловича и его супруги, близкое к шоку, понять было можно. Бремя власти сулило колоссальную тяжесть: моральную, физическую, духовную. Проблемы наслаивались, переплетались между собой еще с прошлого века.

Екатерина Великая вывела державу на новую высоту. Отвоевала выход к Черному морю. Завершила многовековой спор с Польшей – добила и разделила ее с Пруссией и Австрией. Но при этом нарастал гнет на крестьян, обострилось соперничество с Западом, а русское дворянство тот же Запад заражал идеями масонского «просвещения», расшатывая устои Самодержавия и Православия.

Павел I с его обостренным чувством справедливости старался улучшить положение простого народа, ограничил крепостное право. Прижал разболтавшихся дворян, нажив в их лице множество врагов. Он сумел осознать и то, что врагом России является не только ее извечная противница Франция, подстрекавшая против нее турок, поляков, шведов. Ненавистником нашей страны стала и «союзная» Англия – к концу XVIII в. она превратилась в величайшую (и по площади, и по населению) империю земного шара, нацеливалась на мировое лидерство и в России видела конкурента. Когда британцы подло захватили одну из лучших морских баз Средиземного моря, Мальту, уже юридически принадлежавшую царю, чуть не дошло до войны. Павел арестовал 300 английских судов и активы их компаний в России, разорвал торговые и дипломатические отношения.

Но Лондон уже научился делать бизнес на заговорах и революциях, это получалось выгоднее, чем воевать. Он был и центром мирового масонства, а «вольные каменщики» становились отличным инструментом политических игр. В ночь на 12 марта 1801 г. Павел был убит. Заговор организовал британский посол Чарльз Уитворт, злоумышленники собирались у его любовницы Ольги Жеребцовой. Вокруг наследника Александра у либералов и масонов, разочаровавшихся в Павле, было «все схвачено». Обманами его тоже вовлекли в заговор, уверив, будто отца лишь заставят отречься. А после убийства он, ошалевший и испуганный, объявил: «Батюшка скончался апоплексическим ударом…» Тем самым покрыл страшное злодеяние – и на себя принял ответственность за него.

Исполнители для себя не выиграли ничегошеньки. Наоборот, сломали карьеры, доживали век по негласным ссылкам в поместьях. Но и заказчиков угадать было не трудно. Александр, едва взойдя на престол, сразу же заключил дружественную конвенцию с Англией. Отказался от любых претензий, в том числе и от Мальты. Снял арест с судов и активов англичан, открыл им свободную торговлю, и они завалили Россию импортом.

А главными советниками Александра стали «молодые

друзья», которые опекали его и раньше: Строганов, Кочубей, Чарторыйский, Новосильцев, Голицын. К ним добавился талантливый администратор Сперанский – ученик радикального масонского эмиссара Брюкнера. Они предложили создать «негласный комитет» в собственном составе, вырабатывать реформы государства. Вскоре его преобразовали уже в официальный орган, Государственный совет. Ему дали не законодательные, а законосовещательные права, и он был назначаемым, а не выборным. Но все равно это была первая, еще предварительная ступенечка к ограничению Самодержавия.

Александр помиловал 156 заключенных, осужденных при его отце за политические и уголовные преступления. Возвратил на службу 12 тыс. уволенных за злоупотребления и иные неблаговидные дела. Снял запрет на ввоз в Россию иностранной литературы. Восстановил в полной мере дворянские «свободы». Ложи «вольных каменщиков» стали действовать почти открыто. Широко пропагандировалось «просвещение» для достижения «золотого века» высокой культуры, благоденствия. Хотя этот термин был очень неоднозначным. В прямом смысле – развитие науки, образования. Однако человеческому разуму отдавался приоритет над традиционными устоями религии и морали. В рамках «просвещения» создавались учебные заведения по западным образцам, получали значительную автономию, становились «школами демократии».

Реформы Александра нацеливались и на ликвидацию крепостного права. Но ведь вся государственная система опиралась на дворянство, да и сами реформаторы жили трудом крестьян. Поэтому царю пришлось ограничиться лишь указом о вольных хлебопашцах в 1803 г. Помещики могли добровольно освобождать крепостных на тех или иных условиях. А Сперанский стал любимцем государя, получил пост канцлера. По поручению Александра он разработал «Введение к уложению государственных законов» – по сути, проект превращения страны в конституционную монархию. Государственный совет получал законодательную власть, образовывались выборная Государственная дума, органы самоуправления в волостях, округах и губерниях.

Но развивать такие проекты помешала обстановка. В Закавказье началась затяжная война с Персией. Добавилась еще одна, с Турцией. Александр возобновил союзы с Англией, Австрией, Пруссией, вступил в борьбу с Наполеоном. В перерывах между войнами против французов в очередной раз померились силами со Швецией, отобрав у нее Финляндию… Эти грозные события выдвигали других людей, совсем не либералов. Опорой

царя стал Аракчеев, вокруг него формировалась патриотическая партия. Подобный кружок возник и у сестры царя Елены Павловны. А реформы Сперанского и его проекты вызвали массовое недовольство чиновников, дворян. В 1812 г., перед решающей схваткой с Наполеоном, государю под общим давлением пришлось отправить Сперанского в отставку, сослать в Пермь.

Однако и плоды царствования оказывались не сладкими. Тяжелые войны, разгром под Аустерлицем. Вынужденный Тильзитский мир с Бонапартом. Нашествие «двунадесяти языков», горящий Смоленск, жертвы Бородино, сожженная Москва… Для Александра эти потрясения были и личными. Он помнил, как унаследовал трон, видел в бедствиях наказания от Господа. И для себя, и для России за страшный грех царя. Этот вывод подтверждала и его семейная жизнь, бездетность. Государь всей душой обратился к религии, к покаянию. Но… и на этом пути попал в ловушку. Рядом с ним очутился обер-прокурор Синода Александр Голицын, масон и гомосексуалист. Привлек оккультиста Кошелева. Они увлекли царя в туманный мистицизм, в совместные чтения и толкования Библии.

Голицын стал министром духовных дел и народного просвещения. Под его эгидой возникли мистическое общество «Новый Израиль», Библейское общество – занявшееся вроде бы благим делом, переводами Священного Писания с церковнославянского на русский язык. Но под флагом этого общества в Россию хлынули сектанты всех мастей. Голицын с Кошелевым через царя обеспечили им защиту, и ему самому подсунули «пророчицу» Криденер. В Петербурге открыто орудовали секты вплоть до скопцов. А священники, желавшие выслужиться, подстраивались к Голицыну и его окружению. Поборники ортодоксального Православия не осмеливались выступить против новшеств или попадали в опалу.

Между тем разгром Наполеона поднял престиж России на небывалую высоту, вся Европа славила русских освободителей. Окрылился и Александр, вознесенный в лидеры мировой политики. Заседал на международных конгрессах. Свой высочайший авторитет он решил использовать, чтобы обезопасить мир от будущих потрясений. Впервые в истории предложил создать систему общеевропейской безопасности, Священный союз, который и будет поддерживать мир и порядок. Заключил его с Австрией, Пруссией, присоединялись другие державы.

Авторитет победителя царь хотел использовать и внутри страны, все-таки осуществить прежние замыслы реформ. Возвратил из ссылки и снова возвысил Сперанского. Для отмены

крепостного права Александр и его советники выбрали в качестве эксперимента три губернии Прибалтики: Эстлянскую, Лифляндскую и Курляндскую. Здешние дворяне были немцами. Им было проще ориентироваться на аналогичные реформы, проведенные по приказам Наполеона в Германии.

Вопрос обсудили губернские ландтаги (дворянские собрания, но в Прибалтике они сохранили и функции местного самоуправления) и просто скопировали германскую модель: в 1816–1819 гг. освободили крестьян лично, оставив всю землю помещикам – бывшие крепостные должны были арендовать ее. Теоретически могли и купить, если вдруг денег наберут. Но помещик больше не нес за них никакой ответственности, не должен был помогать при неурожаях, платить за них подати, перекладываемые на самих крестьян. Положение их отнюдь не улучшилось, а ухудшилось.

В российских губерниях царь в это же время начал другой эксперимент. В обстановке полнейшего расстройства финансов задумал удешевить армию и одновременно обеспечить обученный резерв – его так не хватало в 1812 г. Александр решил перевести войска на поселения. Они будут сами обрабатывать землю, обеспечивать себя продовольствием, фуражом. А нестроевые крестьяне будут учиться воинскому мастерству. Царь обратился к опыту англичан, создававших военные поселения в колониях для туземных войск. Перенял и модели австрийских поселений для сербов и хорват, охранявших границы. В 1817 г. для этого выделили районы в Новгородской, Могилевской, Витебской, Харьковской, Херсонской, Екатеринославской губерниях. Включали в них войска, расквартированные в здешних местах, а крестьян приписывали к полкам.

Но реанимировались и проекты глобальных реформ. В завоеванной Финляндии Александр сохранил шведскую конституцию и сейм – парламент. А по итогам Наполеоновских войн Россия присоединила часть Польши, и государь сконструировал Царство Польское. Оно стало любимым детищем Александра. Польским царем считался он сам, наместником назначил польского генерала Зайончека и дал полякам полную автономию. Свои суды, полицию, деньги, свою армию, созданную за счет России. Главнокомандующим стал великий князь Константин, но почти все офицеры недавно сражались против русских. Польские производители и купцы получили в России огромные льготы.

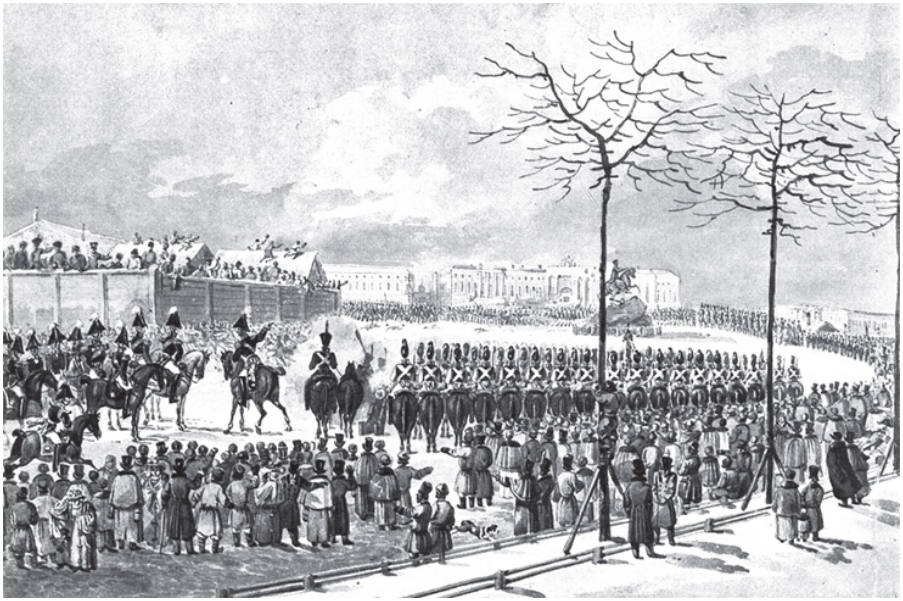
Секрет такой любви Александра к Польше заключался в том, что государь видел в ней трамплин для дальнейших либеральных реформ. Даровал ей конституцию со свободами печати, личности,

двухпалатным парламентом – сеймом. И как раз перед рождением маленького племянника, в марте 1818 г., Александр приехал в Варшаву на открытие первого сейма. Обратился к депутатам: «Вы мне подали средство подать моему отечеству то, что я уже с давних пор ему преуготовил и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости» [3, с. 35]. То есть, по опыту Польши он намеревался распространить конституционные свободы на всю Россию.

Проекты ликвидации крепостного права прорабатывались в канцелярии Аракчеева и министром финансов Гурьевым. А в Варшаве, в канцелярии наместника, в строжайшей секретности готовился проект Конституционной хартии Российской империи [3, с. 33–36]. Хотя какая там секретность, если сам Александр озвучил ее с трибун сейма! Все это обрастало слухами, вызывало брожение. Разговоры об освобождении крестьян вызывали у помещиков «припадки страха и уныния» – под угрозой оказался весь их привычный уклад жизни, а что из этого выйдет?

Известия о конституции, казалось бы, не касались ничьего личного благосостояния и у «просвещенной» публики вызывали восторги, кружили головы. Но трезво мыслящие деятели осознавали, что в данном случае речь идет о вещах куда более важных, чем даже крестьянский вопрос, – о фундаментальных устоях державы. Генерал Закревский писал: «Речь государя, на съезде говоренная, прекрасная, но последствия для России могут быть ужаснейшие». Даже масон Карамзин отмечал, что «варшавские речи сильно отозвались в молодых сердцах, спят и видят конституцию; судят, рядят. И смешно, и жалко» [3, с. 35–36]. Вот в такой атмосфере потенциальных «перестроек» пришел в мир будущий император Александр II.

Глава 2. Наследник престола



Восстание декабристов

Когда Саше исполнилось 6 лет, воспитание от бабушкиных нянек и бонн полагалось передать мужчине. Его подбирал сам император и, к удивлению столичного света, назначил никому не известного полковника Карла Мердера. Но государь знал, что делал. Отважный гусар, отличившийся в боях, по состоянию здоровья перешел в кадетский корпус, потом в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Александр I и Николай Павлович подметили его отношение к детям, он был прирожденным педагогом.

Мердер воспринял назначение с высочайшей ответственностью, как главное дело своей жизни [4, с. 67]. С мальчиком он взялся играть, обучать верховой езде, простейшим приемам – чтобы Саша мог в мундирчике красоваться на парадах, кричать команды своему гвардейскому гусарскому полку. Но добряк-офицер считал куда более важным воспитать человеческие качества мальчика. Писал в дневнике: «Буду считать себя несчастным, если не достигну того, что он будет считать единственным наслаждением – помогать несчастным» [3, с. 39].

Однако за пределами семейного мирка накалялись страсти. Преобразования царя оборачивались совсем не теми плодами, какие ему виделись. Создание военных поселений крестьяне воспринимали как худшее из наказаний. Были бунты. Самый

крупный, в Чугуеве, пришлось подавлять войсками, 40 зачинщиков гоняли сквозь строй, 25 умерли. Но и там, где новшество внедрялось без эксцессов, было неладно. Отличные солдаты и крестьяне в военных поселениях превращались в плохих крестьян и никудышних солдат. Хозяйства разваливались, поддерживались только крупными дотациями. Росло дезертирство. Но и в Прибалтике были бунты освобожденных крестьян, ставших безземельными батраками. Многие уходили в русские губернии, где никакой «свободы» не было. Эстонцы и латыши даже меняли вероисповедание в надежде, что «русский православный царь не оставит их в беде».

Успехи Александра I на международной арене стали эфемерными. Партнеры по Священному союзу считали его чисто формальным. Зато выход России на уровень одного из лидеров, ее возросшее внешнеполитическое влияние никак не устраивали Англию. Лондонская дипломатия вовлекла в антироссийские происки Австрию, побежденную Францию. Генерал Вильсон, в 1812 г. служивший британским представителем при царской армии, в 1817 г. опубликовал на родине пропагандистские фейки, будто Россия строит тайные планы захватить Константинополь, угрожает владениям англичан в Индии – именно тогда родился термин «Большая игра».

Британцы взяли под покровительство Турцию, в Персии появились их советники, обучая и вооружая шахскую армию, науськивая на Россию. Англия поставила задачу вообще вытеснить русских с Кавказа, через турок накачивала оружием немирных горцев, разжигая войну. Британская и французская пресса раздула шумиху о «русских зверствах на Кавказе» (хотя сами англичане и французы действовали в колониях куда более жестоко).

Лондон в данное время вовсю использовал и свои методики экспорта революций. Они даже получили в Англии официальный статус, назывались политикой «поддержки за границей либеральных течений». С их помощью британцы обвалили давнюю соперницу, Испанскую империю. Ее американские владения взорвались вдруг цепной реакцией революций (советником Боливара был уже упоминавшийся генерал Вильсон). А подавить мятежи не позволила революция в самой Испании. Она скатилась на уровень второсортной державы. Ее процветавшие американские провинции разделились, передрались и совершенно разорились, попав в полную экономическую (и политическую) зависимость от Англии.

Лондон стал покровителем и для итальянских революционеров, предоставлял им убежище. Из масонских

структур формировались отряды карбонариев, в 1820 г. подняли сразу два восстания. На севере, в Сардинском королевстве, и на юге, в королевстве Обеих Сицилий. Их подавили, на помощь монархам прислала войска Австрия. Но тем самым итальянцев ссорили с австрийцами. Народ стал воспринимать их как оккупантов. А Англия выступала поборницей итальянских «свобод».

Было бы просто парадоксально, если бы аналогичные технологии британцы не использовали против соперницы – России. А дух либеральных реформ Александра создал для этого подходящую почву. В нашей стране плодились тайные организации с масонской подкладкой: «Орден русских рыцарей», «Священная артель», «Семеновская артель», кружок Раевского. В 1816 г. они объединились в «Союз спасения», целившийся установить конституционную монархию. Самые горячие доказывали, что царя вообще необходимо убить.

Из-за этого переругались, постановили распустить «Союз спасения», но при этом активисты отмежевались от нерешительных, создали «Военное общество», в 1818 г. преобразованное в «Союз благоденствия». Для маскировки он провозглашал «помощь правительству» в делах «просвещения», но целью видел установление республики.

В 1820 г. вдруг взбунтовался Семеновский полк. Причиной стала чрезмерная строгость нового командира Шварца. Но вызвана она была тем, что либеральные офицеры, разболтавшись сами, совершенно распустили солдат. И даже во время стихийного бунта часть офицеров уклонилась от исполнения своего долга. Были отмечены брожение и волнения в других гвардейских частях, кто-то попытался распространять прокламации.

Царь соотнес мятеж с другими событиями того же самого 1820 г. – революциями в Испании, Италии. Расследование вспугнуло заговорщиков. Они быстренько «самораспустили» «Союз благоденствия», затаились и создали два новых общества, «Северное» и «Южное». О них все равно узнали. Доклады царю представили Аракчеев, командир гвардейского корпуса Васильчиков и его начальник штаба Бенкендорф. Но Александр, ознакомившись, сказал, что он сам «поощрял эти мечты и эти заблуждения». Вздохнул: «Не мне подобает быть строгим». Он не считал себя вправе карать других за то, в чем был грешен сам.

Однако добавилась и международная провокация. В Греции национально-освободительная борьба назревала давно. Но западные режиссеры продумали операцию хитро. Масонская революционная организация «Филики Этерия» («Дружеское

общество») базировалась в России. В 1821 г. генерал Ипсиланти с отрядом греков, состоявших на русской службе, перешел границу Османской империи и призвал к восстанию. До Греции отряд не добрался, почти все погибли. Но турки разъярились, принялись мстить православным, в Константинополе повесили патриарха и троих митрополитов. После этого восстание действительно разгорелось. Царь прервал с Турцией дипломатические отношения, намеревался помочь грекам.

И тут-то завопила европейская пресса – восстание устроили русские, чтобы захватить Константинополь. Александра I Англия и Франция ткнули носом в его же собственные принципы Священного Союза: греки выступили против своего законного монарха. Значит, это революция. При таком раскладе государя убедили, что вмешиваться нельзя. Но финансировать восстание стали Англия и Франция, раскрутили симпатии к грекам, слали деньги, оружие, добровольцев. А попутно подрывали на Балканах российское влияние и внедряли собственное. Внушали грекам, сербам, болгарам, валахам: царь предает православных на расправу султану, ваши настоящие друзья – в Лондоне и Париже.

Для Александра этот международный скандал стал еще одним сигналом опасности либерального курса. В 1822 г. он издал указ о запрете любых тайных организаций, в том числе масонских лож. Да, императору многое приходилось переосмысливать. Этим пользовалась партия Аракчеева, защищая Церковь. Удалось разгромить столичные секты скопцов, убрать от двора «пророчицу» Криденер, Кошелева. Царя и его супругу свели с ярким подвижником архимандритом Фотием (Спасским), открывшим им глаза, что Православие в серьезной опасности и разрушение веры напрямую связано с усилиями по разрушению монархии.

Обнаглевшие религиозные реформаторы и сами подставились. В 1823 г. один из директоров Библейского общества Госснер выпустил книгу откровенно еретического содержания, хаявшую Православие. После экспертизы автора выслали из России, всех причастных к изданию отдали под суд, Голицын слетел с должности Министра духовных дел и народного просвещения. Деятельность Библейского общества была приостановлена. Но для царя его переосмысления оборачивались очередными душевными травмами. Его благие инициативы приносили совсем не благие результаты. Он с юных лет горел либеральными идеями – а на этих же идеях плодились смутьяны. Он считал великим достижением «сближение христиан» разных конфессий. Но и это получалось совсем не добрым, не богоугодным! Значит, Господь все-таки не

благословляет его царствование, вылившееся в череду ошибок?

Александр надломился. Задумывался об отречении. Весной 1825 г. в порыве чувств сказал об этом гостю и другу, принцу Оранскому. Тот был в шоке, но переубедить государя не смог [2, с. 81–82]. А Россия уже находилась на пороховой бочке, зрело сразу несколько заговоров! «Северное общество», «Южное общество», «Практический союз», «Тайное общество грузинских дворян», в Польше «Практическое общество» контролировало значительную часть польской армии, вело активную работу и среди русских офицеров, организовав «Общество соединенных славян», примкнувшее к «Южному обществу».

Декабристов нередко представляют благородными патриотами-идеалистами, мечтавшими о «передовой» России по западным образцам. Факты показывают обратное. Они были такими же, как все последующие революционеры. Коварными, лживыми, циничными. Главным было захватить власть. А программные документы являлись пустыми декларациями, помогающими вербовать соучастников. Нижних чинов вообще не считали за полноценных людей, вовлекали откровенной ложью. Пестель слыл в армии одним из самых жестоких офицеров, запарывал солдат и считал: они должны безоговорочно идти за командиром. Что касается конституции, то в окружении Александра ее проекты обсуждали до 1820 г. Но от будущих мятежников ни одного предложения не подавалось. И ни один из них, ратуя за отмену крепостного права, не воспользовался указом 1803 г. о вольных хлебопашцах, не освободил собственных крестьян [6].

Если разобрать «патриотизм» заговорщиков, то они были связаны с «Тайным обществом грузинских дворян», ставившим целью отделить Грузию от России и передать Персии. Пестель лично вел переговоры с представителем польского «Патриотического общества» князем Яблоновским. Условились действовать совместно, и полякам были обещаны независимость, возвращение Литвы, Белоруссии, не только Правобережной, а даже Левобережной Украины, отошедшей к России во времена Богдана Хмельницкого [7]! «Северное» и «Южное общества» планировали после победы сдачу позиций на Балтике с переносом столицы в Нижний Новгород. Предполагалось и расчленение России, превращение в конфедерацию самоуправляемых областей.

Угроза усугублялась тем, что либеральными веяниями была заражена значительная часть высокопоставленных военных и членов правительства. У революционеров имелись сильные покровители. Так, лидера «Северного общества» Рылеева опекали

адмирал Мордвинов – член Государственного совета и поклонник Англии, приближенный царя Сперанский, устроили Рылеева начальником канцелярии Российско-американской компании, превратившейся в гнездо революционеров [8]. Впрочем, и представления о декабристах как о сугубо внутреннем явлении – не более чем легенда. Позже на следствии прозвучали показания об их контактах с эмиссарами ордена иллюминатов, было доказано взаимодействие с поляками, через которых поддерживались связи с радикальными масонскими структурами Запада [9].

Англичане с их интересом к Кавказу использовали грузинских сепаратистов – их лидер, царевич Александр, жил в Персии, собирал отряды из эмигрантов, и в рейдах на российскую территорию его сопровождал британский офицер-советник Уильям Монтейт, оставивший записки об этих вылазках. А заговор самих декабристов курировал британский посол Чарльз Стрэтфорд Каннинг [10], двоюродный брат премьер-министра Джорджа Каннинга, член королевского Тайного совета и правая рука лорда Палмерстона, главного русофоба в британской верхушке и одного из главных режиссеров политики «поддержки за границей либеральных течений», т. е. экспорта революций.

Каннинг не был в России постоянным послом. В 1824 г. он прибыл в ранге посла на переговоры о разграничении владений в Америке – между Российско-американской компанией, английской компанией Гудзонова залива, действовавшей в Канаде, и Соединенными Штатами. Причем США с русскими очень быстро подписали договор, а Каннинг задержался. Переговоры велись в управлении Российско-американской компании, где канцелярию возглавлял Рылеев, с Каннингом он общался постоянно. Здесь нередко собирались и другие члены «Северного общества». В феврале 1825 г. договор наконец-то подписали, и Каннинг отправился в Лондон. Но поехал кружным путем, через Варшаву. Туда к нему специально приезжал делегат от «Южного общества» Княжевич [9]. Очевидно, посол пообщался и с польскими заговорщиками.

В результате российские революционеры и поляки согласовали план совместного восстания с убийством царя. Оно было назначено на 12 марта 1826 г., в 25-ю годовщину восшествия Александра I на престол. План был продуман очень коварно и квалифицированно! Празднества, парады с перемещениями войск. Но это был юбилей не только царствования, а еще и убийства Павла I! Напомним, организованного англичанами. Делалась ставка на психологический фактор! В юбилей, принимая поздравления,

государь будет особенно остро вспоминать 12 марта 1801 г. Решится ли он в такой момент сопротивляться мятежу? Скорее, падет духом. Воспримет как закономерное воздаяние…

Но вмешался Сам Господь. По официальной версии, царь поехал с больной женой отдохнуть в Таганрог, внезапно расхворался и 19 ноября 1825 г. скончался. Хотя есть и неофициальная версия – она подкрепляется многими фактами, ее подтверждал святой провидец старец Николай (Гурьянов). Александру I поступили новые сведения, в полной мере раскрывавшие картину заговора, подтолкнув его решение оставить престол. Добавилась трагическая гибель фельдъегеря Маскова, внешне похожего на государя, – и император исчез, ушел на покаяние в облике смиренного старца Федора Кузьмича. Его приближенные, знавшие истину, сразу начали решительные действия, полетели приказы об арестах в «Южном обществе».

Однако наложилась и путаница с наследованием престола. Отречение Константина держалось в секрете, об этом знали единицы. Войска, чиновники стали приносить присягу ему – и первым Николай Павлович в надежде все-таки уклониться от короны. Далеко не сразу, 12 декабря, в Петербурге получили из Варшавы от Константина категорический отказ менять ранее принятое решение. И в этот же день из Таганрога начальник Главного штаба Дибич прислал ошеломляющий доклад о заговоре. Николаю Павловичу приходилось брать на себя власть – и одновременно спасать ее и Россию. Обнародование Манифестов Александра I о наследовании, нового императора о восшествии на престол и присягу ему назначили на 14 декабря.

Но заговорщики были и во дворце, в гвардейских караулах, отслеживали совещания, разговоры. Их предводители выбрали для восстания как раз день «переприсяги». Солдат обманывали, что Константин не отрекался, и узурпатор Николай арестовал его. Добавили ложь о завещании Александра I сократить срок службы солдат до 15 лет, повысить жалованье. Решили взбунтовать гвардию, вести к Сенату, сорвать его присягу и заставить утвердить конституцию, передать власть временному революционному правительству во главе с адмиралом Мордвиновым. А царскую семью арестовать или убить.

Утром 14 декабря сановники стали съезжаться в Зимний дворец. К центру города стекался народ. И вдруг посыпались известия о мятеже. Революционеры сумели ложью поднять часть лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков, Гвардейский флотский экипаж, захватили Сенатскую площадь. Были беспорядки и волнения в других частях. Николай Павлович как был, в парадном мундире, ринулся руководить схваткой. Всех, кто

при нем был, разослал собирать верные войска. А адъютанта Адлерберга отправил в Аничков дворец – там жила его собственная семья, она еще даже не переехала в Зимний. Аничков вообще не охранялся, там оставались семилетний Саша, его сестры Маша, Оля, полугодовалая Саша, они могли попасть в руки злодеев.

Николай Павлович говорил с массой людей, собравшейся на Дворцовой площади. Встретил первых пришедших к нему воинов – батальон преображенцев. А когда отдавал им команды, к Зимнему дворцу окольными улицами, со стороны Невы подкатила простая извозничья карета. Адлерберг и Мердер тайно, не привлекая внимание, привезли царских детей. Их старались не напугать, улыбались, как-то выкручиваясь на вопросы. А сами держали наготове пистолеты, готовые отдать жизни за них.

Однако и в Зимнем обстановка была взвинченная. Детишек как-то отвлекали, но разве они не могли не чувствовать, что взрослые находятся в страшном напряжении? Бледная мать истово молилась: «Услыши меня, Господи, в моей величайшей нужде…» И сына привлекала, вместе становились на колени [11]. Отец ушел куда-то, а со стороны Сенатской доносилась пальба. Мятежники лупили из ружей, когда показывались правительственные войска, по царю и его свите. Многие бунтующие солдаты были пьяны, их нестройное каре обрастало возбудившейся чернью. При попытках уговаривать их был смертельно ранен Милорадович, убит полковник Стюрлер. Хватало и других жертв.

А во дворце жили самыми противоречивыми слухами. Кто-то сеял панику, что «полки отпадают один за другим». Привезли вдруг распоряжение готовить эвакуацию. Потом отменили. Кидались к окнам, видя то промчавшуюся конницу, то ворвавшуюся во двор толпу солдат. Лишь позже узнали, что это и была реальная опасность: поручик Панов с несколькими ротами Гренадерского полка загорелся захватить дворец, взять в заложники царскую семью или перебить ее. Но буквально перед носом у них охранять Зимний пришел Лейб-гвардии Саперный батальон, лично преданный Николаю Павловичу. Наткнувшись на саперов, бунтовщики повернули прочь – и на них нарвался сам царь. Он как раз ехал ко дворцу, проверить, прибыла ли охрана. Спасли Господь и железное самообладание. На крики «мы за Константина!» Николай спокойно пожал плечами: «Когда так – то вот ваша дорога». Приказал сопровождающим, чтобы их пропустили на Сенатскую.

А короткий зимний день кончался, смеркалось. Революционеры после провала своих планов ждали темноты –

растечься по городу, поднимать чернь, слать гонцов в военные поселения. Но гулко шарахнул выстрел орудия. Второй, третий, четвертый… Когда зависла тишина, во дворце появился Адлерберг с известием от царя: все кончено. Николая Павловича не было еще долго. Он распределял войска для патрулирования, оцеплений, поисков разбежавшихся смутьянов. Жена с сыном встретили его на дворцовой лестнице – и что-то в нем изменилось. В нем появилась и как бы сконцентрировалась – власть. Уходил муж и отец. А вернулся царь.

У Саши напряжение тоже сказалось, он расплакался. Отец пристыдил его и вывел во двор, к Саперному батальону. Сказал: «Я не нуждаюсь в защите, но его я вверяю вашей охране». Старые солдаты обнимали и целовали мальчика, кричали «ура». Потом был молебен – назначенный на 11 часов, начался в 19. Царская чета даже не успела переодеться, она в утреннем платье, он в измятом парадном мундире, не ел весь день. Но торжественно звучало многолетие «благочестивейшему императору Всероссийскому Николаю Павловичу». Рядом молились и дети. За впечатлениями тяжелого сумбурного дня Саша вряд ли прочувствовал, что его статус тоже повысился. Он стал наследником престола.

Глава 3. Становление цесаревича

Большой каскад фонтанов в Петергофе – его штурмовал юный наследник Александр с кадетами

«Южное общество» успели вовремя обезглавить, и революция тем выплеснулась лишь мятежом и пьяными погромами Черниговского полка, разбитого в единственном бою. Невзирая на тяжесть преступления, следствие было более чем мягким. Виновность высокопоставленных лиц, на которых имелись серьезные подозрения, – Сперанского, Мордвинова и др. – сочли недоказанной, они остались при своих чинах и должностях. Бунтовавших солдат отправили воевать на Кавказ. Из дворян-заговорщиков под следствие попали 579, но к суду привлекли лишь 287. И даже из них 149 отделались высылками и служебными взысканиями. Из 36 приговоренных к смертной казни царь помиловал 31. 120 человек были осуждены на различные сроки каторги и ссылки, 12 – к сдаче в солдаты.

Николай I проявил поразительное милосердие. Семьи осужденных получили государственную помощь, пенсии. Их детей принимали в учебные заведения на казенный счет. Для каторжников были созданы льготные условия, отдельно от уголовников, умеренная работа «3 часа утром и 2 часа пополудни», ко многим приехали жены с вереницами прислуги. Им устроили удобные домики, семейных поселили с женами.

Регулярно привозили русские и иностранные газеты, журналы, во всех местах заключения были большие библиотеки. И сразу же декабристы начали писать царю слезливые прошения о помиловании!

По результатам следствия прокатились аресты и в Польше. Но… из-за ее автономии местных заговорщиков передали на суд польского сейма. Он не признал деятельность «Патриотического общества» государственной изменой, и всех освободили, они занялись подготовкой к новому восстанию. Но ведь и российская верхушка оставалась пронизанной западничеством, масонством, либерализмом. Хотя одни сторонники радикальных реформ после разгрома декабристов поджали хвосты, другие сами ужаснулись, осознав, что страна побывала на краю пропасти.

Масон Василий Жуковский писал собрату по «вольным каменщикам» Андрею Тургеневу: «Провидение сохранило Россию… Какой день был для нас 14-го числа! В этот день все было на краю погибели… Преступные злодеи, которые хотели с такой свирепостью зарезать Россию» [12]. Впрочем, он быстро отошел от пережитых страхов. В последующих письмах к друзьям перешел на намеки, сравнивая восстание с «грозой после зноя», которую давно ждали, потому что «поля были изнурены засухой». Теперь же надо «воспользоваться благотворением грозы, чтобы удобрить заброшенную ниву».

Но и Николай I анализировал случившееся, извлекая уроки. Своей железной волей он сумел жестко подчинить сотрудников самых различных политических пристрастий, не допуская шатаний и нацеливая их способности в русло государственной пользы. Министру внутренних дел предписал повторно взять от всех дворян и чиновников подписку о неучастии в тайных обществах. Те, кто состояли раньше, должны были сообщить название и цели организации. Признание освобождало от ответственности, сокрытие приравнивалось к государственному преступлению. Был введен (временно) очень строгий Цензурный устав. Царь запретил и сомнительные эксперименты по переводам Священного Писания.

Но он осознавал и реальные непорядки в России, на которых играли революционеры, и одной из главных причин видел несовершенное законодательство. Многие законы и указы устарели, противоречили друг другу, создавая почву для злоупотреблений. Император решил провести полную кодификацию права, создал для этого II Отделение Собственной Его Величества канцелярии, возглавил его ректор Петербургского университета Балугьянский, а основная работа была возложена на Сперанского.

Заговор выявил и слабость политического сыска. Им занималась Особая канцелярия при Министерстве внутренних дел. Царь преобразовал ее в III Отделение Собственной Его Величества канцелярии. Начальником поставил Бенкендорфа, учредив для него и новую должность шефа жандармов. В штат III Отделения сперва входило всего 16 офицеров и чиновников, а задачи перед ним ставились очень широкие. Политический сыск, секты, дела фальшивомонетчиков, цензура, надзор за теми или иными лицами, контрразведка.

Царь передал в ведение III Отделения и злоупотребления должностных лиц, факты жестокого обращения с крепостными, надзор за нравственностью молодежи, даже помощь бедным чиновникам и офицерам. Но и полномочия сотрудники Бенкендорфа получили очень большие. Любые начальники и ведомства должны были выполнять их требования. По сути, это был орган личного надзора государя. На вопрос Бенкендорфа об инструкциях Николай I дал ему платок: «Вот твоя инструкция, чем более утрешь им слез несчастных, тем лучше исполнишь свое назначение».

В августе 1826 г. весь двор, гвардия, цвет знати отправились на коронацию в Москву. Со времени рождения Саши следы бедствий залечились, Первопрестольная снова расцвела. Конечно же, наследнику запала в душу величественная церемония венчания отца на царство в Успенском соборе. Он и сам в гусарском мундирчике в чине корнета браво гарцевал на параде лейб-гвардии. Салюты, перезвон колоколов, вереница торжеств, приемов, обедов, балов, маскарадов.

Но Саше исполнилось 8 лет – следовало приниматься за учебу. У него появился еще один наставник – Василий Жуковский. По тем временам первый по рангу поэт России, да и к царской семье давно был близок. Хотя у него пошатнулось здоровье, он уехал лечиться за границу. Однако и там он стал готовиться к ответственной миссии. За основу взял модную систему швейцарского педагога Песталоцци, предполагавшую одновременное развитие всех задатков личности – интеллектуальных, физических, нравственных. Жуковский писал царю, что наследнику «нужно быть не ученым, а просвещенным. Просвещение должно ознакомить его со всем тем, что в его время необходимо для общего блага… Просвещение в истинном смысле есть многообъемлющее знание, соединенное с нравственностью» [3, с. 41]. Здесь мы видим как раз масонское понятие «просвещения» как пути к светлому будущему – а уж тем более через «просвещение» будущего государя.

Жуковский составил план обучения. С 8 до 13 лет –

«приготовление к путешествию», освоение изначальной базы знаний. С 13 до 18 лет – само «путешествие» по миру наук. С 18 до 20 лет – «окончание путешествия» – закрепление полученных знаний, специальные дисциплины, необходимые для монарха. Николай I в целом одобрил программу. Внес лишь одну правку, потребовал выбросить изучение латыни и древнегреческого, которыми его самого замучили в детстве – в жизни это оказывалось абсолютно не нужным.

Хотя и со стороны Жуковского возникли неутыки с воззрениями царя. Узнав за границей об участии наследника в московском параде, он встревожился. Пытался действовать через императрицу, писал ей: «Эпизод этот совершенно лишний в прекрасной поэме, над которой мы трудимся… Эти воинственные игрушки не испортят ли в нем того, что должно быть первым его назначением? Должен ли он быть только воином, действовать в сжатом горизонте генерала? Когда же будут у нас законодатели? Когда же будут смотреть с уважением на истинные нужды народа, на законы, просвещение, нравственность?.. Страсть к военному делу стеснит его душу, он привыкнет видеть в народе только полк, а в отечестве – казарму» [4, с. 81]. Настаивал, что военные занятия должны стать второстепенными.

Но в данном отношении Николай I был тверд. Требовал, чтобы из наследника вышел «военный в душе» – такой же, как отец, «без чего он будет потерян в нашем веке». Ну а Жуковский не случайно был успешным царедворцем. Он мгновенно переориентировался, даже предложил создать Саше «потешный полк» из 100–200 юных дворян. Такую идею государь отверг. Вместо этого зачислил наследника в 1-й кадетский корпус (номинально). А для того, чтобы в играх и учебе у него были товарищи, выбрал двоих сверстников, Иосифа Вильегорского и Александра Паткуля. Поляка и прибалтийского немца, мальчик должен был привыкнуть, что это тоже «его» народы.

От общей ответственности за подготовку наследника Жуковский умело уклонился. Настоял, кроме него и Мердера, назначить главного воспитателя, генерал-лейтенанта Ушакова. Через него было удобнее общаться с царем, однако его роль стала чисто номинальной, а реальное руководство обучением прибрал Жуковский. Начались занятия по арифметике, рисованию, сразу нескольким языкам: немецкому, французскому, английскому, потом добавился польский. Не забывали и танцы, музыку, гимнастические упражнения, военное дело.

Жуковский взялся преподавать русскую словесность и историю. Он же подбирал других преподавателей. И не все фигуры были однозначными. Так, учителем «отечествоведения»

стал статистик и географ Арсеньев – он состоял в ложе «Избранного Михаила», и его уже увольняли из университета «за безбожие и революционные мысли» (тогда по ходатайству Жуковского за него заступился великий князь Николай Павлович, взял преподавать в Инженерное училище). А учить Закону Божьему был назначен протоиерей Герасим Павский – доктор богословия, профессор Духовной академии и Петербургского университета. Он был из кадров Голицына, активистом Библейского общества, занимался переводами Священного Писания на русский, но Евангелие и православные догматы толковал весьма вольно.

Для Саши и его товарищей был установлен строгий распорядок. В 6 утра подъем, с 7 до 12 – занятия с часовым перерывом, с 12 до 14 – прогулка, после обеда снова занятия с 15 до 17 часов, с 19 до 20 – гимнастика и подвижные игры, в 22.00 – отбой. Даже прогулки включались в процесс воспитания – по распорядку Жуковского дети «обозревали» научные, исторические, промышленные объекты с соответствующими беседами.

Дважды в год сдавали экзамены, и Мердер с Жуковским придумали «воспитательную» систему поощрения. За высшие баллы воспитанникам давали деньги, и дети их жертвовали в собственную благотворительную кассу – внушалось, что «право делать добро является величайшей наградой». Саша рос умным, трудолюбивым, сильным, добрым. Упав однажды с лошади и сильно разбившись, не плакал, старался улыбаться. Отец внимательно следил за его учебой, сам бывал на экзаменах и писал Жуковскому: «Мне приятно сказать вам, что я не ожидал найти в сыне моем таких успехов. Все у него идет ровно, все, что он знает, знает хорошо, благодаря вашей методе и ревности учителей».

Наставники отмечали и отрицательные черты: вспышки вспыльчивости, невыдержанности, – хотя он быстро отходил. Тревожили их и приступы хандры, апатии. Особенно когда он сталкивался с задачей, которую не мог решить. Замыкался в себе, ни на что не реагируя. Возможно, это была реакция мальчика на постоянное давление – и родители, и воспитатели непрерывно поучали, что он обязан быть образцом, примером для других. Не случайно он в один из периодов «хандры» сказал, что «не хотел бы родиться великим князем». Но ведь уже родился. А отец наставлял, что царская семья себе не принадлежит. Ее долг – отдавать себя служению Богу и Отечеству. Он повторял детям: «Всякий из вас должен всегда помнить, что только своей жизнью может искупить происхождение великого князя». Вникнуть в

такое, привыкать с младых лет было совсем не просто.

Помогали как раз военные занятия – они по самой сути диктовали служение. Отдушиной становились и летние каникулы в загородных резиденциях. Там свободы было больше. В Царском Селе Николай Павлович подарил сыну с Вильегорским и Паткулем остров на пруду, заросший кустарником. Они сами плавали туда на лодке, соорудили домик, построили подобие крепости. Штурмовали и обороняли ее с гостями-детьми. Таких гостей из знатных семей приглашали и в Зимний дворец по воскресеньям, праздникам. Самыми любимыми у них становились военные игры. Особенно если мог присоединиться отец-император. Государыня бросала жребий, на чьей стороне он будет «начальником штаба», – у детей это вызывало бурный восторг.

Кстати, увлечения игрой в «войнушку» были вполне закономерными, как и слова царя, что наследник должен быть «военным в душе». Россия сражалась то с одним, то с другим неприятелем. Англичане возбудили Персию, она в 1826 г. двинула бесчисленную армию на Закавказье – а в Тифлисе ее ждали изменники из грузинского тайного общества, в Гяндже заговорщики перерезали русский гарнизон. Но совсем небольшие силы царских войск вдребезги разбили персов, они взмолились о мире. Россия присоединила Армению – Эриванское и Нахичеванское ханства, большой участок Каспийского побережья. Особенно отличились в этих схватках казаки, они и награду получили особенную. Николай I принял их как бы под свое семейное покровительство, назначил Сашу Августейшим атаманом всех Казачьих Войск. Это стало традицией, отныне наследники престола становились Августейшими атаманами.

Николай Павлович раскусил и подоплеку западных интриг на Балканах. Активно вмешался, требуя от Англии и Франции совместно прекратить бесчинства турецких карателей над греками. Конвенцию заключили очень неопределенную, западные партнеры уклонились от решительных обязательств. Выслали лишь эскадры для совместного патрулирования. Но когда султан отверг международные условия и продолжил карательные операции, русские моряки подтолкнули англичан и французов прекратить резню силовыми мерами. Грянула Наваринская битва, уничтожившая турецкий флот.

В Англии схватились за головы, король кисло констатировал, что адмиралу Кодрингтону придется дать орден, хотя он заслуживает веревки. А взбешенный султан хорошо представлял, чьими усилиями получил такой «подарок». Объявил войну не англичанам и французам, только русским. В сражениях с турками поучаствовал и детский «начальник штаба», Николай Павлович.

Руководил войсками при взятии крепости Исакча, осаде неприступной Варны. Себя не щадил, появлялся в опасных местах.

Русские побеждали и на Кавказе, взяли Карс, Эрзерум. А армия Дибича, разгромив полчища великого визиря, прорвалась за Балканы, шла прямо на Константинополь. В результате был заключен Адрианопольский мир – к России отошли черноморское побережье с городами Анапой и Поти, дельта Дуная. Фактически освободились от турецкой власти, получив автономию, Греция, Сербия, Валахия, Молдавия. Это были детские впечатления наследника: молебны, колокольный звон и салюты в честь побед. Приезжавшие с фронтов герои, разговоры о спасении единоверцев…

Саша пережил и первое большое горе. Когда отец еще не вернулся с войны, умерла бабушка, Мария Федоровна. Она стала и очередным примером делания добра. Осиротели не только внуки, а многочисленные «мариинские» благотворительные учреждения, которые она опекала: сиротские дома, больницы, школы. Чтобы управлять всем этим хозяйством, царю пришлось создать новое, IV Отделение Собственной Его Величества канцелярии, его называли «ведомством учреждений императрицы Марии».

В 1829 г. занятия завершились раньше, чем обычно, в апреле. Отец ехал в Варшаву, короноваться польской короной, как было обещано по автономной конституции. Сопровождала его вся семья, не зная, что над ней нависла смертельная угроза. Ездили в открытых колясках по улицам, переполненным радостной публикой, посещали балы, театры, гуляли по городу. Свободно подходили желающие, передавали прошения. А заговорщики из Патриотического общества готовились убить государя вместе с женой и наследником – что стало бы сигналом к восстанию. Но в атмосфере общей доброжелательности и праздника отказались от покушения, чтобы не подорвать собственную репутацию [13, с. 158–159]. Саша уже второй раз за свою короткую жизнь побывал мишенью убийц.

Из Варшавы заехали в Берлин к родственникам матери. Дедушка, король Фридрих Вильгельм, назначил Сашу шефом прусского уланского полка, преподнес очередной красивый мундирчик, и на парадах в Берлине наследник смог блеснуть своей выучкой, покомандовать по-немецки. Но яркие впечатления от заграницы не вскружили ему голову, в отличие от многих его современников, не заслонили привязанность к родному, русскому. При возвращении он не скрывал волнения и радости. Обнимал и целовал сопровождающих: «Наконец я дома!»

А отец почти сразу после приезда отправил его на кадетские

лагерные сборы в Петергофе. Жесткая кровать, простая пища, учения, упражнения. Всем начальникам наследник должен был повиноваться и отдавать честь наравне с другими кадетами. Впрочем, с ними занимался и царь, а учения иногда превращал в захватывающую игру. Однажды собрал кадет у главного фонтана «Самсон» – и по команде они с криками «ура» бросились штурмовать, барахтаясь в воде и взбираясь наверх прямо по каскаду фонтанов. Там ждала императрица, первым вручала призы.

Программа обучения Саши и его товарищей дополнялась новыми предметами. Естественная история (так обозначали биологию), химия, всеобщая история – ее доктор Берлинского университета Липман читал на французском языке, ученики уже знали его в совершенстве. Фехтование, геометрия, фортификация, артиллерия, физика. Вывозили и на концерты, в оперу, драматический театр – это направление курировала мать. Чтобы полнее раскрыть способности воспитанников, по предложению Жуковского они стали издавать рукописный журнал «Муравейник».

На каникулах у мальчиков появилось новое увлечение, охота. Пока еще не на крупного зверя, а на уток, зайцев – Саша стрелял снайперски. Отец его повысил в чине до ротмистра. На следующих кадетских сборах он командовал взводом сверстников. Но субординацию и дисциплину должен был соблюдать неукоснительно. Однажды окрысился на замечание Мердера, нагрубил. Царь, узнав об этом, объявил Саше: «Уходи! Ты недостоин подойти ко мне после такого поведения. Ты забыл, что повиновение есть долг священный». Наложил взыскание: если повторится непослушание, лишить права надевать мундир по воскресеньям. Не повторилось.

А в 1830 г. Россию поразили засуха и эпидемия холеры. Страхи, панические слухи, карантины, нарушившие торговлю и снабжение, вызвали бунты в Севастополе, Тамбове. Холера парализовала и Москву – но в эпицентр смертоносной заразы приехал император. Ободрил людей своим присутствием, молился с ними в Успенском соборе. Лично руководил противоэмидемическими мерами. Москвичи превозносили царя, готового жертвовать собой ради подданных, восхищенный Пушкин посвятил ему стихотворение «Герой».

А Европу сотрясло другое бедствие – революции. Ниточки опять тянулись из Англии. Во Франции король Карл X резко изменил политический курс, решил дружить с Россией, заключить союз. И его свергли. Сам принцип легитимной власти по праву наследования был упразднен. Короля стал выбирать

парламент, посадил на трон Луи Филиппа, вернувшегося в антироссийский альянс с Англией, ввел широчайшие либеральные «свободы». Следом полыхнуло в Бельгии – она вдруг вздумала отделиться от Нидерландов, хотя до сих пор никаких трений между ними не было. Но была порушена экономика британских конкурентов, королем Бельгии выбрали герцога Саксен-Кобургского Леопольда, жившего в Лондоне, и само новое государство попало под покровительство Англии.

А европейские революции, надежды на помощь Запада, холера и бунты в России вдохновили заговорщиков в Польше. В ноябре она взорвалась восстанием, охватившим и Литву. Польские и литовские помещики развернули партизанскую войну в Белоруссии. Да, Запад в стороне не остался. Англия и Франция начали поставлять полякам оружие, раздували симпатии к ним в прессе. При этом рушили светлый ореол освободительницы, которым до сих пор пользовалась Россия, – реанимировали старый образ средоточия деспотизма, угрозы «цивилизованной Европе». А британские и французские дипломаты полезли с посредничеством в «урегулировании конфликта».

Царь их «услуги» отверг. Охарактеризовал восстание «гнусным предательством» и сугубо внутренним делом России. Но поляки сформировали 150-тысячную армию. Бои завязались трудные и жестокие. А 12-летнему Саше было о чем подумать. Почему поляки, всего полтора года назад такие радушные, гостеприимные, превратились вдруг во врагов? Зверски убивают русских, и даже своих генералов, сановников, оценивших благородство России, налаживавших с ней нормальные отношения, – многих из этих жертв наследник видел в Варшаве.

Хотя польские смутьяны опять оказались связаны с русскими. В разгар сражений в Москве арестовали студенческую организацию чиновника Сунгурова, 26 человек. Обсуждались восстание, цареубийство, установление республики. Время было военное, и военный суд Московского округа вынес 12 смертных приговоров. Правда, революционеры не успели ничего натворить, и царь всех помиловал. Лишь двое руководителей отправились пожизненно на каторгу, 6 человек были отданы в солдаты, остальные отделались ссылками в имения или были освобождены под надзор полиции.

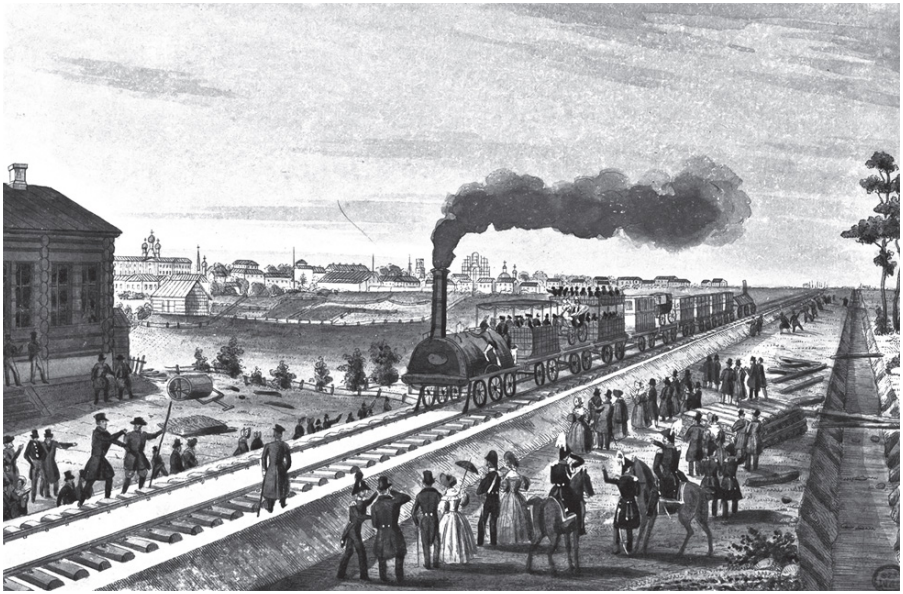
Но и холера продолжалась, в 1831 г. добралась до Петербурга. Из-за карантина на несколько месяцев прекратились занятия у наследника. А в столице, похоже, поработали еще и агенты поляков или их «друзей». Распустили слухи об «отравителях», будто доктора и полиция специально губят людей. Народ взбунтовался, на Сенной площади разнес центральную

холерную больницу, перебив лекарей и полицейских. И снова ярко проявил себя государь. Примчавшись на коляске, въехал один в буйную толпу, крикнул громовым голосом: «Православные, что вы делаете? Забыли Бога, забыли обязанности ваши и производите беспорядки! На колени!» Один усмирил мятеж собственной волей и авторитетом. Масса людей повиновалась, рухнула перед ним, стала молиться.

Взбунтовались и военные поселения вокруг Старой Руссы, там пришлось подавлять войсками. Однако поляков не спасли ни эпидемия, ни иностранная поддержка. 26 августа 1831 г. после кровопролитного штурма Варшавы переругавшийся между собой революционный сейм капитулировал. К побежденным Николай I отнесся с редким великодушием. Никаких репрессий не было. Пленных, взятых в боях, распределяли служить по русским войскам. А тех, кто сдался, распускали. Даже арестованных руководителей восстания вскоре выслали за рубеж. Чтобы не допустить голода в разоренной стране, туда отправили запасы хлеба, гурты скота – нуждающимся продовольствие раздавали бесплатно.

Но саму Польшу за коварство и неблагодарность Николай наказал. Ее конституцию упразднил, Царство Польское становилось нераздельной частью России, лишалось сейма, собственной армии и валюты. Не ценили дарованную автономию – живите без нее. Варшавский и Виленский университеты, превратившиеся в эпицентры революции, были закрыты. А царские дети и их товарищи читали гремевшие по всей стране стихотворения Пушкина, посвященные этой победе: «Клеветникам России», «Бородинская годовщина». При этом Саша получил и новый титул. Со времен Александра I «цесаревичем», как официально величали наследника, значился Константин Павлович. От трона он отрекся, но обижать старшего брата и лишать титула Николай I не стал. Теперь Константин, сбежавший от восстания, умер от холеры, и 3 сентября в волне указов о победных наградах отец повелел именовать Сашу «государем наследником, цесаревичем и великим князем».

Глава 4. Крепостное наследство



Царскосельская железная дорога

Противопоставление Жуковским с его либеральным пацифизмом государя-воина законодателю и попечителю о народных нуждах было совершенно неправомочным. Тут уж он явно забыл Ивана Великого, Ивана Грозного, Петра I, отлично сочетавших в себе эти качества. Таким был и Николай I. Необходимость преобразований он осознавал гораздо глубже, чем революционеры, спекулировавшие на них. Даже во время следствия над декабристами специально собрал и внимательно изучал мнения мятежников о недостатках в государстве, предложениях реформ.

В первую очередь это касалось крепостного права. Причем юридически оно зиждилось «на песке». Введенное позже, чем на Западе, в 1592 г., изначально оно означало только запрет для крестьян уходить от одного землевладельца к другому. Но вся земля принадлежала государю, который и жаловал ее в потомственное владение (вотчины), а большинству дворян давал временно, как плату за службу (поместья). Такой порядок узаконило Соборное уложение царя Алексея Михайловича в 1649 г. Оно тоже лишь прикрепило крестьян к хозяйству! Продавать их, отбирать их наделы и имущество запрещалось – «крещеных людей никому продавати не велено» [14].

В конце XVII в. Федор Алексеевич и Софья внедрили в России

польские порядки, дворян стали называть «шляхетством», простонародье – «подлым людом». Но и при Петре I розничной торговли крестьянами еще не было. Хотя он уравнял поместья с наследственными вотчинами, превратив их в собственность дворян – за это установил для них пожизненную службу. Стал приписывать государственных крестьян целыми деревнями к заводам – и они тоже становились зависимыми. А незадолго до смерти, в 1724 г., Петр ввел «подушную подать», всеобщий налог на армию и флот. С крепостных ее собирал помещик, платил государству по количеству «душ». Отсюда утверждалось представление, что и «души» – его собственность.

В последующие годы безалаберным Петром II рулили аристократы, снова брали за образец Польшу с ее «свободами» для магнатов. А там крепостное право было суровым – и тут-то пошла торговля крепостными. Но без всяких законов, «явочным порядком». Первый законодательный акт по данному вопросу появился лищь при Елизавете. В 1746 г. указ Сената определил, что владеть крепостными могут только дворяне: «Впредь купечеству, архиерейским и монастырским слугам, и боярским людям и крепостным, и написанным ко купечеству и в цех, такоже казакам и ямщикам и разным разночинцам, состоящим в подушном окладе, людей и крепостных без земель и с землями покупать во всем государстве запретить» [15].

Из текста видно, что торг уже шел вовсю, крепостными обзавелись купцы, слуги и даже крепостные. Их собственность признавали незаконной, отбирали. Но казаки, выслужившиеся в офицеры, становились дворянами с правом иметь крепостных. Среди купцов делалось исключение для владельцев предприятий, и продолжалась практика приписывать крестьян к заводам. А в 1755 г. Елизавета окончательно передала заводских крестьян хозяевам, уравняла с крепостными.

Тем не менее все законы и указы Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы однозначно увязывали дворянские права землевладения с обязанностями службы (у купцов – с обязанностями производства). За нарушение таких правил имения отбирались. А крестьяне оставались прикрепленными к поместью, а не к помещику. Дворяне продавали деревни, проигрывали в карты, вносили в залог. Крепостные переходили от одного владельца к другому вместе с «вотчинами». Хотя это нарушалось, ведь из крестьян набирали дворовых, слуг, отрывая от деревень. Их можно было отдать в наем, подарить, продать.

А Петр III, желая обеспечить себе опору в лице дворян, 18 февраля 1762 г. издал «Манифест о вольности дворянства». Обязательную службу Отечеству, на которой основывались все

привилегии, отменил. И именно этим манифестом утвердилось крепостное право в форме рабства – деревни уже без всяких условий стали частной собственностью помещиков. Петр III дал дворянам и права переселять своих крестьян в другие имения и уезды! «Души» стали собственностью владельца сами по себе – без привязки к деревням [16]. Стало возможным торговать людьми без всяких ограничений (для Германии и Швеции, на которые ориентировался Петр III, в те времена это было нормальным).

Свергнувшая его жена Екатерина в начале правления была проникнута либеральными идеями, в крепостничестве видела зло. Но и ее опорой было дворянство, поэтому Манифест о вольностях она не отменила. Сумела лишь в рамках церковной реформы освободить 2 млн крепостных из монастырских, митрополичьих, епископских владений (за что на нее обиделось духовенство). А желание освободить дворянских крепостных императрица вынесла на созванную в 1767 г. для пересмотра законов Уложенную комиссию, где проблему спустили на тормозах.

Ранее уже отмечалось, что первым взялся ограничивать крепостное право Павел I. Александр I продолжил указом о вольных хлебопашцах и освобождением крестьян прибалтийских губерний – что вызвало массу осложнений, и даже Николаю I пришлось заниматься устройством безземельных беженцев из Эстонии и Латвии. Но против крепостничества он был настроен решительно. 6 декабря 1826 г. создал Секретный комитет, поручив ему проработки крестьянской реформы. Однако встретил сильнейшее противодействие сановников и даже собственных братьев. В результате были только подтверждены законы Павла I о запрете розничной продажи крепостных без земли, разделения крестьянских семей, лишения их земельных наделов. Кроме того, Николай прекратил награждения отличившихся дворян деревнями – заменил деньгами.

Но ему одновременно приходилось решать множество разнообразных вопросов, он работал по 16–18 часов в день. Так что забавы или занятия с семьей, с детьми выдавались не часто. В 1833 г. была завершена работа над полным Сводом законов Российской империи. Под личным руководством Николая и благодаря канцелярским талантам Сперанского грандиозное дело было выполнено за 7 лет, принято 30-томное собрание законов, которое сменило давно устаревшее Соборное уложение 1649 г. [18].

Разбираясь с истоками тайных обществ, Николай сделал вывод о системе образования. Юные дворяне набирались

«передовых» идей при обучении за границей – а для прекращения порочной практики требовались хорошие учебные заведения на родине. По указаниям государя создавались технический и педагогический институты, училища гражданских инженеров, правоведения, архитектурное и др.

Вместо закрытых Варшавского и Виленского университетов император учредил Киевский Святого князя Владимира. Реорганизуя сферу образования, Николай I хотел придать ей и четкое идеологическое направление – созидательное, патриотическое. Назначил министром народного просвещения видного ученого Сергея Уварова. В противовес либеральной триаде «свобода, равенство, братство», он сформулировал отечественную: «Православие, Самодержавие, народность». Эта линия стала в России официальной.

А эпидемия холеры выявила серьезнейшие недостатки здравоохранения. Под контролем Николая I пошло строительство новых больниц, госпиталей. Крупные дотации были выделены на научные разработки в области медицины. Для детей, лишившихся родителей, царь начал создавать по всей стране Сиротские институты. Холерные бунты напомнили и о проблеме военных поселений. Царь ликвидировал нежизнеспособную инициативу старшего брата. Крестьянам в поселениях дали статус «пахотных солдат». Они освобождались от военных занятий, но должны были 3 дня в неделю работать на армию, заготавливая для нее продовольствие и фураж. А солдаты стали просто солдатами, освобождались от таких задач.

Но вновь вставал вопрос, ради которого Александр создавал военные поселения, – удешевления армии, обученного резерва. Николай I понимал недостатки рекрутской системы. Гораздо лучшей признавал всеобщую воинскую повинность [18]. В ту пору она действовала только в одной стране – Пруссии. Но одним махом переходить на нее было нельзя. При сокращении срока службы сократилась бы и армия. Прежде чем вводить всеобщую повинность, следовало накопить подготовленный резерв на случай войны. В передышке после войн с Персией, Турцией и Польшей Николай I сделал первый шаг в данном направлении. С 1834 г. снизил срок действительной службы солдат с 25 до 20 лет. Потом их увольняли в «бессрочный отпуск», но они еще 5 лет числились в запасе, при необходимости их могли призвать.

Польская революция вскрыла и враждебность католической, униатской церквей. Они активно участвовали в разжигании восстания, предоставляли базы для партизанских отрядов. А в западных областях они занимали господствующее положение. Николай I повелел строить там православные храмы за казенный

счет. Католиков прижал тонко. Откопал старую папскую буллу об упразднении мелких монастырей. О ней давно забылось, но в Белоруссии и на Украине таких католических монастырей было большинство. Царская администрация принялась выполнять давнее распоряжение папы, высылая монахов, а монастыри передавая православным [19].

А среди униатов многие тяготились, что в подчинении Ватикана они занимают второсортное положение по сравнению с католиками. С ними начали переговоры, приглашая воссоединиться с православными. В 1839 г. в Полоцке созвали собор, отменивший Брестскую унию 1596 г. К Русской Церкви перешли более 1500 священников, 1600 приходов, 1,6 млн прихожан, вернулись многие святыни, в том числе Почаевская Лавра. На территории России униатская церковь прекратила существование!

Немало хлопот доставляли государю и международные дела. Царь спас турецкого султана Махмуда от восстания египетского наместника, за которым стояли англичане и французы. Прислал прямо в Константинополь войска, военную эскадру, заставившие мятежников покориться султану. Россия за это получила выгоднейший Ункяр-Икселесийский договор о дружбе и союзе. Турки фактически приняли покровительство нашей страны, обязались свободно пропускать русские суда через черноморские проливы, закрывая их для кораблей враждебных России держав.

Лондон и Париж подняли бури возмущения, грозили войной. Но царь занял твердую позицию, а на реальный конфликт они не отважились. Взялись создавать антироссийский блок с Испанией, Португалией. Николай I в ответ укреплял альянс с Пруссией и Австрией, неоднократно ездил за границу. Ездил и по России – каждый год намечал маршрут по разным городам, лично проверял состояние гарнизонов, больниц, учебных заведений, тюрем, жизнь подданных. Такие путешествия он совершал всего с несколькими сопровождающими, в 2–3 каретах. Мчались без всякой помпы, свиты, отдыхали на обычных постоялых дворах.

Хотя польские революционеры приговорили государя к смерти. Караулили за рубежом, засылали террористов в Россию. Но Николай оставался спокойным, говорил: «Бог – мой страж, и если я уже не нужен более для России, то Он возьмет меня к Себе». Царь и по Петербургу гулял один, без охраны. Иногда нанимал извозчиков, не знающих, кого они везут. Беседовал с ними, узнавая мысли и нужды простых людей.

А его визиты в Пруссию и Австрию имели еще одно последствие. В 1816 г. Александр I принял гимн России «Молитва русского народа» на слова Жуковского и мелодию «союзного»

британского гимна. Сейчас отношения с Англией испортились, а на встречах с монархами в честь Николая звучала музыка ее гимна. Царь попросил композитора Львова написать другую, слова под нее снова сочинил Жуковский, и в 1833 г. император утвердил новый гимн, «Боже, Царя храни!»

Да, Господь хранил его и его семью, у него было семеро детей. Подрастали три дочери, сына Константина отец с детских лет предназначил руководить флотом, Николая – армией, а Михаил еще не начал ходить. Ну а старшему Саше 1834 год сперва принес горе, умер Мердер. Наследник рыдал, говорил, что тот был для него «вторым отцом». Но в апреле Саше исполнилось 16. Ему предстояло принести присягу, начинать службу государю и Отечеству. Николай I поручил Жуковскому дополнительно разъяснить наследнику духовный и политический смысл этого шага.

Сын проникся в полной мере. В праздник Пасхи Христовой, 22 апреля, в церкви Зимнего дворца он читал текст присяги со слезами на глазах, и отец обнял его. Сам Александр отметил знаменательное событие, пожертвовав по 50 тыс. руб. в пользу бедняков Петербурга и Москвы. Как совершеннолетний он впервые появился на балу, блеснув безукоризненными манерами. Его вступление во «взрослую» жизнь праздновала и вся страна. А российский академик Норденшельд открыл в эти дни на Урале новый минерал – назвал в честь наследника, «александрит».

Учеба Александра еще продолжалась. Мердера заменил директор Пажеского корпуса Кавелин, главным «попечителем наследника» стал князь Ливен, но руководил по-прежнему Жуковский. Цесаревичу теперь преподавали военную историю, курс российских законов – его вел Сперанский. Началась и практическая подготовка к царствованию. Отец ввел его в Сенат – присутствовать при обсуждении административных, хозяйственных, судебных дел. А в 1835 г. ввел в Синод.

Правда, как раз по линии Церкви в это время случился скандал. Святитель Московский Филарет (Дроздов) и поборник Православия митрополит Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский) сумели доказать царю, что законоучитель наследника Герасим Павский уклоняется в протестантские ереси. Его отстранили, вместо него оба митрополита рекомендовали священника Василия Бажанова, преподававшего Закон Божий в Петербургском университете, педагогическом институте и двух гимназиях.

Он стал законоучителем и духовником Александра, написал для него сочинение «Об обязанностях христианина» (позже оно стало учебным пособием). И царь не пожалел о выборе, через

несколько лет сделал Василия Бажанова своим духовником. А вокруг Павского позже всплыл еще один скандал. Оказалось, что он подпольно продолжал запрещенную государем работу по переводу Библии, размножал ее. Изъяли и уничтожили 300 книг, сохранив несколько экземпляров в Синоде. Павскому грозило лишение сана, ссылка. Но ведь это означало признать, что наследника воспитывал сомнительный священник. Дело замяли, ограничились «келейным» увещеванием, увольнением его с соучастниками из духовной академии и взятием под надзор [20].

А Николай I все чаще вызывал Александра присутствовать при докладах министров. Иногда вдруг спрашивал, что он думает по тому или иному поводу. Вопросы обсуждались уже совсем не «детские». Новые законы, Уложение о наказаниях, реформа городского управления, новые положения о казачьих войсках. На Кавказе в тяжелых боях удалось покончить с предводителем немирных горцев, Кази-Мухаммедом. Но появился новый вождь, дерзкий и талантливый – имам Шамиль. А подпитывали войну англичане.

Морское побережье после войны отошло к России, и Николай I решил перекрыть эти ворота для поставок оружия, строить Черноморскую береговую линию. Под прикрытием флота с боями высаживались десанты. Строили форты у Гагр, Геленджика, Новороссийское, Вельяминовское (Туапсе), Лазаревское, Навагинское (Сочи). Солдаты расчищали заросли в болотах, брали берег под контроль. Две шхуны со смертоносным грузом и целый склад оружия удалось после боя уничтожить под Новороссийском.

А бриг «Аякс» перехватил британскую шхуну «Виксен», нагруженную ружьями, пушками, порохом. Как выяснилось, послали этот арсенал английские дипломаты в Турции и… польское эмигрантское «правительство». В Лондоне конфискация «Виксена» вызвала ураган. Министр иностранных дел Палмерстон снова кричал о войне. Британский флот был приведен в полную готовность. Но Николай I тоже привел в боевую готовность армию и флот. Англичане покипятились и притихли, отозвали из Константинополя «засветившихся» дипломатов.

Неспокойным был и другой участок границы – прикаспийские, уральские степи, южная Сибирь. Соседи в Средней Азии – Хивинское, Бухарское, Кокандское ханства – давно пришли в упадок. Но их подданные кочевые племена промышляли набегами, угонами скота и людей. А власти Хивы, Бухары и Коканда поощряли разбой. Получали от него прибыли, скупали добычу и пленных. Царь и правительство наращивали пограничную оборону. Основали на Каспийском море Ново-

Александровский и Ново-Петровский форты.

Без участия наследника не обходились испытания технических новинок. Военный инженер Шиллинг демонстрировал созданный им первый в мире электрический телеграф. Показывал царю на Неве и другое изобретение, действие взрывателей для морских мин. А Борис Якоби – «электроход», первую в мире лодку с электрическим двигателем. В 1834 г. в присутствии государя состоялись испытания подводной лодки Шильдера, первого в мире подводного ракетоносца. Экипаж из 8 человек осуществил погружение, пуск из подводного положения пороховых ракет, точно поразив мишени-шаланды. Загудел и паровоз Царскосельской железной дороги. Первыми пассажирами стали солдаты, вторыми – царь с семейством.

Но Николай Павлович, внедряя новое, не забывал и висящий на нем груз из прошлого, крепостное право. Нашел единомышленника, генерала Киселева. Он был либералом, вероятно, масоном. Но служил честно, представлял Россию при правительствах Молдавии и Валахии. Изучая его доклады, царь обратил внимание на мысли об освобождении крестьян и вызвал в Петербург. Показал ему массу документов, собранных по данной теме. Говорил: «Я знаю, мы займемся этим когда-нибудь: я знаю, что могу рассчитывать на тебя, ибо мы оба имеем те же идеи, питаем одни и те же чувства в этом важном вопросе, которого мои министры не понимают, который их пугает».

Царь ввел Киселева в Государственный совет, а 1835 г. создал новый Секретный комитет по крестьянской проблеме, подключив к нему и наследника. Позже этот комитет был преобразован в Министерство государственных имуществ во главе с Киселевым. Оно сумело значительно улучшить положение государственных крестьян, повысить их благосостояние. Но в деле освобождения крепостных усилия опять утыкались в противодействие всей дворянской верхушки. Удалось лишь ограничить права помещиков по отношению к крепостным, расширить им возможности выкупа на волю. За соблюдением их прав налаживался государственный контроль.

А цесаревича император шлифовал лично и строго. Однажды на параде при всех круто пропесочил за грубую оплошность. В другой раз приехал в Петергоф и среди дня застал играющим в карты с приятелями. Крепко отругал, занялся другими делами, а сын решил схитрить, втихаря завершить прерванную партию. Царь это обнаружил и тут уж не сдержался. Просто отхлестал по щекам. Но ведь и такой урок стал действенным. Азартными играми, да еще и в ущерб служебным обязанностям, Александр

больше не увлекался.

Невзирая на подобные казусы, Николай Павлович искренне любил его, видел в нем преемника. В 1835 г. снова нужно было ехать за границу, встречаться с прусским и австрийским монархами, а III Отделение узнало: польские террористы готовятся перехватить государя. На этот раз он не взял с собой Александра, чтобы не быть вместе. Предупредил: если не вернется, властитель России уже есть. Написал завещание. Точнее, оно было инструкцией 17-летнему сыну, краткой и емкой, из 20 пунктов. Как начинать правление, чем руководствоваться. Применять не пришлось – террористов обманули, допустив «утечку информации» о ложном маршруте царя, а он без свиты, инкогнито, проскочил другой дорогой [21]. И отслеживал он не только упущения, но и успехи Александра. В декабре 1836 г. «за отличие по службе» произвел его в генерал-майоры. Тогда же назначил ему штат придворных – до сих пор считал это лишним баловством.

Глава 5. Помощник отца

Наследник престола Александр Николаевич

В 1837 г. обучение наследника закончилось экзаменами по всему пройденному курсу. Принимала их комиссия из всех преподавателей во главе с императором. А завершить образование должно было путешествие по России, отец наметил маршрут через 30 губерний, до Сибири и обратно. Поездка тоже была подготовкой к царствованию. Жуковский пышно назвал ее «всенародным венчанием с Россией». Сопровождала Александра свита наставников. Он должен был записывать впечатления, пересылать отцу, составившему для него специальную

инструкцию. Подчеркивал, что он не инспектор, едет лишь для ознакомления с родной страной. В случае замеченных недостатков не имеет права действовать самостоятельно, только через соответствующих начальников.

Но в остальном учил согласно собственным привычкам. В любом городе первым делом посетить собор и местные святыни. На обед к себе приглашать местную верхушку, но ответные застолья отвергать. Прошения принимать. Но самому по ним решений не выносить, собирать для передачи царю. Государь наставлял, как надо обходиться при встречах с дворянами, купцами. А «с простым народом доступность и *непритворно* ласковое обращение к тебе привяжет». «Ты увидишь и научишься ценить наш почтенный, добрый русский народ и русскую привязанность, но не ослепись этим приемом и не почти сие за заслуженное тобой, тебя примут везде как свою Надежду…» [22].

Действительно, народ всюду встречал цесаревича с радостью и восторгом. На Волге тысячи людей входили в воду по грудь – чтобы лучше было видно, когда он проплывет. В Костроме у Ипатьевского монастыря, где началась династия Романовых, огромная толпа оттеснила архиерея, и он долго не мог протиснуться в храм, начать службу. Но в поездке проявилась и неоднозначная роль либеральных наставников. В Вятке Жуковский и Арсеньев обратили внимание Александра на Герцена – он создал с приятелем Огаревым революционный кружок, за это его всего лишь перевели из Москвы в чиновники здешнего губернского правления. На Урале и в Сибири те же наставники устраивали аудиенции у наследника ссыльным полякам, раскольникам, сектантам. В Тобольске организовали, чтобы у храма на паперти Александра ждала группа декабристов со скорбными физиономиями. Так жаловались, что он расчувствовался до слез [23, с. 30].

Хотя по амнистии 1835 г. уже все декабристы были освобождены из мест заключения, оставались в Сибири только на поселении. Но ходатайства отцу не заставили себя ждать. Герцену был разрешен переезд из Вятки во Владимир, а потом и в Москву. Мятежникам царь разрешил поступать рядовыми в Кавказский корпус (с возможностью выслужить офицерский чин, вернув дворянство, и выйти в отставку). Или поступать на гражданскую службу – но в Сибири. Всего было собрано 16 тыс. прошений – в основном о материальной помощи. На это правительство выделило по 8 тыс. руб. каждой из губерний, которые посетил Александр.

Возвращение его в столицу омрачило бедствие, от пожара сгорел Зимний дворец. Впрочем, его быстро отстроили еще

лучше, чем был, а Николай I воспользовался реконструкцией, выделив из жилого дворца музей, Эрмитаж – решил, чтобы шедевры искусства из царских коллекций стали доступны всем желающим. А у Александра начались занятия по непосредственной подготовке к управлению государством. Министр финансов Канкрин объяснял ему механизмы своего ведомства: бюджет, доходы, расходы, налоги. Один из создателей академии Генштаба Жомини учил законам стратегии и руководства армиями, видный дипломат Бруннов вводил в тонкости внешней политики.

Но в 1838 г. цесаревичу предстояло еще одно путешествие. Представить себя при европейских дворах, ознакомиться с зарубежной жизнью. И опять отец писал ему инструкцию. Особо предостерегал от огульного «западничества»: «Многое тебе польстит, но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания и что многое, достойное уважения там, где есть, к нам приложимо быть не может – мы должны всегда сохранять свою национальность, наш отпечаток, и горе нам, если от него отстанем…» [24, с. 34].

Впрочем, поездка имела еще две цели. У Александра обнаружились проблемы со здоровьем, периодически возобновлялся кашель. Впоследствии установили, что у него была хроническая астма, хотя и в легкой форме. Ему назначили подлечиться на целебных водах. А ко всему прочему в нем бурлила юная энергия, и… он оказался очень влюбчивым. Первый роман у него завязался в 14 лет. Он влюбился в 17-летнюю фрейлину сестры Ольги, Наташу Бороздину. Поверенной стала его другая сестра Маша, передавая «тайные» записки. Однако Наташа была девушкой умной, взаимности избегала и сводила все к шуткам. Она имела и привычку докучать всем нравоучениями, и порывы цесаревича сошли на нет.

Были и другие мимолетные увлечения, а на пороге 20-летия вспыхнула страсть к фрейлине Ольге Калиновской. Родители встревожились. Полячка, католичка, сирота. И благоразумием Наташи она не обладала, загорелась ответным чувством. Впору было вспомнить морганатический брак Константина с полячкой Грудзинской и отказом от престола. Вот и увидели выход, удалить Александра из Петербурга, чтобы его чувства угасли – и женить пора, пусть посмотрит в Европе невест. По традиции их выбирали из протестантских принцесс, они легко переходили в православие, в отличие от католичек.

29 мая 1838 г. на пароходе «Геркулес» царь сам отправился с сыном в Стокгольм, представил его шведскому королю. Вместе заехали и в Берлин, где расстались – дальше наследника

сопровождали Жуковский, Ливен, Кавелин, врач и пять гвардейских офицеров. Каждый день он отсылал отцу письма, из которых видны совершенно доверительные отношения между ними. По-прежнему вел и путевой дневник. Но в августе, после лечения на курорте в Эмсе, Александр захандрил. Стал проситься на время вернуться в Петербург. Царь запретил, и сына прорвало. Он открыто признавался отцу, что его любовь к Калиновской не остыла. Не отказывался, что обязан посвятить себя «священному долгу», но был в отчаянии – сравнивал, что отец женился по любви, а ему придется заключать брачный союз на притворстве.

О том же писал матери. А дяде Михаилу Павловичу раскрыл и больше, что он с радостью сменил бы тяжесть царствования на любовь и счастье в семье (как видим, у Романовых это было общим – и Александр I мечтал об отречении, и Константин, Николай отнюдь не рвались занять престол). Отца обращение к брату Михаилу, известному скандальными амурными похождениями, особенно возмутило. Показывало легкомыслие сына, выбравшего такого советника. Полетели соответствующие указания наставникам, а сыну отец и мать в один голос напомнили: его долг перед Богом – в первую очередь доверять родителям. И династию продолжить – тоже священный долг.

Цесаревича повезли в Италию, Австрию и стали колесить по германским княжествам, где имелись принцессы на выданье. Николай I возлагал большие надежды на княжну Бадена, но сын заключил: «Эта особа не в моем вкусе». То же самое было с принцессой Вюртембергской. Дармштадт в программе путешествия не значился, просто лежал по пути. Но великий герцог Людвиг II подготовился к встрече русского наследника, и Кавелин уговорил Александра, что не стоит обижать его. 13 марта 1839 г., едва прибыли в Дармштадт, Людвиг сам примчался к цесаревичу. Пригласил в театр, на ужин в свой замок. И тут-то увидели его младшую дочку, 15-летнюю Максимилиану-Вильгельмину-Августу-Софью-Марию. Она пленила Александра, наконец-то заслонила Калиновскую. Наследник писал отцу: «Она страшно мне понравилась с самого первого момента, как я ее увидел… И если ты позволишь, дорогой Папа, после моего посещения Англии я снова возвращусь в Дармштадт».

Жуковский даже предлагал схитрить, под предлогом нездоровья задержаться там. Но от этого цесаревич отказался, отправились в Голландию и Лондон. А известие из Дармштадта вызвало новые проблемы. Граф Орлов, подключенный к свите наследника, доложил царю: есть подозрения, что избранница Александра – дочь вовсе не Людвига II. Это Николай I и сам знал, но отреагировал спокойно: «Сомнения насчет законности ее

рождения более основательны, чем вы думаете… Но так как она признана фактически и носит имя своего отца, никто не может ничего говорить насчет этого». Еще бы! Чудом разрешался кризис и с настроениями цесаревича, и с поисками невесты! Однако о незаконном происхождении принцессы знала и императрица, изначально была категорически против, очень огорчив сына.

Хотя в Англии добавился новый поворот, Александр был представлен королеве Виктории – 20-летней, еще незамужней, и… совершенно очаровал ее! И цесаревич в нее тоже влюбился, забыв о дармштадтской девице! Королева закружила его в водовороте праздников, развлечений, они были вместе и в театре, и на прогулках. Но тут уж всполошилось британское правительство, дошло и до Петербурга. Мужу Виктории предстояло стать всего лишь принцем-консортом с функцией производства детей. А супруге Александра предназначалась судьба православной императрицы России. Нежелательный роман постарались разрулить сразу с двух сторон. После бала, о котором Виктория записала в дневнике, «никогда я не была так счастлива», ее увезли из Лондона в Виндзор. А наследник получил напоминание отца: пора прощаться с Англией.

Что ж, он осознал: продолжение отношений с королевой для него все равно невозможно. Вероятно, эта история помогла и уговорить его мать: лучше уж принцесса сомнительного происхождения, чем непредсказуемые страсти сына. Александр неделю провел в Дармштадте, отцовские дипломаты начали с Людвигом II переговоры о браке. А цесаревич вернулся в Россию и… возобновилась его связь с Калиновской! Мать была в ужасе. Писала мужу: «Что станет с Россией, если человек, который будет царствовать над ней, не способен владеть собой». Но отец теперь действовал решительно. Калиновскую экстренно выдали замуж за богатейшего польского аристократа Ожинского, отправили подальше от Петербурга.

В 1840 г. Александр навестил Дармштадт уже с родителями, состоялась помолвка. А потом и невеста приехала в Россию. Стала учить язык, знакомиться с русской культурой, верой. Приняла православие и стала Марией Александровной. В апреле 1841 г. цесаревича обвенчали с ней. Его супруга была очень скромной, застенчивой, любила уединение – сказалось непростое детство, Николай I писал, что ее «едва терпели в семье» из-за незаконного происхождения.

Свадьба стала символическим рубежом, цесаревич и весь двор распрощались с Жуковским. Во время заграничного путешествия с наследником 56-летний поэт тоже нашел любовь, 18-летнюю дочь художника Рейтерна. А теперь счел свою миссию

выполненной и уехал жить к невесте в Германию. Но это был и рубеж, когда отец начал доверять Александру самостоятельные дела. Ввел его в Государственный совет, в Комитет министров.

В 1842 г. император отправился на месяц в обычную инспекционную поездку по стране и неофициально оставил наследника вместо себя. Он справился, и такая практика стала обычной. Британский посол Кларикард докладывал, что «в России как будто правят два императора». А дела-то вершились грандиозные. Строилась железная дорога от Петербурга до Москвы, и цесаревич вошел в комитет по ее сооружению. Одновременно прокладывались линии телеграфной связи, по России мостились шоссейные дороги с твердым покрытием – их протяженность достигла 8,5 тыс. верст.

Николай I кардинально реформировал систему образования. До сих пор ее основу составляли «классические» гимназии, созданные при Александре I по европейским образцам. Упор делался на гуманитарные дисциплины для воспитания «просвещенного» дворянства и чиновничества. Но стране требовались специалисты! Царь повелел организовывать в гимназиях «реальные» классы для «преподавания технических наук», создавать реальные училища – технические, коммерческие и агрономические. Открывались и новые высшие учебные заведения, женские курсы. Впервые Николай I озаботился массовым образованием крестьян. Для них было устроено более 2,5 тыс. сельских школ, где обучалось 111 тыс. человек.

В 1843 г. осуществилась финансовая реформа, упразднялись обесценившиеся ассигнации, бумажные и медные деньги жестко привязывались к серебряному рублю [25] – и наследник в этом тоже участвовал, заседал в финансовом комитете, обсуждал реформу в Государственном совете. Развивалась и промышленность. К началу царствования Николая I ее состояние было наихудшим за всю историю Российской империи! Экспортировали только сырье – превращаясь в такой же придаток британской экономики, как страны Латинской Америки. Львиная доля изделий высокого качества закупалась за рубежом.

Николай Павлович сумел добиться резкого перелома, в России были созданы технически передовые текстильная и сахарная промышленность, множились фабрики и мастерские по производству стеклянных, фарфоровых изделий, металлообрабатывающие, кожевенные, швейные, обувные предприятия. Родилось отечественное машиностроение, начали изготавливать российские инструменты, станки, даже паровозы. Производство хлопчатобумажных тканей увеличилось в 30 раз, объем продукции машиностроения – в 33 раза!

Семья наследника росла. Один за другим рождались дети: Александра, Николай, Александр, Владимир… Но и свободного времени для них становилось все меньше, круг обязанностей цесаревича расширялся. С 1843 г. он стал генерал-адъютантом, вошел в Главный штаб. Через год был пожалован в полные генералы, назначен командовать гвардейской пехотой. А в войсках тоже внедрялись новшества. С 1845 г. их перевооружали новыми ружьями, пистолетами. Не кремневыми, а капсюльными. Кремни могли отсыреть, а теперь меньше стало осечек. Для егерей и «застрельщиков» в Бельгии закупили партию «люттихских» штуцеров (нарезных ружей) образца 1843 г. Русские оружейники значительно улучшили их, переделали вместо круглой пули на коническую, их стали выпускать на тульских заводах. Появились первые револьверы Кольта, их тоже стали изготовлять в России, но они были еще «дульными» – каждое гнездо барабана заряжалось, как однозарядный пистолет.

Росла оснащенность флота пароходами, и большая часть из них строилась на отечественных заводах. В Петербурге были построены и три опытные подводные лодки, но эту программу Николай I закрыл – для субмарин еще не существовало подходящих двигателей, паровую машину на них не поставишь, а электродвигатели Якоби были пока слабыми. Царь велел перенацелить ресурсы на более перспективные программы, морские мины и ракеты. Во исполнение его указаний была создана мина Якоби с гальваническим взрывателем, ее запустили в серийное производство. А пороховые ракеты не были новинкой, англичане позаимствовали их у индусов. Но применение ракет ограничивалось низкой точностью стрельбы. Полковник Константинов усовершенствовал их и вместо точности сделал упор на кучность. Создал пусковые установки на 36 ракет калибром 106 мм, синхронизировал систему запуска. Это были первые в мире системы залпового огня! Их тоже приняли на вооружение, в войсках появились ракетные батареи.

Укрепление военной мощи становилось весьма актуальным.Ункяр-Икселесийский договор России с Турцией не давал покоя Англии и Франции. Когда умер султан Махмуд II, они разыграли провокацию. Снова подстрекнули восстать египетского наместника, но нарочно подставили его. Спасать нового султана Абдул-Меджида дружно выступили британцы, австрийцы, французы. А на Лондонской конференции по урегулированию приняли новую конвенцию, закрывшую в мирное время Босфор и Дарданеллы для всех военных судов (и перекрывшую нашему Черноморскому флоту путь в Средиземное море). И покровителями Турции отныне становились все великие

державы – Англия, Франция, Австрия, Пруссия, Россия.

Но реально в Османской империи стала рулить Британия. За «помощь» она навязала султану договор о свободной торговле (за 10 лет обваливший экономику Турции, втянув ее в зависимость от Англии). Послом в Константинополь прибыл Чарльз Стрэтфорд Каннинг – тот самый, что курировал декабристов. Он быстро стал главным советником Абдул-Меджида и вообще самым влиятельным лицом в турецкой столице. Стоит ли удивляться «совпадению», что великим визирем стал Решид-паша, «отец» турецких масонских лож и основатель либеральной партии «Молодая Турция».

Этот поворот сказался на Кавказе. Мюриды Шамиля активизировались. Громили русские посты, нападали даже на города. Массы горцев хлынули вдруг на укрепления по берегу Черного моря. Уничтожили 5 фортов, перебив гарнизоны и открыв путь поставкам из Турции. Русский флот снова высаживал десанты, они отбивали и восстанавливали укрепления. На Кавказ направляли дополнительные силы. Но солдаты и офицеры свежих частей не имели нужной выучки, росли потери. К тому же на Кавказ слали ненадежных «штрафных», польских пленных – из них 3 тыс. перебежали к горцам, из поляков составилась личная охрана Шамиля. У него появились артиллерия под началом польского офицера, свой артиллерийский завод и пороховые фабрики.

А в Австрии умер старый император Франц II, дружественный к России. Его преемником, больным Фердинандом, вертели министры, и страна поползла к либерализму. И в Пруссии скончался тесть и верный друг царя Фридрих Вильгельм III. На престол взошел его сын Фридрих Вильгельм IV, грезивший либеральными идеями и конституцией. Его политика повернула к Англии. Силясь разрядить напряжения, Николай I ездил то в Берлин, то в Вену. В 1844 г. нанес даже неожиданный и неофициальный визит в Лондон, переполошивший всю Англию.

В беседах с членами британского кабинета царь старался разрешить разногласия. Открыл карты, что наша страна ни в коем случае не желает развала Турции. Наоборот, старается подкреплять ее, что уже доказала, спасая султана в 1833 г. Потому что падение Османской империи было чревато общеевропейской войной. Государь раскрыл секретное соглашение с Австрией – всеми силами поддерживать стабильность Турции, а в непредвиденных ситуациях действовать сообща. Такое же соглашение он предлагал Англии [26].

Вот здесь он ошибся. Англичан не интересовали стабильность и европейская безопасность. Они-то специализировались на

«ловле рыбки в мутной воде». И соблюдение взаимных интересов, разграничение сфер влияния им тоже были не интересны. Они всюду хотели распоряжаться сами. Британская империя разрослась по земному шару. Ей принадлежали Канада, Австралия, Новая Зеландия, Капская колония в Южной Африке, Индия, Сингапур, Малакка, Бирма. Она подмяла под себя экономику Центральной и Южной Америки.

Но англичане продолжали расширять эту империю. Из Индии вторглись в Афганистан. Одряхлевший Китай осмелился защищаться высокими пошлинами от засилья британских товаров. Запретил ввоз главного из них, наркотиков. Но Англия начала «опиумную войну», соблазнив поучаствовать Францию и США. Их эскадры бомбардировали густонаселенные прибрежные города, вынудив Китай капитулировать, отдать англичанам Гонконг, открыть порты для торговли. В страну хлынул опиум, превращая народ в наркоманов, подрывая хозяйство и создавая почву для последующего закабаления.

А у царя добавилось семейное несчастье. Серьезно ухудшилось здоровье его супруги. В 1845 г. врачи предписали ей сменить климат, выбрав Сицилию. Николай Павлович очень переживал за жену. Отправившись в очередную инспекционную поездку по южным областям России, он решил сделать императрице сюрприз. Из Харькова повернул за границу. Перехватил Александру Федоровну в Милане, сам проводил до Палермо. Даже это путешествие государь сочетал с важными политическими делами. В Риме провел непростые переговоры с папой Григорием XVI, в Вене – с австрийским канцлером Меттернихом.

А с сыном на период долгой отлучки у Николая I был секрет. О нем знали даже не все сенаторы. Царь фактически передал правление Александру. Отцу за границу наследник посылал только важнейшие документы, краткие выписки решений Государственного совета. Остальные вопросы ему было доверено решать самому. Царские обязанности он выполнил успешно, и за это отец наградил его первым орденом, С в. Владимира I степени.

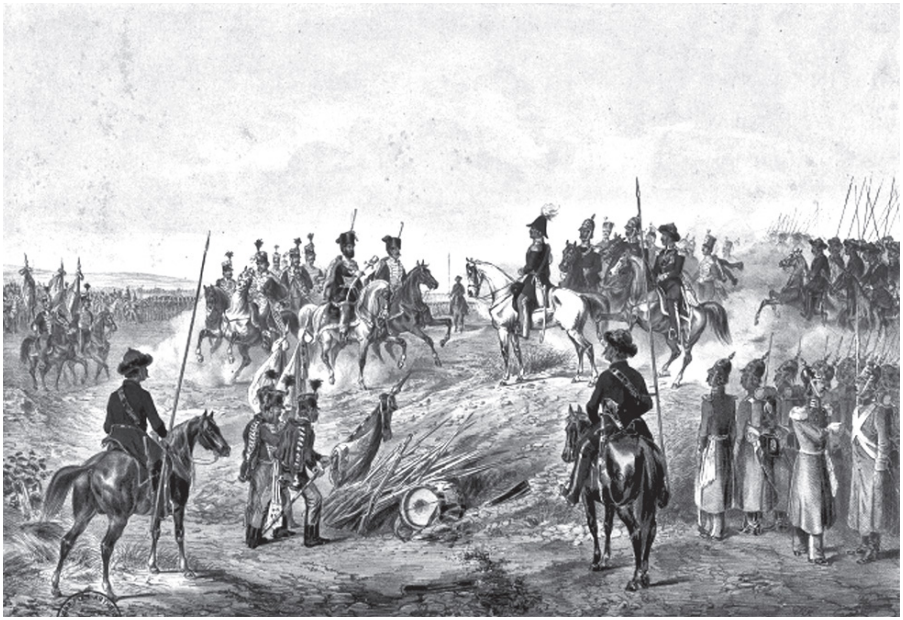
Николай Павлович не оставлял и замыслов об освобождении крепостных. Еще несколько раз созывал Секретные комитеты по данному вопросу – и теперь включал в них сына. Государь внедрял частные меры вроде запрета приобретать крестьян для безземельных дворян. Вместе с Киселевым он разработал указ об «обязанных крестьянах» – помещик мог отпустить крепостного на волю, заключив с ним договор, что тот, уже свободный, будет платить определенный оброк. Получалось, что дворяне не остаются внакладе, ведь многие из них отпускали крепостных «на

оброк» [27]. Император, уверенный в успехе, провел этот проект через Государственный совет, 2 апреля 1842 г. подписал указ. Но… он предполагал добровольное исполнение. А помещикам незачем было внедрять новшество, возиться с договорами. Не откликнулся почти никто, как и на следующий указ от 12 июня 1844 г., о праве освобождать дворовых без земли.

В Грузии еще при Александре I был введен закон, разрешающий крепостным выкупаться на волю при продаже имения с торгов. В 1847 г. Николай Павлович распространил его на всю Россию, подписал соответствующие указ. В перспективе это могло привести к освобождению множества крепостных, дворянство разорялось, 2/3 поместий было заложено. Но царь снова столкнулся с сопротивлением сановников. Разработку конкретных механизмов продажи имений они затянули на 2 года, а в итоговом положении крестьянам дозволялось выкупаться на волю лишь с согласия помещика.

Государь старался улучшить и правила освобождения дворовых, они же не имели земли и хозяйства. Распорядился выделить 100 тыс. руб., давать им ссуды от казны. А 3 марта 1848 г. ввел закон, дозволяющий крепостным приобретать недвижимость на себя, а не на хозяина. В совокупности подобные меры все-таки давали результаты. За время царствования Николая I доля крепостных среди населения России сократилась с 57–58 % до 35–45 %. Для отмены крепостного права формировался юридический фундамент, продавливалась психология дворян, приучая их, что рано или поздно перемена неизбежна. Но довершить великое дело выпало уже сыну.

Глава 6. Монархи и революции



Венгерская армия капитулирует перед русскими

Вольнодумство, поразившее Запад, углублялось от либерализма ко все более разрушительным учениям – социализму, анархизму, коммунизму. Взрыв чуть не полыхнул в 1846 г. В Париже разработали план «Большого восстания» в Польше, одновременно в прусских, российских и австрийских владениях. Завозили оружие, формировали отряды боевиков. В прусскую Познань из Франции перебрался штаб во главе с лидером партии «Молодая Польша» («молодая» – характерное обозначение масонской партии) Людвиком Мерославским. Но в России власти зорко присматривали за порядком, активистов арестовали. Раскрыли заговор и в Пруссии, взяли 254 человека, из них 8, в том числе Мерославского, приговорили к смерти, хотя в исполнение так и не привели.

Только в австрийской Галиции революционеры захватили Краков, призвав поляков к оружию. Николай I привел войска в готовность, но австрийцы придумали, как самим справиться. В Галиции поляки были панами, крестьяне их ненавидели. Правительство отменило в этой области крепостное право и подняло мужиков, назначило вознаграждение за убитых и пленных мятежников. Крестьяне разорили 500 усадеб, прикончили несколько тысяч поляков. Усмирить их, ошалевших

от ужаса, уже не составило труда.

Революционная зараза проникала и в Россию. Мы уже отмечали кружок Герцена и Огарева, баламутивший студентов. Прощенный по ходатайствам наследника и Жуковского, Герцен служил в министерстве внутренних дел, в Московском губернском правлении, пока не умер его отец. Получив в наследство богатейшие имения, смог жить безбедно и уехал за границу, сошелся с французскими социалистами.

Белинского и его кружок власти вообще не трогали: он к переворотам не призывал, тайных организаций не создавал. Но он стал знаменем либеральной интеллигенции, наставником целого поколения писателей, обрушивался на «квасной патриотизм», был воинствующим атеистом. Лишь после открытого письма к Гоголю, распространявшегося в списках и отравлявшего умы нападками на Православие и Самодержавие, Белинского вызвали в III Отделение для профилактической беседы. Однако он был уже тяжело болен, так и не дошел.

А с поляками оказался связан первый махровый цветок украинского национализма, «Кирилло-Мефодиевское братство», созданное Костомаровым в Киевском университете. Да, Малороссия морями крови и усилиями России освободилась от польского гнета, в Галиции крестьяне с воодушевлением убивали польских панов, а в это же время малороссийская интеллигенция в основанном царем университете перенимала у польских учителей идеи «освобождения» от России. В 1847 г. арестовали 12 человек. Но хитрый Костомаров специально оговорил в учредительных документах сугубо мирные средства (хотя как можно было этими средствами отделить Украину?), его всего лишь выслали в Саратов, и других наказали мягко.

При расследовании зацепили и Тараса Шевченко. О нем даже Белинский писал: «Здравый смысл в Шевченке должен видеть осла, дурака и подлеца, а сверх того, горького пьяницу». К «братству» он не принадлежал, но нашли его стихи, распространявшиеся в рукописях. О мифической украинской «вольности», о плаче под царской властью, памфлеты на государя. Николай Павлович, читая пасквиль про себя, от души хохотал. Но Шевченко позволил себе издеваться над болезнью императрицы – которая в свое время выкупила его из крепостных [28]. Тут уж государь осерчал, сдал автора в солдаты в Оренбургский корпус с запретом писать и рисовать (и он завалил Петербург слезными прошениями о помиловании).

Все революционеры ратовали против крепостничества, в том числе Герцен (отлично живший за рубежом на доходы от своих крепостных). А реальные-то шаги к освобождению предпринимал

царь! Воспользовался упразднением крепостного права в Галиции, сразу смягчив его в российской части Польши: ввел «инвентарии», жестко ограничив повинности и оброки крестьян, запретив уменьшать их наделы. В 1847 г. государь ввел аналогичные правила на Правобережной Украине. Намеревался и дальше распространять их на всю Россию. 28 декабря 1852 г. были приняты «Инвентарные правила» для северо-западных и белорусских губерний – но ввести их помешала война.

Кстати, слепо противопоставлять положение российских крепостных «свободным» жителям Европы тоже получается не правомочно. В эти же годы, 1846–1847, в Ирландии случился неурожай, погиб картофель, основная здешняя культура. Крестьяне там были свободными, арендовали землю. Не могли уплатить аренду, и их выгоняли. Причем часто это было лишь предлогом: землевладельцы переходили на более выгодное использование участков, под пастбища. В итоге около миллиона крестьян вымерло от голода. Столько же эмигрировало по всему миру. Могло ли такое быть в России? Забили бы тревогу помещики, царь включил бы механизмы правительственной помощи. Но трагедия разыгралась в Великобритании, бездушие властей и лендлордов никаких возмущений не вызвало.

А в других странах неурожай дополнился экономическим кризисом. Этим пользовалась оппозиция всех мастей от либералов до коммунистов, нагнетая страсти, и в 1848 г. забурила Франция. Перепуганный Луи Филипп шел на любые уступки, отдавал правительство оппозиции, но кто-то спровоцировал столкновение с солдатами, подстрекатели раздули возмущение из-за жертв, и буйные толпы разнесли дворец, сожгли трон. Парламент, из которого все умеренные депутаты разбежались, провозгласил республику.

От Франции беспорядки расплескались во все стороны – на Италию, Германию. Сходки, манифестации, требования «свобод». Причем в Берлине и Вене четко повторился сценарий Парижа. Митинги либералов взвинчивали народ. Неведомые лица провоцировали стычку с войсками с человеческими жертвами – и восстание, захват арсеналов, создание отрядов из рабочих, студентов, уличные баррикады. Монархи капитулировали, объявляли «свободы», уступая власть революционным правительствам и парламентам.

В других местах и без восстаний капитулировали – на поводу у либералов пошли князья Бадена, Гессен-Дармштадта, Вюртемберга, Баварии, Саксонии, Тосканы, король Обеих Сицилий (Южной Италии) Фердинанд II, в Риме сам папа Пий IX ввел конституцию. Но революции на этом не останавливались! К

папе из Лондона прибыли лидеры итальянских боевиков Мадзини, Гарибальди, и в вскоре Пию IX пришлось бежать, была провозглашена Римская республика. Повела наступление на то же королевство Обеих Сицилий и других итальянских монархов – невзирая на их конституции.

А у немецких революционеров, кроме «свобод», лозунгом стало объединение Германии – разумеется, по их принципам, во Франкфурте-на-Майне создали общегерманский парламент. В Дании король Фредерик VII в полной мере разделял «передовые» взгляды, конституцию он охотно издал. Но от Дании вдруг отделились герцогства Шлезвиг и Гольштейн. Объявили, что желают быть в объединенной Германии. Другие немецкие государства, охваченные революцией, поддержали их, начали войну с датчанами.

Дунайские княжества, Молдавия и Валахия, были автономными в составе Османской империи, но и Россия по Адрианопольскому договору являлась их покровительницей. Оба княжества были совершенно отсталыми, буржуазия и интеллигенция – зачаточными. Но и там как раз к нужному времени, к 1848 г., изготовилась либеральная оппозиция. Ее взращивала Франция, и кроме обычного набора «свобод» среди здешней «общественности» культивировался искусственный национализм. Это был масонский проект, названия «валахи» и «молдаване» заменялись новым гордым термином «румыны» (римляне!). Разрабатывался «румынский язык», традиционную кириллицу заменяли латиницей. Направленность была вполне определенной – избавиться от влияния России и слить два княжества в единую Румынию, ориентированную на Запад.

В Яссах, столице Молдавии, собралась тысяча оппозиционеров, предъявили конституционные требования господарю Михаилу Стурдзе. Он приказал арестовать смутьянов, но они разбежались по селам и взбунтовали крестьян. В Валахии либералы учли опыт соседей, начали с крестьян. Двинулись с ними на Бухарест, солдаты стали переходить на их сторону. Поэтому господарь Георгий Бибеску конституцию подписал, но тут же сбежал. Власть захватило временное правительство. Оно очень боялось русских, защиту видело в турках, мечтало поссорить их с Россией. Для этого султану отправило огромную дань, долги за много лет – однако пришлось ограбить собственный народ, вызвав общее возмущение.

А в Пруссии при объявлении амнистии вышли на свободу польские заговорщики во главе с Мерославским. Местные революционеры им сочувствовали, подхватили лозунг, что «свободная Польша» станет для них щитом против России.

Мерославскому дали оружие из прусских арсеналов. К нему потекли эмигранты из Франции и Англии, деньгами на дорогу их снабжали французы, а прусские революционные власти бесплатно перевозили по железным дорогам, устраивали торжественные встречи. В военных лагерях около Познани собралось 7 тыс. человек. Они вели себя агрессивно, грабили немцев. Но король и правительство боялись ссориться с революционной «общественностью», запрещали войскам трогать поляков.

Николай I воспринял пожар революций как вызов существующему мировому порядку – и опасность для России. Нет, он не собирался усмирять западных смутьянов, пока это будет их внутренними делами. Гвардейцев заверил: он «дает слово, что за этих бездельников французов не будет пролито ни капли русской крови» [29]. Но не собирался и мириться с угрозами для нашей страны, ее интересов – по Европе уже разгорались войны, революционеры пытались распространять «свободы» штыками. Государь повелел армии выдвигаться к западным границам.

И одно лишь это, еще без выстрелов, помогло одержать важную победу. Перепугались прусские либералы. Осознали, что буйные поляки Мерославского обязательно заденут русских – и навлекут беду на Пруссию, вооружившую и приютившую их. Король все же направил на поляков войска. В боях полегло две сотни человек, но отряды разоружили. 1500 человек и сам Мерославский попали в тюрьму. Однако Франция даже заявила официальный дипломатический протест – и польского лидера отпустили. Откуда видно: революция распространялась по Европе совсем не стихийным образом. И все же гнойник у российских границ был ликвидирован.

Да и прусскому королю разгром поляков помог осознать свою силу, преодолеть трусость. А большинство его подданных на себе почувствовали, что жить в мятежах и манифестациях, под дудку распоясавшейся черни, совсем не уютно. 14 тыс. берлинцев собрали подписи, чтобы король ввел войска в столицу, и он начал брать ситуацию под контроль, разоружать революционные дружины. Николай I спас и Данию. Сепаратисты Шлезвига и Гольштейна с контингентами других германских государств одолевали ее. Но как только их армия приближалась к Копенгагену, у датских берегов трижды выразительно появлялась эскадра нашего Балтийского флота, и немцы тут же скисали, соглашались заключить перемирие и сесть за стол переговоров.

Россию обеспокоила и смута у южных границ, в Молдавии и Валахии. Но государь предложил султану совместные действия – не хотел вмешиваться односторонне, чтобы не портить отношения с Турцией, да и с населением Дунайских княжеств, видевшем в

русских друзей. Абдул-Меджид под влиянием британского посла Каннинга усмирять либеральных мятежников не спешил. Однако Николай I все же убедил его, что может посыпаться вся его империя. В Валахию двинулся корпус Фауда-паши, за день разогнал местные отряды и занял Бухарест. Турки вели себя непривычно мягко. Лидеров мятежа, 91 человека, просто выслали из страны. Но и царь вел себя мудро, направив в княжества корпус генерала Лидерса. Как только он вступил в Молдавию, бунтующие крестьяне притихли без всякого усмирения. А в Валахию русские вошли, когда турки уже навели там порядок.

Для защиты собственной страны от революционной заразы Николай I ввел в приграничных губерниях особое положение – мятежи и подрывные акции требовал пресекать жестко, виновных предавать военно-полевым судам. Но и во внутренних областях ужесточалась цензура, закрывались издания с оппозиционным душком. В европейских революциях особенно активно использовались студенты, и царь запретил посылать молодежь учиться за границу. В российские учебные заведения распорядился отбирать студентов «строгой нравственности». Ввел для студентов и старших классов гимназий новый предмет, военную подготовку.

Усиливался и полицейский надзор. То, на что год назад не обратили бы внимания, влекло наказания. За «вольнодумство» в печати чиновник военного министерства Салтыков-Щедрин был переведен в гражданское ведомство в Вятку (но с повышением). Были арестованы сотрудники министерства внутренних дел, славянофилы Самарин и Аксаков – по сути, они распространяли те же либеральные идеи, но со «славянским» уклоном, возбуждая вражду к «немцам». Император и шеф III Отделения Орлов беседовали с ними лично, пропесочили за разжигание национальной розни, перевели по службе в провинцию.

А среди столичных студентов и интеллигенции обнаружили несколько тайных организаций. Кружку Введенского, куда входил молодой Чернышевский, удалось «отмазаться» через высокопоставленных знакомых. Другой кружок, Буташевича-Петрашевского, разгорячившись, строил планы поднимать на революцию народ. Крестьян настраивать против помещиков, чиновников – против начальства, при этом «подрывать и разрушать всякие религиозные чувства». Обсуждали, как лучше взбунтовать людей на Кавказе, в Сибири, Прибалтике, Польше, Малороссии. Дальше разговоров дело не дошло, но попало под статьи очень суровые.

Арестовали 40 человек, из них 24 попали под военный суд, и 21 (в том числе начинающий писатель Достоевский) были

приговорены к смертной казни. Правда, заведомо для острастки. Сам же суд одновременно с приговором ходатайствовал о его смягчении. Царь действительно всех помиловал, Петрашевский получил пожизненную каторгу, трое – по 2–4 года каторги, остальные – ссылки или сдачу в солдаты. Однако увлекшихся «ниспровергателей» все-таки пугануло как следует. Привели на расстрел, надели смертные рубахи, позволили исповедоваться. Троих привязали к столбам, и лишь тогда объявили о помиловании. Жестоко? А может, это и был действенный способ вразумить обнаглевших молодых людей, занесшихся крушить все святое?

Впрочем, для Запада такое наказание сочли бы шуточным. Там с противниками не церемонились. Во Франции на выборах в Учредительное собрание победили либералы. Социалисты с коммунистами оказались «за бортом» и снова подняли Париж, строили баррикады. Но Учредительное собрание передало диктаторскую власть генералу Кавеньяку, и он раздавил бунт. За 3 дня расстреляли 11 тыс. человек. И никто во Франции Кавеньяка не обвинял в «зверствах». В полном шоке был только Герцен, очутившийся в это время в Париже. Писал: «Дай Бог, чтобы русские взяли Париж, пора окончить эту тупую Европу!»; «Я стыжусь и краснею за Францию. Что всего страшнее, что ни один из французов не оскорблен тем, что делается».

Кавеньяк позакрывал все политические организации и левые издания до президентских выборов – не сомневаясь, что он и выиграет, власть была в его руках. Но его расстрелы все же встревожили либералов: такой президент может скрутить в бараний рог. Он стал врагом и для рабочих. И не устраивал… Англию. При диктатуре генерала Франция усилится – а она была соперницей. Неожиданно вынырнула фигура Луи Наполеона Бонапарта – племянника императора Наполеона. Он был просто авантюристом, несколько раз сидел в тюрьмах и приехал из Англии, пристроившись к республиканцам. Но у него вдруг нашлись квалифицированные помощники, он умело вел агитацию, играя на громкой славе дяди, ностальгии по золотому веку Франции. Из-за рубежа пошло финансирование избирательной кампании, замаскированное под пожертвования его любовницы, британской актрисы Говард.

На выборах Луи Наполеон победил триумфально, набрал 75 % голосов. Принес присягу на верность республике и конституции. А одним из первых шагов послал войска на помощь римскому папе. Разгромил Римскую республику, вернул Пия IX на престол – чем приобрел колоссальную популярность у французских католиков и консерваторов. Хотя и для англичан это

получилось выгодно. Иначе объединение Италии могло произойти под эгидой Франции. А теперь французы испортили репутацию среди итальянцев.

Но хуже всего дела обстояли у Австрии. От нее отделились Чехия, Венгрия, восстали австрийские владения в Италии – Милан, Венеция, Парма, Модена. Их поддержало, объявив войну, Сардинское королевство (Северная Италия). Однако и Вена бушевала. При любой попытке нормализовать ситуацию поднимала восстания. Студенческие и рабочие вооруженные отряды убивали неугодных сановников, вынуждая императора и министров идти на новые уступки или убегать из столицы.

Правительство кое-как собрало верные войска. Они усмирили Чехию, штурмом взяли Вену. Революционеров и здесь не щадили, перебили 2 тыс. Больной император Фердинанд нагрузок не вынес, отрекся в пользу 18-летнего племянника Франца Иосифа. Он сформировал консервативное правительство, распустил парламент, вместо революционной конституции ввел свою, ограниченную.

Но главным эпицентром революции, уже не только австрийским, а европейским, стала Венгрия. Она нового императора не признала, провозгласила республику (превратившуюся в военную диктатуру Кошута). Сюда стекались смутьяны изо всех стран. Формировались легионы Итальянский, Германский, Венский (из разбежавшихся столичных боевиков). И Польский тоже, командные посты в Венгрии получали польские генералы, с которыми русские не так давно сражались. Венгерская армия, 190 тыс. штыков и сабель, 400 орудий, в марте 1849 г. перешла в наступление на Вену, смяла австрийцев.

А это значило, что снова взорвутся восстаниями Вена, Чехия, подавленные было республики в Италии. Франц Иосиф в полном отчаянии воззвал о спасении к царю. Но Николай Павлович и сам видел: пожар полыхал рядом с нашими границами. А Польский легион наглядно показывал: агрессия нацелена и против России. Государь сразу разослал приказы и сам выехал в Варшаву. К нему прикатил Франц Иосиф, повторяя мольбы о помощи. Царь ободрил его, что защищать законную власть от злоумышленников считает священным долгом. 21 мая 1849 г. подписали договор. Россия направляла армию на подавление революции, на время боевых действий ее гарнизоны оставались в Валахии, Молдавии и Галиции.

Еще до заключения договора на выручку соседей спешно послали дивизию генерала Панютина. Она подкрепила отступающих австрийцев, прорыв венгров остановили. И ударили на них с двух сторон. Корпус Лидерса из Валахии и Молдавии,

армия Паскевича – через Галицию и Карпаты. Наследник Александр задержался в России – отправлял из Ревеля эскадру в очередное плавание защитить Данию. Но он вместо болевшего дяди Михаила принял командование над Гвардейским и Гренадерским корпусами, выступившими на войну. По дороге из Ревеля догнал и проверял полки, прибыв к отцу.

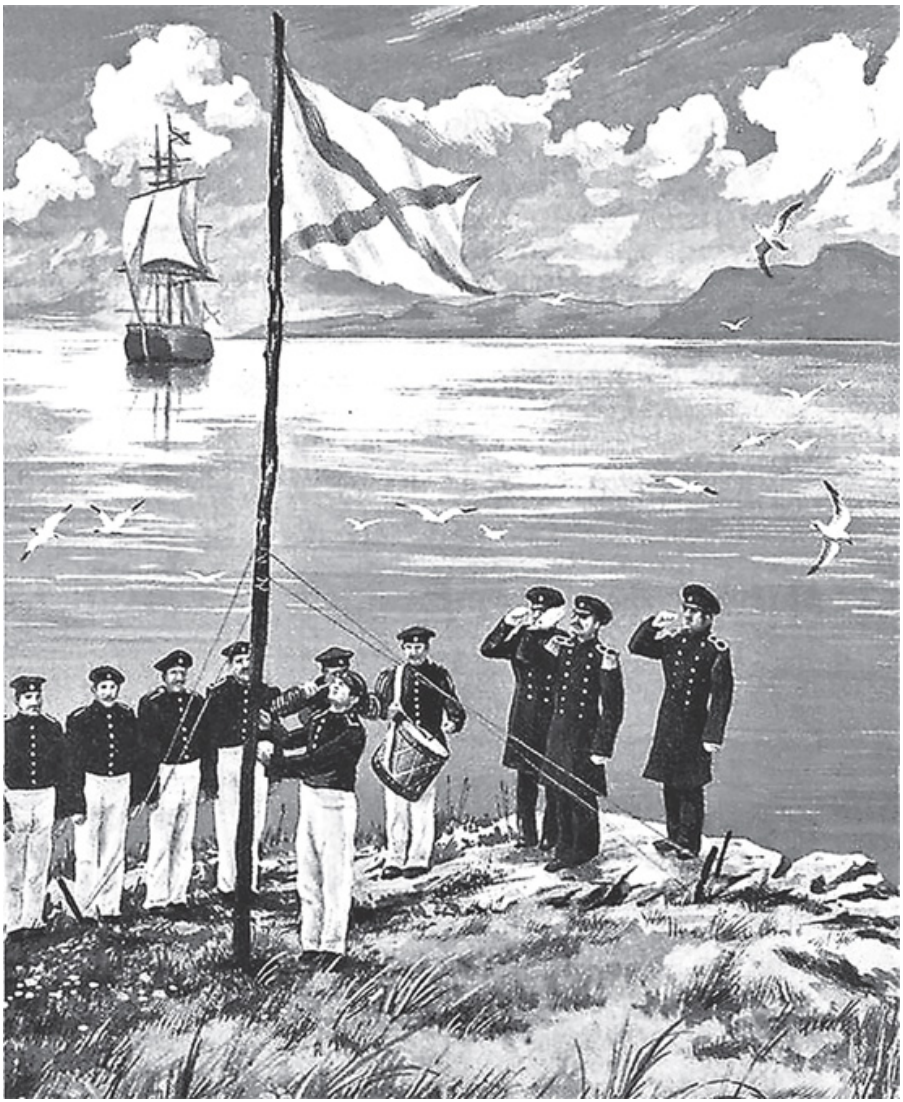
С Паскевичем в поход царь отправил второго сына, 21-летнего генерал-адмирала Константина, а Александра оставил при себе в Варшаве, осуществлять общее руководство операцией. Она была победоносной. Корпус Лидерса вдребезги разнес венгерскую армию Бема. А главную их армию Гергея с одной стороны били австрийцы с Панютиным, с другой – войска Паскевича. Предводители революции и поляки побежали спасаться в Турцию. У Гергея, которому удравший Кошут передал полномочия «диктатора», осталось 30 тыс. бойцов и 144 орудия, и он капитулировал перед русскими – но не перед австрийцами, которые его не победили.

Получив об этом известие, государь 2 августа отправил наследника послом к Францу Иосифу – поздравить его с благополучным концом мятежа. Но Александр получил и неофициальное поручение отца. Добиться помилования для венгерских генералов, сдавшихся нашим войскам. По договору их предстояло выдать австрийцам, а они всех пленных командиров расстреливали. В Вене Александра приняли с чрезвычайным почетом, и задание он выполнил. Франц Иосиф пощадил Гергея и его соратников, они отделались тюрьмой, а позже были освобождены.

Царь и его воины всего за полтора месяца ликвидировали самый мощный и агрессивный очаг европейской революции, предотвратили ее распространение и на Россию, и на Балканские страны, спасли от нового пожара Австрию и Чехию. Австрийцы благодаря этой помощи смогли завершить усмирение Италии. Мало того, операция в Венгрии помогла успокоить Германию. Здешние смутьяны поджали хвосты, что к ним тоже нагрянут «казаки». Прусский Фридрих Вильгельм окончательно сделал выбор, что с революционерами дело иметь нельзя. Франкфуртский парламент предложил ему корону объединенной Германии (не дававшую никакой власти, ее парламент оставлял себе) – король отказался и порвал с парламентом отношения. Его примеру последовали Бавария, Саксония, Ганновер. Оставшиеся очаги революции стали подавлять вместе, и сам общегерманский парламент приказал долго жить. А у себя в Пруссии Фридрих Вильгельм повторил опыт Франца Иосифа – ввел ограниченную конституцию, протестующий парламент разогнал солдатами.

Но стоит еще раз вернуться к фигуре Герцена. Для него урока парижской бойни хватило совсем ненадолго. Он снова издавал газеты с социалистами, вовсю хаял Россию, царя, пересылая эти материалы на родину. В июле 1849 г. Николай I арестовал имения Герцена в России – за счет которых он вел свою деятельность, еще и французских революционеров подкармливал. Но у эмигранта нашелся неожиданный заступник. Поход в Венгрию и плавания эскадр к Дании создали непредвиденную дыру в бюджете. Правительство обратилось о предоставлении займа к британскому банкиру Якобу Майеру Ротшильду. А он вдруг поставил условие – снять арест с собственности Герцена. Хотя казалось бы, какое дело до него Ротшильду? Положение с деньгами было напряженным, и по настоянию министра финансов император был вынужден отменить арест. А вскоре и сам Герцен перебрался в Англию, обосновался там под покровительством Ротшильда. Да, вот так приоткрылось истинное лицо закулисных организаторов революций.

Глава 7. Тучи с Запада



Капитан Невельской поднимает русский флаг на Амуре

В царской семье победы и торжества соседствовали с горем. У Александра от кори умерла старшая дочка, а следом и любимый дядя Михаил. Пришлось принимать еще и его «наследство» – кроме гвардии, которой цесаревич уже командовал, Михаил был начальником всех военно-учебных заведений, их император тоже передал сыну. Весной 1850 г. Николай I снова взял его с собой в Польшу. Вместе инспектировали войска, администрацию. Но

после похода в Венгрию чрезвычайно вырос и международный авторитет России. В Варшаву началось настоящее паломничество немецких властителей и министров. Просили у русского государя совета, посредничества в их спорах. Он разбирал, примирял. Его усилиями окончательно прекратилась война в Дании.

Александр участвовал в этих переговорах, потом уехал руководить летними лагерными сборами: кадетскими в Петергофе и гвардейскими в Красном Селе (держать марку было непросто – покойный дядя Михаил был кумиром кадет). Осенью отец отправил наследника в инспекционную поездку по России. По своему, военно-учебному ведомству он посетил кадетские корпуса в Полоцке, Бресте, Полтаве, но и по «отцовской» линии проверял войска, администрацию. Намеченный ему маршрут лежал на Кавказ, и в Тифлисе все население вышло встречать наследника с песнями, музыкантами, размахивая флагами и зелеными ветвями. Перед дворцом, где он остановился, толпы грузин не расходились даже по ночам. Едва он мелькал, восторженно кричали.

На Северном Кавказе цесаревич объезжал гарнизоны с наместником Воронцовым. 26 октября с прикрытием пехоты, казаков и милиции из дружественных чеченцев выехали из Воздвиженской крепости в Ачхай (Ачхой-Мартан). Александр скакал впереди и возле речки Валерик наткнулся на отряд мюридов. Без раздумий ринулся в атаку, увлекая за собой сопровождающих. Мюриды стали стрелять, засвистели пули. Оценив превосходство русских, они повернули прочь. Но казаки и чеченская милиция догнали их, разбили и рассеяли. Для простого офицера на Кавказе такие бои были обыденностью, однако Воронцов представил гостя к награде с учетом его статуса. Николай I понимал это, но храбрость сына оценил, считал нужным укреплять его авторитет, пожаловал боевым орденом С в. Георгия IV степени.

А в декабре праздновали 25-летие правления Николая Павловича. В Санкт-Петербурге торжественно открыли Николаевский мост, пошли поезда на Москву по Николаевской железной дороге. Что ж, потрудился и Александр, состоял в комитетах по строительству и моста, и магистрали. Царь сделал и очередной шаг к предстоящему переходу от рекрутской системы на всеобщую воинскую повинность. В 1851 г. он сократил срок действительной службы в армии и на флоте до 15 лет с 10-летним пребыванием в запасе. Вооруженные силы мирного времени сокращались – а число обученных резервистов увеличивалось.

Но роль России в революционных событиях, ее возросшее

международное влияние вздыбили западных врагов. Разразились шквалы нападок, клеветы, Николая I ославили «жандармом Европы». Англии революции вроде бы не коснулись, хотя закулисные игры вела именно она, гребла на этом политические и экономические барыши. А наша страна оказалась препятствием на пути подрывных технологий. Начались провокации. Министр иностранных дел Палмерстон устроил в Лондоне официальную торжественную встречу эмигранту Кошуту. А султан зачислил к себе на службу революционеров, укрывшихся в Османской империи. Россия потребовала выдать поляков, Австрия венгров – без ультиматумов, угроз. Но по Европе расшумелись, что царь ищет придирки для захвата Константинополя, Англия и Франция выслали к Дарданеллам военные эскадры.

В 1850 г. Николай I ввел и новый Таможенный устав, оградив высокими тарифами наш рынок от засилья импорта, в основном британского. Это дало очередной толчок развитию отечественной промышленности, поток русских товаров нарастал и в Турцию, и в Иран, и на Балканы. Лондон воспринял это как вызов. Такие проблемы он привык решать жестко – как с Китаем в опиумных войнах. Противостояние обострялось на всех направлениях, где соприкасались интересы двух держав: в Турции, на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке.

Утвердившись в Китае, суда британцев, как и американцев, зачастили к русским берегам Тихого океана. Промышляли морского зверя, контрабандой выменивали у местных жителей пушнину на спиртное (в России это было строжайше запрещено). При подавляющем превосходстве английского флота нависла реальная угроза захвата Дальнего Востока. Три маленьких русских порта, Аян, Охотск и Петропавловск, отделяли от метрополии не только огромные расстояния, но и труднейшие дороги через Якутию, хребет Джугджур – или морем вокруг Земного шара.

Из Сибири к Тихому океану существовала и удобная дорога по Амуру. Но по ошибочным данным экспедиций Лаперуза и Крузенштерна считалось, что у этой реки нет морского устья, и Сахалин на картах значился полуостровом. Отчеты экспедиций Пояркова и Нагибы, в 1640–1650-х гг. прошедших Амур от верховий до моря, затерялись в архивах и забылись. К тому же по Нерчинскому договору 1689 г. Амур признавался владением Китая, хотя и без права заселять левый берег и с совершенно неопределенной линией границы.

Царь все же не терял надежды найти новый путь к Тихому океану, создал Особый комитет по дальневосточным делам. Но ключевую роль в нем играл канцлер Нессельроде – министр

иностранных дел и при Александре I, и при Николае. Он силился любой ценой поддерживать «дружбу» с Западом и был крайне щепетильным к позиции Великобритании. Проекты наращивания обороны и исследований Амура он заблокировал, пугая, что это вызовет «разрыв с Китаем, неудовольствие Европы, в особенности англичан» [30]. Поддержали военный министр Чернышев и еще ряд сановников, полагая перспективы войны на Дальнем Востоке заведомо гиблыми и фактически бросая далекую окраину России на произвол судьбы.

Хотя Николай I считал иначе и в благожелательность западных держав не верил. Он обратил внимание на тульского губернатора Николая Муравьева. Во время царского визита в 1847 г. тот собрал подписи 9 помещиков и впервые подал «снизу» прошение об освобождении крестьян. 9 подписей – это было, конечно, «ничто». Однако император увидел в губернаторе верного проводника своих идей. Знал его как отличного военного, на Кавказе он строил береговую Черноморскую линию. Назначил его генерал-губернатором Восточной Сибири с сугубо тайной задачей – по образцу Черноморской строить Тихоокеанскую линию укреплений.

А когда Муравьев в столице изучал материалы по Сибири, к нему обратился молодой энтузиаст, капитан-лейтенант Невельской. Он служил в штабе великого князя Константина, перелопатил всю доступную литературу и был убежден: устье Амура существует. Муравьев поддержал его, Невельского назначили командиром транспорта «Байкал» с грузами для Дальнего Востока. Составили прошение государю разрешить экспедицию. Отправившись во вверенную ему область, новый генерал-губернатор был восхищен уникальными условиями Авачинской губы в Петропавловске-Камчатском. Но подтвердились и опасения царя. Муравьев застал в Петропавловске 2 британских военных корабля, более 200 моряков, разведывавших наши берега. Он забил тревогу: такую гавань требовалось серьезно укреплять, иначе ее запросто отберут. Занялся этим незамедлительно.

В Петропавловск прибыл и «Байкал» Невельского. Но царского разрешения на экспедицию так и не было. Судя по всему, оно застряло в Особом комитете, и его императору вообще не доложили. Тогда Невельской стал действовать без санкции царя, по инструкции Муравьева. Разгрузив «Байкал», повел к Сахалину. Делая остановки и расспрашивая местных жителей, нашел устье Амура, убедившись, что река судоходна. Обнаружил и узкий пролив между материком и Сахалином – который позже назвали проливом Невельского.

Узнав об этом, Муравьев отправил первооткрывателя в столицу с докладом. Предлагал занять устье Амура и всю реку. По кавказскому опыту заселить ее казаками – и для освоения, и для охраны границы. Особый комитет возмутился. Объявил плавание к Амуру «выходкой», опасной для России. Проекты Муравьева отверг. Доказывал, что Китай начнет войну, и его поддержит Англия. Утвердили лишь инструкцию основать новую базу на Охотском море для торговли с туземцами, для этого отправили обратно Невельского, дали ему 25 матросов. Но соваться на Амур строжайше запрещалось.

Однако царь симпатизировал Невельскому. Произвел его в капитаны 2-го ранга, а уже вдогон послал указ о повышении в капитаны 1-го ранга. А моряк обсудил ситуацию с Муравьевым – он уже побывал на Амуре, китайской администрации и селений там не было. Решили рискнуть вопреки запретам. Летом 1850 г. Невельской на судне «Охотск», как и следовало по инструкции, основал в заливе Счастья селение Петровское. Потом отчалил к Амуру, построил в устье Николаевский пост. Поднял русский флаг и собственным приказом «от имени Российского правительства» объявил, что «весь Приамурский край до Корейской границы с островом Сахалин составляют Российские владения». И местные общины гольдов, гиляков, манегров отныне находятся под властью царя.

На посту остались 6 матросов, а Муравьев и Невельской выехали в Петербург докладывать. Особый комитет и министры взорвались негодованием. Императору представили решение разжаловать Невельского в матросы. Но Николай Павлович наложил резолюцию: «Где раз поднят русский флаг, он спускаться не должен». Лично принял Муравьева и капитана, назвал его поступок «молодецким, благородным и патриотическим», наградил. А Особый комитет переформировал, председателем назначил наследника.

Под его руководством (и влиянием отца) дальневосточную политику кардинально изменили. Нижнее Приамурье приняли под охрану России – до пограничного урегулирования с Китаем. Царь одобрил и план заселения Амура казаками. В 1851 г. отделил часть сибирских казаков в новое Забайкальское войско для реализации этой задачи. Появление русских на Амуре никаких протестов китайцев не вызвало, они здешние края никогда не осваивали. Невельского назначили губернатором, послали ему солдат, строили новые посты. В бухте Де Кастри – Александровский, в честь наследника. В бухте Императорская гавань – Константиновский, в честь его брата. На берегу Амура – Мариинский. Для укрепления российских позиций на Дальнем

Востоке было решено установить отношения и с Японией. Туда в 1852 г. отчалила миссия адмирала Путятина на фрегате «Паллада».

А рост международной напряженности сказывался и в других местах. На Кавказе ширилась помощь англичан и турок мюридам Шамиля. В Среднюю Азию поехали британские эмиссары, посланцы турецкого султана как «халифа правоверных» – манили знать под свое покровительство и науськивали на русских. Особенно успешной стала их агитация в Кокандском ханстве, чьими подданными было множество кочевников. Они даже собственные селения терроризировали, вот и пускай грабят русских, везут добычу, рабов.

Но на Кавказе царь и его военачальники сделали выводы из неудач. Отказались от массированных походов в горы с большими потерями и эфемерными результатами. Наметили не гнаться за быстрой победой, зато вести наступление планомерно и систематически. С Кавказа вывели 2 «лишних» корпуса. Оставили лучшие части, научившиеся действовать в здешних условиях. Они стали постепенно продвигаться в горы, закрепляя каждый рубеж строительством укреплений, вырубая леса, прокладывая дороги. И стесняя мюридов, отбирая у них район за районом. Это давало свои плоды. Потери значительно уменьшились. Все большее число горских общин замирялось, налаживало отношения с русскими.

В зауральских степях тоже перешли к планомерному наступлению. Старая граница охранялась по Оренбургской линии постов и крепостей. С 1845 г. далеко впереди нее солдаты с уральскими и оренбургскими казаками стали строить новую линию, по рекам Ирзиз и Тургай. К 1847 г. она дошла до Аральского моря, на берегу встало Раимское укрепление (Аральск). Выдвижение кордонов в степи благотворно сказалось на приграничных областях. Нижнее Поволжье и Приуралье только сейчас стали безопасным тылом. Открылась возможность для их широкого заселения.

Дальше на восток границу прикрывала Сибирская линия, она двинулась вперед одновременно с Оренбургской. Южнее Иртыша сибирские казаки и солдаты в 1845 г. заложили крепость Аягуз, в 1847 г. – Копал. Эти края населяли казахи (в те времена их не отделяли от киргизов). Большинство их, казахи Младшего и Среднего Жузов (племенных союзов), давно уже были подданными России. Но часть Старшего Жуза оказалась под властью Коканда. Этим племенам приходилось несладко. Ханские наместники грабили их. Набегами обрушивались не только соседи-хивинцы, но и другие кокандские подданные. При выдвижении русских

казахи и киргизы начали добровольно переходить под покровительство царя, получая за это защиту.

В 1851 г. генерал-губернатором Оренбурга и атаманом Уральского казачьего войска был назначен генерал от кавалерии Перовский. Ранее он уже занимал этот пост, предпринял поход в глубины степей, обернувшийся катастрофой. Теперь на маршруте былого похода уже стояли русские укрепления. Для наступления на хищных соседей царь предоставил Перовскому большие полномочия, выделил солидные средства. Он организовал научные и картографические исследования, создал флотилию на Аральском море.

Гнездом агрессивных кочевников и базой для их набегов была кокандская крепость Ак-Мечеть на р. Сырдарье. Ее считали недосягаемой за пустынями. Но Перовский учел ошибки своего прошлого похода, тщательно подготовился к новому. В 1853 г. он повел в степи 2800 солдат и казаков с 12 орудиями. В летний зной за 24 дня преодолели 900 верст и пошли на штурм. Кокандцы дрались упорно, полегли почти все. У русских погибло 11 офицеров, 164 солдата и казака. Взятую Ак-Мечеть переименовали в форт Перовский (ныне Кзыл-Орда).

Узнав о появлении русских, кокандский хан Худояр послал вассалов уничтожить дерзкий отряд. 5 сентября к Ак-Мечети нахлынули воины, два дня лезли на приступы. Их побили и прогнали. Тогда хан собрал лучшие войска. Дождался, когда Перовский с основными силами ушел назад к Аральскому морю, и к Ак-Мечети подошла 12-тысячная армия с 17 пушками. В крепости у подполковника Огарева было 1055 солдат и казаков. Но вместо обороны он ринулся атаку, обратил кокандцев в бегство, захватил все их орудия. От форта Перовский стала строиться Сырдарьинская линия – цепь кордонов протянулась вдоль реки и дальше, до низовий Урала. А на восточном фланге, возле хребтов Тянь-Шаня, русское командование решило закрепить область казахов и киргизов, передавшихся под царскую защиту. Основало тут крепость Верную, направило переселенцев из казаков и крестьян. Вокруг Верной стали расти станицы Алматинская, Надеждинская, Лепсинская.

В общем, на всех направлениях были успехи. Но британская дипломатия и масонская «закулиса» взялись плести против России международный заговор. Обрабатывали австрийского императора Франца Иосифа и его советников. Поощряли давние аппетиты на Балканах, пугали русским влиянием. Обрабатывали и прусских министров, будоражили тревогу, что царь стал самой весомой фигурой в Германии. Сардинского короля Виктора Эммануила и его окружение соблазняли: если будут послушными,

то смогут объединить под своей властью всю Италию.

Вот тут-то англичанам пригодился новый французский президент Луи Наполеон. Не зря же ему помогали. Он стал самой подходящей фигурой для Лондона. Амбициозный, заносчивый, он грезил славой своего дяди-императора. И авторитет свой укреплял ностальгией французов по былому «наполеоновскому» величию. Идея реванша над Россией оказывалась очень плодотворной, теневым советникам президента оставалось лишь подправлять его в нужное русло.

Он начал провоцировать конфликт, потребовал от Турции передать святые места в Иерусалиме и Вифлееме не православным, а католикам – под покровительством Франции. Россия возмутилась. Традиционно в храмах Гроба Господня, Рождества Христова и других святых местах дозволялось молиться всем конфессиям, но владело ими православное, греческое духовенство. Царские дипломаты предъявили Кючук-Кайнарджийский мирный договор, зафиксировавший права Православной Церкви в Святой Земле (и российское право покровительства православным). Нарушать мирный договор султан сперва не рискнул.

Но на демонстративных вызовах России Луи Наполеон сколачивал себе политический капитал! А в армии и государственном аппарате убирал республиканцев, заменяя своими людьми. 2 декабря 1851 г. он разогнал войсками парламент и назначил плебисцит – просил народ для спасения страны дать ему полную власть. Его решительность на переговорах в Турции, угрозы в адрес русских подняли ему популярность: «настоящий Наполеон»! 22 ноября 1852 г. плебисцит утвердил восстановление империи. Президент стал императором Наполеоном III (вторым посчитали малолетнего сына Наполеона I, номинально правившего 14 дней).

По Европе заговорили о противостоянии России и Франции. Но обвиняли… русских. Опять голосили, что они ищут повода захватить Турцию. А вот тайный союз Англии и Франции тщательно скрывался. Наоборот, они демонстрировали соперничество в Османской империи. Британские газеты поливали грязью Луи Наполеона. Писали, что его окружение состоит «из паразитов, сводников и проституток». Россию заманивали в ловушку…

Роль подстрекателей предоставили туркам. Они под формальным предлогом не признали очередного правителя автономной Черногории (официально находившейся под покровительством нашей страны) князя Данило Петровича. Осенью 1852 г., как раз синхронно с плебисцитом во Франции,

бросили на нее войска и карателей, устроили резню мирного населения. И вот на таком фоне в декабре султан передал Франции символические ключи от храмов Гроба Господня в Иерусалиме и Рождества Христова в Вифлееме. Бросил открытый вызов России.

В Петербурге были поражены: Абдул-Междид нагло задирался, что выглядело безумием при плачевном состоянии Турции. Но государь приписывал это только влиянию французов. Англия-то вела себя лояльно, от Франции дистанцировалась, и Николай I полагал, что с ней можно договориться о взаимодействии, разделе сфер влияния. Несколько раз встречался с британским послом Сеймуром [31]. Но тот получил от премьер-министра Рассела категорический запрет на любые соглашения. Причем секретный, ссылаться на него запрещалось, и посол отделывался общими фразами. Царь был уверен и в том, что Пруссия, недавно спасенная Австрия являются его союзницами.

Хотя наша страна уже находилась в изоляции. Во многом – благодаря политике Нессельроде, так боявшегося раздражать англичан, но загадочным образом оставлявшего без внимания их происки против нашей страны. Посол России в Вюртемберге и Франкфурте-на-Майне Александр Горчаков докладывал о враждебных тенденциях в Австрии, но его донесения канцлер оставлял без внимания. Впрочем, о закулисных играх Запада Нессельроде и сам знал. 2 января 1853 г. в частном письме к послу в Лондоне Бруннову он разбирал, что Россия будет воевать «против всего мира» и без союзников, потому что Пруссии данный вопрос безразличен, Австрия будет нейтральной или «благожелательной к Турции», а Англия выступит на стороне Франции. Канцлер знал, но царю почему-то не открыл глаза.

Война была предрешена, и не в Петербурге. Изготовившаяся международная коалиция замышляла не просто поддержать турок, а напрочь сокрушить Россию. Палмерстон докладывал премьер-министру планы ее расчленения: после разгрома нашей страны предполагалось отторгнуть от нее Финляндию, Прибалтику, Польшу со всем западным краем, Крым, Кавказ, Грузию. «Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции, Прибалтийский край отходит к Пруссии, королевство Польское должно быть восстановлено как барьер между Россией и Германией» (и восстановлено в границах 1772 г., с включением Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины). «Молдавия и Валахия и все устье Дуная отходит Австрии, а Ломбардия и Венеция от Австрии – к Сардинскому королевству». «Крым и Грузия отходят к Турции», а на Кавказе создавалось государство Шамиля, подчиненное султану или независимое [32].

Планы Палмерстона были доведены до Наполеона III – и ни малейших возражений не вызвали. А вдобавок британский проект позволял лакомыми приманками втягивать в альянс Австрию, Пруссию, Сардинское королевство, Швецию, подбить на восстание поляков, придать легитимную поддержку войне Шамиля! Кстати, на самом-то деле весь альянс базировался на лжи. Пруссию соблазняли Прибалтикой, Австрию – Дунайскими княжествами. Умалчивая, что при реализации плана они потеряют свои области Польши, а Австрия – еще и в Италии. Да и амбиции Наполеона III Англия использовала совсем не честно. У нее было мало сухопутных войск, основную часть предстояло выставить французам – и крови пролить гораздо больше. Но в результате войны Османская империя (еще и с Крымом, Грузией, Кавказом) попадала в полную зависимость не от французов. От «бескорыстных» англичан – вроде бы не предусмотревших для себя никаких приобретений.

Глава 8. Мифы и реальность Крымской войны

Оборона Петропавловска-Камчатского

Бойню в Черногории все же удалось остановить. К гневным нотам России присоединилась Австрия, поддержав иллюзию союза, и в феврале 1853 г. султан отвел войска. Но без всякого документального закрепления примирения – мог в любой момент возобновить войну. Тогда царь направил в Турцию морского министра Меншикова с требованиями заключить официальный договор о признании прав греческой Церкви на Святые Места в Палестине и права царя на покровительство христианам в Османской империи.

Но тут же и Наполеон III послал в Эгейское море военную эскадру. Британцы не реагировали, их флот стоял на базах. Однако дирижировал султаном английский посол Каннинг. Подучал не отказывать русским – но и не выполнять. Абдул-Междид вроде бы согласился с требованиями, а вот заключение договора отверг. 1 июня Россия разорвала дипломатические отношения с Османской империей. Это было лишь предупреждением, но… турки в ответ объявили мобилизацию и двинули к Дунаю 160-тысячную армию.

Николай I сделал более грозное предупреждение. 14 июня повелел ввести войска в Молдавию и Валахию. Имел на это право по Адрианопольскому договору, чем уже пользовался. Армия

генерала Михаила Горчакова была небольшая, два корпуса. Ей категорически запрещались любые столкновения с турками, предписывалась только «мирно-военная демонстрация». Царь объявил, что занимает Дунайские княжества «в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России». И… тут-то пришел в движение британский флот, тоже отчалил к турецким берегам.

Английские газеты дружно прекратили нападки на Наполеона III. Напротив, превращали его в выдающуюся личность. Расхваливали и Абдул-Меджида как поборника «демократических» реформ. «Дейли Ньюс» внушала, что христиане в Османской империи пользуются большей религиозной свободой, чем в православной России. А султан под этот аккомпанемент воззвал к западным державам. Царь попросил Франца Иосифа помочь, совместно надавить на турок. Но австрийцы вместо этого предложили посредничество, созвали в Вене конференцию великих держав.

Англия, Франция, Австрия и Пруссия выработали условия примирения – Россия выводит войска из Дунайских княжеств, а султан признает права царя на защиту православных в Османской империи и на контроль над Святыми Местами в Палестине. Именно то, чего добивался Николай I, он сразу согласился. Но британская и французская дипломатия действовала по тайному плану, «не выпускать Россию из войны». В Вене они подписали условия, а султан под диктовку Каннинга под формальными предлогами отклонил их! Зато сам 27 сентября вдруг предъявил ультиматум: в две недели вывести русские войска из Валахии и Молдавии, иначе война.

Причем так рвался разжечь ее, что даже не дождался поставленного срока, объявил ее через неделю. Русские об этом еще не знали, а турки изготовились и напали внезапно. На неукрепленном посту С в. Николая у Черного моря было 255 солдат капитана Щербакова с 2 пушками и две сотни грузинских ополченцев князя Гуриели. В ночь на 16 октября после шквальной бомбардировки на них хлынули 5 тыс. аскеров. Защитники дрались до конца, большинство погибло, прорвались и скрылись в лесу 3 израненных офицера, 24 солдата и несколько ополченцев. А турки, захватив пост, устроили дикую расправу. Таможенника распяли, священнику отрезали голову, детей и женщин перерезали – у одной, беременной, заживо вырвали плод.

Но это был их единственный успех, невзирая на неожиданность. В Армении 40-тысячную армию Ахмет-паши разбил и обратил в бегство впятеро меньший отряд князя Бебутова. 18-тысячный корпус Али-паши, двинувшийся на

Тифлис, разнесли под Ахалцихом 7 тыс. солдат и казаков генерала Андроникова. Побили турок и на Дунае, где они полезли переправляться. На Черном море русские корабли захватили в боях 2 вражеских военных парохода. Турки планировали высадить крупные десанты в Сухуме и Поти, прорываться на соединение с мюридами Шамиля. Для этого в Синопе собирались корабли, войска, снаряжение.

На разведку к берегам Кавказа отправился на трех пароходофрегатах английский адмирал Слэйд, фактически командовавший османским флотом. Он нарвался на парусный фрегат «Флора». В упорной схватке русские подбили неприятельский флагман, его утащили на буксире. А проверить донесения насчет Синопа было поручено вице-адмиралу Нахимову. Он обнаружил в бухте 7 турецких фрегатов, 3 корвета, 2 пароходофрегата, 4 транспорта под прикрытием береговых батарей. 18 ноября Нахимов атаковал их и уничтожил – с очень маленькими русскими потерями, 37 погибших и 233 раненых. Из всей неприятельской эскадры удрал лишь Слэйд на пароходофрегате «Таиф».

Но именно эта победа стала поводом для западной агрессии. Европа буквально взорвалась злобой. Бесчинства на посту С в. Николая и в Армении она, как обычно «не заметила», а теперь вся пресса развопилась, будто наши моряки разгромили чуть ли не мирный город. Выплеснулась и прежняя грязь про Кавказ, Польшу, Венгрию, угрозу «цивилизации». Лорд Рассел в парламенте провозглашал: «Надо вырвать клыки у медведя!» А лондонская «Таймс» призывала «загнать московитов вглубь лесов и степей». В Черное море вошли английская и французская эскадры – пока якобы для охраны турецких портов. Но зазвучали и угрозы, ультиматумы.

Николай I обратился к своим союзникам, Австрии и Пруссии. На случай европейской войны предложил им занять нейтралитет, «поддержанный оружием». Однако они уклонились, а между собой заключали тайные соглашения против России. Об этом опять узнал посол Александр Горчаков – и опять Нессельроде не отреагировал на его донесения, царя не известил. Русские планы остались теми же, что в прошлой войне. Нанести главный удар на Дунае, прорваться за Балканы, в Османской империи забурлят восстания христианских народов, и она запросит мира. Даже английской и французской эскадр на Черном море царь не слишком опасался. Они смогут разве что бомбардировать наши порты, но и сами крепко получат, Россия – не Китай. А когда русские выйдут к Константинополю, запрут их в Черном море или заставят уносить ноги.

В марте 1854 г. армия Паскевича форсировала Дунай, сожгла артиллерией и ракетными установками турецкую Дунайскую флотилию. С ходу захватила крепости Тульча, Исакча, Мачин, подступила к самой мощной, Силистрии. Начались и восстания против турок в Эпире, Македонии, Фессалии, на Крите. Но Англия и Франция объявили России войну. В Константинополе высадились их войска. Между прочим, вели себя так же, как привыкли обращаться с «туземцами» в Индии или Алжире. Турки, помнившие оккупацию Адрианополя в 1829 г., сопоставляли, что русские враги лучше, чем английские и французские «друзья». Султану они дали артиллерию, солдат, корабли для быстрой переброски войск – и восстания раздавили.

А под Силистрией был уже назначен штурм, полки выходили на исходные позиции, но примчался офицер с приказом: немедленно отступить. Открыла свое лицо Австрия. Заключила с турками договор, что займет Валахию и Молдавию, а от России потребовала очистить их. Австрийская армия угрожала теперь флангу и тылу нашего фронта. Войскам Паскевича пришлось отходить на свою территорию. Турки возбудились было преследовать, но русские под Журжей положили 5 тыс. аскеров, и их пыл убавился. Австрийцы тоже не забыли силу царской армии. Перешли границу, только когда она удалилась. Зато сменили турок в качестве оккупантов. 100 тыс. воинов Омера-паши присоединились к 40 тыс. французов и 20 тыс. англичан, которые высадились в Варне.

Впрочем, стоит обратить внимание – вся история этой войны оказалась искажена западными и либеральными мифами, как «отсталая крепостническая» Россия потерпела поражение в схватке с «передовыми» Англией и Францией. Дескать, царские войска учили только строевой муштре, а «отсталость» была очевидной: парусники против пароходов, гладкоствольные ружья против штуцеров Энфилда, бивших на 1250 ярдов, расстреливавших артиллерийскую прислугу, оставаясь за пределами огня наших пушек…

Факты говорят совсем о другом. Русская армия проявила великолепные боевые качества и в польской, и в венгерской, и в той же Крымской войне. А тактика во всех европейских станах была одинаковая. Необходимость держать плотный строй для ударов в штыки, отражения неприятельских атак, залповой стрельбы диктовала строевую муштру – у всех. Рассыпному строю и прицельной стрельбе учили только егерей, у французов – зуавов (алжирских стрелков).

Что касается флота, то первый в мире военный пароход «Скорый» был построен в России на Ижорских заводах в 1818 г.,

на 3 года опередив англичан. Но… первые пароходы были колесными! Их скорость и маневренность были низкими. Огромные колеса по бортам мешали устанавливать бортовую, самую мощную артиллерию. И сами были слишком уязвимыми в бою. Одно попадание ядра, и все. Поэтому во всех флотах мира главной силой оставались парусные корабли. Паровые шхуны и фрегаты (их называли пароходофрегатами) играли вспомогательную роль.

Лишь в 1838 г. в Англии был создан винтовой пароход, причем лет 5 решали, какие же лучше, колесные или винтовые. И уже буквально перед войной поняли, что в винтовые корабли довольно просто переделывать парусники. Деревянный корпус разрезали пополам, делали вставку с паровой машиной. Но она была очень ненадежной, часто выходила из строя и играла чисто вспомогательную роль. Из 51 английских и французских линейных кораблей, участвовавших в войне, 32 оставались парусными, а 19 переоборудовали под паровые двигатели.

В российском военном флоте на начало войны имелось 44 парохода. Но винтовой, 44-пушечный «Полкан» был только один, строилось еще три. Как видим, противники опередили русских не в плане технического прогресса, а чисто количественно. Но стоит иметь в виду и другое: морских сражений с англичанами и французами не было! Потому что по количеству боевых кораблей и огневой мощи британский флот был самым сильным в мире, вдвое превосходил русский. Французский был на втором месте. Когда они объединились, добавив еще и османский флот, выходить на битву с ними стало самоубийством. Ход морской войны определили вовсе не передовые технологии, а подавляющее численное превосходство неприятелей!

Артиллерия у обеих сторон недалеко ушла от наполеоновских войск. Бронзовые и чугунные пушки заряжались с дула, били ядрами (дальность около 1 км) или картечью (до 600 м). Мортиры и гаубицы заряжались разрывными бомбами. Были и крупнокалиберные «бомбические» орудия, стреляли бомбами не навесным огнем, как мортиры, а настильным – на 2000–2500 м. Они тоже имелись у обеих сторон. Хотя в России еще с 1757 г. имелись и легкие «единороги», способные стрелять как ядрами, так и разрывными гранатами.

А вот насчет стрелкового оружия в историческую литературу внедрилась откровенная подтасовка. Дело в том, что винтовки, заряжающиеся патронами с казенной части, имелись только в одной армии – в прусской, винтовки Дрейзе, и их держали в строжайшем секрете. Во всех остальных государствах ружья были еще длинноствольными, крупнокалиберными (15–18 мм),

заряжались с дула – отдельно порох, пуля, пыж. А нарезные штуцеры вовсе не были новым изобретением, как часто представляют. Их использовали еще с XVIII в., они заряжались так же.

И если уж разобраться, то русская пехота была вооружена лучше французской или английской: новыми капсюльными гладкостволками образца 1845 г. (прицельная дальность 100 саженей – 213 м). Егерям и «застрельщикам» (лучшим стрелкам, по 26 на батальон) выдавали «люттихские» штуцеры (прицельная дальность до 600 м, максимальная 853 м). У французов был принят на вооружение штуцер Тувенена 1842 г., примерно с такими же характеристиками. Им тоже были вооружены не все солдаты, а только егеря (5 батальонов) и дивизия зуавов. Остальная французская армия отправилась на войну с ружьями образца 1777 г. Не капсюльными, а еще кремневыми! Хуже всего было у англичан: гладкоствольные кремневые ружья «Браун Бесс» образца… 1722 г. Для лучших стрелков штуцеры Бейкера образца 1800 г. (прицельная дальность 183 м).

Почему винтовки давали не всем? При большей дальности и точности стрельбы у них были серьезные изъяны. Их долго было заряжать, из-за нарезок пулю в ствол вгоняли с большим усилием (у французов ее заколачивали, чтобы пуля сплющилась и вжалась в нарезы ствола, из-за этого она теряла и баллистические свойства, летела абы как). Штуцеры были и очень капризными. Нарезки забивал пороховой нагар. Стволы приходилось не только чистить, но и промывать. Иначе штуцеры было невозможно зарядить, могло разорвать по нарезкам.

И вдруг после первых сражений британская пресса подняла шумиху о штуцерах Энфилда, как они поражают русских с 1250 ярдов (1143 м). Хотя в это время винтовки Энфилда на фронте еще не было, она стала поступать в войска с февраля 1855 г., заменяя прежнее старье. А историки, даже военные, почему-то не замечают несуразицу. Указанная дальность стрельбы доступна разве что для современной снайперской винтовки СВД! Да и то на такой дистанции предусматривается «беспокоящий огонь» или стрельба по групповым целям. Реальная же прицельная дальность Энфилда составляла 300 ярдов (274 м). Чуть больше, чем у русской гладкостволки, и меньше, чем у «люттихского» штуцера. Максимальная дальность полета пули достигала 660 м, а убойная сила сохранялась на 381 м. Именно такую дальность стрельбы заявил изготовитель. Но в документации каким-то образом, случайно или нарочно, футы заменились на ярды, и дальность увеличилась втрое! Отсюда и взялись пресловутые 1250 ярдов.

Вполне вероятно, что это была обычная реклама. Одни лишь

США закупили у англичан 900 тыс. таких винтовок. Хотя вскоре убедились в очень низких боевых качествах. В битве при Шайо в 1861 г. армия южан решила из хваленых Энфилдов расстрелять армию северян с полумили (800 м). Израсходовала все патроны, не нанеся противнику ни малейшего вреда. В полной мере сказывались и проблемы с заряжанием, чисткой. Перед тем как вогнать пулю (калибра 15 мм) в ствол, ее еще требовалось обернуть кожаной прокладочкой, пропитанной салом, сзади вставить в углубление деревянную втулку, а потом крепко забивать в дуло. Британские солдаты плевались от Энфилдов (так же, как французы и русские – от своих штуцеров), охотно меняли их на привычных «старушек Браун Бесс» [13, с. 360–364].

Нет, я не хочу сказать, что у противников не было полезных новинок. У французов появился 6-зарядный револьвер Лефоше, он уже снаряжался картонными патронами. Но это было офицерское оружие, на ход войны оно никак не повлияло. И такой рекламы, как англичане, французы револьверу не сделали. Однако и в России были новинки, которых не имелось на Западе. Морские мины Якоби, залповые ракетные установки Константинова (калибр 106 мм, дальность огня – 2600 м, больше, чем артиллерия той эпохи). Они уже успешно применялись. Так кто же от кого отставал в военно-технической области? Война стимулировала и железнодорожное строительство. Кроме действующей Николаевской магистрали, в 1854 г. начались работы по прокладке железных дорог от Москвы до Одессы с ответвлениями на Крым и Донбасс.

И даже с названием «Крымской» войны допущена подтасовка. Выпячен единственный театр боевых действий, где враги России добились хоть каких-то успехов (очень далеких от желаемых). А сражения-то велись на огромных пространствах от Балтики до Тихого океана. На Черном море вражеский флот, 28 кораблей, обрушил ураганный огонь на почти неукрепленную Одессу. Отвечали 4 старые пушки юного прапорщика Щеголева, только что из кадетского училища. Выбитых артиллеристов заменяли прибежавшие мальчишки из лицея. Продержались, пока подошли резервы, развернули полевую артиллерию. Десант отразили, подбили 4 вражеских фрегата, и эскадра убралась. Щеголева император произвел «в подпоручики, поручики и штабс-капитаны», а батарею повелел назвать его именем. При втором набеге на Одессу англичане потеряли пароходофрегат «Тигр», подбитый и захваченный казаками. Попытки неприятельских эскадр бомбардировать Севастополь и Очаков, где стояла русская гребная флотилия, встретили мощный отпор – и они поворачивали прочь, чинить поврежденные корабли.

Но одновременно, еще за две недели до объявления войны (!), огромный англо-французский флот адмиралов Нейпира и Персеваля-Дашена, 26 линейных кораблей, 39 фрегатов и масса мелких судов, двинулся на Балтику. Его провожала лично королева Виктория – и о любви к цесаревичу больше речи не было. Сами проводы были символическим актом: удар прямо на Петербург сулил победу. На сторону врагов России перекинулась и Дания, которую недавно спасали от немцев и сепаратистов. Она свободно пропустила армаду через свои проливы.

Петербургская губерния была объявлена на военном положении. Командующим войсками столичного округа царь назначил наследника, поручил ему оборону побережья. Его помощником стал офицер по особым поручениям военного министерства полковник Дмитрий Милютин. Расставляли посты и батареи, обсуждали взаимодействие с начальником морского ведомства, братом Константином. Впрочем, план обороны был уже заранее разработан под руководством самого царя.

В апреле вражеский флот вошел в Финский залив. Русские моряки на битву с превосходящими силами не вышли. Нейпир выслал пароходы разведать фарватеры и укрепления Кронштадта и… грохнули взрывы. Впервые в истории были выставлены заграждения, 1500 мин. А при более внимательной разведке неприятели обнаружили другие сюрпризы. Минные поля прикрывались артиллерией и ракетными установками. Впервые была оборудована минно-артиллерийская позиция (эта методика применялась потом и в Первой мировой, и в Великой Отечественной, сыграв решающую роль в морской обороне Петрограда и Ленинграда).

Царь с сыновьями и специалистами обсуждали и крайний вариант – если противник будет тралить мины, прорываться к столице. Одобрили идею капитана 2-го ранга Шестакова. В рекордные сроки, всего за 4 месяца, были построены 32 канонерские лодки с крупнокалиберными бомбическими орудиями. Деревянные, но паровые, с винтовыми двигателями! Потом, до конца войны, построили еще 49 легких артиллерийских винтовых кораблей. Паровые двигатели для них изготовлялись в петербургских механических мастерских под руководством чиновника и инженера Николая Путилова – вскоре он станет хозяином знаменитых Путиловских заводов. (Опять же, где тут «отставание»?)

Царь переехал в Петергоф, на балконе стоял телескоп, направленный на вражеский флот. Но англичане с французами прорываться не рискнули. Четыре месяца бесцельно дымили трубами в Финском заливе. Неприятельским адмиралам

требовалось обозначить хоть какие-то победы – сама королева провожала! Однако на второй по значению порт Ревель напасть не осмелились – узнали, что и там изготовились к встрече. Искали добычу полегче, и в августе обрушились на Аландские острова, на недостроенную крепость Бомарсунд. Высадили 12 тыс. морской пехоты, открыли адскую бомбардировку. Тем не менее 2 тыс. солдат полковника Бодиско отбивались 4 дня. Развалины крепости все же взяли, защитников пленили. Четыре раза пытались высадить десанты в Финляндии. Всюду их отразили, и эскадры ушли восвояси.

5 британских и французских кораблей со 112 орудиями и 540 десантниками нагрянули и в Белое море. Дания и здесь подыграла врагам, предоставила в Норвегии базы для снабжения углем. Они принялись разбойничать, захватывали торговые и рыболовецкие суда. Но в устье Северной Двины к Архангельску их не пустили. Русские канонерские лодки и орудия на берегу побили и прогнали баркасы, промерявшие фарватер. Эскадра напала на Соловецкий монастырь.

Оборону возглавил архимандрит Александр (Павлович) – гарнизон составили 53 инвалида тюремной охраны, работники, поселенцы, 20 заключенных. Англичане и французы выпустили 1800 бомб и ядер. Защитников уберег Бог, потерь не было. А из двух старых пушек времен Петра I подбили пароходофрегат «Миранда». Высаживать десант враги не осмелились, ушли. Отыгрались, разграбив беззащитные прибрежные села и Крестовский монастырь. Но в селе Пушлахта 23 помора с кремневыми ружьями побили полтора десятка десантников. И в захудалой Коле 70 солдат инвалидной команды с жителями прогнали высаженный десант ружейным огнем – за это Колу сожгли бомбардировкой. Набезобразничав по берегам, осенью эскадра удалилась.

А в Америке между Российско-американской компанией («полугосударственной», но юридически частной), владевшей Аляской, и такой же английской компанией Гудзонова залива, осваивавшей Канаду, еще в 1839 г. был подписан договор о нейтралитете даже на случай войны. Но британское правительство очень долго его мурыжило. Возникли нешуточные опасения, что англичане попытаются захватить наши американские владения, а защитить их было трудно. Воспользовались США, предложили купить Аляску, однако царь это отверг. Вместо реальной продажи в руководстве Российско-американской компании придумали договор о фиктивной продаже сроком на 3 года за 7 млн 600 тыс. долларов – применить этот план следовало лишь при крайней

необходимости [33, с. 164].

Но за 5 дней до войны, 22 марта 1854 г., правительство Англии все же утвердило договор о нейтралитете. Боялось, как бы русские не подняли против английских соседей алеутов, эскимосов, индейцев, что обернулось бы погромом факторий и большими убытками. Опасалось и втягивания в войну США. Правда, при утверждении Лондон урезал рамки договора. Нейтралитет распространялся только на американские владения – хотя под флагом Русско-американской компании существовали базы и селения на берегах Охотского моря, Сахалине, Курильских островах. Не признавался нейтралитет и на море. С началом войны англичане на Тихом океане развернули охоту за русскими кораблями.

Муравьев разослал приказ всем судам следовать в бухту Де Кастри. Их укрывали в устье Амура – открытия Невельского царь держал в строжайшем секрете, враги о них не знали. А проекты освоения Амура война подтолкнула. Китаю засылали предложения о пересмотре границ – он предпочел тянуть, не отвечал. Но Муравьев решил действовать «явочным порядком». Весной 1854 г. в казачьей станице Усть-Стрелочной у слияния Шилки и Аргуни, где было всего 25 домов, собралось несколько Сибирских линейных батальонов, строили плоты, баржи, доставили даже пароход «Аргунь». Первый сплав по Амуру Муравьев возглавил сам. Взял с собой часть солдат, полторы сотни казаков. Разведывали реку, садились на мели. Но время не ждало: на Николаевском посту в устье Амура было всего 30 солдат и 2 пушки. Баржи и плоты преодолели 2800 км, доставили пополнения, артиллерию. Заложили город Мариинск, рядом казачью станицу Кизи.

А англичане главной задачей на Дальнем Востоке видели захват Петропавловска-Камчатского. Его уже начали укреплять, но у губернатора, генерал-майора Завойко, было всего 11 орудий и 230 солдат. Формировали команды из местных казаков, охотников-ительменов. Случайно в Петропавловск зашел фрегат «Аврора» с больной командой. Но и Муравьев успел прислать военный транспорт «Двина» с подмогой. Число защитников увеличилось до 988, орудий – до 67. На «Авроре» и «Двине» сняли пушки с одного борта, установили на батареях.

17 августа появилась эскадра адмирала Прайса – 3 английских и 3 французских корабля с десантными частями. И в артиллерии, и в живой силе враги превосходили втрое. Сражение кипело 5 дней. Под ураганным огнем гарнизон отбил два массированных штурма. Погиб Прайс – по английской версии, застрелился или неосторожно чистил пистолет. Но, скорее всего,

его сразил русский осколок при метком попадании в корабль. Элитный Гибралтарский полк был уничтожен, его штыковой контратакой скинули с 40-метрового обрыва. Вражеские корабли получили серьезные повреждения и отчалили не солоно хлебавши. С рапортом о победе помчался лейтенант Максутов. Через всю Сибирь в Петербург он добрался в рекордные сроки, в ноябре. Его сразу принял царь. Офицер привез трофейное знамя Гибралтарского полка, а рапорт Завойко Николай I повелел опубликовать в газетах. Это была пощечина врагам на их хвастливые реляции, и английская пресса взвыла: «Всех вод Тихого океана недостаточно, чтобы смыть позор британского флага». Как видим, «крепостническая» Россия очень успешно противостояла «передовому» Западу.

Глава 9. Наследник принимает командование

Погребение Николая I

На Кавказе неприятели наметили наступать на соединение с Шамилем. Для этого тремя группировками сосредоточилась турецкая армия Куршид-паши (французского генерала Гюйона). С Шамилем поддерживали связь, султан произвел его в «генералиссимусы черкесской и грузинской армии». Правда, имам назвал титул «пустым звуком» и султанским вассалом быть не желал. Но решил прорваться навстречу союзникам. Собрав 15 тыс. горцев, в июне 1854 г. вторгся в Грузию. Однако для количества он поднял разношерстное воинство со всего Кавказа. Награбив богатую добычу, оно стремилось по домам. А царское командование перебрасывало наперерез войска, погнало мюридов обратно в горы.

Впочем, Шамилю оказалось уже и не к кому прорываться. Русская армия в Закавказье значительно уступала туркам и тем не менее, сама перешла во встречное наступление. Фланговые неприятельские корпуса разгромили отряды Андроникова и Врангеля (каждый был втрое меньше противника), взяли крепость Баязет. А центральному 18-тысячному корпусу Бебутова Гюйон приготовил ловушку. У селения Кюрюк-Дара его окружили 60 тыс. турок, навалились с разных сторон. Сражение гремело 8 часов, и русские… одержали полную победу. Потеряв 10 тыс. убитых, раненых и пленных, Гюйон бежал в крепость Карс. Для развития успехов сил у царских генералов не хватало. Но

вражеские планы прорваться на Кавказ они похоронили.

А на Дунае предполагалось вторжение в Россию. Соединились французская, британская, турецкая армии. Но Австрия, урвав под контроль Валахию и Молдавию, трусила вступать в войну, и территория Дунайских княжеств получилась нейтральной. Для наступления осталась только Добруджа – полоса между нижним течением Дуная и Черным морем (в то время она относилась не к Валахии, а к Болгарии). По этой полосе двинулись французы. Не тут-то было, их потрепал отряд генерала Ушакова. Выводы разведки были неутешительные. Для наступления пришлось бы форсировать Дунай, брать Измаил – а на другом берегу стояла армия Горчакова. Переправу мог бы обеспечить многочисленный флот, но… устье реки оказалось перекрыто морскими минами, артиллерией и ракетными установками. С моря не сунешься.

Добруджа обернулась для неприятелей тупиком. Выход предложил британский главнокомандующий Раглан. Плюнуть на прежние планы. Имея огромный флот, быстро перекинуть войска в Крым. Для русских это станет неожиданным, у них в Крыму сил было мало. А пешими маршами с Дуная еще когда дойдут! Англичане одной из главных задач как раз и видели уничтожение Севастополя и Черноморского флота. Взвинченное «общественное мнение» Запада давно жаждало побед, которых не было, – и французы согласились. А мнения турок никто не спрашивал. В Варне загрузилась армада из 350 судов.

Оборону Крыма возглавлял морской министр князь Меншиков. Он уже начал укреплять Севастополь с суши, предвидел высадку. Но рассчитывал, что осень на Черном море – время штормов, и враги не нападут до весны. Вот тут он ошибся. 1 сентября в Евпаторию прибыл десант, сбил русское охранение. А на следующий день выплеснулась вся масса англичан и французов: 60 тыс. солдат, 134 полевых и 72 осадных орудия. Меншиков собирал войска, разбросанные по полуострову: 33 тыс. штыков и сабель, 84 орудия. И части-то были второсортные, оставленные для тылового охранения.

Контратаковать Меншиков отказался – высадку прикрывал весь флот. На ровном, как стол, берегу у Евпатории русских расстреляли бы артиллерией. Князь выбрал позицию на речке Альма, перекрыв дорогу на Севастополь. 8 сентября на наши войска навалились вдвое превосходящие силы. Невзирая на это, наши второсортные полки отбили все атаки и на правом фланге, и в центре. Лишь на левом, приморском, вражеский флот перемешал позиции артиллерией, и французская дивизия зуавов обошла его по кромке берега. Хотя разгромить маленькую русскую армию противник не смог. Она потеряла 5700 убитых и

раненых, но и неприятелей положила 3300 (может, и больше, свои потери французы и англичане очень сглаживали). А при обходе Меншиков в полном порядке отступил на север, к Бахчисараю.

В Севастополь, где оставались только моряки, он послал предложение затопить старые корабли, перекрыв вход в бухту, их орудия и экипажи поставить на бастионы. Военный совет принял это решение. Все жители вышли возводить укрепления. Бухты разделяют город на две части, Северную и Южную. В первую очередь строили оборону на Северной, откуда ждали врагов. Наверняка не успели бы. Но французы с англичанами грубо ошиблись, что город сильно укреплен. Наспех построенные и еще не вооруженные позиции Северной стороны сочли подтверждением и настроились на осаду. А для осады они уже присмотрели себе Балаклавскую и Камышовую бухты южнее Севастополя, куда могли бы причаливать их суда, подвозить припасы.

Вместо броска вперед их армия двинулась в обход, вокруг города, подарив защитникам время. Пока она обустраивала лагеря, рыла траншеи, строила батареи, в городе завершали работы. Меншиков подкрепил гарнизон, довел до 30 тыс. Только 5 октября противник открыл бомбардировку. Трое суток с осадных батарей и кораблей сыпались бомбы и ядра в надежде деморализовать защитников, вынудить к сдаче. Погиб один из руководителей обороны Корнилов, выбыло из строя около тысячи человек. Но и Севастополь отвечал огнем, враги потеряли столько же.

А после бомбардировки неприятели стали приближаться к укреплениям траншеями. Меншиков опасался штурма. К нему начали подходить войска с Дуная, и он наметил частную операцию, отвлечь противника от Севастополя. Высмотрели участок послабее под Балаклавой, где стояли турки, 13 октября его атаковали 16 тыс. пехоты и конницы. Предполагалась только демонстрация, после жаркой схватки разошлись на прежних позициях. Но задумка Меншикова не удалась. Сил у врагов было много, заставить их развернуться от Севастополя не получилось. Зато атака показала противнику его уязвимые места, их укрепляли, выдвинули на опасный фланг дополнительные контингенты.

Между тем с Дуная прибывали свежие силы, армия в Крыму достигла 100 тыс., и Меншиков задумал решительный удар. Но противник был уже настороже. Участок для наступления под Инкерманом выбрали неудобный – горы, овраги, густой кустарник. 5 ноября в тумане колонны сбились с направлений,

вступали в бой по очереди. Смяли англичан, а лучшая французская дивизия зуавов врезалась во фланг. Отступили в беспорядке под ливнями картечи. Потеряли 3,5 тыс. убитых и 8 тыс. раненых, неприятели – втрое меньше. Севастополю никакой пользы сражение не принесло.

Хотя и англичане с французами в осаде крепко застряли. Еще из Болгарии они привезли холеру. От болезней умерли оба главнокомандующих, Раглан и Сен-Арно. Да и расчеты Меншикова, что осенью крупные операции в Крыму проводить нельзя, подтвердились. Буря разбила и потопила 58 неприятельских судов, погибли тысячи моряков. На потонувших транспортах находился весь груз зимней одежды и медикаментов для осадной армии. Она отчаянно мерзла, это умножало болезни.

Но сказывались и особенности самого Меншикова. Человек умный, смелый, он был капризным, избалованным циником. И вольнодумцем, масоном. Николай Мотовилов, биограф и «служка» Серафима Саровского, послал царю для воинов копию иконы Пресвятой Богородицы «Умиление» – перед которой всегда молился и преставился батюшка Серафим. Николай I знал о святом, почтительно отправил икону в Севастополь. А Меншиков забросил ее в чулан. Лишь после запроса самого государя икону извлекли и поставили на Северной стороне – и ведь неприятели ее так и не взяли. А архиепископ Херсонский Иннокентий привез в Севастополь чудотворную Касперовскую икону Божьей Матери, но Меншиков даже не захотел принять его, отослал прочь гонца: «Передай архиепископу, что он напрасно беспокоил Царицу Небесную – мы и без Нея обойдемся» [34].

Причем вольнодумство сочеталось в нем с полной неприязнью технических новинок. Он боялся железных дорог и не ездил на поезде. А при обороне Крыма отказался от морских мин – иначе не потребовалось бы топить корабли на входе в бухту, да и у вражеских гаваней можно было по ночам наставить. Между тем мины успешно применялись по соседству, под Очаковом, на Дунае. 600 ракет Константинова Меншиков все же заказал. Но велел испытать их – не залпами, как полагалось, а по одной. Объявил, что они неэффективны, отправил на склад, а ракетчиков перевел в артиллерию.

А после поражения под Инкерманом он впал в пессимизм. Уже не верил в возможность удержать не только Севастополь, но и Крым. В Петербурге стало известно, что на полуостров посылают подкрепления и выгружать будут в Евпатории. Царь настаивал отбить этот город и сорвать высадку. Меншиков отреагировал лишь после понуканий, опоздал. Да и выделил всего 19 тыс. штыков и сабель, когда в Евпатории уже высадились

30 тыс. турок и французов. Генерал Хрулев попытался решить задачу внезапным налетом. Но местные татары известили врагов. Те прислали в Евпаторию флот. Атаку накрыли бешеным огнем. Но и сами кинулись преследовать, им тоже всыпали. Наш отряд потерял 168 убитых и 583 раненых. Неприятель – 105 убитых и 314 раненых.

Западная пресса раздула масштабы «грандиозной» победы – силилась приукрасить безрадостную картину, поднять настроения обывателей. Британский кабинет возглавил в это время Палмерстон, он вместе с французами выискивал любые средства, чтобы переломить ситуацию в России. Тут-то пригодился Герцен. Как раз к началу войны он получил достаточные средства, открыл в Лондоне «Вольную русскую типографию». И первой ее продукцией с 1854 г. стали воззвания к русским солдатам – изменять Родине и переходить на сторону интервентов. Особенно активно они распространялись в Польше, для этого подключили местных сепаратистов. Но подобные методы еще не сработали. Перебежчиков с листовками Герцена не зафиксировано ни одного.

Куда более успешно действовали британские и французские дипломаты. К их коалиции присоединилось Сардинское королевство, отправило в Крым 15 тыс. солдат. В Германии англичане набрали добровольческую бригаду, 4250 офицеров и солдат. Еще одну бригаду из 2200 добровольцев послала на фронт Швейцария. А Австрия уже официально вступила в союз с Англией и Францией. Об этом секрете разузнал и сообщил новый посланник в Вене Александр Горчаков, и царь писал: «Коварство Австрии превзошло все, что адская иезуитская школа когда-либо изобретала….» [35, с. 303–308]. Впрочем, схватиться с русскими у австрийцев еще не хватало духу. Они играли в миротворцев, созвав в Вене конференцию воюющих держав.

Николай I пошел на серьезные уступки – соглашался передать Валахию, Молдавию и устье Дуная под совместный протекторат России, Англии, Франции, Австрии и Пруссии. Хотя отнесся к конференции скептически: «Толку не ожидаю, разве турки со скуки от своих теперешних покровителей не обратятся к нам, убедясь, что их мнимые враги им более добра хотят, чем друзья» [36]. Положение России оставалось трудным, но прочным. Атаки врагов отразили на всех фронтах. Севастополь стойко держался – и царь повелел для защитников месяц службы считать за год.

Да, в Крыму случилось несколько неудач. Однако на общей обстановке они не сказывались – даже неудачные сражения изматывали неприятелей, подталкивали к снятию осады. Но Крымский театр боевых действий даже не считался главным! К

концу 1854 г. у русских здесь находились 169 батальонов пехоты, 79 эскадронов кавалерии. А на Балтийском побережье стояли 230 батальонов и 118 эскадронов – ведь англичане с французами и тут могли высадиться. В Польше развернулась армия Ридигера – 144 батальона и 97 эскадронов, на Днестре – армия Горчакова, 149 батальонов и 203 эскадрона. Ждали, что войну начнет Австрия, а то и вместе с Пруссией.

Николай I допускал такой вариант, но не боялся его, твердо уповая на Бога. Ведь и в 1812 г. Россия выдержала схватку со всей Европой. Государь писал: «Мы одушевлены правотой нашего святого дела, мы обороняем свой родной край против дерзких и неблагодарных вероломных союзников. Эти чувства удваивают нашу нравственную силу» [37]. Формировались резервные корпуса, как раз и пригодились запасники, накопленные после перевода солдат на 15-летнюю службу. По примеру 1812 г. царь повелел собирать ополчение – и народ поднимался добровольно. Казаки объявили общую мобилизацию. Одно лишь Донское войско выставило 87 полков и 14 батарей.

Правой рукой императора в военных делах стал наследник. Он готовил и отправлял из Петербурга подчиненные ему части Гвардейского и Гренадерского корпусов, кого-то в Крым, а большинство в Польшу, это направление считалось более опасным. Цесаревич занялся и формированием резервов. Никто не снимал с него и задачу обороны столицы и побережья Финского залива. А царь был полон энергии, собран. Он лично составлял планы на случай вступления в войну одной Австрии, или с Пруссией, или еще и со Швецией. Распределял силы, предусматривал разные варианты. Австрийцев он ставил невысоко – считал возможным сокрушить их одним встречным ударом, но не зарываться: вышибить за Карпаты и запереть перевалы. Этими планами отец делился с Александром, рассылал их Паскевичу в Польшу и Горчакову на Дунай [36; 37, с. 683–684].

Однако 27 января 1855 г. царь простудился или подхватил грипп в легкой форме. Он продолжал работать, 7 февраля начался Великий пост, и Николай Павлович стал поститься со всей семьей. Чувствовал себя уже нормально. 9 февраля поехал в Манеж проводить батальоны, убывающие на фронт. После этого наступило ухудшение, но временное. 11 февраля Николай Павлович собирался в церковь – врачи отговорили. 15-го вернулся к работе. Принимал доклады. Получив рапорт о неудаче под Евпаторией, император по тону понял: Меншиков сломался морально. Продиктовал сыну указ о его отставке. Занимался и другими делами. А 16–17 февраля болезнь внезапно и обвально обострилась…

Сопоставление многочисленных фактов и подробностей трагедии позволяет прийти к выводу: скорее всего, Николай I был отравлен. Развернутые доказательства я привел в другой своей работе и не буду здесь повторяться [13, с. 407–415]. Но версия убийства, впоследствии затертая либералами, была очень распространена. Графиня С. Д. Толь писала: «Умер ли он своей смертью? Многие современники упорно уверяли, что он был отравлен одним из докторов, которого будто бы подкупил на это злодеяние французский император Наполеон III» [38]. Об убийстве прямо писала великая княгиня Мария Павловна – во время болезни она неотлучно дежурила возле царственного брата. Такого же мнения была фрейлина М. П. Фредерикс [39].

Заинтересованы были не только Англия с Францией, в самой России имелась сильная партия «противников войны». То есть капитулянтов, готовых любой ценой восстановить «дружбу» с вожделенным Западом. Впрочем, и «миролюбцы» были связаны с Парижем и Лондоном масонскими узами. А царь стал для них главной помехой. Исполнителем, судя по всему, стал лейб-медик Мандт, сумевший втереться к Николаю I в полное доверие. А болезнь государя, с одной стороны, дала повод к «лечению». С другой – позволила списать смерть на «естественные» причины.

В дворцовой аптеке Мандт препараты не заказывал. Ссылаясь на собственные методики, лечил неизвестными порошками, которые сам приносил в кармане [39]. А протоколы вскрытия для всех членов Царского дома сохранились – и только протокол Николая Павловича исчез [39]. Что не удивительно. Этим заведовал директор медицинского департамента Военного министерства и начальник Медико-хирургической академии Вацлав Пеликан – закадычный друг Мандта, поляк, до 1832 г. ректор Виленского университета, закрытого Николаем I как гнездо революционеров. Государь его не обидел, дал высокие должности в России. Но он с идеями «свобод» не расстался, императора ненавидел.

Мандт до последнего момента, до 21 часа 17 февраля, заверял всех, что «опасности никакой нет». Консилиум светил медицины не созывался. Наследник все же выделил в помощь для лечения отца своих лейб-медиков, Карреля и Енохина. Но они были молодыми, перед авторитетом Мандта «не смели пикнуть». И именно они подняли тревогу. В ночь на 18 февраля, когда Мандт ушел отдохнуть, известили цесаревича, что дело совсем плохо. Начальник II Отделения Его Величества канцелярии Блудов срочно разослал указания в храмы, служить молебны о здравии царя (в народе о его болезни даже не знали, ее не считали тяжелой). А дочь Блудова Антонина обратилась к

Мандту – требовала, чтобы государь приобщился С в. Таин.

Лейб-медик, вероятно, понял, что дальше тянуть нельзя. В 2 часа ночи, вернувшись к императору, будто бы лишь сейчас обнаружил угрозу. Начал закидывать удочки о визите духовника, протоиерея Василия Бажанова. Николай Павлович догадался. Спросил прямо: он умирает? Шеф жандармов Дубельт сообщает, что Мандт опять начал выкручиваться. Но государь по его тону понял правду. Сказал: «Теперь я знаю, что мне делать». Сам велел позвать наследника и священника, объявил им – состояние безнадежно [40]. Свидетелей его последних часов было много, и все подтверждают: внезапное известие о скорой смерти царь принял с полнейшим самообладанием. Он исповедовался, твердым голосом прочитал перед Причастием молитву: «Верую, Господи, и исповедую…» А после Причастия сказал: «Господи, прими меня с миром». Благословил детей и внуков, с каждым поговорил отдельно. Потом велел родным удалиться.

Даже в эти последние часы он принадлежал не семье, а России. Простился с соратниками. Вызвал к себе нескольких солдат – поручил им передать прощальный привет их товарищам. Наследнику велел от его имени проститься со всей гвардией и армией, особенно с защитниками Севастополя: «Скажи им, что я и там буду молиться за них, что я всегда старался работать на благо им. В тех случаях, где это мне не удалось, это случилось не от недостатка доброй воли, а от недостатка знания и умения. Я прошу их простить меня».

Царь сам отдал приказ заранее собрать гвардейские полки – чтобы принесли присягу сыну сразу же, как только отец испустит последний вздох. Уже под утро доложили, что прибыл курьер из Севастополя. Николай ответил: «Эти вещи меня уже не касаются. Пусть он передаст депеши моему сыну». В 8 часов духовник начал читать отходную. Страдания государя усиливались. Он говорил: «Если это начало конца, то это очень тяжело. Я не думал, что так трудно умирать». Держал за руки супругу и сына, читал свою любимую молитву: «Ныне отпущаеши…» Около 10 часов император потерял дар речи. Но после полудня снова заговорил.

Обратился к наследнику: «Мне хотелось, приняв на себя все трудное, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение судило иначе. Теперь иду молиться за Россию и за вас. После России я вас любил больше всего на свете. Служи России». Царь захрипел, дыхание сбивалось. Он напутствовал сына: «Держи все, держи все» – и показал рукой, что держать надо крепко. По лицу Николая Павловича пробежала судорога, голова откинулась. У присутствующих вырвался общий крик. Но государь вдруг открыл глаза, поднял их к небу – и улыбнулся. С

этой улыбкой и ушел в мир иной [41]…

Протоиерей Василий Бажанов свидетельствовал, что он в своей жизни наставлял перед кончиной многих, но никогда не видел такой веры, торжествующей над приближающейся смертью [42]. Николая Павловича ставил в пример верующим и митрополит Платон Киевский: «Так умирать может истинный христианин, истинный сын Православной Церкви; он почил, держа в руке крест Христов – символ нашего спасения. Многие ли так умирают из нашей монашествующей братии? С таким ли бесстрашием встречаем смерть мы, отрекшиеся от мира и поставившие задачею отшельнической жизни встречу со смертию, как с переходом в иную, лучшую жизнь?» А сенатор К. Н. Лебедев оценивал: «14 декабря и 18 февраля – славнейшие дни в жизни этого монарха».

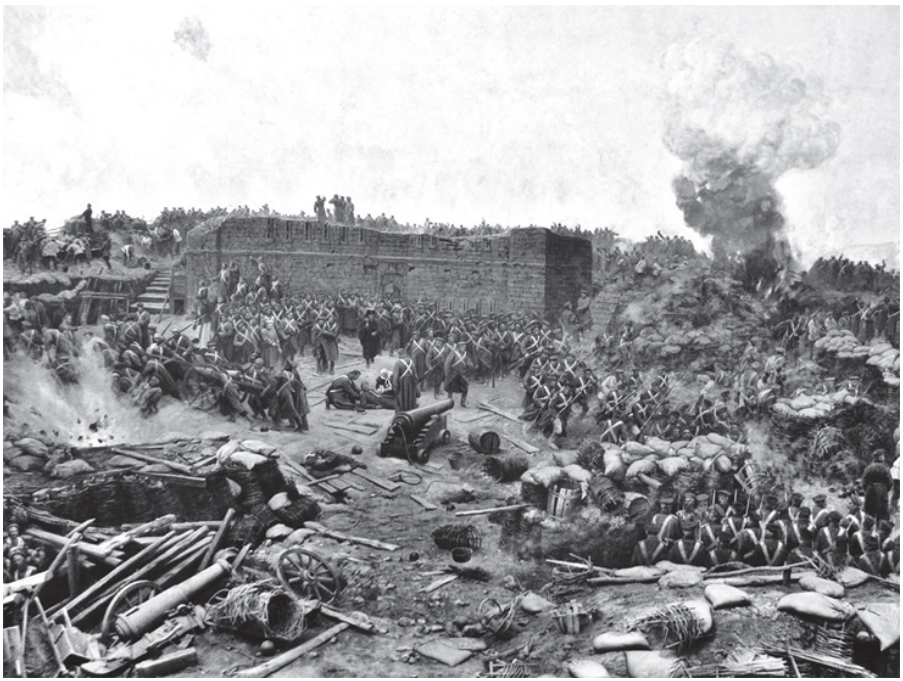
Александр Николаевич превратился в императора Александра II. Сенат, Синод, чиновники, полки начали приносить ему присягу. Его готовили к престолу всю жизнь – а занять его случилось так неожиданно. Сын потерял отца. Был в шоке. На собравшемся заседании Государственного совета он сквозь слезы выдавливал свое горе, повторял последние слова Николая Павловича. Рыдали и присутствующие. В отчаянии был и весь народ. Толпы хлынули к Зимнему дворцу. Выли, рыдали. Дубельт отмечал: «Плач всеобщий… Скорбь так велика, что описывать ее – дело невозможное».

Впрочем, была и другая реакция. Приближенный нового государя Дмитрий Милютин вспоминал: «Когда народ стекался на панихиды и повсюду выражалась скорбь об утрате великого Государя, с личностью которого привыкли связывать представление о величии самой России, – в то же время в известной среде людей интеллигентных и передовых радовались перемене царствования… В известных кружках речь о кончине императора Николая вызвала ликование; с бокалами в руках поздравляли друг друга с радостным событием» [43]. Революционер Шелгунов выражался еще более откровенно: «Николай умер. Надо было жить в то время, чтобы понять ликующий восторг “новых людей”; точно небо открылось над ними, точно у каждого свалился с груди тяжелый камень, куда-то потянулись вверх, вширь, захотелось летать» [37, с. 693].

Да, смерть Николая Павловича чрезвычайно порадовала и внешних врагов, и поднявшую голову прослойку людей, горделиво объявлявших себя «интеллигентными», «передовыми», «новыми». Кстати, Мандту никаких официальных претензий не предъявлялось, но высший свет от него отвернулся, двери перед ним закрылись, и он предпочел исчезнуть из России. Поселился в

Германии, в тихом Франкфурте-на-Одере. Был еще не стар, хвалился отменным здоровьем. Но венценосного пациента он пережил всего на 3 года. Скоропостижно скончался в 1858 г. в возрасте 58 лет. Разве не похоже, что он «слишком много знал»?

Глава 10. Проиграла ли Россия всей Европе?



Оборона Севастополя. Художник Ф. Рубо

Александр Николаевич был подготовлен к царствованию гораздо лучше, чем любой из предшествующих монархов России. Ему было 37 лет, он являлся ближайшим помощником отца, и перемен как будто не подразумевалось. Уже на следующий день, 20 февраля, на встрече с иностранными дипломатами он подтвердил это: «Я готов протянуть руку примирения на условиях, принятых моим отцом. Но если совещания, которые откроются в Вене, не приведут к почетному для нас результату, тогда я во главе моей верной России и всем народом смело вступлю в бой» [4, с. 129].

Но нет, кое-что переменилось. Смерть прежнего императора окрылила Англию и Францию. Но открывшейся в Вене конференции пункты, на которые соглашался Николай I и которые предварительно согласовали они сами, теперь объявили недостаточными. Выставили требования, чтобы Россия гарантировала территориальную целостность Османской империи, разоружила Севастополь, ликвидировала Черноморский флот. Даже австрийский канцлер Буоль счел, что это слишком.

Уговорил смягчить формулировку – ограничить Черноморский флот. Россию представлял Александр Горчаков. После консультаций с Петербургом выразил согласие не «гарантировать», а «уважать» территориальную целостность Турции, попытки ограничить наши права на Черном море отверг. Но такой вариант не устроил Наполеона III и Палмерстона. Они без Николая I рассчитывали на более весомые плоды победы и дальнейшие переговоры сорвали.

Война продолжалась еще по приказам и планам покойного государя. По его последним указам получил отставку Меншиков, в Крыму его сменил Михаил Горчаков, в руководстве Морским министерством – брат Александра II, великий князь Константин. Новый император оставил при себе помощником по военным делам понравившегося ему генерал-майора Милютина. Зачислил в свою свиту, создал при его участии Комиссию для улучшения по военной части. По повелениям Николая I продолжались рекрутские наборы, сбор ополчения. В армию влились 372 тыс. солдат, 352 тыс. ополченцев. На защиту Отечества было собрано 6,3 млн руб. добровольных пожертвований.

Еще с декабря с приказом Николая I мчался через всю Россию лейб-казачий есаул Мартынов. После разгрома англичан и французов в Петропавловске государь предвидел, что они непременно захотят отомстить, пришлют подавляющие силы. Поэтому повелел эвакуировать город. Мартынов прибыл на Камчатку в марте, Николая Павловича уже не было в живых. Хотя о перемене на престоле здесь еще не знали, а приказ начали выполнять всем населением. Рушили укрепления, причалы, даже дома разбирали по бревнышкам. Что могли, грузили на фрегат «Аврора», транспорт «Двина». Остальное жгли, прятали. Муравьев прислал еще корвет «Оливуца», транспорты «Байкал» и «Иртыш». Местных казаков и ительменов Мартынов увел в сопки – если понадобится, вести партизанскую войну. А прочие жители и гарнизон пропилили в бухте лед, выводя корабли. Губернатора Завойко Николай I наградил орденом С в. Георгия III степени, поправил ему чин из генералов в контр-адмиралы. Он возглавил эскадру, отчалившую в море.

Успели буквально под носом у врагов. 8 мая 1855 г. в Петропавловск нагрянули 14 британских и французских кораблей. Нашли они пустое место. Совершенно непригодное, чтобы базироваться, использовать бухту в качестве порта. Разъяренные неприятели устремились в погоню, потопить «пловучий город». Три их корабля обнаружили русские суда в бухте Де Кастри. Завойко открыл огонь и после короткого боя повернул вглубь бухты. Преследовать враги не рискнули,

блокировали выход из нее, вызвали своих. Но когда собралась вся их эскадра, корабли Завойко… исчезли.

Они воспользовались секретными открытиями Невельского. Под покровом тумана ускользнули через неведомый иностранцам узкий пролив между Сахалином и материком, укрылись в устье Амура. Выгрузились, и на месте Николаевского поста вырос город, Николаевск. А англичане и французы, обшаривая бухту Де Кастри, обнаружили на берегу только Александровский пост. Решили уничтожить хотя бы его, высадили десант, но неожиданная атака казаков обратила их в бегство. Да, зацепиться здесь стало уже проблематично. Муравьев проводил новые сплавы по Амуру, по левому берегу росли казачьи посты и станицы, в устье реки умножались гарнизоны. Россия выиграла битву за Дальний Восток.

Огромный вражеский флот, 67 кораблей, в мае пожаловал и в Финский залив. Но четыре судна, сунувшись к Кронштадту, подорвались на минах. Больше желания пробовать не нашлось. Британцы с французами выманивали русский флот в море – он не клюнул. Враги ушли к берегам Финляндии искать легких побед. Погромили бомбардировками крошечные крепости Рочесальм и Свартхольм. Но в Свеаборге нарвались на сильную оборону. Орудия грохотали 45 часов, по крепости выпустили 20 тыс. снарядов. Однако подступы к ней прикрывали минные заграждения, десант русские отбили, и неприятельским кораблям крепко досталось от ядер и бомб, уползли ни с чем.

В Белое море на этот раз нагрянули 7 кораблей со 103 орудиями. Но и там Николай I успел укрепить оборону, архимандрита Соловецкого монастыря лично пригласил к себе, расспрашивал, выделил ему пушки, ружья, боеприпасы. Прорываться к Архангельску и осаждать монастырь англичане с французами больше не рискнули. Пакостили по мелким селениям и все равно получали отпор. Отряды из местных жителей отразили десанты от деревни Лямца, Кандалакши.

Но основным эпицентром боев оставался Севастополь. Неприятели довели армию в Крыму до 170 тыс. Хотя в результате у них только росли потери. В апреле 1855 г. они открыли вторую массированную бомбардировку, за 10 дней выпустили по городу 165 тыс. бомб и ядер. После этого готовился штурм, но его отменили. Потому что русские по ночам исправляли разбитые укрепления, отвечали жестоким огнем, побили немало осаждающих. На требование Наполеона III атаковать французский главнокомандующий Канробер подал в отставку, был заменен генералом Пелисье.

Но и он, обсудив с англичанами, пришел к выводу, что

сломить оборону проблематично. Придумали обход через Азовское море. Захватить перешейки Крыма, и русские на полуострове останутся без снабжения. Вражеский флот, 67 кораблей с 16 тыс. десанта, двинулся к Керчи. Там стояли небольшая Азовская флотилия и пехотный гарнизон. Шквалы сотен орудий парализовали оборону. Наши части отступили в Феодосию, моряки сожгли и взорвали 13 своих судов, на 4 оставшихся ушли в Азовское море. Противник занял Керчь без боя, но, как отметил военный историк А. А. Керсновский: «Войска “просвещенных европейцев” вели себя хуже людоедов, не щадя ни женщин, ни детей» [44].

Во избежание аналогичной беды царь приказал эвакуировать Новороссийск, Анапу, Геленджик. Враги этим воспользовались. В Анапе высадились турки, сделали ее своей базой. Установили связи с князьями немирных горцев, с наибом Шамиля на Западном Кавказе Магомед-Амином. Договаривались о совместных ударах, но русские учли подобную угрозу. Шамиля так зажали в горах, что он ничего предпринять он не мог. А через Керченский пролив вошли в Азовское море 20 вражеских кораблей с десантом. Засыпали снарядами крепостишку Арабат, городишко Геническ. Но неожиданностью это уже не стало, гарнизоны отбивались, к ним сразу двинулись подкрепления из Крымской армии. Захватить перешейки противнику не дали.

Эскадра стала искать другие объекты для побед. После 6-часовой бомбардировки высадила десант в Таганроге – там стоял учебный казачий полк из 17-летних юнцов и стариков-наставников. Контратакой он скинул врагов с обрыва в море. Они напали на Мариуполь – две сотни казаков десанту причалить не дали. Атаку сотни шлюпок отбили от Петровской станицы. Эскадра удалилась ни с чем. В Азовское море она возвращалась еще трижды, обстреливала прибрежные селения. Кое-где высаживала десанты для грабежей. Но местные казаки вступали в бой решительно, незваных гостей прогоняли, еще и захватили военный пароход «Джаспер», севший на мель.

А вот под Севастополем Пелисье оценил ключевую позицию, Малахов курган, сконцентрировал все усилия против него. Его значение понимали и русские. Главный инженер обороны Тотлебен выдвинул перед ним еще три укрепления, Охотский и Селенгинский редуты, Камчатский люнет. В попытках их захватить французы пролили моря крови. Лишь после третьей, трехдневной массированной бомбардировки они в жесточайших рукопашных овладели этими укреплениями.

6 июня грянул генеральный штурм. Завершился он убедительной русской победой. Телами французов было завалено

предполье перед Малаховым курганом и батареей Жерве, англичан – перед 3-м бастионом. Вражеское командование скисло, штурмовать больше не решалось. Наполеон III обрушил на Пелисье громы и молнии, запретил ему активные действия. Схватки продолжались тяжелые. При обстрелах погибли адмиралы Истомин, Нахимов, был ранен Тотлебен. Но позиционное перемалывание гораздо больше изматывало неприятелей, чем русских. А приближалась осень с холодами, непогодами, болезнями.

Однако начала сказываться и перемена на троне. Россия была уже насквозь заражена либерализмом. Скрытых западников, масонов хватало и в высших эшелонах власти. Только железная воля Николая I удерживала их в узде, не позволяла разрастаться сорнякам вольнодумства. А воспитание Александра Николаевича получилось двойным. С одной стороны, отцовское, державное. С другой – постарались Жуковский, Арсеньев и иже с ними, внушая собственные идеалы «просвещения», играя (а то и спекулируя) на лучших чувствах доброты, гуманизма. Когда он стал помощником отца, либеральное крыло уже целенаправленно пристраивало «своих» в его команду.

Любая война – серьезный экзамен для государства, вскрывает массу недостатков. И уж тем более когда на Россию неожиданно обрушилась вся Европа. Обнаружились крупные просчеты в военном планировании, снабжении, подготовке, комплектовании войск, в транспортном, медицинском обеспечении. Усугублялись проблемы обычным разгильдяйством, хищничеством, воровством. Между прочим, у врагов недостатков выявилось не меньше. Из-за этого их изначальные планы всюду проваливались. Под Севастополем впервые в истории война вдруг приобрела позиционный характер с неведомыми доселе закономерностями, страшными потерями. А поставщики и чиновники в Англии, Франции, Турции воровали не меньше, чем в России.

Но Запад профессионально выигрывал информационную войну. Собственные неудачи сглаживал, картинки приукрашивал. А отечественные западники привыкли воспринимать заграничную пропаганду как истину. Военное ведомство, например, повелось на рекламную английскую чепуху о штуцерах Энфилда. На Тульских заводах срочно стали налаживать их изготовление по трофейным образцам – хотя свои «люттихские» штуцеры были гораздо лучше. Опытные партии нарезных ружей в нескольких вариантах отправлялись в Севастополь, и воины признавали их отвратительными.

А русскую тыловую общественность недостатки возмущали. Еще в 1854 г. историк-публицист Погодин представил императору

«Письма о Крымской войне»: «Медлить нельзя. Надо приниматься и вдруг за все: за дороги… за оружейные, пушечные, пороховые заводы, за медицинские факультеты и госпитали, за кадетские корпуса и торговлю… за воспитание высшего сословия, да и прочие не лучше, за взятки, роскошь, пенсии, аренды, деньги, финансы, за все». Николай I изучил и выразил автору благодарность за анализ «снизу». Но с воцарением Александра II всевозможные записки хлынули потоком. От государственных и общественных деятелей, анонимные. Их подавали в дворцовую канцелярию, через знакомых в окружении царя, в различные ведомства, и при этом все они ходили по рукам, переписывались, обсуждались.

Кстати, количество авторов не превышало нескольких десятков, но создавалось впечатление «общего» мнения. Реальные факты (дополняя их слухами) вываливали сугубо негативные, формируя картину, что «у нас все плохо» и «так жить нельзя» (подразумевая, что «у них» все хорошо). Государь, знакомясь с этими записками, узнавал не только о недостатках – о многих он и сам знал. Его вольно или невольно втягивали в соответствующее информационное пространство. Пессимизма добавляли и доклады должностных лиц. Министр финансов Брок стонал о невыносимости для казны военных расходов. Военный министр Чернышев, а чаще Милютин, приносили безрадостные сводки потерь. Каково было Александру Николаевичу, выросшему на идеалах любви к подданным, воспринимать кровавые цифры?

В августе он не выдержал. Причем выход сперва стал искать в отцовском, энергичном ключе. Мы не знаем, – сам или подтолкнул кто-то из советников. В Крымскую армию как раз прибыли три свежие дивизии, и государь повелел созвать военный совет, «предпринять что-либо решительное, дабы положить конец сей ужасной войне». Это казалось и логичным: враги надломлены поражением, вот и нанести удар, заставить снять осаду. Тогда и дорога к мирным переговорам откроется.

Командующий армией Горчаков знал обстановку непосредственно и был против битвы. Но высочайшему приказу повиновался. 4 августа наша армия предприняла наступление на Черной речке. Но те же самые закономерности позиционной войны обернулись против русских. Прикрываясь со стороны Крымской армии, французы держали на этом направлении крупные силы, хорошо укрепили позиции на Федюхиных высотах. Под ураганным огнем наши войска все же ворвались туда, но уже поредели, и их вышибли контратакой. Потеряли 2 тыс. убитых, 4 тыс. раненых. Неприятельский урон оказался куда меньше – 350 погибших и полторы тысячи раненых.

Но самым пагубным стало то, что враги снова воспрянули духом. Пелисье одним махом реабилитировался перед Наполеоном III. Уже на следующий день он начал подготовку к новому штурму, 5 августа взревела пятая бомбардировка Севастополя. Четверо суток 800 орудий поливали его огнем. Потом обстрел ослабел, но не прекращался, мешая чинить разрушения, держа защитников в напряжении. 24 августа артиллерийский ураган забушевал снова на четверо суток, а 27-го, в необычное время, в полдень, все силы врагов хлынули на приступ. Даже теперь на всех участках их отбили – французы захватили лишь один, Малахов курган.

Но он господствовал над Севастополем, с него простреливались южная часть города и бухта. Дальнейшая оборона Южной стороны потеряла смысл. Хотя русское командование оказалось готово и к такому развитию событий. Еще за 12 дней до штурма по проекту генерала Бухмейера был построен (и освящен!) уникальный мост на плотах, протянувшийся почти на километр, через всю севастопольскую бухту. Ближайшей ночью все защитники в полном порядке были выведены на Северную сторону. То, что осталось от города после бомбардировок, зажгли. Пороховые погреба взорвали. С последних кораблей в бухте сняли орудия и затопили их.

А французов и англичан настолько измочалили, что они вообще не могли преследовать! Осторожно вступили в город только через 3 дня! Колоссальными жертвами и затратами они овладели… грудой развалин. И Севастополь-то отнюдь не взяли! Заняли лишь южную его часть со скороспелыми земляными бастионами, построенными в спешке. А на Северной стороне располагались долговременные мощные форты с каменными казематами, сотнями орудий. Враги за 350 суток сражений заняли только предполье перед главными твердынями!

Западная пропаганда трубила во все фанфары о фантастической победе. Пелисье стал национальным героем. Лондонский журнал «Панч» публиковал карикатуру, как ощипанная двуглавая ворона удирает от бравых британского и французского солдат. Но… на самом-то деле положение было обратным. Союзники были обескровлены. Выдохлись и пассивно остановились. Наполеон III запросил Пелисье о наступлении вглубь Крыма, тот ответил – если получит подобный приказ, сразу уходит в отставку. И лезть на Северную сторону Севастополя никто даже не пытался, там стояла русская армия, полностью сохранившая боеспособность.

Падение Южной стороны не выбило из колеи и Александра II. Базу Черноморского флота он велел перенести в Николаев,

отправил туда братьев Константина и Николая – налаживать работу на новом месте, эвакуировать туда флотские учреждения и склады. Перевел Тотлебена, срочно укреплять Николаев. Следом поехал и сам с братом Михаилом. Побывал в Севастополе. На передовой – неприятели располагались на противоположной стороне бухты и за Черной речкой. Но не стреляли, не атаковали. Наступило полное затишье, будто война закончилась. А наши войска воодушевились: сам царь к ним приехал! Тысячи раненых вышли из госпиталей и построились. Александр был растроган, пошел по рядам со словами благодарности. Он посетил все лазареты. Снова благодарил, утешал, некоторых обнимал и целовал. На братском кладбище рыдал, молился на могилах героев. Осмотрев войска, государь убедился – отступление вовсе не подорвало их дух. Они были по-прежнему готовы встретить врагов где угодно и когда угодно. Александр Николаевич вручил награды, всех защитников Севастополя пожаловал специально учрежденной медалью на Георгиевской ленте.

А вот враги оказались в тупике. Под Севастополем застряли, ни на что больше не способные. Вспомнили еще одну цель войны. Соединиться с мюридами Шамиля, поднять против России весь Кавказ. Лучшие части, высвободившиеся в Севастополе, погрузили на корабли. 6 тыс. французов и англичан в сентябре высадились на Тамани. Второй десант наметили у Голубицких хуторов. Наметили захватить устье Кубани, ввести туда флотилию и вместе с ней наступать вверх по реке. Из Анапы турки связались с местным князем Сефер-беем. У него было 7 тыс. воинов, на подмогу к нему горными тропами провели 2 тыс. турецких аскеров. Он должен был ударить навстречу. Атаками с двух сторон возьмут Екатеринодар, русских это деморализует, а Кавказ взорвется войной.

В это время наместник Кавказа генерал от инфантерии Николай Муравьев (не путать с генерал-губернатором Восточной Сибири) с главными силами находился далеко на юге, осаждал мощную турецкую крепость Карс. А на Северном Кавказе наших войск оставалось очень мало. Но контакты врагов с Сефер-беем русское командование отследило, замыслы разгадало. Против целого корпуса на Тамани выдвинулся лишь заслон, 240 черноморских пластунов. Однако они так умело изображали крупные контингенты, что англичане и французы поверили. Остановились на плацдарме, осторожно вели разведку.

А все наличные русские части сосредоточились у Темрюка. Приняли бой с эскадрой противника, подошедшей к Голубицким хуторам, десанту зацепиться на берегу не дали. И передвижения Сефер-бея отследили, перекрыли ему дорогу. Он 6 дней бросался

в атаки то у Джигинской батареи, то у Варениковской, положил всех присланных ему турок и немало своих джигитов, но его разбили и прогнали. А уж потом все наши войска стали стягиваться к Тамани. Обнаружив это, враги предпочли эвакуировать свой корпус. Да и прорываться ему было уже не к кому.

Правда, изменил начальник в Сухуме, грузин Шервашидзе. Там высадилась еще одна группировка, 40 тыс. турок Омер-паши. Он двинулся в Грузию, дошел до Зугдиди. Наперерез ему стали перебрасывать что только можно – гарнизоны, ополченцев, казачьи команды. В боях на р. Техури врагов остановили. А простые грузины вовсе не сочувствовали изменникам, развернули против турок партизанскую войну. Омер-паше пришлось отступить.

Ну а англичане с французами искали: где же еще возможны успехи? Там, где можно использовать господство своего флота. Узнали о перемещении русской морской базы в Николаев, там располагались и судоверфи. В октябре туда направились все вражеские силы на Черном море, аж 80 кораблей. Подступы к Днепровско-Бугскому лиману охраняла старенькая, еще суворовская крепость Кинбурн: 50 легких пушек и 1500 солдат генерала Кохановича – в основном необстрелянных новобранцев. Вся армада бомбардировала ее двое суток, высадила 8 тыс. десантников. Русские отстреливались до конца, а когда раздолбали последние их батареи, капитулировали.

В Кинбурне оставили сардинцев и алжирцев, а флот двинулся к Николаеву. Но в устье Буга наткнулся на минные заграждения, метко ударили береговые русские батареи, и масса кораблей повернула обратно. А неприятельский гарнизон в Кинбурне окружили казаки. Солдаты и офицеры, выходившие из крепости за продовольствием или по другим нуждам, не возвращались. 119 были убиты, 48 попали в плен. Остальные издергались в страхе, и их вывезли, бросив развалины Кинбурна.

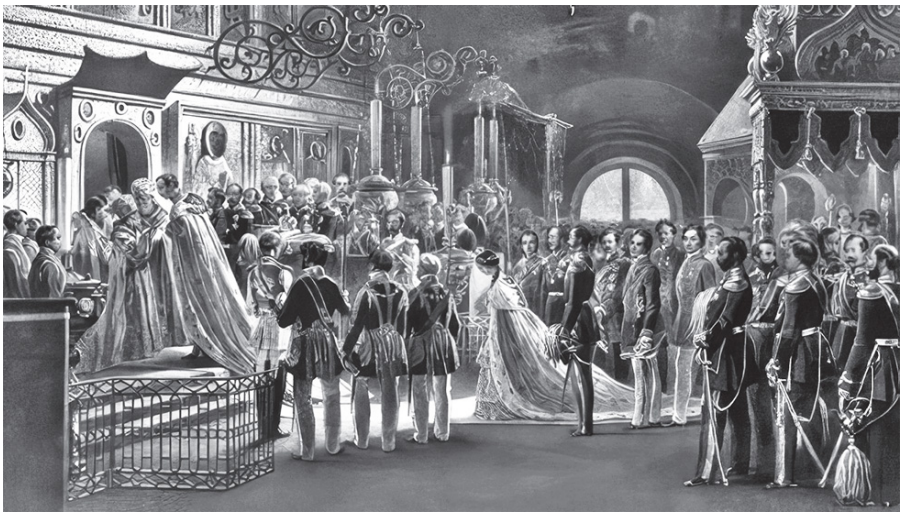
Тем временем корпус Муравьева, 27 тыс. штыков и сабель, продолжал осаду Карса. Там укрылись остатки разбитых турецких армий на Кавказе, 30 тыс. аскеров. Штурм они отразили. Но крепость окружили батареями, громили огнем. Перекрыли заслонами все дороги и тропинки. Гарнизон стал голодать и 16 ноября сдался. За время осады погибла половина защитников, было взято 16,5 тыс. пленных и 136 орудий. Открылись дороги вглубь Турции. Наши войска вышли к Эрзеруму.

На Северном Кавказе воинственный Сефер-бей так и не угомонился. Заново собирал по горам, кого только мог. Воспользовался тем, что русские силы оттянулись на другие

участки, в Екатеринодаре никого не осталось. В декабре неожиданно налетел и захватил часть города. Но единым духом поднялись казачьи станицы, поспешили отовсюду наши разбросанные части. Из тех, кто ворвался в Екатеринодар, мало кто уцелел. Преследуя и разгоняя отряды Сефер-бея, русские дошли до морского побережья и Анапу тоже отбили.

Это были последние сражения. Западные авторы до сих пор повторяют свои старые байки даже не о поражении, а о «разгроме» России. Дескать, она оказалась «колоссом на глиняных ногах» [24]. Но… мощнейшая коалиция всей Европы ценой морей крови за два года сумела захватить только половину Севастополя, Керчь и Евпаторию. На всех прочих участках неприятелей отбили, а в Закавказье русские заняли обширные турецкие области (и еще на Дальнем Востоке прихватили Приамурье с Приморьем). Где же здесь поражение?

Глава 11. «Перестройка» в XIX веке



Миропомазание Александа II на царство

Нет, Николай I никогда не признал бы поражения, которого не было. Россия потеряла около 140 тыс. воинов вместе с больными, а боевые потери составили 40 тыс. убитых и умерших от ран. У вражеской коалиции урон только по официальным данным достиг 223 тыс., хотя англичане и французы, чтобы не раздражать общественное мнение, потери всегда занижали (например, не учитывая алжирцев, индусов и др., а их бросали в самое пекло). Турки заявляли о 45 тыс. погибших, а сводки показывали 400 тыс. (на Дунае целые дивизии вымирали от холеры) [45].

Первым задергался Наполеон III. Он-то воевал только ради престижа, взять реванш за Наполеона I, – а полегло 97 тыс. французов, 40 тыс. вывезли ранеными и искалеченными. Дороговато получалось. В сентябре, осознав тупик в Севастополе, он запросил англичан, что Франция может продолжить войну, если перенацелить ее на освобождение Польши. Лондон наотрез отказался. Польшу-то Франция подобрала бы под себя, а война за нее ссорила с Австрией и Пруссией, толкала их к России.

Тогда Наполеон рассудил, что разрекламированное «взятие Севастополя» надо использовать как эффектную точку в войне. Тайком от англичан забросил в Петербург удочки о мире. Но и многих британских политиков отрезвили потери, они только официально зашкалили за 40 тыс. Колоссальными были и расходы на походы флота, перевозки и снабжение войск.

Небывалый случай: у Англии стало туго с деньгами, она попросила заем у Франции!

Однако в России набирала обороты либеральная раскачка. «Разоблачения» недостатков сливались в поток повального критиканства. Бездумно подхватывались западные оценки русского «поражения», «отсталости» – и выставлялись закономерным итогом правления Николая I, очерняя всю эго эпоху. Этот поток подпитывался извне. Герцен в Лондоне в августе 1855 г. выпустил первый номер альманаха «Полярная звезда» с профилями пяти повешенных декабристов на обложке. Журнал сразу попал в Россию, даже во дворец. А на первых страницах – открытое письмо к царю с призывом к либеральным реформам, от отмены крепостного права до гражданских «свобод» по западным образцам. Герцен внушал: «Россия сильно потрясена последними событиями. Что бы ни было, она не может возвратиться к *застою».*

Внутри страны бурлили аналогичные настроения. Ярый западник и видный литератор Мельгунов поучал: «Пора встрепенуться. Но чтобы нас разбудить и призвать к полезной деятельности, для того только нужна… *гласность*… Гласность! Великое слово! Одна гласность в силах оградить нас от беззаконий правосудия… поднять нас и облагородить». Но и идейная противница Мельгунова, славянофилка Аксакова объявляла: «Тютчев… прекрасно назвал настоящее время *оттепелью.* Именно так. Но что последует за оттепелью? Хорошо, если весна и благодатное лето, но если оттепель временная, и потом все опять скует мороз?»

Даже терминология была до боли знакомой! Застой, гласность, оттепель. Только слова «перестройка» в обороте не было, оно звучало более благородно – «реформы». У этих процессов существовали и центры, идейные и организационные. Один сформировался вокруг главы морского ведомства Константина Николаевича. Если воспитание наследника направлял отец, то из его младшего брата наставники сумели сделать крутого либерала. Он сразу же после похорон Николая I предлагал Александру II объявить о решительном разрыве с прежней системой и начать кардинальные реформы по европейским моделям. Император на такое не пошел, но и не приструнил брата, считал одним из главных помощников.

Заносчивого и высокомерного Константина не любили ни подчиненные, ни в правительстве, называли его «якобинцем», «красным». Но он создал вокруг себя узкую группировку «константиновцев» (похожую на ложу, хотя доказательств нет). Из нее вышли многие радикальные реформаторы. А сугубо

ведомственный журнал «Морской сборник» вместо флотской тематики превратился в популярный публицистический сборник, настоящий «рупор перестройки», озвучивая самые «передовые» взгляды.

Второй центр возник вокруг великой княгини Елены Павловны, вдовы царского дяди Михаила Павловича. Она была Вюртембергской принцессой, а выросла в Париже. Когда превратилась в русскую великую княгиню, то приросла и к России, считала своей страной. Овдовев, она унаследовала богатства мужа. Стала виднейшей благотворительницей и общественницей, попечительницей нескольких институтов, больниц, консерватории. Покровительствовала художникам, артистам, хирургу Пирогову. В войну создала первую общину сестер милосердия, героически трудившуюся в Севастополе.

Но она была близка и к «прогрессивным» университетским кругам, масонскому Вольному экономическому обществу. А идеалом России видела подобие Франции. У себя в Михайловском дворце она устраивала вечера по образцу знаменитого парижского салона Кювье, где бывала в юности. Там бывали писатели, ученые, художники, композиторы, но и шеф жандармов Орлов, министры Панин, Киселев, Головнин, Рейтерн, Ланской, дипломат Горчаков и др. Посещали салон и Александр II с супругой, великие князья. Эти приемы называли «средоточием интеллигентного общества Петербурга», «морганатическими вечерами» – царь и сановники в неофициальной обстановке знакомились с лицами, не вхожими в их круги. Елена Павловна умела тонко заинтересовать и свести их.

В 1855 г. ее салон из культурного превратился в политический клуб, где как раз и гуляли всевозможные проекты, попадали к государю и его приближенным, обсуждались [46, 47]. В каком тоне обсуждались, видно на примере поэта Тютчева, постоянного гостя Елены Павловны. Горячий патриот, он в 1854 г. всей душой поддерживал Николая I (например, в стихотворении «Теперь тебе не до стихов») – а теперь полил память покойного императора омерзительной бранью (и запустил термин «оттепель»).

Даже императрица Мария Александровна, до сих пор скромная и незаметная, оказалась вдруг убежденной либералкой, с приближенными как бы извинялась за мужа: «Мы действительно столкнулись с крахом всего, но нам надо соблюдать какое-то время тишину, чтобы сохранить память о нашем отце. Воздвигнем ему памятник, а тогда начнем реформы» [24, с. 71]. Уж конечно, Александр II не позволил бы себе рассуждать столь цинично, ставить ни во что достижения Николая I, будучи их соавтором. Но

можно понять, под какое давление он попал.

«Перестройка» фактически уже началась. В 1848 г., в связи с пожаром европейских революций, в России был учрежден Высший цензурный комитет, устрожавший надзор и контролирующий остальные цензурные органы. Одним из инициаторов его создания выступал барон Корф, с 1855 г. возглавил комитет. Но он умел держать нос по ветру и сам же предложил царю ликвидировать данный орган. Обосновывал, что его деятельность дает противоположный результат, «распространяется рукописная литература, гораздо более опасная, ибо она читается с жадностью и против нее бессильны все полицейские меры».

3 декабря 1855 г. Высший цензурный комитет был закрыт, «общественность» это бурно приветствовала как «конец цензурного террора». «Гласность» хлынула уже неограниченная. Но одновременно были упразднены прочие меры, введенные в 1848 г. Сняты ограничения самоуправления в университетах, разрешены отправка молодых людей для обучения за рубеж, свободная выдача заграничных паспортов, создание акционерных обществ, в том числе для расширения торговых связей с иностранцами. Отметим – еще во время войны. По сути, это уже и было началом капитуляции.

А министры заваливали Александра II докладами, что мобилизационные возможности исчерпаны. Что производство оружия и пороха не удовлетворяет потребностей, из полумиллионного запаса ружей на складах осталось 90 тыс., из 1656 орудий – 233. Бюджетный дефицит достиг рекордной цифры 773 млн руб., и министр финансов Брок покрывал его печатным станком, кредитами у казенных банков, расстроив денежное обращение. Вел переговоры о внешних займах, а западные банкиры в ответ интересовались российскими «свободами» – вполне вероятно, что отмена запретов 1848 г. была связана именно с этим.

Что ж, Россию подлыми обманами втянули в войну со всей Европой. Совсем не удивительно, что к такой схватке она оказалась не готовой. Но ведь в прежние времена, когда над нашей страной нависала смертельная опасность, она сплачивалась, затягивала пояса. На ходу реорганизовывала и расширяла военное производство. А если уж говорить о мобилизационных возможностях, то армия была уже отмобилизована! И большая часть ее даже не вступала в бой! В Крыму сражалось лишь 10 % наших войск, и далеко не лучших – серенькие армейские полки, а то и флотские экипажи. Но они перемололи и обескровили отборные части британцев и французов.

А лучшие русские контингенты, в том числе гвардия, Гренадерский корпус, так и стояли в Прибалтике, Польше, Бессарабии. Они оставались полнокровными, свежими. Были готовы достойно встретить и тех же неприятелей, и новых. Именно так намеревался действовать Николай I, разрабатывая перед смертью планы на случай присоединения к противнику Австрии, Пруссии. Но Александра толкали к другому решению: куда нам противостоять всему Западу? Севастополь пал – проиграли…

Это «внутреннее» давление как-то очень уж согласованно дополнилось внешним. Швеция долго уклонялась от приглашений Англии вступить в западный альянс – слишком много раз получала от русских. Но в ноябре поддалась на шумиху о «падении Севастополя», оценила настроения в Петербурге и заключила союз с врагами России. Вступила в него и Испания. Хотя для самих Франции и Англии такие дипломатические маневры становились уже только демонстрацией. К новому витку войны они были не готовы, силились завершить ее. Но, разумеется, завершить «победой».

Помогла им еще одна трусившая союзница, Австрия. Она выработала с французами предварительные условия мира: Черное море демилитаризуется, как России, так и Турции запрещается иметь на нем военный флот и военные базы. Покровительство христианам в Османской империи передается от нашей страны всем «великим державам». По Дунаю устанавливается свободное плавание, для чего Россия уступает устье этой реки и прилегающую к ней Бессарабию. Через австрийского посла в Петербурге эти условия были переданы в виде ультиматума – при отказе Вена угрожала разорвать отношения. Англия желала требовать большего. Наполеон III ее уговаривал – без французской армии британцам нечем было подкрепить свою воинственность. А в Петербург он передал совет принять условия как единственно возможные.

Но и прусский Фридрих Вильгельм вдруг написал Александру II, что условия нужно принять, иначе и он может примкнуть к антироссийской коалиции. И опять же обращает внимание – Австрия и Пруссия только пугали. Большой вопрос, решились бы они реально выступить против России? Положение-то у нашей страны было гораздо лучше, чем год назад. Тогда новые противники могли навалиться вместе с армиями Франции, Англии, Турции – которые теперь были растрепаны и выдохлись. А основные царские силы как раз и стояли против австрийцев. Однако «перестройка» расшатала российскую верхушку, почва для дипломатического толчка оказалась готовой.

20 декабря Александр II созвал высших сановников. Присутствовали брат Константин, канцлер Нессельроде, военный министр Долгоруков, министр государственных имуществ Киселев, начальник III Отделения Орлов, начальник II Отделения Блудов, генерал-адъютант Воронцов и бывший посол в Вене Мейендорф. Государь сам зачитал австрийскую ноту, предложил высказаться. За войну до конца высказался один Блудов, вернейший помощник Николая I. Остальные стояли за примирение. Киселев, соратник покойного государя по отмене крепостного права, попытался найти компромисс: «Четыре союзные державы со 108 миллионами населения и 3 миллиардами дохода стоят против России, у которой 65 миллионов населения и едва один миллиард дохода. В таком положении без помощи извне было бы, по крайней мере, неблагоразумно рисковать новой кампанией, которая усилит требования неприятелей и сделает мир еще более трудным…» Значит, надо не отвергать условий, но добиваться их смягчения. «Если союзники желают мира, то они примут наши исправления. Если же нет, то да будет воля Божья» [48].

Этот вариант и был принят. Согласившись в принципе, начали торговаться насчет территориальных уступок, Бессарабии. Но тут Вена уперлась. Бессарабия-то должна была присоединиться к Молдавии, а ее вместе с Валахией Австрия надеялась прибрать под себя. 3 января Александр II вторично созвал тех же лиц. Нессельроде объявил, что необходимо принять требования. Его поддержали все, и последним, скрепя сердце, присоединился сам царь – признать эти пункты как предварительные условия мира.

Совещание было секретным, но о решении узнал весь Петербург. Для патриотов оно стало страшным ударом. Одна из них, фрейлина Тютчева писала в дневнике: «Я не могу повторить всего, что я слышала в течение дня. Мужчины плакали от стыда». Кинулась к императрице, выложила «что повторяют все, что министр финансов и военный министр невежды, что нужно попробовать других людей, прежде чем отчаяться в чести России». Но государыня, проникшись «перестроечным» духом, повторяла, что страна слаба и «наша политика уже давно была на ложном пути». Тютчева записала об Александре II: «Мне невыносимо жаль его, когда я вижу, что, сам того не ведая, он вовлечен в борьбу с могучими силами и страшными стихиями, которых сам не понимает» [49].

Да, именно так. Подспудным силам их операция удалась – хотя и не совсем. Далеко от тех целей, что замышлялись изначально. О планах сокрушения и расчленения России

представители этих сил больше даже не заикались. Впрочем, были и другие цели. Палмерстон пояснял, что «конфликт с Россией заставит последнюю вести либеральную таможенную политику и присоединиться к принципам свободной торговли». А министр иностранных дел Англии Кларедон вообще провозглашал перед парламентом, что Лондон никаких корыстных целей не преследует, «а лишь благородно и высоко принципиально» ведет «битву цивилизации против варварства». Вот эти задачи и выполнялись, если брать западное понимание «цивилизации» и «варварства».

13 февраля в Париже открылся мирный конгресс. Делегацию России возглавлял граф Орлов. Он начал с визита к Наполеону III и выбрал «доверительную» тактику: откровенно раскрыл свои инструкции, на что он сможет согласиться, а что должен будет отвергнуть. Это оправдало себя. «Демилитаризация» Черного моря спорам не подлежала, о ней французы заранее условились с англичанами. Но Австрия цеплялась за надежды получить под покровительство Валахию с Молдавией – а к ней от России Бессарабию. А Англия добавила требования «демилитаризации» Аландских островов на Балтике, уничтожения русских береговых фортов на Кавказе, желала вмешаться в урегулирование войны с кавказскими горцами и в установление русско-турецкой границы.

Благодаря личному давлению Наполеона III часть этих запросов удалось похоронить. Были подтверждены прежняя граница с турками на Кавказе, принадлежность здешнего побережья России и ее право строить пограничные укрепления. Наша страна возвращала султану занятые области с Карсом, Баязетом, позициями возле Эрзерума. За это неприятели возвращали Севастополь (который не взяли – но в договоре закрепили, будто взяли), Евпаторию, Керчь. В Черное море в мирное время запрещалось заходить любым военным кораблям. Как Россия, так и Турция лишались прав иметь военные базы на берегах, могли держать лишь по 6 пароходов и по 4 легких судна (но получалось, что в случае войны турки и их западные союзники могли ввести на Черное море любое количество кораблей – а русские берега оказывались беззащитными).

Демилитаризованными объявлялись и Аландские острова – а они прикрывали берега Финляндии, отсюда русские держали «под прицелом» Швецию, не позволяя шалить. Плавания по Дунаю признавались свободными, дельту реки отдали туркам, но у России отобрали для Молдавии не всю Бессарабию, а только южную часть, прилегавшую к Дунаю. Хотя и Австрии удовлетворить ее аппетиты не дали. Протекторат над Молдавией, Валахией, Сербией, как и покровительство христианам в

Османской империи, передавались от России коллективно пяти великим державам.

Но главным в Парижских трактатах стало даже не это. А сам факт – Россия признала себя побежденной! Рушилась вся система международных отношений, существовавшая с Наполеоновских войн. Даже подписание приурочили к символической дате, 18 марта 1856 г. – к годовщине взятия Парижа в 1814 г. Наша страна свергалась с роли одного из европейских лидеров, уступала ее англичанам и французам! Кстати, обманутой оказалась и Турция, за интересы которой якобы шла война. Она получила лишь клочок земли в дельте Дуная. Но султану пришлось порушить военные объекты на Черном море, издать закон о свободе религий и национальном равенстве подданных (чисто декларативный) – за что Турцию признали «равноправной» с европейскими державами. А на военные расходы она задолжала британцам аж 7 млн фунтов. Вынуждена была объявить о банкротстве – и попала в полную зависимость от Англии.

В Петербурге об окончании войны известил царский манифест 19 марта. В нем по понятным причинам проигрышные стороны были оставлены в тени. Упор делался на самом мире – который принесет благоденствие для России. Орлов за его заключение был пожалован в княжеское достоинство, стал председателем Государственного совета и Комитета министров. Но для либералов Парижский договор стал лишним козырем: поражение подтверждалось на международном уровне. А значит, и «слабость», «отсталость», порочность прежней политики, обосновывая необходимость все менять.

Пошли кадровые перестановки. Министр внутренних дел Бибиков, в войну осуществивший колоссальную работу по мобилизации, налаживанию снабжения, санитарного обеспечения, когда закрутилась либеральная карусель, сам ушел в отставку. На его место был назначен высокопоставленный масон (Великий надзиратель Великой провинциальной ложи, командор капитула и член верховной директории) Ланской. Подал в отставку и военный министр Долгоруков – служака честный, но недалекий. Узнав о предстоящих преобразованиях армии, он признал, что для него это сложно. Александр II перевел его на освободившиеся должности Орлова – начальником III Отделения и шефом жандармов. А во главе военного ведомства заменил генералом Сухозанетом. Назначил и комиссию по расследованию злоупотреблений во время войны – впрочем, результаты спустились на тормозах.

Львиная доля ответственности за то, что Россия попалась в ловушку Запада, лежала на Нессельроде. Царь это понимал и

после подписания мира его удалил. Правда, с почетом, он возглавил Комитет железных дорог с сохранением чина канцлера и членства в Государственном совете. А министром иностранных дел был поставлен Горчаков, в войну находившийся в эпицентре дипломатических баталий в Вене (и ставленник кружка Елены Павловны). Он взялся укреплять обвалившийся авторитет нашей страны. Запад в это время устроил общую дипломатическую травлю Неаполитанского королевства – оно единственное в Европе в войну симпатизировало России. Горчаков отказался в ней участвовать. Показал: невзирая на парижскую капитуляцию, мы сохраняем независимую позицию. Посыпались критика, насмешки. Новый министр ответил на них весьма выразительно: «Россия не дуется, она сосредотачивается».

«Перестройка» возбудила и национальные образования в составе Российской империи, Великое княжество Финляндское и Царство Польское. Там и тут заговорили о расширении прав. Но Александр II отнесся к ним по-разному. Финляндии еще при присоединении к России Александр I сохранил прежнюю шведскую конституцию, парламент – сейм. Хотя фактически он так и не созывался с 1809 г., отвлекли войны, а потом и забылось. По инерции даже официальным языком там остался шведский. В схватке с Европой финны проявили себя верными подданными, их солдаты стойко сражались, жители помогали оборонять свои берега от вражеских эскадр, пострадали от обстрелов. А в дипломатических спорах Запад пытался цепляться, что Россия не выполняет обязательства в отношении Финляндии, на этом играли шведы, перетягивая местную верхушку под свое влияние.

Весной 1856 г. царь приехал в Гельсингфорс (Хельсинки), выступил в финском сенате, в университете. Благодарил финнов за поведение в войне, обещал восстановить сейм, а шведский язык и конституцию заменить на их собственные. Разумеется, это вызвало взрыв воодушевления. Но после этого император отправился в Варшаву и на собрании дворян и общественности однозначно призвал их «оставить мечтания» о былой автономии. Указал, что сделал его отец – он сделал правильно. Из Польши государь завернул в Берлин. Пруссия все же напакостила России меньше других, и с Австрией, Францией ей было никак не по пути. В беседе с Фридрихом Вильгельмом царь сумел это объяснить, тайно подтвердить с ним союз – хотя бы на словах, но прорывая международную изоляцию нашей страны.

28 августа в Москве состоялось венчание Александра II на царство. Невзирая на финансовые трудности, он настоял, чтобы празднества не уступали коронациям прежних государей. Показать и иностранцам, и подданным: Россия остается великой

и могучей державой. В Успенском соборе митрополит Московский Филарет (Дроздов) совершил таинство миропомазания – власть государя освятил Сам Господь. Александр Николаевич возложил короны на себя и супругу. На Красное крыльцо Кремлевского дворца он вышел в короне, со скипетром и державой, трижды поклонился народу. Зазвонили колокола, громыхнул салют, покатилось лавиной общее «ура», перехлестнуло из переполненного людьми Кремля к толпам, не сумевшим туда попасть.

Торжества продолжались 20 дней с балами, фейерверками, званными обедами. Для угощения простонародья на Ходынском поле приготовили более 10 тыс. кур, 3 тыс. баранов, 50 т ветчины, 14 т колбасы, свыше 60 тыс. калачей, ватрушек, более 1000 ведер вина. Как водилось, коронация сопровождалась награждениями, производством в чины. Но сказались и воспитание Жуковского, организованные им встречи в Сибири, да и атмосфера «оттепели». Государь объявил политическую амнистию. Освободил оставшихся декабристов, петрашевцев, польских мятежников 1831–1832 гг.

Некоторым наказание помогло кардинально переосмыслить прошлые заблуждения, как Достоевскому. Другие уже хорошо устроились в Сибири, обзавелись богатыми хозяйствами. Третьи там опускались, спивались. Но теперь либеральная общественность возводила их в «герои», «мученики». В печати пользовались огромным спросом произведения Рылеева и других смутьянов (как и ранее запрещенные стихи Пушкина, Лермонтова). Ширилось мифотворчество вроде поэмы Некрасова «Русские женщины», оплевывая «темное прошлое», формируя легенды про «Николая Палкина» с голословной клеветой. Кстати, одной из его «жертв», Тарасу Шевченко, сдача в солдаты продлила жизнь – либеральные офицеры хорошо устроили его, кормили со своего стола. А когда его освободили, он за 2 года спился и умер.

Пребывание царя в Москве отметилось еще одним событием. На обеде местного дворянства он публично подтвердил, что намерен ликвидировать крепостничество: «Но, конечно, вы и сами понимаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели ожидать времени, когда оно начнет само уничтожаться снизу». Министру внутренних дел Ланскому император поручил собрать все наработки по данному вопросу, сделанные при Александре I и Николае I. Так начались реальные реформы.

Впрочем, продолжались и скрытые. Очень похоже, что

мирные переговоры в Париже дополнялись тайными соглашениями. Или их заключало отдельно министерство финансов Брока. Уже в 1857 г. был вдруг отменен таможенный тариф, введенный Николаем I и взбесивший англичан. Пошлины снизили до минимума. В результате на наш рынок хлынули британские товары, удушая отечественную промышленность.

Глава 12. Неспокойный мир

Взятие аула Гуниб и пленение Шамиля. Художник Ф. Рубо

Из опыта недавней войны все страны старались извлечь уроки. По примеру англичан перевооружали армии нарезными ружьями. А это требовало переучивать войска с залповой стрельбы на прицельную. Повышая дальность огня, начали изготовлять нарезные орудия, заменять бронзовые и чугунные стволы стальными. А деревянные корабли еще во время войны пробовали защищать стальными листами. Но и паровые машины на флоте совершенствовались. Стали более мощными, могли нести более серьезную броневую защиту. Царь и военный министр Сухозанет старались не отставать от новшеств. В 1857 г. были окончательно упразднены военные поселения (давно уже номинальные, лишь снабжавшие армию продуктами и фуражом). Войска начали перевооружать 6-линейными винтовками образца 1856 г. А первые нарезные пушки стали головной болью для артиллеристов – попробуй забей в них заряд (опять же с дула) и прочистить нагар в нарезках после выстрела!

Сокращая армию, был восстановлен довоенный срок службы, 15 лет с последующим увольнением в «отпуск» (резерв). По личным указаниям государя разрабатывалась и вводилась новая форма одежды, более легкая и практичная – за образец взяли французскую. А в некоторых отношениях русские опередили

Европу. Еще в Крыму, чтобы уменьшить потери, они вместо плотных колонн впервые стали применять стрелковые цепи. Теперь переучивание прицельной стрельбе дополнилось внедрением рассыпного строя (по давнему опыту егерских частей). Ведомство Сухозанета сумело уловить и то, что в результате снижается вес строевой подготовки. Перенесло упор на индивидуальную, дополнило обучением солдат грамоте. В западных армиях такого не было, там по-прежнему применялся плотный строй, а чтобы солдаты держали его, в обучении господствовала муштра.

Внимание Александра II к военным вопросам было не случайным. Международная обстановка оставалась совсем не здоровой. Возгордившиеся «победой» Англия и Франция принялись хозяйничать по всему миру. Развязали вторую Опиумную войну с Китаем, требуя для себя свободной торговли уже не только в морских портах, но и по всей стране. Британцы начали войну и с Персией, которую до сих пор «дружески» опекали. Отобрали у нее Герат и тоже добились прав свободной торговли. Зверски усмиряли восстание сипаев в Индии – и вассальная зависимость здешних государств от британской Ост-Индской компании сменилась на полное владычество Великобритании. А французы влезли в Египет. Получили от султана фирман на строительство Суэцкого канала – 53 % акций принадлежало Франции.

А в России даже и мир наступил не везде. Война на Кавказе обходилась казне в шестую часть всех доходов, лилась кровь, горели станицы от горских набегов. Причем англичане и турки только что подписанных Парижских трактатов совершенно не соблюдали. Пользовались тем, что Черноморского флота не стало, русские укрепления на побережье были порушены. Турки «забыли», как только что признали жителей Кавказа подданными России, снова обещали им покровительство. В Трапезунде возник «комитет помощи черкесам», где состояли все европейские консулы, кроме прусского, а руководил переводчик французского консульства поляк Подайский. Откуда поступали средства, умалчивалось, но из этого порта курсировали на Кавказ английские пароходы, турецкие шхуны.

Везли оружие, боеприпасы, по Османской империи за плату вербовали туда всяких бандитов. По донесениям посла в Константинополе Бутенева английские суда «Ронгвер» и «Кенгуру» доставили на Кавказ отряды наемников с западными инструкторами. В Туапсе выгрузился «иностранный легион», 200 солдат поляка Лапинского. Горцы расплачивались пленными, обратными рейсами их везли продавать в рабство. Россия по

мирному договору имела право использовать для патрулирования лишь три «малых корвета», и царь в апреле 1857 г. торопил брата Константина доставить их на Черное море, «где присутствие их необходимо, в особенности теперь, когда англичане с такой наглостью снабжают черкес оружием и перевозят туда сброд людей всякого разбора, и взамен того завели торг невольников» [33, с. 53].

Но и из Средней Азии продолжались набеги кочевников, нападения на селения, купеческие караваны, на подвластные царю племена казахов и киргизов. И здесь тоже орудовали англичане. Обосновавшись в Герате, засылали агентов в Коканд, Бухару, Хиву, окручивая местную знать, подстрекая на русских.

Царь еще дважды посетил единственную «союзницу», Пруссию, но убедился, что на реальную поддержку Фридриха Вильгельма рассчитывать нельзя. В таких условиях Горчаков предложил ориентироваться на Францию. Он и сам был ее давним поклонником, а государя убедил, что надо сыграть на ее противоречиях с Англией и Австрией, расколоть их. Послом в Париж был отправлен один из самых доверенных сановников Николая I и Александра II, Киселев. Наполеон III подачу принял, прислал в Петербург побочного брата и ближайшего советника Морни.

Ему устроили чрезвычайно пышную встречу. В докладах он высоко отозвался об Александре, отмечал «отпечаток прямодушия, справедливости, даже рыцарского духа. Он никого не оскорбляет, верен слову, чрезвычайно добр. Невозможно не любить его. Он обожаем своим народом…». Хотя «дружба» Франции стала совсем не бескорыстной. Морни легко добился льгот для французского бизнеса и доносил: «Я вижу в России рудник для французской эксплуатации». Но на словах Морни выражал даже готовность к союзу, и весной 1857 г. визит в Париж нанес великий князь Константин (одним из результатов стало появление в России матросских тельняшек, понравившихся ему у французов).

А в сентябре в Штутгарте состоялась личная встреча Александра II и Наполеона III. Было заявлено о согласии в политике двух держав. Однако оно оказалось весьма сомнительным. Наполеон в беседе зацепил очень уж интересовавшую французов Польшу, как бы ее «освободить». Да и альянс с Англией не желал ничем омрачать. Даже Горчакова встреча разочаровала, он констатировал, что «наши отношения с Францией остались в неопределенном состоянии». Общим стало только отношение к Австрии. Французы издревле видели в ней соперницу за влияние в континентальной Европе, а России она

крепко подгадила.

Первым плодом сотрудничества стало объединение Валахии и Молдавии. О нем речь шла еще на Парижском конгрессе – категорически воспротивились Турция и Австрия. Но когда покровительство над Дунайскими княжествами перешло от России ко всем великим державам, было решено выбрать там органы власти самим жителям. И сразу в Молдавии и Валахии вынырнули из-за границы разбежавшиеся активисты прошлой революции. Забурлила каша, национальные собрания принимали постановления об объединении, и на выборах господаря в обоих княжествах победил Александр Куза – из местных лидеров революции 1848 г. Это сопровождалось массовыми беспорядками. Турция и Австрия результатов не признали, стягивали войска. Но вмешались вместе Франция и Россия, пригрозили, и подавление отменилось. Два княжества превратились в Румынию.

Хотя Россия при этом не выиграла ничегошеньки. Разве что утерла нос австрийцам за их подлянки. Как уже отмечалось, Румыния была старым масонским проектом (из-за этого его и Англия поддержала). Австрийцам Валахию с Молдавией не дали, но и из-под российского влияния утаскивали. Новое образование стало производить себя от римлян, вводить искусственный язык. В культуре, образовании, нравах взяло курс на Францию, превращая Бухарест в «маленький Париж». А экономику и торговлю подобрали под себя англичане.

Ждать помощи Наполеона III в кавказских делах тем более не приходилось, вся Франция симпатизировала «свободолюбивым горцам», и штаб поставок оружия в Трапезунде находился во французском консульстве. Но Александр II решил наконец-то покончить с затянувшейся войной на Кавказе. Новым наместником он назначил генерал-адъютанта Барятинского, начальником штаба к нему напросился любимец государя Милютин, предвидя успех. В общем-то выигрышный план начал реализовывать еще прежний наместник Воронцов при Николае I – планомерное наступление в горы с закреплением каждого рубежа.

Но теперь для этого собрали гораздо больше сил – все войска, воевавшие на Кавказском фонте, добавили закаленные соединения из Крыма. Отдельный Кавказский корпус развернули в 200-тысячную армию. Западный Кавказ, куда шла массированная подпитка с моря, наметили поначалу не трогать – опасались там столкновений с турками и англичанами. Львиную долю войск сосредоточили на Восточном Кавказе, против самого Шамиля. Наступление началось тремя группировками. Главная, генерала Евдокимова, – в Чечне, генерала Врангеля – в Дагестане, генерала Вревского – с юга, из Лезгинской долины.

Наложились и благоприятные факторы. Горцы устали от бесконечной войны. Им надоела суровая диктатура имама. Их упорство поддерживалось надеждами на «друзей» – что Россию сокрушат турки, англичане, французы. Но война завершилась, и надежды развеялись. А царское командование умело дополняло боевые операции переговорами, и горские общины начали складывать оружие. К русским перешли два наиба Шамиля, его главных помощника. Он негодовал, нападал на изменившие ему аулы. Но тем самым умножал число своих врагов – а русские, помогая им защититься, становились союзниками.

В 1856–1858 гг. удалось замирить большую часть Чечни. Евдокимов прорвался в Аргунское ущелье. Осадил и взял «столицу» Шамиля Ведено. Имам бежал в Дагестан и нарвался на войска Врангеля, разбившие мюридов. Шамиль укрылся в высокогорном ауле Гуниб, у него осталось 400 воинов, а его обложили 10 тыс. русских, перекрыв все тропы. Прибыл сам Барятинский – и имам видел, как местные жители радостно приветствовали его. Шамилю предложили капитулировать и свободно выехать в Мекку. Он отказался, собирался драться насмерть.

Мюриды наготовили на склонах груды камней – похоронить атакующих. Но опытные кавказские солдаты устроили ночью ложную атаку, и лавина обрушилась впустую, а наши воины ринулись вперед. Другие подразделения обошли через пропасти, взбирались по лестницам и веревкам. Ворвались в Гуниб. Защитники засели по саклям. Барятинский снова предложил переговоры, и имам понял, что все кончено. Сдался. 8 сентября главнокомандующий отдал приказ: «Шамиль взят, поздравляю Кавказскую армию!»

С важным пленником обращались хорошо. Вместе с семьей отправили в Россию. Заехали в Чугуев, где находился царь, и он принял имама ласково, подарил золотую саблю. На вопрос, как он сумел сражаться столько лет, Шамиль ответил – если бы знал, как огромна и сильна Россия, то не поднял бы против нее оружия. Ему выделили 15 тыс. руб. годового содержания, дом в Калуге, во дворе построили мечеть. Младшего сына царь зачислил в пажеский корпус. Да и сам имам приезжал в Петербург, Москву. Великодушие императора поразило его, он писал: «Ты, Великий Государь, подарил мне жизнь… покорил мое сердце». Через несколько лет он принес присягу на верность России, получил потомственное дворянство. Ему разрешили паломничество в Мекку, где и завершилась его бурная жизнь.

А в Среднюю Азию в эти же годы Россия направила три миссии. В Иран и Афганистан – научную экспедицию востоковеда

Ханыкова. В Кашгарию (Восточный Туркестан) под видом купца поехал казах, поручик Валиханов. Они собрали ценные материалы, провели разведку (Ханыкова из Афганистана выгнали англичане и их местные сторонники). В Хиву и Бухару снарядили посольство полковника Николая Игнатьева. Ему было всего 26 лет, но он успел поучаствовать в Парижском конгрессе, послужить военным агентом (атташе) в Лондоне – и как раз там изучал британские интриги на Востоке, докладывал царю свои расследования о «событиях в Азии и деятельности там английских агентов» с предложениями по противодействию.

Посольство состояло из 80 человек, с обозом 190, в его распоряжение выделили Аральскую флотилию капитана Бутакова, поднявшуюся по Амударье. Хивинский хан Сеид Мухаммед встретил неласково и потребовал убираться обратно. Но Игнатьев поехал не обратно, а по правому берегу Амударьи, в Бухару. Преодолел множество трудностей, выдержал схватки с туркменами. А бухарский эмир Насрулла враждовал с Хивой и Кокандом, поэтому принял с распростертыми объятиями. Подписал договор о дружбе, освободил имевшихся в Бухаре русских невольников, для наших купцов вдвое снизил пошлины и согласился выслать прибывших из Афганистана британских агентов. Однако Игнатьев убедился, что влияние англичан среди бухарской знати очень сильное. Он вернулся он в Оренбург, когда в столицу уже доложили о его гибели.

Третье ханство, Кокандское, целиком шло на поводу у англичан, а с русскими продолжало войну. В 1860 г. оно бросило 16-тысячное войско покарать казахские племена, перешедшие под царскую власть. В крепости Верной командовал подполковник Колпаковский. Он поднял солдат, казаков, казахских ополченцев – набралось около тысячи с 8 пушками. Но в трехдневном сражении под Узун-Агачем он разбил и прогнал кокандцев.

Оренбургский, Западно-Сибирский генерал-губернаторы да и Игнатьев в своих докладах настаивали – в Средней Азии надо действовать жестко, иначе там ничего не добьешься. Какая уж торговля, если купцов грабят и убивают, «самые справедливые требования наши принимаются с грубостью и высокомерием». Между Сырдарьинской укрепленной линией и крепостями в Семиречье оставался разрыв в 700 км, через который на нашу территорию вторгались банды. Губернаторы взывали, что эти «ворота» необходимо закрыть – такое решение принималось в начале 1850-х, да война помешала. Но министерство иностранных дел и военное министерство опасались давать поводы для придирок англичан, наступать в Средней Азии

категорически запретили.

А на Дальнем Востоке завязалось сразу несколько непростых политических узлов. Мы уже отмечали, что в 1853 г. миссию адмирала Путятина послали установить дипломатические и торговые отношения с Японией. Как раз перед русскими туда нагрянул американский командор Перри с эскадрой из 10 военных кораблей. «Взломал» традиционный режим японской изоляции, пригрозив бомбардировкой Эдо (Токио), и заставил подписать договор о свободной торговле. Путятин такими методами не пользовался, и переговоры тянулись долго, фрегат адмирала «Диана» погиб во время землетрясения.

Но все же после американского «взлома» японцы и с русскими заключили в январе 1855 г. Симодский трактат, разрешили торговлю в трех портах и открытие консульств. Однако в спорах о границе Путятин и сопровождавшие его дипломаты согласились считать японскими четыре южных Курильских острова – Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи, а Сахалин признали совместным владением двух государств. Хотя на этих островах уже были русские фактории, посты. Многие коренные жители, айны, были уже окрещены в православие, числили себя царскими подданными.

Шла война, и российский МИД преподнес Александру II трактат как величайший успех, его ратифицировали, Путятин был пожалован в графское достоинство. Но успех-то был сомнительным. Отсталая феодальная Япония флота не имела, еще даже не заселила свой северный остров Хоккайдо. Воевать с русскими она была никак не способна, а полученное от нее право торговли для нашей страны ничего не давало. Какие товары она могла поставлять в Японию вокруг Земного шара? Договор не обеспечил и дружбы. Вслед за русскими такие же соглашения заключили Англия и Франция, японцы предоставили им порты для нападений на наши берега. Кстати, именно Симодский трактат породил проблему «Северных территорий», за которую японцы цепляются до сих пор.

А тем временем Муравьев продолжал заселение Амура. Когда об этом узнали западные державы, они подняли дикий вой. Британский дипломат в Гонконге Мидоуз призывал правительства Англии, Франции и США немедленно послать на Амур мощные флотилии «независимо от того, будет ли на это предоставлено право или нет» – под предлогом защиты Китая от России. То есть захватить Амур самим. А французский представитель в Пекине Курси специально представил китайцам копию Парижского трактата: зачем вам иметь дело с проигравшими, дружить надо с победителями.

Но хапнуть Амур западные державы прозевали, там уже хватало войск, казаков. А Александр II сам при отце возглавлял Особый комитет по Дальнему Востоку, действия Муравьева поощрял, учредил на Амуре новую область. Подтвердил и полномочия генерал-губернатора на переговоры о новой границе. «Помогли» им сами англичане с французами, варварской бомбардировкой Кантона начавшие вторую Опиумную войну. Муравьев дал понять китайцам, что Россия может стать для их страны противовесом Британии и Франции – и в политике, и в торговле, предотвращая монопольный диктат Запада. А в правительстве империи Цин тоже сидели не глупые сановники, осознавали: «Враг моего врага – мой друг».

Для решения спорных вопросов МИД России направил адмирала Путятина полномочным послом в Китай и Японию. Но он опоздал. Весной 1858 г. Муравьев начал следующий большой сплав по Амуру. Ехали семьи казаков в построенные станицы, везли скот, имущество, подкрепления в гарнизоны. Прибыл и прославленный ныне в лике святых великий подвижник и миссионер Иннокентий (Вениаминов), архиепископ Камчатский, Алеутский и Амурский.

Муравьев и святитель с караваном судов и барж прибыли в станицу Усть-Зейскую. А на противоположном берегу располагался единственный китайский городок на Амуре, Айгунь, оттуда сообщили, что пекинское правительство согласно на пересмотр границы, для переговоров едет князь И Шань. Они заняли всего 5 дней, и 16 мая был подписан Айгуньский трактат. Левый берег Амура от слияния Шилки и Аргуни до моря признавался владением России, правый до Уссури – владением Китая, а принадлежность Приморского края, от Уссури до побережья, предстояло обсудить позже, пока он считался «в общем владении».

По преданию, получив «благую весть» о согласии Китая, Муравьев приказал строить в Усть-Зейской церковь Благовещения. По другой версии, имя ей дал святитель Иннокентий, участвовавший в переговорах. Царь за заключение договора пожаловал Муравьева титулом графа Амурского (другой Муравьев, бравший Карс, стал Карсским). Утвердил и преобразование станицы в город Благовещенск, он стал административным центром Амурской области, в нем расположилась кафедра архиепископа.

Через месяц Китая достиг и Путятин, плывший морем. Узнал о подписании Айгуньского договора и заключил еще один, Тяньцзинский. Он оговаривал торговлю. Россия без войны и насилий получила те же права, которых добились в Китае

агрессией и кровью Англия, Франция и США. Ей открывался доступ в китайские порты, она могла иметь там консулов. Между Сибирью и Пекином учреждалось почтовое сообщение, подтверждалось предоставленное еще в 1727 г. право держать в Китае Русскую духовную миссию.

Но когда Путятин направился в Японию, встретил там новые придирки. Даже совместное владение Сахалином японцев уже не устраивало – требовали разделить остров, отдав им южную часть. Путятин ничего не добился. А Муравьев, узнав о провале его миссии, встревожился. Докладывал царю: Япония чрезвычайно слаба, если уступить ей часть Сахалина, ее запросто отберет любая другая держава. Александр II повелел ему самому провести силовую демонстрацию. Отправиться в Эдо с несколькими военными кораблями и убедить японцев отказаться от претензий – но ни в коем случае «не прибегать к насильственным средствам», «не доводить до разрыва с Японией». Возможно, японцы догадались, что их только пугают, и демонстрация ничего не дала.

Но и в Пекине настроения переменились. В 1859 г. туда прибыл послом Николай Игнатьев – за миссию в Средней Азии его произвели в генерал-майоры. Его вдруг встретили отказом в ратификации Айгуньского и Тяньцзинского договоров, велели покинуть Китай. Он отказался, сославшись на волю своего монарха. Год вел безрезультатные переговоры. Но Игнатьев был человеком храбрым, отчаянным. У китайцев шла война с Англией и Францией, и он тайно покинул Пекин, пробрался через линию фронта. По его заявке выслали русский военный корабль, и посол на нем прибыл в Шанхай, занятый китайскими противниками.

Игру он затеял ювелирную. Занялся посредничеством между воюющими сторонами. Европейцев заверял, что пограничные вопросы России уже решены, и его услуги бескорыстны. Убеждал, что у китайцев еще много сил. Но и китайцам посылал сообщения, что помогает им, подбадривал. В сентябре 1860 г. западные войска подошли к Пекину, с ними был и Игнатьев. Он принял на подворье Русской миссии китайскую делегацию, умолявшую его спасти город. Посол назвал за это цену – свои условия.

Китайцы согласились, и Игнатьев организовал в Русской миссии мирные переговоры, умело регулировал их, что и завершило вторую Опиумную войну. А китайское правительство за спасение столицы от разрушения и оккупации выполнило условия Игнатьева. Не только ратифицировало Айгуньский и Тяньцзинский трактаты, но и дополнило их Пекинским трактатом, утвердив границу по Уссури и до Кореи, признав

владениями России Приморский край. Вдобавок ввело режим беспошлинной торговли через Сибирь и Монголию.

Один молодой дипломат сумел сделать невероятное. Однако Горчакова занимала только европейская политика, азиатской он почти не уделял внимания. Правда, и в Европе у России появился союзник. Прусского Фридриха Вильгельма хватил инсульт. Регентом, а потом и королем стал его брат Вильгельм, твердый сторонник дружбы с Россией, своим идеалом он считал Николая I. Канцлером он поставил талантливого Бисмарка, бывшего посла в Петербурге, отлично знавшего нашу страну. Хотя и Пруссию Горчаков не любил, делал ставку на милую ему Францию.

А у Наполеона III интерес к сближению с Россией был сугубо прагматический. Он грезил огромной «Латинской империей» – и хотел прибрать под влияние Италию, для чего требовалось разгромить Австрию. На Апеннинском полуострове было 6 государств, одно из них, Папское, французы уже оккупировали под флагом защиты католицизма. А Сардинскому королю Виктору-Эммануилу за участие в войне с Россией Наполеон пообещал Ломбардию и Венецию, отвоевав у австрийцев. Но и Сардинское королевство за это уступало Франции Савойю и Ниццу. Да и само, приняв австрийские владения, попадало в зависимость от Наполеона.

Александру II французский император забрасывал удочки присоединиться к войне – и разрешал забрать австрийскую Галицию. Царь отказался. Не желал после одной тяжелой схватки вступать в другую. Он представлял и слишком рискованные последствия. Удары с двух сторон могли вызвать обвал Австрийской империи с новым месивом революций в Вене, Венгрии, Чехии. А Галиция была тесно связана с Польшей, это могло потянуть за собой новый конфликт. Александр Николаевич согласился лишь на «дружественный нейтралитет» с военными демонстрациями. Но и взамен хотел кое-что получить. Горчаков строил расчеты, что за поддержку Франции она поможет снять запреты по Черному морю. Нет, от таких обсуждений Наполеон уклонялся. Вариант с Галицией был ему выгоден – навсегда вбить клин между Петербургом и Веной. А лишение России Черноморского флота было главным плодом его собственных «побед»!

Замыслами Наполеона была недовольна и Англия. Она вынашивала собственные планы объединения Италии, без всякого французского влияния. Для этого вскармливала на своей территории итальянских революционеров. Через них раз за разом организовывали восстания в королевстве Обеих Сицилий (южной Италии), мстили ему за поддержку России в Крымской войне.

Король Фердинанд II подавлял их, но жил как на вулкане. А насчет Наполеона итальянцам внушали, что он «предатель», подавил Римскую республику. В 1858 г. в Париже террорист Орсини с сообщниками бросили 3 бомбы в его карету. Погибло 8 человек, 142 было ранено, Наполеон не пострадал. Орсини и его помощнику Пьери отрубили головы. Но на следствии открылось, что покушение готовилось в Англии, и бомбы были британского производства. Это вызвало страшный скандал, отставку Палмерстона.

А в 1859 г. Сардинское правительство по французскому сценарию принялось задирать Австрию военными маневрами у ее владений. Наполеон изобразил, что дальше дипломатической помощи не пойдет. Вена клюнула, потребовала от обнаглевшего королевства полного разоружения, при отказе послала войска. Но тут-то выступила французская армия. А по приказу Александра II 100 тыс. русских солдат выдвинулись к австрийской границе. Значительную часть сил Францу Иосифу пришлось повернуть против русских, а остальные в Италии разнесли за месяц.

Однако начались вдруг последствия, которых Наполеон совершенно не предвидел. Объявила мобилизацию Пруссия. Нет, Вильгельм не собирался спасать Австрию, радовался ее разгрому. Но он уже работал на будущее, выставлял себя защитником «общегерманских» интересов. А в разных государствах Италии после австрийских поражений забурлили восстания – группировки революционеров рвались объединяться под флагом побеждавшего вместе с французами Сардинского королевства.

Отдавать Виктору-Эммануилу всю Италию (и Папское государство, уже 10 лет бывшее придатком Франции) Наполеон никак не собирался. Он был настолько напуган, что немедленно заключил мир с австрийцами. Сардинское королевство даже не пригласил на переговоры. Из двух обещанных областей отдал ему только Ломбардию, Венеция осталась у Австрии. Но то, что застолбил в договорах для себя, сардинские Савойю и Ниццу, Наполеон забрал. И теперь уже по всей Италии его честили предателем.

В Вене потирали руки, стягивали силы расквитаться с брошенным Сардинским королевством. Спасла его Россия. Горчаков издал грозную ноту, организовал в 1860 г. в Варшаве встречу трех монархов – Александра II, Вильгельма и Франца Иосифа. Царь твердо объявил, что не допустит агрессии. Русская армия оставалась у австрийских границ, а Вильгельм дал понять, что Франца Иосифа не поддержит. Тому пришлось смириться. В общем, за поведение Вены в 1854–1855 гг. расплатились той же монетой. Но за свое участие в конфликте и военные издержки

Россия не получила ничего, кроме морального удовлетворения.

Об отмене ограничений на Черном море Наполеон говорить не желал. Но и его планы расползлись по швам. Обстановка в Италии вышла из-под его контроля. В Парме, Модене, Тоскане революционеры свергли местных властителей. И в разных областях Папского государства, в Болонье, Ферраре, Равенне, Форли упразднили светскую власть папы (а значит, и французов). Везде действовали как бы сами по себе, но по единому сценарию – проводили плебисциты за объединение с Сардинским королевством.

А в южном королевстве Обеих Сицилий умер Фердинанд II. На престоле оказался его слабый сын Франциск II – и в Сицилии высадились отряды Гарибальди (откуда-то нашлись и суда, и оружие). Король внимал окружившим его советникам, создал либеральное правительство, объявил общую амнистию, ввел конституцию – это лишь подлило масла в огонь. У Франциска была 40-тысячная армия, но он без боя бросил Неаполь, свою столицу. В город триумфально вошел Гарибальди, провел плебисцит, присоединиться к Сардинскому королевству. Италия объединилась, за исключением австрийской Венеции и области вокруг Рима, удержанной французами. Новая держава слепилась из отсталых, полуфеодальных клочков, и ее экономику, рынки, финансы ринулись осваивать «друзья» революционеров, англичане.

Глава 13. Реформы и реформаторы

Чтение Манифеста об освобождении крестьян. Художник Б. Кустодиев

Обращение царя к московским дворянам о намерении упразднить крепостное право отнюдь не вызвало ответного энтузиазма помещиков. Только великая княгиня Елена Павловна освободила 15 тыс. своих крепостных, уговорив также графа Кочубея и еще нескольких землевладельцев. Механизм освобождения разработал Николай Милютин, брат царского военного советника – оба попали к великой княгине из «константиновцев». Она и государю рекомендовала Николая Милютина с его разработками.

Александр II попросил ее повременить с инициативой, ведь требовалось выработать общие правила для всей страны. Но Милютин стал одним из главных помощников министра внутренних дел Ланского по данному вопросу. Другим стал Яков Ростовцев. Бывший декабрист, он накануне восстания донес наследнику Николаю Павловичу о заговоре, не назвав фамилий и убеждая его не принимать корону. Но и декабристам сообщил об этом [50]. Историки до сих пор гадают, хотел ли он предотвратить мятеж – или устроил провокацию, чтобы сделать его неизбежным. Николай I оценил его шаг как благородный, он

рос в чинах, стал начальником штаба великого князя Михаила Павловича, был близок и к Елене Павловне.

3 января 1857 г. государь учредил Секретный комитет по крестьянской проблеме. Сам открыл первое заседание, поставив задачу: «Крепостное право почти отжило свое время». Была создана «Приуготовительная комиссия» для выработки предложений. Но… большинство членов комитета были против реформы. И даже не из-за того, что были отъявленными «крепостниками», а видели минусы, считали правильным более плавный процесс, чем жаждали радикальные реформаторы. «Приуготовительная комиссия» состояла из 4 человек, но они не могли договориться даже между собой, составили не одну, а три противоречащие друг другу записки.

Царь был очень недоволен. Ввел в комитет брата Константина, рьяно взявшегося активизировать работу. Тем не менее она завязла так же, как все предшествующие комитеты Николая I. Но слухи будоражили страну, и в октябре 1857 г. в Петербург прикатил Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор Назимов. Привез царю адрес от дворян подчиненных ему губерний. Как бы в ответ на обращение Александра II они соглашались отказаться от крепостничества и просили распространить на них те же правила, что действовали в соседней, Курляндской губернии.

Попросту говоря, решили схитрить. Освободить крестьян, но без земли, как в Прибалтике при Александре I. Государь такое не одобрил. Желал, чтобы крестьяне сохранили свои приусадебные хозяйства и наделы пашни. Ланской составил императорский рескрипт Назимову: освобожденным крепостным надо предоставить определенное количество земли, за что они платят оброк или отрабатывают барщину, а со временем выкупают хозяйства. Предписывалось созвать в каждой губернии комитеты дворян для выработки конкретных проектов.

И тут-то Ланской подсуетился разослать копии рескрипта в остальные губернии. За ночь его размножили в 75 экз., экстренно отвезли на вокзал. Наутро Секретный комитет высказался против рассылки, но было поздно – рескрипт уже ехал по всей России. Этот ход сработал четко. Дворяне повсюду узнавали, что тоже могут участвовать в выработке условий освобождения крестьян. А для себя-то хотелось условия повыгоднее. Из разных губерний посыпались прошения тоже создавать у себя комитеты. Забурлила вся страна, а Секретный комитет в феврале 1858 г. был преобразован в Главный комитет по крестьянскому делу, централизующий эту работу, составлял указания для губернских комитетов.

Но выборы в губернские комитеты и начавшиеся в них обсуждения дали и новый толчок «перестройки» с «гласностью». Кроме прежних газет и журналов, стали вовсю плодиться новые. И наряду с крепостным правом в этом многоголосье полезли другие проблемы. Вовсю гулял «Колокол» Герцена. Его читали во дворце, а у Ростовцева он всегда лежал на рабочем столе. В кругу реформаторов заговорили – вместо власти над крестьянами надо дать дворянству и «моральную компенсацию», направить его интеллектуальный потенциал в полезное русло. Активная возня вокруг губернских комитетов обосновала идею о местном самоуправлении, и Николай Милютин взялся за проект земской реформы.

Одной из тем бурной критики общественности была и система образования. В 1857 г. царь отменил прежний запрет частным лицам открывать пансионы и школы. По инициативе «константиновцев», озвученной в «Морском сборнике», и других подобных кружков стали создаваться педагогические комитеты, общества, собрания. С разрешения министерства внутренних дел начали открываться бесплатные воскресные школы, в них преподавали студенты, офицеры, журналисты, писатели.

А попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Щербатов и профессор Кавелин представили проект нового университетского устава, дававшего профессуре широчайшие права. Корф представил еще более вольный проект – превратить университеты в центры «просвещения» для всех желающих, без экзаменов и деления на курсы [51]. Министерство народного просвещения эти фантазии отвергло, но по докладу министра Путятина Александр II повелел учредить комиссию профессоров, пересмотреть правила для высших учебных заведений. Проекты направляли для замечаний авторитетным ученым Германии, Бельгии, Швейцарии, Франции, посылали представителей и стажеров перенимать европейский опыт.

Издавна вызывали массу нареканий и российские суды. Начальник II Отделения, ведавшего законодательством, граф Блудов, еще в 1844 г. подал Николаю I предложения по улучшению судебных порядков. Государь подтвердил необходимость изменений, только счел их несвоевременными. В 1858 г. Блудов подал свою записку повторно. Подчеркивал, что суды надо реорганизовать на национальной основе, без западных особенностей – адвокатуры, присяжных. Александр II согласился с ним, поручил проработки. Но записка Блудова очень не понравилась великому князю Константину. Поручил правоведу-«константиновцу» Оболенскому сделать критический разбор, его издали брошюрой, читавшейся нарасхват. Блудов

ответил на работу Оболенского. Их споры в печати возбудили других желающих, и в Государственный совет за 4 года поступило 14 проектов судебной реформы.

Больной темой оставались и финансы. Министр Брок, обрушив таможенные тарифы и открыв рынки для западных товаров, добавил еще ряд акций. Снизил в казенных банках проценты по вкладам, вызвав отток капиталов. Частным железнодорожным компаниям «подарил» государственные гарантии 5 % ежегодного чистого дохода – что стало предметом страшных злоупотреблений. В 1858 г. царь его наконец-то уволил, но с почетом, оставив в Государственном совете (откуда видно, Брок имел очень сильных покровителей).

Старого и опытного финансиста Княжевича Александр II лично уговорил принять пост министра с условием «говорить всегда правду». Тот поначалу отказывался и не случайно – столкнулся со сплошными перекосами. В России издавна действовала система откупов на алкоголь и табак, но в войну и после нее откупщики взвинтили цены, разоряя народ. В 1858 г. среди крестьян началось «трезвенное движение». На сходах они принимали коллективные обеты не пить вина. Нарушителей штрафовали и публично пороли. Вопреки мифам о традиционном русском пьянстве эта инициатива распространилась в 32 губерниях. Но нашлись и смутьяны, провокаторы. В 1859 г. от воздержания крестьяне перешли к массовым погромам кабаков. Пришлось усмирять войсками, 780 зачинщиков по приговорам судов били шпицрутенами, сослали в Сибирь.

Синод запретил священникам принимать у прихожан и благословлять трезвенные обеты. Но и Княжевич отреагировал, упразднил систему откупов, назвав ее причиной деградации народа и развращением для местной администрации. Перевел спиртное и табак на акцизы со свободной конкуренцией торговцев (и большей выгодой для казны). Чтобы выправить дефициты в бюджете, он увеличил ряд податей, повысил таможенные пошлины – только на машинное оборудование, в котором нуждалась Россия, вообще отменил их. Все существующие кредитные учреждения объединил, создав Государственный банк под управлением своего министерства. А государственный бюджет впервые начал открыто публиковать. И в различные учреждения рассылались требования представлять подробные отчеты и сметы, доступные для общего ознакомления. Таким образом ставились препоны казнокрадству.

«Трезвенные» бунты косвенно сказались и на крестьянских делах – напугали помещиков, что массовые выступления могут повернуться в другую сторону. А «сверху» подталкивал царь, в

августе-сентябре 1858 г. предпринял поездку по России, выступал в разных городах о решимости упразднить крепостное право. Для переработки предложений из губерний были созданы три Редакционные комиссии, фактически слившиеся в одну. Вроде бы чисто рабочие органы, но ведь что отобрать из проектов, как изложить, имело ключевое значение. В этих комиссиях полное превосходство получили либералы во главе с Ростовцевым и Николаем Милютиным, они даже заседали нередко в Михайловском дворце Елены Павловны.

Итоговый проект распечатали для общего ознакомления. В августе 1859 г. в Петербург созвали представителей губернских комитетов, и подавляющее большинство было из «крепостников». Но на первом заседании Ростовцев зачитал им царскую инструкцию, заведомо отвергавшую противодействие проекту, и на приеме во дворце Александр II указал на недопустимость обсуждать уже одобренные им заготовки. Недовольство выплеснули в частных собраниях, поносили реформаторов во главе с Ростовцевым. Хотя он был тяжело болен, в феврале 1860 г. умер.

Александр II назначил вместо него министра юстиции Панина, слывшего рьяным консерватором. Либералы были в ужасе. Однако государь схитрил, выдвинув во главе Редакционной комиссии лицо «противоположного лагеря». Министр был прожженным подхалимом, и на недоуменный вопрос Елены Павловны император пояснил: «Вы не знаете характера графа Панина. У него вовсе нет убеждений и будет только одна забота угодить мне». Так и получилось. В октябре 1860 г. Редакционные комиссии завершили работу, их труды составили 35 томов.

Государь дал им высокую оценку, отработанные проекты поступили в Главный комитет – а там тон задавал великий князь Константин. До января обсуждали совместно с Советом министров, последнее заседание возглавил сам император. Проект передали на рассмотрение в Государственный совет, и опять присутствовал царь, потребовал окончить дело к середине февраля. Хотя в Главном комитете и Государственном совете все-таки внесли правки. Наделы для крестьян уменьшили.

18 февраля, в годовщину своего восшествия на престол, Александр Николаевич долго молился на гробнице отца – сын выполнил его волю, довершал дело его жизни. Когда вернулся во дворец, привезли Манифест, написанный святителем Филаретом Московским, и «Положение об освобождении крестьян». Государь подписал их. Современники описывали: «Сегодня – лучший день в моей жизни! – говорил Александр II. Он и плакал, и смеялся, и

деточек целовал, и близких обнимал, спрашивал, рассказывал. Машенька-дочка побежала к своей образной, вынула образочек Благовещения и принесла ему в подарок на память о дне крестьянского освобождения» [4, с. 175].

В ночь на 19 февраля войска были приведены в боевую готовность, офицерам запретили отлучаться из казарм. Опасались дворянского заговора, мятежа. Слухи об этом ходили, хотя оказались пустыми. Опасались и крестьянских бунтов, и публикацию Манифеста отложили из-за Масленицы: как бы подвыпивший народ не стал буянить. В Сенате его зачитали 2 марта, а в храмах Петербурга и Москвы 5 марта, в Прощеное воскресенье. Императора, ехавшего с развода караулов в Манеже, огромная толпа ждала на Царицыном лугу, разнеслось всеобщее «ура», летели в воздух шапки. Очевидец Г. Д. Щербачев вспоминал: «Ни одно перо не в состоянии описать тот восторг, с которым освобожденный народ встретил своего царя-освободителя».

200 тыс. экземпляров Манифеста разослали по России, и крестьяне, узнав, что везут курьеры, сами вызывались домчать их побыстрее, бесплатно. Под Кинешмой выпрягли лошадей и несколько верст везли коляску на себе. Вот только правила освобождения, подготовленные в нескольких инстанциях, оказались чрезвычайно запутанными. Даже для современных студентов-историков данная тема представляет настоящую головную боль. К Манифесту и основному Положению прилагалось еще 16 положений и указов!

Личную свободу крепостные получили сразу. Но они должны были еще 2 года трудиться на помещика, при этом барщина ограничивалась 3 мужскими и 2 женскими днями в неделю на семью, упразднялся ряд мелких повинностей. За эти 2 года предписывалось оформить уставные грамоты – договоры между помещиками и крестьянами. Бывшие крепостные выступали не по отдельности, их представлял «мир», сельская община. Она была связана круговой порукой по податям и повинностям, на сходах решала важные вопросы, выбирала старосту. Он мог налагать мелкие наказания за проступки, иметь назначенного или выборного писаря, других помощников.

Несколько соседних общин составляли волость во главе с волостным старостой. А над ними стояли мировые посредники из дворян, назначенные губернским присутствием. Они надзирали за деревенским самоуправлением, утверждали сельских и волостных старост. Разбирали спорные вопросы между миром и помещиком, и как раз они должны были оформить уставные грамоты, определяющие обязанности крестьян по отношению к

барину. Община и помещик должны были разделить землю по взаимной договоренности, а если таковая не достигнута, то через мирового посредника.

Сама земля разделялась на полосы: черноземную, нечерноземную, степную. Каждая полоса разделялась на местности. И для каждой местности устанавливался максимальный и минимальный размеры крестьянского надела. Если он получался выше максимума, помещик отрезал себе «лишнюю» землю. Если ниже минимума, должен был уступить недостающую – но только в случае, если у самого барина остается не меньше трети, а в степных местностях не меньше половины «удобной» земли. Какую считать удобной, оставалось неоднозначным. Отказаться от надела крестьянин не мог 9 лет, до 1870 г. В зависимости от его размера должен был отрабатывать барщину или платить оброк.

А потом он мог выйти из общины, перейти в другое сословие. Если выкупил надел (и свою волю), его обязанности к помещику прекращались. Он мог бесплатно получить «нищенский» надел, ¼ от максимального. Мог внести выкуп собственными деньгами. Или платил 20 %, а 80 % давало ссуду государство, но тогда крестьянину предстояло возвращать ее с процентами, 49 лет вносить выкупные платежи, по 6 % от суммы ссуды. Размер выкупа в разных губерниях очень сильно отличался, как и размеры наделов. В среднем крестьянам досталось по 3,3 десятины на душу. Значительно меньше, чем требовалось для успешного ведения хозяйства, и даже меньше, чем был крестьянский надел до освобождения. Дворовые крестьяне и безземельные крепостные рабочие освобождались без наделов, приписывались к сельским и городским обществам и должны были искать себе заработок, для чего им предоставлялись льготы.

В целом, дело свершилось грандиозное. Более 23 млн человек получили волю. Но уже вскоре после введения реформы два ее главных автора, Ланской и Николай Милютин, были отправлены в отставку без объявления причин и, как они писали, «без просьбы с нашей стороны». Строятся версии, что их подсидели «крепостники». Однако подоплека вполне могла быть иной: Александр II оценил не только их деловые качества, но и крайний либерализм. Поэтому использовал их в конкретном ключевом вопросе, а в других проблемах считал их позиции совсем не полезными.

Впрочем, причиной отставок могли стать и негативные последствия реформы. Ведь Манифест об освобождении восприняли по всей России (и сам государь тоже) как небывалый праздник. Но сразу же посыпались разъяснения. Что барин еще

сохранял «патрональную» власть над крестьянами, на него предстояло еще трудиться 9 лет, а головоломка с землей и выплатами оказывалась слишком мудреной для неграмотных крестьян. В народе-то сохранялось исконное представление – вся земля в России государева. Праздник оборачивался растерянностью. Рождались догадки, что Манифест «правильный», а «баре» добавили лживые приложения, чтобы господствовать по-прежнему.

Начались волнения, бунты. За 1861 г. на усмирение 337 раз вызывали воинские команды. Особенно сильный мятеж в Казанской губернии охватил 75 сел и деревень под предводительством раскольника Сидорова. Он объявлял, что подлинный указ об освобождении крестьян, и с землей, царь издал еще в 1858 г., а сейчас обманывают. И если помещики не выполнят «правильных» требований, надо сечь им головы. 12 апреля 5 тыс. человек, когда им приказали разойтись, ринулись на присланных солдат. Те стреляли, было 55 убитых и 71 ранен. Сидорова по приговору военного суда расстреляли, активистов посадили или выпороли. Столкновение с войсками произошло и под Пензой, где собралось 10 тыс. крестьян из 26 сел. 18 бунтовщиков было убито, 174 осудили на каторгу, высылку или порку. Царь, выступая перед дворянами в Твери, назвал беспорядки очень прискорбными. Предупредил, что в таких случаях он будет всегда взыскивать строго, поскольку бунты несут общую гибель. Но ведь виноваты были и разработчики реформы. Фактически они не исполнили волю Александра. Не исполнили его главную искреннюю мечту – сделать подданных счастливыми…

В других сферах преобразования продолжались. На министра финансов Княжевича сыпались нападки из-за выросших налогов (а скорее, из-за борьбы с хищничеством, повышения пошлин на импорт), и он, пожилой и больной, вышел в отставку. Его пост занял Михаил Рейтерн, выступавший решительным противником «казенного» хозяйства. Он провернул приватизацию железных дорог, построенных государством, нефтяных месторождений Кавказа, передавая их частным концессионерам (на сверхвыгодных для них условиях).

При содействии Рейтерна стали бурно плодиться частные банки. Это привело к разгулу злоупотреблений, кризисам. Но и политика поддержки отечественного производства стала сомнительной. Так, правительственные заказы на изготовление рельсов, брони и другой стальной продукции ведомство Рейтерна передавало Петербургским, Брянским заводам, расположенным далеко от месторождений железа и топлива, из-за чего

производство шло из импортного чугуна на импортном угле с огромными издержками. Кто грел на этом руки, вопрос остался открытым.

А для университетов в 1863 г. был принят устав по образцу европейских. Им предоставлялась полная внутренняя самостоятельность. Должности ректоров, деканов, профессоров были выборными. Учебные пособия не подлежали цензуре. Студентов, совершивших противозаконные деяния, ректор мог брать на поруки, для них существовали свои университетские суды. И все же, невзирая на «оттепель», сам царь ее духом не увлекся. Следил, чтобы реформаторство не зашкаливало за некие допустимые рубежи. Из западных заимствований он отсек и запретил создавать студенческие корпорации, становившиеся в революциях готовыми отрядами.

Тем не менее либералы укрепляли свои позиции. Новым министром народного просвещения они провели Головнина, бывшего помощника великого князя Константина, редактора его «Морского сборника». Он добился объединения под своим ведомством всех школ – ранее большинство из них относилось к Министерству государственных имуществ и Министерству уделов. Головнин хотел подмять и церковные школы, но воспротивилось духовенство, и царь оставил их в подчинении Синода. А министерство Головнина отработало Положение о начальных училищах, утвердив английскую систему «невмешательства» государства в жизнь школы. Согласно Положению, начальные учебные заведения разрешалось создавать как общественным организациям, так и частным лицам. А при утверждении в Государственном совете было решено возложить их обеспечение и участие в их руководстве на земства.

Земской реформой после отставки Николая Милютина занялся новый министр внутренних дел Валуев – но он был из того же кружка Елены Павловны и «константиновцев». Проект Положения был завершен в 1862 г. и опубликован для ознакомления. Для местного самоуправления в городах и уездах создавались выборные земские собрания и земские управы. Избирать и быть избранным в них мог человек любого звания. Но выборы проводились по трем куриям. В 1-й землевладельцы (не менее 200 десятин), владельцы крупных сельских предприятий. 2-я была городской, там избирать могли купцы с оборотом не менее 6 тыс. руб. и владельцы недвижимости на сумму от 500 р. В 3-й, крестьянской, сельские общины выбирали делегатов на волостные сходы, те – выборщиков, а они – членов уездного земского собрания.

Так что большинство в земских органах составляли дворяне,

председателями уездных и губернских собраний были предводители дворянства. Сами эти собрания созывались раз в год или по необходимости, а рабочим органом были управы. В их ведение передавались местные хозяйственные дела, содержание дорог, школы, больницы, санитарный надзор, попечение о развитии промышленности и торговли, сельского хозяйства, обеспечение народного продовольствия (склады на случай неурожаев), на все это собирались свои земские подати [52]. Либералы возлагали на реформу колоссальные надежды, в России утверждалась демократия! Но и царь разглядел опасность подкопа под Самодержавие, подмены его парламентаризмом. Он тормознул авторов. Создания высшей, общегосударственной земской структуры, которая и стала бы подобием парламента, он не допустил.

Хотя такие предложения звучали – сделать эту структуру нижней палатой Государственного совета, дать ей законосовещательные права. Эту инициативу подняло Петербургское губернское земское собрание – вместо ответа оно тут же было закрыто. Мало того, император не позволил земским органам разных губерний взаимодействовать друг с другом, не допуская образования либеральных партий и оппозиций. Только для Финляндии он сделал исключение из политических соображений – ей же конституция и парламент были дарованы по условиям вхождения в Российскую империю, и сам Александр II обещал восстановить их. В 1861 г. он повелел финнам создать подготовительную комиссию. Собирать предложения для обновленной конституции, разработать порядок выборов в сейм.

Ну а судебная реформа варилась долго. Под влияние «перестроечной» атмосферы попал и сам ее автор, Блудов. Изначально стоял за сохранение российских особенностей, а потом отказался от прежних взглядов, поддержал западную систему. Наконец, Александр II запросил у Государственного совета, в каком состоянии эти разработки. Изучив документы, он тоже махнул рукой: зачем выдумывать что-то новое? В январе 1862 г. указал ориентироваться на образцы, «несомненное достоинство которых признано в настоящее время наукою и опытом европейских государств, и на коих должны быть преобразованы судебные части в России».

Тут уж государственный секретарь Бутков с коллективом юристов быстро отработали «Основные положения» о судах. Царь утвердил их и повелел окончательно подготовить к 15 января 1863 г. Отныне судебная власть отделялась от административной. А следствие от полиции передавалось создаваемому институту судебных следователей. Суд вводился устный и гласный с

прениями сторон (ранее судья мог вынести приговор и заочно, на основании доказательств и следственных материалов).

Мелкие дела разбирали мировые судьи, их избирали на 3 года на земских собраниях. Следующей инстанцией были съезды мировых судей. Выше шли окружные суда. В них судьи были назначаемыми и несменяемыми. Обвинение представлял прокурор, а для защиты создавалась коллегия присяжных поверенных (адвокатов). Дела, грозившие наказанием свыше 1 года и 4 месяцев заключения, передавались на суд присяжных, коллегия из 12 человек выносила вердикт о виновности. Апелляции на решения окружных судов рассматривали Судебные палаты. А высшей судебной инстанцией оставался Сенат.

Были разработаны уставы для нового порядка судопроизводства. Но еще до их введения, 17 апреля 1863 г., в свой день рождения, Александр II упразднил в России телесные наказания и клеймление преступников. В армии и на флоте отменялись шпицрутены, прогоны сквозь строй, плети. Порка по приговору суда заменялась тюрьмой, арестом, работами. Она сохранялась только для солдат в дисциплинарных батальонах (до 50 ударов), для матросов в плавании (до 100 «линьков»), розги для крестьян по приговорам волостных судов, плети для каторжников и заключенных. Кстати, в этом царь на 8 лет опередил Англию, там в армии и на флоте телесные наказания сохранялись до 1871 г., а в местах заключения – до середины XX в.

Ну а своеобразным символом «перестройки» стал монумент «Тысячелетия России», с пышными торжествами открытый в Новгороде в 1862 г. Среди многочисленных фигур на памятнике не нашлось места основателям Северной Руси, именно будущей России: святым князьям Андрею Боголюбскому, Даниилу Московскому, Ивану Калите, святителю Петру Московскому. Не нашлось места спасшему нашу страну от унии Василию Темному, первому русскому царю Ивану Грозному, спасительнице Самодержавия и искоренительнице ересей Анне Иоанновне, победительнице Пруссии и ревностной поборнице Православия Елизавете Петровне, Павлу I, непобедимому адмиралу Ушакову.

Зато к славным деятелям истории России оказались с какой-то стати причислены ее враги – литовские князья Гедимин, Ольгерд, Кейстут, Витовт, Константин Острожский, принявший от римского папы корону Даниил Галицкий, предводительница новгородских сепаратистов Марфа Посадница, изменники и заговорщики Сильвестр и Адашев, польский агент Ордин-Нащокин, иезуитский шпион Симеон Полоцкий. Был представлен и букет масонов-реформаторов: Бецкой, Кочубей, Сперанский,

Жуковский, извратитель отечественной истории Карамзин… В общем, реформаторы ясно обозначили, кто им ближе.

Глава 14. Ядовитая поросль

Политический кружок под видом вечеринки. Художник В. Маковский

В России заявила о себе новая сила, «общество». Ранее это понятие относилось к дворянской верхушке, диктовавшей моды, правила хорошего тона, формировавшей уровень культуры. Теперь оно резко расширилось, вбирая все образованное население, присвоило себе роль судьи и наставника, оценивая действия власти и поучая ее. Причем аппетиты росли по мере еды, «общество» добивалось для себя все больших прав.

А в такой атмосфере вслед за либералами зашевелились революционеры, их реформы «сверху» удовлетворить в принципе не могли. Эпицентром радикальных настроений стала Польша. Александр II хоть и потребовал от нее «оставить мечтания» о самостоятельности, но пообещал значительно расширить ее права вместе со всей Россией. По амнистии 9 тыс. участников прошлого восстания вернулись из ссылок и эмиграции, их восстанавливали в дворянских правах. Царь отменил усиленный надзор, введенный при попытке революции в 1846 г. Упразднил порядок направлять поляков на службу в Россию, а в Польшу – русских. Сошла на нет цензура, множились польские газеты, журналы, издавались прежде запрещенные произведения националистов.

В 1857 г. государь снова посетил Польшу, и население бурно его приветствовало. Он учредил в Варшаве Медико-хирургическую академию, дозволил открывать другие учебные заведения, графу Замойскому разрешил создать Земледельческое общество для развития сельского хозяйства. Но оно стало клубом сепаратистов. Принялось открывать школы, издавать газеты и учебники, разжигая национализм и русофобию. Поддержала католическая церковь. А в Медико-хирургической академии и школе изящных искусств сразу возникли революционные кружки. Похороны вдовы генерала Совинского, погибшего при обороне Варшавы в 1831 г., они превратили в массовую демонстрацию. Во время католических праздников выставлялись караулы солдат и казаков – и полячки норовили плюнуть в «пшеклентых москалей».

Молодежь выходила из-под контроля и в России. Под влиянием трудов Писарева, отвергавшего любые авторитеты и моральные установки, развилось движение нигилистов. Веру и все духовные ценности они относили к предрассудкам и к хламу. Отбрасывали и культуру, дружбу, любовь, бросали вызов общественным нормам внешним эпатажем – юноши отращивали длинные волосы, рядились в большие шляпы, плащи, девушки коротко стриглись. Призывали рушить все «нерациональное». Хотя нигилисты стали лишь «неформалами» XIX в. Они были слишком эгоистичны для какой-либо организации. Но другие рвались самим что-то менять. В разных городах возникали кружки, изучавшие иностранные социалистические, анархические, коммунистические учения. Студенты буйными криками срывали лекции нелюбимых профессоров, бушевали из-за увольнения любимых – то есть крайних вольнодумцев.

В России училось и много поляков. В Киевском университете они создали «Тройницкий союз» – строго конспиративный, каждый, кроме руководителей, знал лишь свою тройку. Вовлекали и уроженцев Украины, искусственно культивируя малороссийский национализм. Примкнула группа студентов, исключенных за беспорядки из Харьковского университета, и возникло Харьковско-Киевское тайное общество. Один из руководителей, профессор Павлов, ездил в Лондон, встречался с Герценом. Через Киев был налажен основной канал поставок в Россию эмигрантской литературы. А Павлов со своими студентами взялся создавать воскресные школы для взрослых и детей, превращая их в инструмент подрывной агитации.

Выдвинулся и Чернышевский. Сын настоятеля кафедрального собора в Саратове, очень образованного и состоятельного – для воспитания мальчика он нанял француза-гувернера [53]. Результаты сказались. Не доучившись в духовной семинарии,

Чернышевский поступил в Петербургский университет, увлекся радикальными идеями [54]. Начал публиковаться в различных изданиях. В «Современнике» возглавил с Некрасовым и Добролюбовым крыло, превратившее журнал из литературного в рупор политической оппозиции, и сам стал одним из перестроечных «властителей умов». В 1858 г. его взяли редактором в новый журнал «Военный сборник» – военное ведомство по примеру морского решило иметь свой аналог «Морского сборника». Но Чернышевский на этой должности начал вовлекать в революцию офицеров: слушателя артиллерийской академии Сераковского, Шелгунова и др.

Они создали кружок из 70 человек, куда вошли в основном поляки: офицеры Домбровский, Падлевский, студенты Врублевский, Калиновский, чиновник Огрызко. В 1860 г. Сераковский, будучи в заграничной командировке, встретился в Лондоне с Герценом и Огаревым, в Италии с Гарибальди, договаривался о помощи. В это же время и в Париже возник штаб польской революции во главе с «диктатором» неудавшегося восстания 1846–1848 гг. Мерославским. Он успел повоевать у Гарибальди, командовал добровольческим польским легионом, стал генералом. Во Франции была создана польская военная школа, были налажены связи с Польшей.

В 1860 г. для переговоров по Италии царь встретился в Варшаве с австрийским императором и прусским Вильгельмом. Но местные революционеры распространили листовки с запретом участвовать в мероприятиях «слетающихся воронов». При въезде Александра II в город улицы оказались пустыми. В театре перед представлением царскую ложу залили серной кислотой, зал забросали пузырьками со зловонной жидкостью. В празднично украшенных домах били стекла. Государь оценил перемены. Он будто попал совсем не в тот город, который радостно встречал его в 1857 г. Наместнику, генералу Горчакову, он велел удвоить бдительность. Направил в Польшу дополнительные войска.

Получить новое восстание накануне крестьянской реформы для России было совершенно некстати. Да и война на Кавказе как раз вступила в решающую фазу. Войска, освободившиеся на Восточном Кавказе, перегруппировали на Западный. Непосредственное руководство было возложено на генерала Евдокимова – сына рядового солдата и казачки, главного героя прошлых успехов. Общий план оставался прежним: планомерное наступление. Победа над Шамилем все же сказалась. После этого около трети горских племен вступили в переговоры и покорились. Но остальные были настроены непримиримо, и сказывалась морская поддержка из-за рубежа.

По подсчетам русского консула в Трапезунде в 1858 г. на Кавказ было отправлено до 800 турецких судов с грузами и наемниками. Когда на море появились русские «малые корветы», этот поток удалось снизить, в 1859 г. до 198 судов. Но в Геленджике и Туапсе англичане с турками организовали базы для военных грузов. А в Сочи непокорные племена образовали подобие парламента, «Великое и свободное заседание», делегация от него ездила для переговоров о помощи по европейским странам.

Евдокимов начал наступление. Он знал, насколько ненадежно замирение горцев. Тех, кого силой заставил сложить оружие, переселял на равнину, отделяя от воюющих сородичей – их оттесняли все выше в горы. Для закрепления отвоеванных рубежей он предложил переселять казаков, строить новые станицы. Царь оценил и 24 июня 1861 г. утвердил его идею. Оценили и горцы. Говорили: «Укрепление – это камень, брошенный в поле, ветер и дождь снесут его; станица – это растение, которое впивается в землю корнями и понемногу охватывает все поле». Пресекалась и морская поддержка. Вражеские базы в Туапсе и Геленджике взяли с боем десантами. Причем обнаружили, что в Туапсе завезли целый склад ружей и польских мундиров – режиссеры рассчитывали вызвать массовое дезертирство поляков из русской армии.

В сентябре 1861 г. на Кавказ прибыл царь, объезжал войска и станицы. Сам поучаствовал в рекогносцировке на р. Белой, а в урочище Мамрюк-Огой встретился с делегатами от 60 немирных племен. Предложил им щедрую замену земли для поселения, гарантировал сохранение их обычаев, имущества, освобождение от податей и повинностей, другие льготы, требуя лишь выдачи русских пленных и беглых. Они посовещались и заявили: замирятся, если наши войска отступят за Кубань и порушат все укрепления. После такого ответа наступление продолжилось.

Главным советником государя по военным делам снова стал Дмитрий Милютин – стяжав лавры пленения Шамиля, он стал товарищем (заместителем) военного министра. Он успел продумать ряд полезных преобразований в армии, и Александр II поддержал их. Россию поделили на военные округа. В их ведение отдали вопросы снабжения, обучения войск, это улучшило управление, разгрузило аппарат министерства. Сам этот аппарат был значительно сокращен, близкие по направлениям структуры объединялись.

Критику вызывала и слабая подготовка офицеров (впрочем, она была куда выше английской – там офицерские патенты просто покупались за деньги). Милютин показал, что система

кадетских корпусов слишком дорогая и неэффективная. В результате 18 корпусов упразднили, на их базе учредили 4 военных училища и 11 военных гимназий – они готовили подростков к поступлению в училища, но были гражданскими заведениями. А на сэкономленные средства Милютин стал организовывать двухгодичные юнкерские училища [55].

Военные вопросы оставались первостепенными. Царь видел – невзирая на Парижский мир, на запущенные либеральные процессы, отношение Запада к России не меняется к лучшему. Правда, главный очаг международной напряженности сдвинулся в это время далеко от нашей страны. В США случилось именно то, чего Александр при отмене крепостного права сумел избежать в России. Когда президентом избрали Линкольна, борца с рабовладением, 11 из 34 штатов отделились, образовав Конфедерацию. Разразилась гражданская война.

Причем Англия и Франция приняли сторону южан. Северные промышленники и купцы были их конкурентами, а от плантаторов-рабовладельцев они получали дешевые хлопок, сахар, табак. Лондон и Париж пытались создать коалицию, приглашая в нее Россию. Александр II решительно отказал, поддержав легитимное правительство Линкольна. Горчаков писал послу США Тейлору: «России делались предложения по присоединению к планам вмешательства. Россия отклонит любые предложения такого рода. Вы можете рассчитывать на нас».

Но куда более выгодный объект для вмешательства западные державы увидели по соседству с США, в Мексике. Там гражданская война только что завершилась, либералы победили консерваторов. Те взывали о помощи к европейским партнерам. Напоминали, что еще раньше просили о восстановлении в Мексике монархии. Во время войны они брали займы у Англии, Франции, Испании, а победители ввели мораторий на выплату долгов. Часть из них вообще не признали. Это касалось в основном британцев – у них мексиканцы задолжали в 6 раз больше, чем у французов и испанцев. А новое правительство, нуждаясь в деньгах, еще и конфисковало серебро, добытое английской компанией [56, с. 30, 45].

Хотя для операции требовалась большая сухопутная армия. Но обработать Наполеона III оказалось легко. Он возбудился собственными мечтами о мировой империи, загорелся создать в Америке вассальное «Латинское государство». Добавились махинации его братца Морни, прибравшего к рукам обесценившиеся облигации непризнанных мексиканских займов. Наполеон придумал восстановить дружбу и с Австрией. Договорился, чтобы Франц Иосиф выделил в мексиканские

императоры своего брата Максимилиана. К союзу присоединилась Испания в надежде восстановить давнее владычество над Мексикой. В 1861 г. западная пресса раздула истерию об «ужасных беспорядках» в Мексике, насилиях над иностранцами, и три державы захватили порт Веракрус.

Правда, союз быстро кончился. Англичане чисто символически прислали лишь 700 солдат, мексиканское правительство подтвердило их права, согласилось оплатить долги и убытки, и они удовлетворились. Испанцы убедились, что местные жители вовсе не хотят возвращаться под их власть, а при амбициях французов им ловить нечего. Те и другие покинули Мексику. Зато Наполеон III двинул войска на Мехико, провозгласил Максимилиана своим марионеточным императором. Но мексиканцы его знать не желали, призвали народ к оружию, а всех оккупантов и изменников объявили приговоренными к смерти [56, с. 98].

Однако в это же время накалялась атмосфера в Польше. Ее заваливали подстрекательскими листовками. Мерославский из Парижа приурочил восстание к 30-летию Гроховской битвы с русскими в прошлую войну. Хотя варшавские революционеры оказались еще не готовы, заменили «мирной» демонстрацией. Масса народа двинулась по главным улицам с гимном «Еще Польска не сгинела». Полиция разогнала их, но в следующие дни манифестации возобновились. Наместник вывел войска, их стали закидывать камнями. Рота дала залп, 5 человек было убито, 20 ранено.

Фотографии жертв тут же разлетелись по западным газетам, а поляки забушевали. Съезд Земледельческого общества вручил наместнику требования: вернуть Польше национальное законодательство, воспитание, внутреннюю организацию, национальную церковь. Старенький Горчаков растерялся. Гражданское управление при нем осуществлял граф Велепольский – из благоразумных вельмож, надеявшихся на постепенные послабления от царя. По его совету требования переслали Александру II. Государь повелел опубликовать свой ответ. Что беспорядков он не потерпит, но договариваться по-хорошему всегда готов.

Он и впрямь пошел на уступки. Восстановил в Польше Государственный совет, учредил для нее отдельную Комиссию духовных дел и народного просвещения, в городах и уездах – выборные советы. Куда там! Вместо успокоения манифестации ширились. Теперь уже даже Велепольский настоял, чтобы наместник закрыл Земледельческое общество и связанные с ним организации. Это вызвало новую бурю протестов. Еще одна

массовая демонстрация кончилась стрельбой и жертвами. Сердце Горчакова не выдержало нервотрепок, он умер.

Временно его заменил военный министр Сухозанет. Ввел военное положение, начал аресты, и помогло, Польша притихла. Но как только эти меры отменили, вернулись к заигрываниям с поляками, буйство покатилось пуще прежнего. Новый наместник, боевой генерал Лидерс, возвратил военное положение, позакрывал оппозиционные издания, собрания, даже костелы – и опять стихло. Хотя затаившиеся смутьяны создавали боевые группы, руководящий Центральный национальный комитет. Распространялись нелегальные газеты «Побудка», «Стражница», «Щербец», «Глас каплана польского». В Польшу постарались перевестись члены Петербургской военной организации – Сераковский, Домбровский, Падлевский и др. Образовался Комитет русских офицеров в Польше во главе с поручиком Потебней (малороссом), насчитывал 200–300 человек.

Но и в самой России революционеры как раз после Манифеста о ликвидации крепостного права загорелись надеждами получить массовую опору в лице крестьян. Сыграть на их недовольстве освобождением без земли. После подавления бунта в Казанской губернии студенты Казанского университета устроили демонстративную панихиду по убитым, с речью выступил профессор Щапов, завершив призывом: «Да здравствует демократическая конституция!» Появились прокламации с призывами к перевороту. В одной из них, «К молодому поколению», авторства Шелгунова и Михайлова, провозглашалось: «Нам нужен не царь, не помазанник Божий… а выборный старшина, получающий за свою службу жалованье».

Революционные кружки стали объединяться, возникла организация «Земля и воля» с отделениями по разным городам. В Петербурге она выпускала нелегальный листок «Великоросс», в № 3 изложила программу. Земля, которой пользовались крестьяне, должна остаться у них. Выкуп помещикам платится «за счет всей нации». Выставлялись требования созвать представителей народа для выработки конституции России, освободить Польшу. Составлял программу или участвовал в этом Чернышевский. Он осторожно не состоял ни в какой организации. Однако в Лондоне его знали не только Герцен с Огаревым, но и Маркс с Энгельсом называли его «главой революционной партии».

И пункт о Польше был отнюдь не случайным, русские революционеры были тесно с ней связаны. Не подозревая, что их всего лишь используют. В марте 1861 г. Мерославский прислал в Варшаву Замойскому программу восстания, где откровенно

насмехался над лозунгом Герцена «за нашу и вашу свободу»: «Неизлечимым демагогам нужно открыть клетку для полета за Днепр. Пусть там распространяют казацкую гайдаматчину против попов, чиновников и бояр, уверяя мужиков, будто те стараются удержать их в крепостной зависимости. Должно иметь в полной готовности запас смут и излить его на пожар, разожженный уже внутри Московии… Вот в чем состоит наша панславистская и коммунистическая школа! Вот весь польский герценизм! Пусть он издали помогает польскому освобождению, терзая сокровенные внутренности царизма. Пусть себе заменяет вдоль и поперек анархией русский царизм… Пусть обольщает себя девизом, что это послужит для “вашей и нашей свободы”. Перенесение его в пределы Польши будет считаться изменой отчизне и наказываться смертью» [33, с. 198].

Да, чужеземцы раздували в России смуту всего лишь ради собственных выгод – а русская молодежь самозабвенно подыгрывала. Из-за беспорядков осенью 1861 г. пришлось временно зарыть Петербургский и Казанский университеты. А весной 1862 г. всюду выплеснулись листовки. Их рассылали по почте, разбрасывали по улицам, подкидывали даже во дворец. Особенное впечатление произвела прокламация Заичневского «Молодая Россия», воспевавшая «кровавую, неумолимую революцию». Автор звал к походу на Зимний дворец и истреблению всех его обитателей во имя «демократической республики». И всех, кто будет против, – «в топоры», «бей императорскую партию, не жалея».

Сразу после этого воззвания произошла серия пожаров в Петербурге и других городах. Было ясно, что орудовали поджигатели, и свидетели говорили о «студентах», «нигилистах». Александр II учредил для борьбы со смутьянами особую следственную комиссию князя Александра Голицына. У полиции и III Отделения информации уже накопилось немало. Начались аресты, обыски. При этом вскрылась подрывная агитация через бесконтрольные частные воскресные школы, и царь повелел их закрыть. Был введен надзор за типографиями, другой множительной техникой. Ряд изданий – «Современник», «Русское слово», были временно закрыты.

Правительство наконец-то обратило внимание на широкое распространение «Колокола», на постоянные визиты своих подданных к Герцену. 32 эмиссара «Земли и воли», осуществлявших связи с Лондоном, попали под суд. Правда, почти все были оправданы или отделались полицейским надзором. Лишь трое, в том числе один из руководителей «Земли и воли» Серно-Соловьевич, получили пожизненную ссылку в

Сибирь, и трое, скрывшихся за границей, были приговорены к изгнанию из России.

А Чернышевский написал очередную прокламацию «Барским крестьянам от доброжелателей поклон». Подделывая слог под народное просторечие, внушал, что царь «оболгал» и «обольстил» народ, расхваливал «волю» у англичан и французов и излагал подробную инструкцию по подготовке революции. Организовываться, но раньше времени не бунтовать, изображать спокойствие. «Сходиться» с солдатами, обещать им – если поддержат в нужный момент, то будет «вольная отставка каждому, кто в отставку пожелает, да сто руб. серебром награды за то, что своим братьям-мужикам волю добывать помогал». «Ведь у нас по всем местам свои люди есть, отовсюду к нам вести приходят, как народ… А когда приготовленность будет, нам тоже видно будет. Ну, тогда и пришлём такое объявление, что пора, люди русские, доброе дело начинать, что во всех местах в одну пору начнётся… Тогда и легко будет волю добыть» [57].

Прокламацию передали для печати Всеволоду Костомарову, в чьем доме была подпольная типография. Его арестовали, и он всех сдал. Кстати, содержали арестованных весьма вольно. Серно-Соловьевич даже из Петропавловки переписывался с Герценом и Огаревым, а Чернышевский написал в камере роман «Что делать» – и его опубликовал «Современник», когда возобновил издание. Автор был приговорен к 14 годам каторги с пожизненной ссылкой в Сибирь, царь снизил срок каторги до 7 лет.

А в Польше раскрыли «заговор варшавских офицеров». Взяли не всех, но для них-то суд был военный, за измену. Троих приговорил к расстрелу, двоих к каторге, 30 человек перевели на Кавказ. Лидерс приговор утвердил, и на следующий день в городском саду поручик Потебня стрелял в него сзади, пуля раздробила челюсть. Потебня удрал за границу, приговор привели в исполнение. Наместником вместо Лидерса царь назначил брата Константина – именно он настаивал, что Польшу нужно успокоить мягкими мерами.

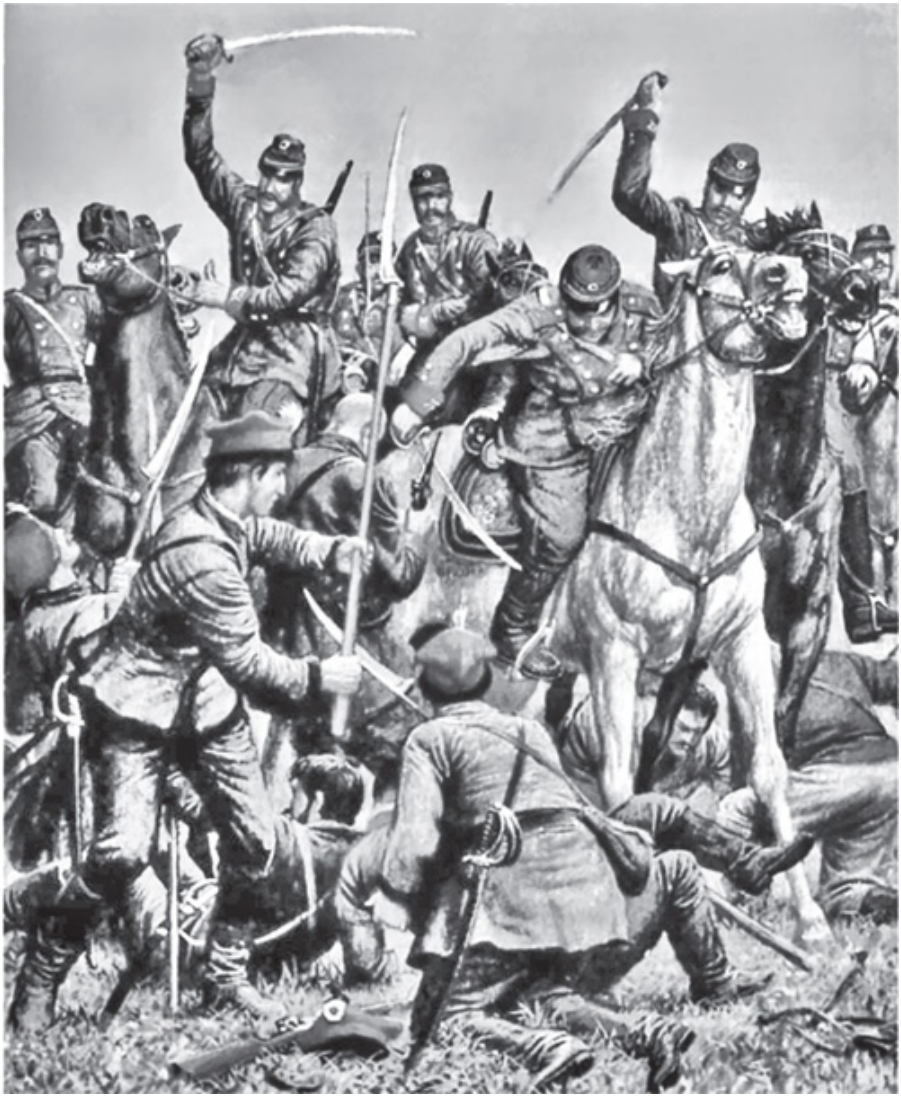
Но на следующий день после приезда в Варшаву возле театра подмастерье Ярошинский выстрелил в него. В упор, но пистолет держал в первый раз, пуля лишь задела плечо. Глава гражданской администрации Велепольский возмутился, на заседании Госсовета кричал: если уж на такого наместника охотятся, пусть лучше убивают его. Но тут же и на него случилось два покушения. Один революционер стрелял, второй кинулся с кинжалом. Всех троих террористов осудили и повесили. А Константин опубликовал воззвание: «Поляки, вверьтесь мне, как я вверился

вам! Да одушевляет нас единое чувство. Будем трудиться сообща и в мире для счастья Польши».

Да какое там единое чувство! Центральный национальный комитет создавал штабы революции в Литве, Белорусии, на Правобережной Украине. Штабс-капитан Домбровский, выпускник российской академии генштаба, разрабатывал планы – арестовать или убить наместника, с помощью заговорщиков-офицеров захватить варшавскую цитадель и крепость Модлин с арсеналами. Но Домбровского арестовали, и военное руководство передали Падлевскому, выпускнику артиллерийской академии. Он находился во Франции, преподавал в польской военной школе. В сентябре 1862 г. с делегатами Центрального национального комитета приехал в Лондон, туда явился и сбежавший Потебня. С Герценом, Огаревым и анархистом Бакуниным они заключили «польско-русский революционный союз».

А в конце 1862 г. Падлевский и Потебня появились в Петербурге. Договорились с руководителями «Земли и воли» Слепцовым, Утиным и др. выступить вместе. Восстание наметили на весну 1863 г. С отмены крепостного права как раз истекут два года, когда крестьяне по-прежнему трудятся на помещика, закрутится переход на уставные грамоты с переделами земли, выкупными платежами и повинностями, это вызовет волнения, тут-то и подогреть их, возглавить.

Глава 15. Экзамен на прочность



Бой с польскими мятежниками

Велепольский уже вовсю вырабатывал с Константином предстоящие реформы: национальная школа, национальные суды, общественные организации, равноправие евреев (польские националисты получали от них финансовую подпитку и считали «братьями», «поляками Моисеева закона» [33, с. 180]). Но он знал об активизации революционеров, грозивших сорвать этот процесс. Его администрация переписывала подозреваемых, набралось 25 тыс. Велепольский придумал предотвратить взрыв.

Воспользоваться очередным рекрутским набором и сделать его «именным». Константин согласился. В рекрутские списки включили 12 тыс. неблагонадежных.

Но об этом узнали и заговорщики. Приурочили восстание к рекрутскому набору. Его объявили в январе 1863 г., и вместо воинских присутствий молодежь пошла в леса. Центральный национальный комитет объявил себя временным правительством, призвал к оружию. Издал декреты о переходе земли к крестьянам безвозмездно с выкупом помещикам от казны, а безземельным батракам за участие в войне обещал по 3 морга (около 1,7 га) земли. В ночь на 11 января отряды боевиков напали на русские гарнизоны по разным городам. Вооружены они были чем попало, не обучены, и почти везде их отбили, кроме нескольких мест, где русское начальство допустило полную беспечность или грубейшие ошибки. В царских войсках 29 человек было убито, 63 ранено, 92 солдата пропали. Повстанцы захватили 2 пушки, 67 ружей, два обоза, 75 тыс. рублей, на 10 дней оборвали телеграфную связь между Варшавой и Петербургом.

50 тыс. мятежников разожгли пожар по всей Польше, Литве, Белоруссии. Из столицы полетел тревожный приказ стянуть войска в крупные города. Но его вскоре отменили. Потому что множество мелких отрядов серьезной боевой силы не представляли, это была не армия, с которой пришлось сражаться в 1830–1831 гг. Масса крестьян восстание не поддержала. От царя они только что получили свободу, а взбунтовались паны, их угнетатели. Кое-где крестьян удалось увлечь только католическим ксендзам и монахам. А основную часть повстанцев составили шляхтичи, чиновники, студенты, гимназисты, соблазненные горожане.

В Польшу поехали сотни добровольцев из Италии, Венгрии, Франции. Но и у русских крайних либералов восстание поначалу вызвало взрыв симпатий, во многих петербургских и московских салонах, в ресторанах открыто поднимались тосты «за польских товарищей». А великий князь Константин и Виленский генерал-губернатор Назимов фактически устранились от подавления, хотя войск у них было предостаточно. Война вылилась в беспорядочные стычки по лесам и селам – русские команды, как и партизаны, действовали сами по себе.

В данной ситуации быстро сориентировался канцлер Пруссии Бисмарк. Срочно отправил в Петербург генерал-адъютанта Альвенслебена, заключив конвенцию о совместной борьбе с мятежниками. Пруссия обязалась усилить охрану границы, выдавать повстанцев, разрешала их преследовать на своей территории. Таким образом показала себя другом России. Хотя на

деле соглашение по охране границы выполняла отвратительно. В районе Познани польские активисты действовали свободно. 5 февраля там перешел границу Мерославский, чтобы возглавить восстание.

К нему стекались мелкие отряды, набралось 500 человек. Но через день полковник Шильдер-Шульднер с 60 казаками, 50 пограничниками и 3 ротами солдат разогнал эту банду. Мерославский с 36 соратниками сбежал и присоединился к отряду Мелецкого из 400 человек. Однако назавтра русские и его разгромили. Мерославский подался обратно за рубеж. Он еще раз решил перейти границу из австрийских владений, из Галиции. Стал собирать там силы. Но первый же отряд, отправленный им в российскую Польшу, 153 человека с 2 пушками, был в тот же день уничтожен пограничниками, и Мерославский укатил в Париж.

Единого командования у поляков так и не возникло. Менялись «диктаторы» и «главнокомандующие» – полевые командиры, ссорящиеся между собой. Менялись и спорили члены «правительства». Одна партия, «красные», надеялась на разжигание революции, в том числе и в России. «Белые» ставили целью хотя бы не независимость, а автономию Польши, как было до прошлого восстания. Но чтобы полякам восстановили границы 1772 г. – с Литвой, Белоруссией, Правобережной Украиной. Собственные возможности они оценивали более трезво и все расчеты строили на вмешательстве западных держав.

По настояниям, сыпавшимся от Константина, царь не отказывался от мирного урегулирования. Но и безоговорочные уступки отмел. 31 марта, на Пасху, он издал Манифест, гарантируя прощение повстанцам, если сложат оружие и за ними не будет иных уголовных и служебных преступлений. Срок давал до 1 мая. Однако польский Центральный комитет пренебрег даже возможностью переговоров. Издал два воззвания, отвергая царскую милость и требуя независимости Польши.

В это же время, когда Александр II предлагал амнистию и прекращение кровопролития, поляки разыгрывали свои «революционные» козыри. Из Англии отчалил пароход «Вэрд Джексон», вез более 200 легионеров Лапинского (успевшего повоевать с русскими на Кавказе), груз оружия и боеприпасов, чтобы высадиться в Литве и раздувать восстание. Сопровождал Бакунин. Но царские дипломаты узнали, по требованию Горчакова пароход задержали в Швеции, груз арестовали. Отряд все же пытался высадиться у Паланги. Попал в шторм, лодки перевернуло, 24 человека погибли. Остальные вернулись в Англию.

Совместно с «Землей и волей» готовилось и восстание в

Поволжье. Разжечь его должен был главный инженер Саратовской железной дороги поляк Кеневич. Для этого он получил 15 тыс. руб. в Варшаве и 25 тыс. в Париже. Были изготовлены подложный царский манифест, отдававший всю землю крестьянам, и прокламация, призывавшая к восстанию, захвату земли, созданию органов революционной власти на местах. Даже Герцену трюк с лже-манифестом не понравился, но он не все решал, были более высокие заказчики. Оба документа распечатали в Англии тиражом 10 тыс. экз., доставили в Петербург.

Кеневич с частью тиража выехал в Казань. Там имелась группа революционно настроенных офицеров. Они с местным отделением «Земли и воли» стали обсуждать захват города. От Казани восстание должно было разлиться на Поволжье, Урал, Дон. Но и с молодежью возникли сложности. Какие-то понятия чести у нее сохранялись, распространять фальшивый манифест здешний комитет «Земли и воли» отказался. Хотя призыв к восстанию согласился использовать, его начали запускать крестьянам. Однако жандармерия и полиция уже держали смутьянов под присмотром, арестовали. 31 попали под военный суд. Кеневича и 4 офицеров расстреляли, 5 человек осудили на каторгу, остальных – к ссылке.

А срок прощения до 1 мая, дарованный царем, истек. В российской верхушке самую решительную позицию занимал Михаил Муравьев, брат Муравьева-Карского. Он прошел через много войн, участвовал и в прошлом усмирении Польши, хорошо знал ее специфику. Муравьев заявлял: чем жестче подавить мятеж, тем меньше крови прольется. Он уже находился в отставке, но Александр лично вызвал его, назначил вместо либерального Назимова генерал-губернатором виленским, гродненским и минским, подчинив ему и соседние губернии. А брата из Варшавы отозвал, поручил исполнять обязанности наместника генералу Федору Бергу.

Между тем повстанцы распоясались. Поняв, что с войсками им не сладить, избегали боев. Зато отыгрывались на безоружных. Рассылали группы «народной жандармерии», их назвали «кинжальщики», «жандармы-вешатели», они отлавливали и казнили отдельных солдат, полицейских, православных священников, не поддержавших мятеж помещиков, простых крестьян. III Отделение установило поименно 924 казненных за 1863 г. [58], а всего количество жертв достигло 2 тыс. [59]. Муравьев энергично взялся наводить порядок. Сменил администрацию, подобрав толковых помощников. У тех панов, кто поддержал мятеж, имения отбирал. У непосредственных участников – сжигал. Грамотно распределил силы, стал

руководить поисковыми операциями. Полевых командиров и «жандармов-вешателей» приказал предавать военно-полевому суду и без долгих разговоров исполнять смертные приговоры.

Но если планы польских «красных» на революцию в России провалились, то надежды на западные державы оправдывались. За мятежников горячо вступились Англия, Франция, потом подключились Австрия, Голландия, Дания, Испания, Португалия, Турция, Швеция, папа римский. Покатились ноты с требованиями мирного урегулирования, реформ для Польши. Тон их становился все более угрожающим, особенно английских и французских. А британский кабинет снова возглавлял лидер русофобов Палмерстон, министром иностранных дел был давний его единомышленник Рассел. Они задавали тон и французам. Настаивали созвать в Париже международную конференцию по польскому вопросу.

Россию тыкали носом в Венские трактаты 1815 г. после войн с Наполеоном – когда и было принято решение об автономном Царстве Польском под эгидой русского государя. Объявили, что эти трактаты нарушены, значит, русские войска вообще не имеют права находиться в Польше, должны быть немедленно выведены. Запахло новой войной со всей западной коалицией. В Лондоне и Париже происходили демонстрации, призывающие еще разок проучить Россию. Царь и Милютин, занявший пост военного министра, начали развертывать армию по штатам военного времени. Призвали «отпускных», уволенных после 15 лет службы. Но их накопилось слишком мало, пришлось объявить два рекрутских набора.

1 июня 1863 г. Александр II встретился с прусским Вильгельмом, предложил союзный договор, был даже готов обсудить за это «территориальную компенсацию». По совету Бисмарка Вильгельм от компенсаций отказался – они рассчитывали в будущем на куда больший выигрыш. Но западным державам Бисмарк ответил весьма красноречиво: при высадке их войск на Балтике Пруссия нейтральной не останется. Таким образом, «профранцузская» линия Горчакова рухнула – главным партнером во внешней политике становилась Пруссия.

Второго союзника царь и его советники нашли за океаном. В США продолжалась гражданская война. Наполеон III, оккупируя Мексику, присматривался прибрать под покровительство и соседние с ней южные штаты. Они же в XVIII в. были французскими колониями, и значительная часть южных плантаторов была французского происхождения. А англичане наращивали контингенты в Канаде. Вмешиваться в войну остерегались, но помогали южанам поставками,

дипломатическим давлением, демонстрациями – послали к берегам США эскадру из 5 кораблей.

В окружении Александра II вызрело дерзкое предложение послать в Америку наши морские силы. Поддержать северян. А если западные державы развяжут войну, наши корабли из американских портов выйдут на атлантические и тихоокеанские коммуникации топить и захватывать вражеские суда с грузами из Индии, Китая, Мексики, Австралии. Пусть англичане с французами призадумаются, стоит ли им нести такие убытки? 25 июня Александр II подписал повеление о морском походе. В Нью-Йорк отчалила эскадра контр-адмирала Лесовского, 2 новейших тяжелых фрегата, 2 винтовых корвета и клипер, 3 тыс. моряков. А на Тихом океане в Сан-Франциско направилась эскадра контр-адмирала Попова, 4 корвета и 2 клипера, 1200 человек команды.

Американцы, увидев их, плакали от радости. Говорили, что Россия спасла их. В честь наших моряков устраивали торжества, парады. Стоило кому-то сойти на берег, его тут же окружали толпы благодарных людей. В их честь устроил прием президент, на кораблях побывали все столпы американского общества, здешние газеты писали: «Новый союз скреплён. Россия и Соединённые Штаты братствуют». Да, дружба казалась тогда искренней – по-русски. Когда в Сан-Франциско случился большой пожар, наши моряки самоотверженно помогали тушить его, 6 человек погибли. Но ведь и западные державы оценивали – изоляции России не получается. Как и изоляции северян.

Горчаков в ответах на английские, французские, австрийские ноты поначалу изворачивался – дескать, примем к сведению, согласны на обмен мнениями о будущем устройстве Польши. Но по мере нарастания европейской агрессивности царь и ему велел занять жесткую позицию. В июле на очередной дипломатический залп он ответил заявлением, что польский вопрос – исключительно внутреннее дело России. Все требования отклонил. Мало того, отметил, что причина продолжения бунта – поддержка извне, посоветовав западным державам настроить своих «подзащитных» сложить оружие, вот и будет примирение. Французам намекнул и о том, что штабы сепаратистов располагаются на их территории, под их покровительством.

Но вмешательство Запада вызвало в России и резкий перелом общественного мнения. Люди возмущались польской наглостью и русофобией, откровенным шантажом Европы. В либералах, критиканах просыпался естественный патриотизм. Вместо недавних оппозиционных кумиров властителем умов стал Михаил Катков, издатель «Московского вестника» – он отстаивал самые решительные меры, горячо поддерживал Муравьева. Газету

Каткова читали нарасхват, в ее струю стали пристраиваться и либеральные издания. Герцен со страниц «Колокола» возмущенно вопил: «Всю Россию охватил сифилис патриотизма», призывал Европу к «крестовому походу» на собственное Отечество.

Однако к «крестовому походу» Запад был не готов. Уступки у России надеялись вынудить только угрозами, взять «на пушку». Англия и Франция еще не забыли страшных потерь Севастополя. Наполеон завяз в Мексике. В Лондоне оценили и русские эскадры в США, позицию Пруссии. Нарвавшись на твердый дипломатический отпор, пошли на попятную. 23 сентября лорд Рассел заявил: «Ни обязательства, ни честь Англии, ни её интересы – ничто не заставляет нас начать из-за Польши войну с Россией». А Палмерстон уже позже, в мае 1864 г. выступил в палате общин, что самая мысль о войне Англии с Россией из-за Польши была бы «сумасшествием», и если поляки на это рассчитывали, виновата в этом была только «польская близорукость».

Политика Муравьева приносила плоды. Повстанцев били, полевых командиров отлавливали и казнили, за что Герцен окрестил генерал-губернатора «вешателем» – на Западе умалчивалось, что мятежники перевешали в 15 раз больше невинных жертв. Но в Польше, в отличие от Литвы и Белоруссии, подобных мер по-прежнему не предпринималось. Берг только исполнял обязанности наместника, этот пост занимал Константин. Он до сих пор цеплялся за уступки, действия Муравьева объявлял недостойными. Дошло до того, что посреди Варшавы в коляску Берга из дворца Замойского бросили бомбу.

Генерал не пострадал, погибли лишь конвойные и прохожие. Но только теперь во дворце Замойского (первого руководителя революционного движения!) устроили обыск. Обнаружили списки, планы, инструкции и процитированную выше переписку с Мерославским, где тот цинично откровенничал об использовании «герценизма», раздувании смут в «Московии» сугубо ради польских интересов. III Отделение мудро передало эту переписку Каткову, и ее опубликовали в «Мосовских ведомостях». Для Герцена это стало страшным ударом. Русские от него отвернулись, тираж «Колокола» обвалился с 3–5 тыс. до 500 экз. «Земля и воля» после такого скандала переругалась и самороспустилась.

А Александр II наглядно показал, что он вовсе не «поработитель». В разгар восстания, в сентябре 1863 г. по его повелению впервые за полвека собрался сейм Финляндии. В его состав были избраны делегаты от дворян, духовенства, горожан и крестьян. Царь сам приехал на открытие сейма, выступил с

большой речью. Разобрал предложения по финской конституции, что-то отвел, что-то одобрил. Окончательно принимать ее должен был сейм, как и последующие законы. Отныне ему предстояло собираться регулярно, раз в 5 лет. Финскому языку государь даровал статус официального, он вводился во всех учреждениях, вытесняя шведский В ближайшее время Александр Николаевич обещал ввести и национальную валюту.

Радости и благодарности финнов не было предела. Но это было и демонстрацией: жили и служили верно – вот вам автономия, пользуйтесь. Польша же за время пребывания в Российской империи проявляла только неблагодарность. На амнистии и послабления Александра II ответила очередной резней и кровью, и выводы он сделал. В споре Константина с Муравьевым принял сторону виленского генерал-губернатора. А брата официально отстранил от наместничества, утвердил Берга. После этого и в Польше на повстанцев посыпались удары, конфисковывали их имения – а наступала зима, ночевать в лесных лагерях стало неуютно. Мятежники поняли и то, что Запад воевать за них не станет. Кто поумнее, потянулись за границу, забрасывали удочки о сдаче, разбегались.

И в это же время завершалась война, на Кавказе. Вместо заболевшего наместника Барятинского государь назначил брата Михаила. Повысил авторитет местной власти – для горцев покориться царскому брату было куда более почетно, чем одному из генералов. Однако о «победных лаврах» пока говорить не приходилось. Наоборот, немирные племена вдохновились надеждами на польское восстание, на новую войну Запада против России. Летом 1863 г. бои кипели жесточайшие. Но Евдокимов упорно продолжал наступление. А иллюзии о европейцах и поляках пошли прахом.

К концу года непокорных оттеснили к морю и в высокогорные районы, они стали голодать. Оставалось замиряться – и получай землю на равнине, заводи хозяйства. Но и в Турции осознали: новой европейской войны с русскими не будет. С мечтами прибрать к рукам Кавказ приходилось распрощаться. В султанском правительстве родился другой проект, использовать самих горцев. Создать подобие казачьих войск – башибузуков. Туркам же пришлось признать равноправие христианских народов, они смелели, нарастали желания освободиться. Вот и поселить башибузуков в их областях, чтобы присматривали, усмиряли недовольных.

К горцам поехали эмиссары, зазывая переселяться в Турцию. Окрутили перспективами князей и старейшин. Впоследствии на Россию навешали обвинения в депортации черкесов, хотя ни

государь, ни царское командование местных жителей не изгоняли. Кампанию организовали турки и поверившая им племенная знать. Агитаторы ездили по селениям вообще тайком от русских. Евдокимов об этом, разумеется, узнал. Но не препятствовал. Если самые воинственные уедут, ну и скатертью дорога. Русские кордоны и дозоры получили приказ «не замечать» переселенцев, двинувшихся к морю.

А в Турции, хоть программа и была правительственной, чиновники и исполнители старались набить собственные карманы. В фелюги и шхуны вместимостью 50–60 человек жадные перевозчики набивали по 300–400. При волнении немало перегруженных судов потонуло. Привезенные в Трапезунд и другие порты массы людей не получали никакой помощи. Голодали, умирали от болезней. Нахлынули работорговцы, скупали по дешевке женщин и детей. Некоторые возвращались на Кавказ – но попробуй, доберись. Другие шли батрачить к турецким хозяевам. Начали записывать в башибузуки, но опять без поддержки и выплат, их разворовали начальники. Чтобы стать воинами султана, горцы распродавали семьи.

С Кавказа эмигрировало более 400 тыс. человек. Сколько из них погибло, никто не знает, около 15 % оказались в рабстве [33, с. 58]. Но и сопротивление резко слабело. Весной 1864 г. русские взяли под контроль все побережье, 21 мая сломили последнюю оборону в урочище Кбаада (ныне Красная Поляна). Здесь великий князь Михаил Николаевич отслужил торжественный молебен, провел парад и поздравил государя «с окончанием славной Кавказской войны».

Добивали и мятежников в западных областях. В Белоруссии изловили одного из руководителей литовского восстания Константина Калиновского, безуспешно пытавшегося взбунтовать мужиков и незаслуженно воспетого последующими белорусскими революционерами, либералами, в марте 1864 г. он был повешен. А в Польше последним «диктатором» стал отставной подполковник царской армии Траугутт. Он затеял переписку с Англией, Францией, с Гарибальди, папой Пием IX, взывая о помощи. Лично ездил в Париж, встречался с Наполеоном III. Ничего не добился, кроме комплиментов и выражения симпатий.

На фоне угасающего восстания его избрали председателем правительства. Он взялся формировать «регулярную» армию, сводить отряды в корпуса. Создал два по 3,5 тыс. человек. Но какая уж армия без вооружения, обучения, со сбродным составом? «Корпуса» остались россыпью отрядиков, формально подчиненных одному командиру. А Центральный комитет оставался в Варшаве, укрывался по конспиративным квартирам.

Его выследили, 30 марта взяли в полном составе – Траугутта, Жилиньского, Краевского, Езераньского, Точиньского. Военный суд всех отправил на виселицу.

К маю оставшиеся мятежники стали складывать оружие (последнего полевого командира «генерала» Бжуску, прятавшегося по селам, поймали и повесили только через год). В боях погибло около 20 тыс. повстанцев, казнено было 396, добровольно сдались 15 тыс., 7 тыс. эмигрировали. Около 10 тыс. было осуждено на каторгу, ссылку или в арестантские роты. Русские потери составили около 2 тыс. погибших и 2,5 тыс. раненых.

Наказаниям подверглось лишь 16 % участников восстания (из 77 тыс.) [60]. Но отвечать пришлось и всей Польше. Все дарованные ей льготы и национальные учреждения Александр II ликвидировал. Не захотели ценить доброе отношение – не обессудьте. Само название Царства Польского сохранилось лишь в титуле государя, а в официальных документах заменилось на Привислянский край. Учебные заведения и администрация переводились на русский язык.

В Литве и Белоруссии католикам запретили занимать государственные должности, преподавать в школах. Наложили секвестр на католические монастыри, причастные к мятежу. Царь обратил внимание и на то, что поляки вскармливали малороссийский национализм. По его указаниям министр внутренних дел издал секретный циркуляр, запретивший издание религиозной, учебной, детской литературы на малороссийском языке. В печати его использовать дозволялось, но только в художественных произведениях. Зато в крупном выигрыше оказались крестьяне Польши, Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины. За счет конфискованных панских и католических земель наделы им дали гораздо больше, чем в Центральной России, и выкупные платежи были ниже на 20–30 %. Царь повелел создать для них широкую сеть русских начальных школ, отрывая их от традиций польского господства и сближая с Россией.

В общем-то Россия выдержала непростые испытания достойно. Но либеральная зараза никуда не делась. Когда покоритель Кавказа Евдокимов прибыл в Петербург для награждения орденом С в. Георгия II степени, общественность под впечатлением западной пропаганды устроила ему обструкцию. Если он появлялся на приемах, многие демонстративно уходили. Впрочем, генерала это не смущало. Он говорил – не их родных резали горские разбойники [61, с. 238]. Зато когда он приехал на Ставрополье, где царь пожаловал ему имение, жители собрались

его встречать от мала до велика, забрасывали цветами. И их вполне можно было понять. Постоянная угроза, висевшая над здешним краем, исчезла. Юг страны наконец-то получил возможность для мирного процветания…

И революционеры никуда не делись. Из предводителей польской смуты крупно повезло штабс-капитану Домбровскому – его арестовали до восстания, и вместо смертной казни он получил 15 лет каторги. Но от распавшейся «Земли и воли» в Москве сохранилась сильная структура Николая Ишутина, организовала изменнику из пересыльной тюрьмы побег за границу [62]. А на Западе польских эмигрантов чествовали как героев, пресса славословила их борьбу за «свободу», выплескивая на Россию очередные потоки клеветы.

При этом в умах европейских обывателей подправляли образ Александра II. До сих пор его преподносили прогрессивным реформатором, повернувшим «варварскую» страну на путь «цивилизации». Теперь превращали в «деспота», обычного для России – чего еще от нее ждать? Кстати, в это время французский фантаст Жюль Верн написал роман «Двадцать тысяч лье под водой», и капитан Немо был у него поляком, мстил за свою родину и топил русские корабли. Но издатель перепугался, что потеряет российских читателей, упросил автора убрать политику и сделать Немо «вненациональным».

Глава 16. Царева служба и Божий промысел

Александр II в кругу семьи

Александр II во многом отличался от отца, но перенял у него главное – сакральную суть царской власти. В 1861 г. он пояснял Бисмарку: «Народ видит в монархе посланника Бога, отеческого и властного господина. Это чувство, которое имеет силу почти религиозного чувства, дает мне корона, если им поступиться, возникнет брешь в нимбе, которым владеет вся нация». Данный принцип был закреплен и в Своде законов Российской империи: «Россия управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих… Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не токмо за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает» [3, с. 70–71].

Да, положение государя было вершиной не благосостояния, а служения. Очень тяжкого напряженного, все направления жизни России, все ее проблемы так или иначе замыкались на императора. Александру II приходилось решать и контролировать множество самых разнообразных дел, причем одновременно. В 1864 г. еще гремели выстрелы в Польше, а в это же время утверждались и вводились положения о земствах, новые судебные уставы с присяжными и адвокатами.

Польское восстание и раскрытие революционных

организаций тормознули либеральное буйство. Упорное и провальное миротворчество великого князя Константина подорвало его влияние. Царь перестал доверяться его советам и мнениям. Поставил его председателем Государственного совета – на должность больше почетную, чем руководящую. Александр Николаевич восстановил и контроль за печатью, фактически забытый и порушенный. По его указаниям были разработаны и введены «Временные правила о цензуре и печати», подтвердившие основные положения отцовского цензурного устава 1828 г.

Запрещались произведения, направленные на расшатывание Православной Церкви, авторитета верховной власти и государственных устоев, оскорбляющие добрые нравы и благопристойность, порочащие граждан клеветой. Не допускалась пропаганда «вредных учений» социализма и коммунизма, возбуждение вражды между сословиями. Критика существующих учреждений и порядков разрешалась «тоном, приличным предмету» в авторских книгах или крупных журналах. За подрывную агитацию, клевету, диффамацию предусматривалась уголовная ответственность. Множительная техника, типографии подлежали обязательной регистрации. Для надзора за литературой, ввозимой из-за границы, учреждалась «цензура почтовая», по линии Синода сохранялась духовная.

Кризис вокруг Польши имел и побочное следствие – Александр II нашел новое решение для армейской организации. При опасности столкновения со всей Европой войска развернули по штатам военного времени, сформировали 19 новых дивизий. Но выявились те же недостатки, что в Крымской войне. Эти соединения были гораздо хуже «старых» – несработанными, со второсортным офицерским составом. Император и военный министр Милютин придумали, как избежать подобных проблем. В 1864 г. призванных резервистов демобилизовали, но кадровые структуры новых дивизий сохранили. Количество соединений осталось по разнарядке военного времени, а солдат – по мирному. Отныне при мобилизации численность войск увеличивалась не формированием новых частей, а пополнением существующих. Для этого начали создавать запасы оружия, снаряжения.

А кроме решения важных вопросов, были и дежурные, обыденные. Александр II сохранил и практику отца: самому ездить по России с инспекциями (но тем самым поддерживать и единство со страной, народом). Часто он ездил и за границу: на встречи с прусским и австрийским монархами, регулярно подлечивался на целебных водах в Эмсе – астма периодически напоминала о себе. А за всей необозримой массой дел оставалась еще и семья. В ней тоже не все было просто.

Хотя Александра Николаевича женили по принципу «ты должен», брак поначалу казался безоблачным, родилось 8 детей – и отец души в них не чаял. Повозиться, поиграть с ними было общей радостью, если выпадала такая возможность. Но кое в чем они с супругой не сходились. Мария Александровна, как многие перекрещенные лютеранки, стала убежденной православной. Но сохранила и протестантский догматизм. Надо так, так и так, строго по предписанию. У мужа отношение к вере было иным. Его сестра Ольга писала, что он «любил все радостное и легкое в религиозном чувстве», вдохновлялся им истинно по-русски. Жена этого не понимала. И детей каждый наставлял по-своему.

А когда Мария Александровна стала императрицей, она резко изменилась. Вместо прежнего «затворничества», любви к уединению сверкала на первом плане, обозначая себя самостоятельной фигурой. Активно занялась благотворительной и общественной деятельностью. Под ее патронажем в России была учреждена организация Красного Креста, она взялась создавать женские гимназии и курсы, под ее покровительством состояли 5 больниц, 12 богаделен, 2 института, 38 гимназий, 156 начальных училищ, 5 частных благотворительных обществ [63, 64].

Государыня не осталась в стороне и от политики, проявляя взгляды крайне либеральные. Она стала «своей» среди «константиновцев», в салоне великой княгини Елены Павловны. Навязывала свою позицию и мужу. Императору это было неприятно, соглашался он с женой далеко не во всем. Деликатно пресекал подобные разговоры и уклонялся от них. Мария Александровна дулась. Стала предпочитать обсуждения в собственном кружке приближенных дам. Между супругами наметилось охлаждение. Наблюдательный граф С. Д. Шереметев отмечал: «Мне сдается, что государю Александру Николаевичу было душно с нею».

По-разному они видели и воспитание детей. Отцовские игры казались матери грубыми, пустыми, а ей хотелось времяпровождения полезного, просвещенного – в ее понимании. Разногласия особенно остро выплыли относительно старшего сына Николая. С детства его ближайшим другом был брат Саша, на два года младше. Но к Саше мать относилась более чем прохладно. Считала его неумным, мужиковатым. А вот к Николаю привязалась всей душой. Граф Шереметев вспоминал: «Императрица любила его нежнее других и совершенно исключительно занялась им и гордилась его воспитанием. Характеры их были сходны. Николай Александрович гораздо менее походил на государя, чем на мать. С отцом они расходились во многом и друг друга часто не понимали».

Мальчик был очень умным, добрым, «даже слишком мягок сердцем». Но ведь он был и наследником. С Сашей-то все решилось просто, его начали готовить к военному служению, и мать махнула на него рукой. А у Николая наставники неоднократно менялись. Тех, кого выбирала Мария Александровна, увольнял отец как слишком сомнительных. А мать удаляла отцовские кандидатуры, не нравившиеся ей. Наконец, нашли компромисс, удовлетворивший обоих, графа Сергея Строганова. Твердый патриот, человек высокой нравственности (до отмены крепостного права он и для своих крестьян ввел строгие наказания за распутство). Он серьезно занимался историей, археологией, искусствами, основал рисовальную школу (нынешнюю Строгановку).

Но Строганов был и главным покровителем Московского университета, не замечая его превращения в гнездо вольнодумства. Даже хотел, чтобы наследник посещал лекции вместе с простыми студентами. Беспорядки в университете заставили от этого отказаться. Тем не менее для Николая привлекли университетских профессоров. И тут уж либералы подсуетились. Процесс обучения возглавил Борис Чичерин, друг Льва Толстого, а в прошлом и Герцена, основоположник… конституционного права в России (кстати, и дядя будущего большевистского наркома). Его взгляды сказались в полной мере, и Чичерин писал, что «Николай Александрович обещал стать самым образованным и либеральным монархом не только в русской истории, но и во всём мире» [65].

Невзирая на охлаждение с женой, семейный долг государь тоже видел служением, выполнял добросовестно и искренне. Супругу окружал заботой и вниманием. Ее здоровье стало ухудшаться, врачи подозревали туберкулез, и Александр Николаевич отправлял ее на зиму в Ниццу. А в 1860 г. купил для нее имение в Ливадии, поручил архитектору Монигетти построить там дворцовый комплекс (и на картах его обозначали Ливадия Государыни Императрицы). Как раз после этого Крым стал превращаться в курортную зону, там принялись обустраивать имения другие состоятельные люди.

Занимался царь и с детьми. При этом внедрил в России конькобежный спорт. Приказал залить перед Зимним дворцом каток, сам катался вместе с дочками. До сих пор самодельные коньки в нашей стране были лишь забавой крестьянских ребятишек – по примеру императора на них пошла мода. А у наследника здоровье было слабым, он страдал золотухой. Александр Николаевич наставлял его укреплять организм так же, как сам делал в юности, – упражнениями, воинскими

тренировками. У матери это восторгов не вызывало, но цесаревича летом посылали на море, поплавать. А в 1860 г. он участвовал в скачках в Царском Селе, упал с лошади и ушибся. Точно так же, как когда-то его отец, но у того обошлось без последствий, а Николая стали иногда беспокоить боли в спине.

У царя был и свой личный отдых – с юности он был страстным охотником. Особенно полюбил ходить на медведя. В ноябре или в марте ездил в село Лисино в 70 км от столицы – там была казенная лесная дача, первое в России Егерское училище. Александр приглашал с собой 15–20 человек, ехали поездом. Местные крестьяне государя хорошо знали, подрабатывали загонщиками. Приходили и к месту его завтрака в лесу, отставные воины цепляли поверх армяков Георгиевские кресты, медали. Потому что царь запросто подходил к ним, беседовал, а потом приказывал выдать по рублю, кавалерам – по три.

Некоторые пользовались, чтобы вручить прошения. Очевидец, А. Михайлов, описывал: «Государь где-нибудь в глухой чаще тихо, с осторожностью пробирается к назначенному месту, вдруг из-за куста или из-за дерева выскакивает фигура и, падая на колени в снег, держит на голове просьбу. Государь никогда не оскорблялся таким неуместным поведением и всегда, милостиво выслушав, приказывал просьбу принять». На охотах он был настоящим русским богатырем: сильный, смелый. Стрелял без промаха, в глаз. А в 1865 г. в зоне загона оказалась незамеченная берлога с «неучтенным» медведем. Он выскочил внезапно, кинулся прямо на царя. Тот не растерялся, принял его на рогатину.

В другой раз от свирепого зверя императора спасли унтер-егермейстер Иванов (всегда находившийся рядом) и стремянной Никонов. Первого наградили золотой медалью, второго – серебряной. Шкуры медведей шли на чучела и ковры, их государь раздаривал участникам охоты, иностранцам. Сам с приехавшей компанией лакомился медвежьей печенкой. А крестьянам снова была выгода, им отдавали все мясо, еще и остатки деликатесов, завезенных для царских трапез. Ну а императору эти короткие, на 1–2 дня, «отпуска» помогали поддерживать здоровье, душевные силы.

Настоящих-то отпусков ему не давали ни внутренняя, ни международная обстановка. Не успела завершиться война в Польше, как по соседству заполыхала еще одна. Бисмарк отнюдь не бескорыстно демонстрировал поддержку России против мятежников. Он уже наметил свою грандиозную программу – объединение Германии. Но не революционными конституциями, как в 1848–1849 гг., а военной силой и политическими маневрами. И под началом не аморфного парламента, а прусского

короля.

В Германский союз, в значительной мере формальный, входило 38 государств, главой его считался австрийский император. Декларировалась защита общих «немецких» интересов, во Франкфурте собирался сейм – но его постановления были ни для кого не обязательными. Действовал и Таможенный союз, организованный Пруссией, – он приносил участникам ощутимую выгоду. А одним из давних «общегерманских» вопросов считалась судьба герцогств Шлезвиг и Гольштейн, принадлежавших датскому королю, но со смешанным немецко-датским населением. Напомним, в годы революции немцы пытались отобрать их, и датчан спасла Россия, высылая к их берегам военные эскадры.

Но в 1863 г. умер бездетный король Дании Фредерик VII. Престол получил принц Кристиан Глюксбург – родственник покойного по женской линии. А в древнем германском праве наследование по женской линии не допускалось, и под эту статью попадали Шлезвиг с Гольштейном. Бисмарк активно стал раскручивать эту тему. Датчане решили выкрутиться, 13 ноября, за 2 дня до смерти прежнего короля, приняли новую конституцию, там Шлезвиг и Гольштейн провозглашались неотъемлемыми владениями Дании.

Однако Бисмарк раздул бучу на сейме Германского союза – немцев ущемляют! Сейм предъявил ультиматум Дании, отменить ее конституцию. Постановил послать войска. Большинство тех же государств, которые принимали постановление, выполнять его и не думали. Только Саксония и Ганновер символически отправили по 2 полка. А Датская армия заняла оборону на перешейке Ютландского полуострова, перекрыв его. Но Бисмарк обрабатывал Австрию, что ей надо бы возглавить «общегерманское» дело. В Вене сочли, что это упрочит авторитет империи после поражений в Италии. Заключили соглашение с Пруссией, двинули целый корпус. Ну а Пруссия после этого двинула два корпуса. Соответственно, командующий объединенных сил получился прусский.

В Дании под ружьем было 42 тыс. солдат, 104 орудия. В феврале 1864 г. на них навалились вдвое большие силы. Крупных сражений не было. Пруссаки и австрийцы хотели уничтожить датскую армию, не дать ей отступить на острова. А она с боями как раз и ускользала на острова – в надежде там отсидеться, пока заступятся великие державы. Но Россию-то Дания «отблагодарила» за прошлое спасение. Поддержала ее врагов и в Крымской войне, и в Польском кризисе. Царские эскадры на этот раз не появились.

Вступились Англия, Франция. Присоединилась и Россия – но всего лишь на позиции «нейтралитета». Три державы вынудили стороны 12 мая заключить перемирие и выступили посредниками, организовали в Лондоне переговоры. Датчане упрямились, спорили о границах. Австрия испугалась вмешательства Англии, хотела мириться. Но Пруссия пригрозила, что продолжит войну в одиночку, и Вена осталась с ней в одной упряжке. А предпринимать что-то серьезное британцы не собирались. Их интересовали только датские проливы, торговая дорога на Балтику – на них немцы не претендовали.

За время перемирия в Данию прибывали новые прусские контингенты, главнокомандующим стал принц Фридрих Карл Николай, двоюродный брат Александра II. 29 июня он возобновил наступление. За две недели пруссаки с австрийцами без особых трудов заняли всю Ютландию, и датчане скисли, приняли их условия. Они в войне потеряли более 10 тыс. человек – треть убитыми, треть ранеными и треть пленными. Пруссия с Австрией – 1,5 тыс. погибших и 2,5 тыс. раненых. Плоды побед поделили вроде бы честно. Гольштейн – Австрии, Шлезвиг и графство Лауэнбург – Пруссии. Но именно Пруссия проявила себя в качестве лидера «германского мира», обкатала войска для грядущих сражений.

С последствиями этой войны связались и матримональные проекты Александра II. Наследник повзрослел, пора было женить его. Правда, мать уже приглядела ему невесту в Петербурге, троюродную сестру, принцессу Екатерину Ольденбургскую. Она была влюблена в Николая и сама ему нравилась. Но категорически воспротивилась мать девушки, ненавидевшая императрицу. Государю и высшим сановникам такой вариант тоже был совсем не по душе. Брак наследника с дочерью хоть и принца, но российского подданного, выглядел мезальянсом.

Царь действовал по схеме собственного воспитания. По завершении обучения Николая устроил ему два путешествия для знакомства со страной. А в 1864 г. наметили большую поездку по Европе – в том числе и для поисков невесты. Горчаков и его дипломаты обратили внимание государя на датскую принцессу Дагмару, дочь нового короля Кристиана. Не только из-за красоты и ума, но и родственных связей. Брат Дагмары Георг только что стал королем Греции, а ее старшая сестра и ближайшая подруга Александра – женой британского наследника. Брак мог способствовать налаживанию отношений с Англией. И Дании после ее разгрома Россия как бы протягивала ей руку для покровительства.

Николай в июне выехал на курорт в Киссинген, где

находились родители, но в Дании возобновилась война, и его вместо Копенгагена отправили в Голландию. Хотя боевые действия быстро завершились. Наследник добрался до Дании, и они с Дагмарой понравились друг другу. Сделав ей предложение, Николай съездил в Германию, получив там благословение родителей. Участвовал с отцом в прусских маневрах под Берлином. Но после долгой верховой езды у него снова проявились боли в спине. Они были терпимыми, цесаревич вернулся в Данию, 20 сентября, в его 21-й день рождения, состоялась помолвка.

К Дагмаре царь отправил протоиерея Янышева, учить православию, а ее жених продолжил путешествие. Посетил Венецию, Милан, Турин. Боли в спине не уходили, но Николая подпитывала юношеская влюбленность, он засыпал брата Сашу радужными письмами о предстоящем венчании, будущей семье. Завернул в Ниццу, куда на зиму приехала мать, оттуда снова отчалил в Италию. И во Флоренции его свалил приступ, он слег. Консилиум врачей определил ревматизм. Месяц лечили массажами, в декабре повезли обратно в Ниццу. Вызвали светил французской медицины, и они успокоили – ничего страшного, надо лишь отлежаться.

Но Николаю становилось все хуже. 4 апреля 1865 г. к нему послали брата Сашу, следом выехали родители с братом Володей, по пути присоединилась Дагмара. Приехали и российские профессора Здекауэр и Пирогов, наконец-то установили правильный диагноз: туберкулезный менингит позвоночника. Состояние признали безнадежным. Саша и Дагмара – в семье ее звали Минни, не отходили от постели умирающего. 11 апреля настало резкое ухудшение. Цесаревич причастился Святых Таин и в ночь на 12-е скончался.

Тело на фрегате «Александр Невский» отправили в Петербург, 28 мая Николай упокоился в Петропавловском соборе. Для родителей смерть любимца стала страшнейшим ударом, особенно для матери, она даже не смогла присутствовать на похоронах. Великая княгиня Ольга Николаевна писала, что она «внутренне умерла и только внешняя оболочка жила механической жизнью» [66]. Подтверждал Шереметев: «Она никогда не оправилась от этого горя» [67]. А наследником вдруг оказался нелюбимый ею Александр!

Причем императору пришлось по этому поводу выдержать нешуточную борьбу. Супруга убеждала, что второй сын не способен к царствованию. Дескать, увалень, тугодум, ограниченный солдафон. Надо обойти его, назначить наследником третьего сына, Владимира. Марию Александровну

полностью поддержали ее либеральные друзья. Правда, у жены в ее горе сил не хватало для давления. Но эту роль взяла на себя сама хозяйка «реформаторского штаба», великая княгиня Елена Павловна. Встречалась с царем лично, на правах родственницы настойчиво уговаривала не допускать Александра к наследованию [24, с. 188]. Он очень кстати был влюблен во фрейлину Марию Мещерскую, вот и пусть женится. Морганатический брак – вполне законная и благопристойная причина лишить его прав на корону. Останется великим князем, будет командовать парадами лейб-гвардии, это как раз для него.

Нет, на такое решение Александр Николаевич не пошел. Он и покойного Николая любил, и Сашу, и Володю. Но нарушение естественного порядка наследования было чревато непредсказуемыми угрозами для государства, смутами – как во время восстания декабристов. А главное подсказывала его вера. Та самая, в сакральную суть царской власти. Если так случилось – значит, Богу угодно. Что же касается неготовности второго сына к царствованию, то отец срочно принялся это исправлять. Приставил к нему того же Строганова, снова собирали лучших специалистов для дополнительного курса обучения. Натура Александра и его воспитание отличались от умершего брата. Из преподавателей ближе всех для него оказался Константин Победоносцев, читавший курс права. Даже по окончании курса лекций цесаревич оставил его своим советником.

Для Александра тоже устроили путешествие по России, а в 1866 г., когда исполнился 21 год, – за границу. Чувства долга и дисциплины у него были прочными. Став наследником, он понимал, что отныне интересы государства и династии для него стоят на первом месте. Роман с Мещерской оборвал. А отец указывал ему на Дагмару. Цесаревич помнил, как был с ней у постели брата, она еще тогда Александру понравилась. Государю он писал: «Я чувствую, что могу и даже очень полюбить милую Минни, тем более что она так нам дорога. Даст Бог, чтобы все устроилось, как я желаю» [68].

В Копенгагене он и впрямь проявил себя «увальнем». Стеснялся, не в силах выдавить предложение. Но ведь брак был слишком заманчивым для самой Дагмары, для ее родных. Они отлично понимали, зачем приехал Александр, и принцесса взяла инициативу на себя. 11 июня они с гостем рассматривали альбом с фотографиями – и Дагмара кинулась ему на шею, разрыдалась. В любви объяснились, и мгновенно появились ее отец, мать, братья с поздравлениями. Через 6 дней состоялась помолвка. Вскоре невеста прибыла в Петербург. Приняла православие, стала Марией Федоровной. А 28 октября 1866 г. молодых обвенчали.

Как видим, дело раскрутилось очень быстро, за 4 месяца. После женитьбы Александр II начал приобщать сына к управлению страной, ввел в Государственный совет и Комитет министров. Через полтора года в семье наследника родился ребенок. Будущий царь. Назвали Николаем в честь умершего брата, который как бы свел супругов.

Вот так случилось, что Николая Александровича – чистого, душевного, но подготовляемого на роль «самого либерального монарха», Господь забрал к Себе, и воплотить внедренные уроки он не смог. А его место занял Александр Александрович. Прочный, основательный, консервативный… Оценивая дальнейший ход истории, как тут не увидеть Божий промысел?

Глава 17. Восток – дело тонкое

Русские штурмуют город. Художник В. Верещагин

Польское восстание сказалось и на российской политике в Средней Азии. Войск на этом участке было немного, 11 оренбургских и 12 сибирских линейных батальонов, казаки малочисленных Уральского, Оренбургского, Сибирского войск. Службу они несли в условиях постоянных тревог, стычек, набегов. Но активные действия им строго запрещались, чтобы не рассердить Англию. Однако и в самой Средней Азии шла грызня. При переговорах с русскими бухарцы звали вместе идти на Коканд, кокандцы – идти на Бухару. Грызлись и внутри ханств. В 1863 г. в Коканде хана Худояра сверг предводитель воинственных кипчаков Алимкул, посадил марионеточным ханом малолетнего Султан-Сеида, стал править сам. Худояр сбежал в Бухару.

А Алимкул узнал о новой конфронтации Запада против России, решил вернуть перешедшие под ее власть крепости, казахские племена. Разослал посольства в Афганистан, Хиву, к англичанам в Индию, во Францию, Турцию, звал ударить вместе [69]. Развернул массовое производство сабель и ружей [70], получил от британцев новые нарезные пушки, они превосходили русские. Но и царскому правительству Польша открыла глаза, что Англия – откровенный враг. Имело ли смысл дальше ее ублажать? Стало ясно и то, что реально воевать британцы с французами не намерены. В Петербурге наконец-то утвердили давние просьбы оренбургского и западносибирского генерал-губернаторов, Безака и Дюгамеля – соединить Сырдарьинскую и Сибирскую

укрепленные линии, перекрыть разрыв в 700 км между ними.

В мае 1864 г. навстречу друг другу выступили два отряда. От Форта-Перовского полковник Веревкин с 1200 солдатами и уральскими казаками, осадой взял город Туркестан. Из Верного полковник Черняев с 1500 солдат и сибирских казаков и 4 орудиями, с налета взял крепость Аулие-Ата (ныне Джамбул). Между ними осталось 300 км и самая сильная крепость, Чимкент. Черняев повел туда часть своих бойцов. Связался с Веревкиным, и тот тоже выслал 400 человек. Но к Чимкенту уже подоспел Алимкул с кокандской армией. Отряд, шедший от Веревкина, окружили. Потеряв 80 убитых и раненых, он отступил. А войско Алимкула хлынуло на Черняева. Он отбился, положили 400 нападавших, у русских было лишь 2 легко раненых. Но пришлось повернуть обратно, и Алимкул раструбил о «победе».

Торжество его было недолгим. Он заподозрил в симпатиях к русским одного из казахских вождей, Байзак-бия. Велел привязать его к пушке и выстрелить. Подвластные казахи возмутились, стали переходить под власть царя. А Александр II за успехи произвел в генералы обоих командиров отрядов. Но руководство централизовал, передал общее командование Черняеву. В сентябре он привел к Чимкенту 1300 солдат и казаков, 1000 казахских ополченцев и 18 орудий. За мощными глинобитными стенами засели 10 тыс. воинов, выставили 31 пушку – часть из них дальнобойные, нарезные.

Черняев приказал приближаться к стенам траншеями. Но и кокандцы принялись рыть навстречу окопы. Прикрывавший работы подполковник Лерхе увидел, что они увлеклись. Внезапно скомандовал атаку. Неприятелей вышибли из окопов, погнали и ворвались за ними в город. Генерал сориентировался, кинул следом все силы – и кокандцы бежали, бросив Чимкент со всей артиллерией. Черняев воодушевился наступать дальше, захватить самый большой город Средней Азии, Ташкент. Но туда примчался Алимкул, поднял на оборону кого только можно. Русские атаковали с ходу, а их встретили шквальным огнем, 20 человек погибло, 60 было ранено, и сам Черняев с трудом выручил роты, залегшие во рву возле стен, после чего отошел.

Алимкул опять громогласно объявлял о победе и решил сам нанести удар. Собрал 14 тыс. отборной конницы, артиллерию и двинулся скрытно, степями. Чимкент, где остановились основные силы Черняева, обошел – нацелился внезапно обрушиться на крепость Туркестан. Но 4 декабря 1864 г. возле селения Икан его армия наткнулась на 4-ю сотню 2-го Уральского полка – 114 человек с 1 легкой пушкой под командованием есаула Серова. Больше, чем сто на одного… Казаки успели занять позицию в

канаве посреди степи, огородиться мешками и вьюками. В окружении три дня отражали атаку за атакой. Дрались так жестоко, что Алимкул считал – против него стоит тысяча. Требовал от Серова «сдайся, прими нашу веру, и никого не обижу».

Казаков поливали огнем из пушек и ружей. Погибли все лошади и верблюды – их трупы использовали вместо укреплений. И казаков оставалось все меньше. 6 декабря Серов повел их на прорыв. С криком «ура» проломили окружение, двинулись к крепости, отбиваясь от насевших врагов. В Туркестане было всего 2,5 роты солдат. Одну выслали навстречу. Но кокандцам от казаков слишком крепко досталось, у них было 2 тыс. убитых и раненых. Когда они увидели, что подходят еще русские, то повернули прочь. Погибло 57 казаков (захваченных в плен за отказ принять ислам Алимкул казнил). Из оставшихся 57 лишь 11 были не ранены. Все были награждены Георгиевскими крестами, Серов – орденом С в. Георгия IV степени [62, с. 243].

А Горчаков счел нужным успокоить западные державы. 21 ноября 1864 г. разослал им ноту, объясняя войну в Средней Азии требованиями «безопасности границ», защитой от «набегов и грабительства». Чуть ли не извинялся, сравнивая наши действия с расширением территории США, колониальными завоеваниями Англии, Франции, Голландии – дескать, мы всего лишь следуем примеру других государств. Заверял, что поставленные задачи укрепления границ выполнены, и дальше, за Чимкент, Россия продвигаться не намерена. В связи с этим и Черняеву 2 февраля 1865 г. послали запрет наступать.

Хотя сопоставление с западными захватами было совершенно не правомочно. Американцы вытесняли и истребляли коренных жителей. А европейцы становились хозяевами подневольных «дикарей». В областях, присоединенных Россией, ничего подобного не наблюдалось. Местным народам сохранялись их обычаи, предоставлялись различные льготы. Не случайно же казахские и киргизские племена добровольно выбирали царское подданство. После отступления Черняева от Ташкента оттуда ушли к русским 3 тыс. человек – их допекли ханские распри, поборы, грабежи воинов и чиновников.

Ну а поражениями Алимкула решил воспользоваться его соперник, бухарский эмир Музаффар. Отбил у него Ходжент, провозгласил законным ханом Коканда свергнутого Худояра – тот обещал эмиру отдать Ташкент за возвращение на престол. Но и Алимкул не угомонился. Объявил против русских «газават», священную войну. Кроме профессиональных воинов, созывал «гази» – добровольцев, собрал возле Ташкента 40 тыс. человек,

полсотни орудий.

Черняев оценил ситуацию и решил – врага надо разбить и Ташкент взять. В апреле он самовольно, вопреки запретам, повел туда 1860 бойцов с 12 орудиями. На рекогносцировку выслал 2 роты с 1 пушкой, и они нарвались на всю массу кокандцев. Алимкул сам возглавил атаку. Русские, отстреливаясь, отступили в основной лагерь Черняева. А Алимкула «победа» возбудила, и он полез на сам лагерь. Развернул артиллерию, орудия загрохотали с обеих сторон. С криками хлынули вперед тучи конницы и пехоты. Наши воины косили их огнем, потом в ход пошли штыки. Первыми в двухчасовом сражении не выдержали «гази», стали разбегаться. Алимкул метался, останавливая их, и получил смертельную рану в живот.

Тут уж вся его армия покатилась прочь. Часть укрылась в Ташкенте, часть рассеялась. Город был огромным, 100 тыс. жителей. Обвод стен достигал 24 км, в них собралось 30 тыс. воинов, орудий потом насчитали 63. Осаждать Ташкент с небольшим отрядом нечего было и думать. Но Черняев дерзко решил штурмовать. Ночью отряд полковника Краевского изобразил нападение у Кокандских ворот. А 250 солдат штабс-капитана Абрамова скрытно подобрались к Камеланским воротам, по штурмовым лестницам вскарабкались на стену, побили и разогнали караул. Расчистили и открыли ворота, заваленные землей. Тут же подоспели подкрепления.

Но и отвлекающий отряд Краевского сумел ворваться в город. По стенам, сшибая защитников, соединились. Прибыл сам Черняев, привезли орудия. Два дня продолжались уличные бои. Кокандцы просачивались на участки стен, где не было малочисленных русских. Их снова вышибали штыковыми. Наконец, защитники сломались, стали покидать город. А к Черняеву явились делегаты купцов и аксакалов, изъявили покорность. Генерал демонстративно всего с 5 казаками проехал через весь Ташкент к базарной площади и принял капитуляцию – напасть на них уже никто не посмел.

Победа ошеломила даже столицу. И при ничтожных потерях – 25 убитых, 110 раненых. Министр внутренних дел Валуев записал в дневнике: «Сегодня пришло сообщение, что генерал Черняев взял Ташкент. Никто не знает, почему и зачем. Есть всё-таки что-то эротическое в происходящем на границах нашей империи» [71]. Царь воспринял новость однозначно: самовольство генерала одобрил, наградил его золотой шпагой, усыпанной бриллиантами. Учредил из присоединенных земель новую Туркестанскую область и назначил Черняева губернатором с подчинением Оренбургскому генерал-губернатору

Крыжановскому.

Но англичане раздули международный скандал. Негодовал бухарский Музаффар – он-то рассчитывал забрать Ташкент себе. Протестовал и Горчаков, что ему рушат международную политику, и его сторону приняло большинство министров. В сентябре Крыжановского послали в Ташкент, пообщаться с жителями. Они попросили, чтобы царь взял их в подданство. Но генерал-губернатор приехал совсем с иными инструкциями, осторожными. Объяснял, что их желание не может быть исполнено. Пусть сами себе выберут хана, образуют отдельное ханство, и оно перейдет под покровительство России. Куда там! Местный народ уже досыта накушался ханов, послал обращение к самому Александру II.

Ташкентцы беспокоились не случайно. После гибели Алимкула бухарский эмир занял Коканд, усадив на трон Худояра. Но у русских потребовал не только Ташкент, а все отвоеванные у кокандцев города и крепости – они же принадлежали его ставленнику Худояру. Что-то он Музаффару отдаст. По указаниям Петербурга конфликт попытались решить сугубо миром, переговорами. Хотя у Средней Азии была своя специфика. Музаффар воспринял это как слабость. Посольство, направленное к нему Крыжановским и Черняевым, он захватил в заложники. Ограбил находившихся в Бухаре русских купцов.

Черняев возмутился. Потребовав освободить послов, в январе 1866 г. двинул войска к ключевой бухарской крепости Джизак – она запирала дорогу в Зеравшанскую долину. Но крепость была сильной, а от Крыжановского и из Петербурга прилетел категорический приказ вернуться за Сырдарью. Черняев разругался с генерал-губернатором и был отозван. На его место прислали генерала Романовского. И… в полной мере сказалась местная специфика. Отступление от Джизака возбудило в бухарцах самые воинственные настроения.

Весной 1866 г. на русских посыпались набеги. А потом сам эмир выступил на Ташкент с 45-тысячной армией, 10 орудиями, всем двором. Но и Романовский воевать умел, а войска у него были черняевские, закаленные. Он не стал ждать противника, повел навстречу 2 тыс. пехоты и конницы с 20 пушками и 8 ракетными установками. 8 мая у урочища Иджар массы бухарцев атаковали, закрыв весь горизонт. Их отбросили, дружным натиском ринулись вперед. Наподдали, и они обратились в бегство. Положили тысячу, у русских было лишь 14 раненых. Захватили все пушки, обозы, шатры эмира и знати с коврами и диванами (и донесением одного из беков, что «русские уже окружены и скоро будут все в плену») [72].

После такой победы Романовский останавливаться не стал. С ходу взял большой город Ходжент. Но и его тормознули мирными приказами. Приехал Крыжановский и… переговоры ничего не дали. Музаффар боялся, что его свергнет русофобская партия – которую накачивали англичане. Поэтому изображал миролюбие, а от любых договоренностей увиливал. В октябре Романовский и Крыжановский подтолкнули его. Снова перешли в наступление, взяли Ура-Тюбе и Джизак. Только после этого Музаффар отпустил послов-заложников, но принялся торговаться, какие города и крепости надо вернуть ему и Худояру.

И царь, и его помощники убеждались: да, в Средней Азии уважали лишь силу, уступки расценивались как «слабость» и к добру не приводили. Твердую линию поддержали военный министр Милютин, начальник III Отделения Шувалов. «Осторожную» позицию Горчакова преодолели. Александр II объявил, что принимает в подданство жителей Ташкента и других присоединенных городов. 26 марта 1867 г. они прислали в Петербург объединенную делегацию. На приеме в Зимнем дворце благодарили государя за такое решение, за отношение к ним русских властей, обещали быть верными. Император внимательно беседовал с ними, интересовался торговлей, образованием, состоянием мусульманского духовенства. Наградил орденами, медалями, перстнями.

Для лучшего устройства здешнего края он повелел образовать новое Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте. В него вошли две области, Сырдарьинская и Семиреченская. Генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского округа 14 июля 1867 г. государь назначил Константина фон Кауфмана. Он был как раз из тех военных и администраторов, кого Муравьев-Виленский отбирал для усмирения восстания. В Средней Азии он тоже оказался вполне на своем месте.

Здесь сложился особый мир. Даже форма у солдат была особая, суконный китель для 40-градусной жары не годился. Но для гимнастических занятий в русской армии была введена полотняная рубаха. Вот и вышли из положения, на эти рубахи нашивали погоны, и воины ходили в них (отсюда и слово «гимнастерка»). К армейским кепи приделывали белые чехлы с назатыльниками, предохраняющими от солнца. А просторные штаны «чембары» позаимствовали для солдат у казаков. Огромных сборищ противника здешние воины приучились не бояться, оценили их низкие боевые качества. Привыкли, что исход боя решают стойкость, напор, организованность, и соотношение рота на тысячу считалось нормальным.

Кауфману царь дал очень широкие полномочия, вплоть до объявления войны и заключения мира. Он и начал с предложений мира. Кокандский Худояр, трезво взвесив свои и русские возможности, согласился. В январе 1868 г. с ним заключили договор, он отказался от потерянных городов и районов, приобретая за это покровительство, очень выгодные условия торговли не только для России, но и для Коканда. Русские в его владениях, но и кокандцы в русских владениях получали право свободно ездить, устраивать караван-сараи, торговые базы, а пошлины для взаимной торговли устанавливались не более 2,5 %.

Но бухарский Музаффар хитрил. Даже не для мира, а для переговоров требовал возвратить ему Ура-Тюбе, Джизак, еще ряд крепостей, лишь тогда он согласится что-то обсуждать. На самом же деле он больше года тянул время, чтобы получше подготовиться к войне. Пригласил турецких инструкторов для обучения своих сарбазов-солдат. Англичане везли ему пушки, ружья. Музаффар нанял 10 тыс. туркмен, считавшихся лучшими воинами, агитировал выступить вместе с ним властителей Хивы, Афганистана, Кашгара. Весной 1868 г. он объявил «газават», банды бухарцев выплеснулись к Джизаку, Ташкенту.

Кауфман не стал медлить. 1 мая двинулся в Зеравшанскую долину, на Самарканд. У него было 3,5 тыс. штыков и шашек с 16 орудиями. А высоты возле города сплошь заполонили 60 тыс. бухарцев, развернули 150 пушек, намереваясь защищать переправы через реку Зеравшан. Кауфман послал парламентера с ультиматумом – если эмир не отведет армию через час, русские возьмут позицию штурмом. Но бухарцы сами кинулись в атаки на флангах, казаки прогнали их. А когда истекло 2 часа, не дождавшийся ответа Кауфман дал команду. Колонны вброд устремились через реку. Под огнем перешли ее по грудь в воде. Ударили в штыки и опрокинули бухарцев, те посыпались кто куда, бросив 21 орудие, обозы.

Русские потеряли 40 убитых и раненых. Самарканд закрыл ворота перед удирающим войском и сдался Кауфману. Скопища воинов эмира рассыпались в разные стороны. Генерал-губернатор рассылал отряды разгонять их, брать соседние крепости. Обнаружился и сам эмир, заново собирал армию на Зерабулакских высотах, на полпути от Самарканда к Бухаре. 30 мая Кауфман выступил на него, взял с собой 2 тыс. пехоты и конницы, 14 орудий и 6 ракетных станков. У Музаффара было 30 тыс. и 14 пушек.

На рассвете 2 июня русские открыли огонь и пошли в атаку. При этом случился анекдотический казус. В прошлом сражении, форсируя Зеравшан, наши солдаты не хотели тратить время на

переобувание. Чтобы вылить воду из сапог, становились на руки. Бухарцы сочли, что раскусили магический секрет русских. И теперь вдруг увидели, как они перед схваткой становятся на голову, а соратники трясут их за ноги. Но не помогло. Их покосили огнем и смяли в штыковой. Бухарцы побежали, их преследовали, 3,5 тыс. перебили, сами потеряли, по разным данным, то ли 38, то ли 63 убитых и раненых.

Но когда Кауфман ушел из многолюдного Самарканда, второго по величине города Средней Азии, там остался гарнизон майора Штемпеля – 660 солдат и офицеров с 4 орудиями. В это число входили больные и раненые, которых не взяли в поход. Фанатики, возбужденные призывами «газавата», увидели возможность расквитаться с русскими. По окрестностям бродили банды из развалившейся армии эмира. Беки соседнего Шахрисябза подняли ополчение, 25 тыс. человек. Появились тучи конницы воинственных кипчаков.

А жители Самарканда перенастроились против русских так же легко, как против битого эмира. Тогда на стороне победителей была сила, а сейчас на чьей? Всего через день после ухода Кауфмана на базаре стали собираться враждебные толпы, в русских летели камни. А за городскими стенами скапливались вооруженные массы. Оборонять эти стены с наличными силами и мятежом в городе нечего было и думать. Штемпель приказал уйти во внутреннюю цитадель с ханским дворцом. Там укрылись и русские купцы, путешествовавший художник Верещагин. Сбежались и местные евреи с семьями.

2 июня, в тот самый день, когда Кауфман добивал армию эмира, Самарканд восстал. С криками, под музыку зурн и барабанов, в город ворвались окружавшие его скопища. Растеклись по улицам и нахлынули на цитадель. Карабкались на глинобитные стены, цепляясь железными кошками. Вышибали ворота, двое ворот сумели поджечь. Их тушили под градом пуль, выбивали прорывающихся врагов штыками (их численность позже оценили в 65 тыс.).

К вечеру атаки прекратились, бухарцы с музыкой и плясками гуляли по городу. С русскими было и несколько верных казахов, ташкентцев. Одного из них послали с донесением к Кауфману. Переодевшись нищим, он пробрался через буйное окружение. А утром штурм возобновился. Отбивались и больные, раненые, русские купцы. Бухарцы сумели выломать сгоревшие ворота, захватили построенную там баррикаду с пушкой. Их выкинули в жестокой рукопашной. Ночью опять настало затишье, и Штемпель советовался с офицерами, солдатами. Было решено, если дойдет до крайности, обороняться во дворце. А если и там удержаться не

получится, взорваться. Гарнизон выразил общее согласие. Во дворец собрали все запасы пороха, бомб.

Но в следующие дни атаки стали слабеть. У цитадели выросли груды мертвых тел, и у остальных пыла явно поубавилось. Русские начали сами делать вылазки, поджигали ближайшие сакли, затрудняя подступы. А 7 июня проскочил обратно гонец. Сообщил – Кауфман спешит на выручку. Измученные защитники воодушевились, обнимали друг друга, гремело «ура». 8 июня массы бухарцев стали спешно покидать город. Когда основная их часть выплеснулась прочь, гарнизон вышел из цитадели. Наподдал задержавшимся пулями и штыками.

Показались наши казаки, а за ними Кауфман с колоннами войск. Гарнизон восторженно встречал его, а он горячо благодарил героев. В наказание за восстание он отдал солдатам на разграбление городской базар и приказал сжечь его [73, 74]. У русских за время осады 49 человек погибло, 172 было ранено. А у Музаффара, укрывшегося после разгрома в Бухаре, осталось лишь 200 личных стражников и тысяча солдат, остальные разбежались. Он запросил мира, и условия подиктовал Кауфман. Бухара уступала России Самарканд, Катта-Курган, Педжент и Ургут. Эмир признал себя вассалом царя, платил 500 тыс. рублей за военные издержки. В его владениях упразднялось рабство. Русские получили права свободно плавать по Амударье, проложить через Бухару почтовую службу и линию телеграфа.

Впрочем, и Музаффар получил от мира ощутимые выгоды. С Бухарой вводился такой же режим взаимной льготной торговли, как с Кокандом, – с правами устраивать караван-сараи, торговые представительства, низкими пошлинами 2,5 %. А самого эмира Россия взяла под покровительство. Мятежи и перевороты в Средней Азии были обычным делом. Вскоре против Музаффара восстала знать в Карши, решила возвести на престол его сына. В Шааре и Китабе отделились от Бухары беки Шахрисябза – те самые, что нападали на Самарканд. Но царские войска взяли мятежные города, и теперь-то их честно возвратили Музаффару. При поддержке русских он смог подчинить давно уже непокорных горных беков, присоединил Восточную Бухару (Таджикистан). Так что жаловаться ему можно было лишь на англичан, турок и мулл, подстрекнувших его поначалу воевать с Россией.

Глава 18. Любовь и пули

Арест революционера. Художник И. Репин

Урок польского восстания отрезвил либералов ненадолго. Уже в январе 1865 г. московские дворяне обратились к царю с прошением созвать Земскую думу – предтечу парламента. Александр II тормознул их вежливо. Издал рескрипт, что преобразования в России достаточно свидетельствуют о его заботе улучшать государственные порядки, и для подданных это должно быть залогом на будущее. Подразумевая, чтобы просители не лезли не в свои дела. Но и консерваторов тревожила раскачка страны. Они объединились в Обществе взаимного земельного кредита – Петр Шувалов, Орлов-Давыдов, Паскевич, Лобанов-Ростовский, Барятинский и др. Обсуждали противодействие «демагогическим тенденциям, преобладающим в правительственной сфере», выдвинули идею образовать соответствующую политическую партию. Этого государь тоже не желал позволять: где одна партия, там и другие.

Но в мешанинах политических страстей, разнообразных дел император уставал и изматывался. Смерть старшего сына и назначение наследником Александра углубили его отчуждение с женой. Государю не хватало живого человеческого общения, обычных душевных радостей. Он сохранил привычку своего отца, для здоровья и поддержания работоспособности совершал ежедневно пешую прогулку по Летнему саду. Там присутствовала

и посторонняя публика, но все к этому привыкли. 25 декабря 1865 г. Александр II случайно встретил на аллее Катю Долгорукову.

Государь знал ее уже 6 лет. В 1859 г., после маневров под Полтавой он посетил Тепловку, имение Михаила Долгорукова – из древнего княжеского рода, но из младшей захудалой ветви, по службе не блистал, дорос лишь до гвардии капитана. Тепловка, его единственное поместье, славилась табачной плантацией, там с 1847 г. закупала табак даже американская фирма «Филипп Моррис». А когда царь отдыхал на веранде, прибежала 11-летняя девочка. Александр поинтересовался: «Кто ты, дитя мое?» Она бойко ответила: «Я Екатерина Михайловна, хочу увидеть императора».

Но царю стало известно и о том, что Долгоруков совершенно разорился, его имение вот-вот пойдет с молотка. Александр Николаевич помог ему. Мы не знаем, где и как служил дальше Долгоруков, однако двоих его сыновей зачислили в кадетские корпуса, дочерей Катю и Машу – в Смольный институт за счет государя, к детям в Петербург перебралась и мать, сняла дешевенькую квартирку на окраине. Вот только в Смольном со времен его основательницы Екатерины II порядки были суровые (императрицу саму так воспитывали, она считала это полезным). Сон на жесткой кровати, скудная еда, зимой корпуса не протапливались выше 16 градусов. Девочек туда брали с 6 лет и до окончания домой не отпускали.

Катя Долгорукова попала в Смольный в 12 лет, привыкла жить в семье. Страдала, тосковала. Но и император периодически навещал институт. Узнал девочку, поговорил. В следующие визиты уже целенаправленно посылал за ней. Услышав, что она болеет, навестил в лазарете. Екатерина потом вспоминала, что он фактически заменил ей отца – но особенного, всемогущего: «Его подчеркнутое внимание ко мне и его лицо, столь идеальное, проливали бальзам на мое детское сердце. Чем более я взрослела, тем более усиливался его культ у меня… я считала его покровителем, другом, обращалась к нему как к ангелу». Однажды еда была особенно плохой, она пожаловалась, и царь велел кормить ее за столом директрисы. Посылал ей конфеты, «и не могу описать, как я его обожала».

В 1864 г. ее выпустили из Смольного. Опекун из ее жизни исчез. А через год в Летнем саду они прошли навстречу друг другу. Царь сперва не узнал ее, потом вернулся и спросил, она ли это. Катя стала специально приезжать туда во время его прогулок. Они привязались друг к другу, болтали. Виделись и в Смольном, куда Катя ездила в выходные навещать младшую сестру.

Очередная их встреча состоялась 4 апреля 1866 г. Государь приехал в Летний сад с племянниками, герцогом Лейхтенбергским и принцессой Баденской. Заметив Долгорукову, поговорил с ней. Узнал, что этим вечером она собирается навестить сестру в Смольном, и полушутливо заметил – он тоже приедет лишь для того, чтобы ее увидеть. Подразнил из-за детского вида, и Катя надулась, считая себя взрослой.

Распрощались, а на выходе из Летнего сада собрались люди, увидеть царя. Мимо бывшего крепостного, шляпного подмастерья Комиссарова, проталкивался поближе худой мужчина с длинными волосами и возбужденным взглядом. Комиссаров не уступал. Государь вышел, возле своей коляски стал надевать шинель – а неизвестный, пропихнувшись, выхватил из-под пальто двуствольный пистолет. Дежурившие полицейские успели только вскрикнуть, а Комиссаров толкнул его под локоть. Пуля пролетела мимо, террориста схватили. Александр спросил его: «Ты поляк?» Он ответил: «Русский». «Почему же ты стрелял в меня?» Тот выпалил, что царь обманул народ, не дал земли.

Александр первым делом поехал в Казанский собор, поблагодарить Бога за спасение. А известие о покушении потрясло всю Россию. Достоевский ворвался в квартиру поэта Майкова, его колотило, как в лихорадке: «В царя стреляли!» Майков вскричал: «Убили?!» «Нет… спасли… благополучно…, но стреляли… стреляли… стреляли…». Что ж, в России иногда убивали государей во время переворотов. Но теракт среди бела дня – такое было впервые. Когда Александр ехал из собора, всю дорогу и площадь перед дворцом заполнили толпы, восторженно приветствуя императора. И во дворце собрались все, кто был допущен ко двору. Радовались, славили. Царю представили Комиссарова, тот обнял его, пожаловал дворянство.

Во всех храмах служили благодарственные молебны. В театрах представления прерывали гимном «Боже, царя храни!» – в Александринском его исполнили 9 раз, а пришедшего в театр крестьянина по ошибке приняли за Комиссарова, публика кинулась его обнимать. А Долгорукова, узнав о покушении, рыдала. Рвалась выразить государю радость. И… даже в такой день он выполнил обещание. Когда Катя приехала в Смольный к сестре, с небольшим опозданием он появился. Долгорукова писала: «С той минуты я решила, что мое сердце навсегда принадлежит ему». Через две недели Александр Николаевич пригласил ее в Зимний. Пили чай, он подарил Кате браслетик. Но девушка смутилась, и царь повел себя деликатно – он же был на 30 лет старше. Счел, что не пара для нее…

Теракт встряхнул государственную верхушку. Начальник III

Отделения Василий Долгоруков сам подал в отставку «за неуменье охранять своего государя». Вместо него был назначен Петр Шувалов, генерал-губернатор Прибалтики. Был создан Секретный комитет из ключевых министров. На первом заседании представил свою записку Милютин. Предлагал ответить на покушение углублением реформ. Показать, что власть смутьянов не боится, и курс остается прежним. Но и Шувалов зачитал подготовленную записку: «Общество устало от непрестанных преобразований и требует от правительства, чтоб оно решилось начать консервативную эпоху». Царь склонился на его сторону.

Следственную комиссию по делу о покушении возглавил усмиритель Литвы Муравьев. Террорист называл себя крестьянином Петровым. Но нашли прокламацию «К друзьям-рабочим», которую он распространял, призывая к революции после цареубийства. В гостинице, где он остановился, обнаружили разорванное письмо Николаю Ишутину. Его арестовали, и вскрылось, что он возглавлял в Москве осколок «Земли и воли». Состояли в основном студенты, называли свою структуру «организация» или «ад», и целью ставился государственный переворот. А террорист был двоюродным братом Ишутина, мелким дворянином Каракозовым – его уже отчисляли из Казанского, Московского университетов, он страдал нервными расстройствами, ненавидел людей.

На суде он гордо бросил, что если бы имел сто жизней, то принес бы их в жертву народному благу. Его и Ишутина приговорили к смерти, три десятка их сообщников – к каторге и ссылкам (всего по делу проходило 2 тыс. человек!). А Каракозов сразу скис, обратился к государю, каясь и умоляя о прощении «как христианин у христианина». Александр II наложил резолюцию: как христианин он прощает, но как император простить такое преступление против устоев России не имеет права. Каракозова повесили, Ишутину в последний момент на эшафоте объявили помилование с пожизненной каторгой.

Шувалов стал приближенным государя, и общественность взвыла о «реакции», «возвращении ужасов николаевщины», начальника III Отделения костерила «главой всероссийской шпионницы», новым Аракчеевым, Петром IV, вице-императором. Хотя все это было лишь фантазиями обнаглевшей интеллигенции. Шувалов никогда не был всесильным, советниками Александра оставались и либералы Милютин, Горчаков, Рейтерн. Да и сам Шувалов был рафинированным светским львом, многие новые идеи одобрял. Выправлялись лишь явные перекосы, и далеко не все. 13 мая царь подписал рескрипт ко всем ведомствам, призывая к охране от тлетворных идей, направленных против

религии, собственности, государственного порядка.

Шувалов обратил его внимание, что рассадниками смуты стали высшие учебные заведения. Либерального министра просвещения Головнина заменил обер-прокурор Синода Дмитрий Толстой. Были запрещены студенческие кассы взаимопомощи, самоуправления библиотек и другие структуры, становившиеся прикрытием для революционных кружков. Усиливался надзор за учебными заведениями. Впрочем, полицейские и жандармы в их стены с проверками не являлись. Но от преподавателей требовалось обращать внимание на учеников, докладывать о «вредных настроениях». Это воспринималось как оскорбление, профессора подавали в отставки. А студенты бушевали из-за ущемлений их «автономии». Тут уж проявляли строгость, участников беспорядков отчисляли, чистя университеты от увлекшихся играми в оппозицию.

Положение о цензуре предусматривало вполне достаточные мер против подрывных влияний, но до сих пор их просто не применяли. Теперь наконец-то закрыли самые радикальные журналы «Современник» и «Русское слово», другие издания получали предупреждения, временные запреты. Со стороны губернаторов усиливался контроль за земствами. Как видим, говорить о резкой смене политического курса вовсе не приходилось. Куда заметнее менялась в это время международная обстановка.

Франция терпела провал за провалом. В Мексике она держала 40 тыс. солдат, за деньги нанимала своему подручному императору Максимилиану австрийцев, бельгийцев, турок. А в 1865 г. завершилась гражданская война в США, и американцы вспомнили о собственной доктрине Монро – что европейцы не должны лезть в дела их континента. Потребовали от французов убираться. Передали мексиканцам оставшиеся у них огромные запасы оружия, туда поехали из США добровольцы, наемники. Наполеону пришлось дать задний ход. А по мере вывода французских войск продвигалась мексиканская армия. Максимилиана с местными помощниками пленили и расстреляли. Авантюра Наполеона, только по официальным заниженным данным, обошлась Франции в 8 тыс. погибших (не считая вымерших от лихорадок) и в 300 млн франков.

А тем временем к реализации своих планов готовилась Пруссия. Отвоеванные у Дании Шлезвиг и Гольштейн Бисмарк сделал предметом раздоров с Австрией, повел дело к ссоре. Провернул интригу и с Францией. Приехал в Биарриц, где отдыхал Наполеон, как «честный делец» предложил компенсации за невмешательство в войну. Французский император задрал нос,

что к нему обращаются как к верховному судье. Указал на Бельгию, Люксембург, но от договоренностей уклонился. Прикинул: когда Пруссия и Австрия сцепятся, он двинет армии к границе и получит еще больше.

Россия пыталась мирить Вильгельма с Францем Иосифом. Но царь симпатизировал Пруссии, ведь Австрия продолжала вести себя недружественно. А Горчаков по-прежнему тянул к Франции – которая теперь тоже желала этой войны. Бисмарк заключил тайный союз с Италией, пообещал Венецианскую область, оставшуюся у австрийцев. Обратился и к Германскому союзу. Потребовал исключить из него Австрию и высшим органом сделать не сейм из представителей немецких государств, а парламент, избранный общим голосованием. Мелким княжествам, вольным городам это очень не понравилось – в сейме все государства были равными, а в парламенте их голоса растворятся.

7 июня 1866 г. прусские войска вошли в Гольштейн, выгоняя оттуда австрийцев. Вена вынесла вопрос об агрессии на германский сейм. Он постановил мобилизовать 4 корпуса из разных королевств и княжеств. Но Бисмарк в ответ объявил Германский союз «недействительным», и постановление о мобилизации приравнял к объявлению войны. А прусские войска оказались уже отмобилизованными, ждали только команды. На следующий день ринулись вперед. У них блестяще поработала разведка, имелись полные данные о противнике. Впервые проявил себя и прусский генштаб во главе с Мольтке. Действия были четко спланированы, координировались по телеграфу.

Отдельные прусские корпуса и дивизии мгновенно отрезали друг от друга союзные Австрии немецкие государства – они даже не успели изготовиться и сдавались. Вступила в войну и Италия. Двинула 200 тыс. солдат. Против нее Вена оставила лишь 80 тыс. Но итальянцев они разнесли в пух и прах. На Адриатическом море у о. Лисса впервые столкнулись эскадры броненосцев, у итальянцев их было 12, у австрийцев 7. Хотя выяснилось, что тогдашние орудия броню не прошибают. Тогда австрийцы пошли на таран и победили, 2 броненосца потопили.

Но главные силы Пруссии ворвались в Саксонию. Ее маленькая армия отступила к австрийцам в Чехию, вместе собралось 261 тыс. штыков и сабель, 770 орудий. Пруссаки двинулись следом, 278 тыс. и 800 орудий. 3 июля при Садовой они разгромили противника подчистую. Их винтовки Дрейзе, заряжающиеся с казенной части, били в 3 раза быстрее, чем австрийские. И заряжать их можно было лежа, а солдатам Франца Иосифа надо было вставать, подставляясь под пули. Они

потеряли 44 тыс. человек (из них 22 тыс. сдались, 8 тыс. пропали без вести – в большинстве дезертировали).

Вена лихорадочно скребла что осталось, перебрасывала контингенты от Венеции, оголив фронт. Тогда и итальянцы снова устремились вперед. А снятые с их фронта соединения ничего уже не могли изменить. Пруссаки наступали стремительно, и Бисмарк с огромными трудами, с истериками, даже со слезами уговорил Мольтке и Вильгельма не брать Вену. С одной стороны, понимал, как в свое время Александр II – Австрийская империя может вообще рухнуть с непредсказуемыми последствиями. С другой стороны, вмешается Франция.

Австрию разнесли за 7 недель, она находилась в прострации, и Бисмарк вынудил ее к переговорам. Но и Наполеон III не успел отреагировать на ее мгновенный разгром. Спохватившись, напомнил о «компенсациях». Насчет условий мира Бисмарку опять пришлось скандалить, доказывать собственному королю, что больше требовать сейчас нельзя. В результате Австрия всего лишь отдавала Пруссии Гольштейн и итальянцам Венецию. Но выходила из Германского союза, и сам он ликвидировался. Пруссия присоединяла четыре государства, выступивших на стороне Вены: Ганновер, Гессен-Кассель, Нассау и вольный город Франкфурт-на-Майне. С остальными немецкими государствами, расположенными севернее реки Майн, она создавала новый, Северогерманский союз. Его президентом становился король Пруссии.

А посланцев Наполеона III Бисмарк заверял, что на территории южнее Майна Пруссия не претендует, они могут стать зоной влияния Франции. Ему привезли и проекты договоров о присоединении Наполеоном Бельгии, Люксембурга. Бисмарк тоже соглашался. Но ссылался, что пока не время, в правительстве Пруссии серьезные разногласия. Вон какие бури ему приходится от короля выдерживать! Французские проекты принял, а сам под предлогом секретности отделался устными обещаниями.

Россия предложила созвать международную конференцию, ведь нарушались Венские трактаты о Германском союзе, заключенные в 1815 г. после Наполеоновских войн. Франция и Англия инициативу заблокировали: дескать, Венские трактаты уже нарушены – намекая на Польшу. А Бисмарк отправил в Петербург генерал-адъютанта Мантейфеля, поручив ему назвать цену: за благожелательный нейтралитет Пруссия поддержит отмену ограничений на Черном море. Что ж, государь оценил. Больше препятствий не выдвигал. Мир был заключен на условиях Бисмарка.

Для царя это лето, когда Пруссия громила Австрию, а в

Петербурге судили ишутинцев, стало еще и летом любви. После чаепития в Зимнем дворце они с Катей два с лишним месяца не виделись – у нее умерла мать. Но в июле двор переехал в Петергоф, и девушка сразу кинулась туда, дождалась государя на дорожке для верховых прогулок. Он несказанно обрадовался. Вечером встретились в уединенном павильоне, «Березовом домике». Долгорукова раскрыла, что отказывается от всего ради любви к нему, он раскрывал душу в ответ. Близости юная Катя опасалась, и царь деликатно не позволял себе лишнего. Свидания повторялись каждый день – романтичные, но невинные.

Долгорукова вспоминала: «Он вел себя со мной с честностью и благородством человека, любящего и уважающего женщину, обращался со мной, как со священным предметом, без всякого иного чувства – это так благородно и прекрасно!» Хотя скрыть это было невозможно. Поползли сплетни. Главой семьи Долгоруковых стал старший брат Кати Михаил. Его роман сестры возмутил. Он как раз собирался с молодой женой в Италию и велел Кате ехать с ними. Рассчитывал – царь найдет себе другую, да и сестра поостынет. Отъезд был назначен на 1 декабря, и при прощальном свидании дошло до полной близости. Александр Николаевич в порыве чувств сказал ей: «Я не свободен сейчас… Но при первой возможности я женюсь на тебе. Отныне и навеки я считаю тебя своей женой перед Богом» [75]. А надежды брата на разлуку не оправдались, Катя и царь стали переписываться каждый день [76].

Но любовь отнюдь не заслонила для императора государственных дел. Они наваливались серьезные и с разных сторон. Как раз в это время государь занял решительную позицию в Средней Азии, отбросив протесты англичан и своих западников, присоединил занятые области к России. Увы, на одном направлении наша страна утверждала могущество – а на другом сдавала. Еще после Крымской войны в 1857 г. брат государя Константин поднял «запасной» план фиктивной продажи Аляски США сроком на три года. Доказывать, что ее надо продать не фиктивно, а реально и навсегда. Его поддержал посол в Вашингтоне Стекль (купленный американцами). Не возражал и Горчаков, замечал лишь, что США дают маловато, 5 млн долларов. Но царь тогда не согласился.

После сближения с США, удачного опыта посылки туда русских эскадр сторонники сделки стали оперировать новыми аргументами – нужен «тесный союз» с Вашингтоном против Англии, для этого и продать Аляску. Хотя в данное время уже было известно, что там находят золото, другие полезные ископаемые. В конце 1866 г. в Петербург примчался Стекль с

американскими предложениями. Первым делом обсуждал их с Константином, привлекли на свою сторону министров иностранных дел и финансов. 16 декабря 1866 г. в МИДе состоялось «особое заседание». Присутствовали Александр II, Константин, Стекль, Горчаков, Рейтерн, его советник Абаза.

Императору доказывали, что исчезнут причины трений с США, из благодарности они станут лучшими друзьями. Британские владения в Канаде будут с двух сторон зажаты между американскими, это доставит Лондону массу проблем. Убеждали, что сделка поправит государственные финансы, а Русско-Американская компания, владеющая Аляской, убыточна, требует казенных дотаций (это было подтасовкой – компания приносила значительную прибыль, убыточной стала лишь в «перестройку», когда правительство перестало уделять ей внимание). Россия же не в состоянии защитить эти владения не только при войне с Англией, а даже от американских промышленников, контрабандистов. Теперь у нас появился выход на Тихий океан в Приамурье – вот его и надо осваивать, вкладывать средства и ресурсы, Аляска стала лишней.

Царя дожали. Он, глядя на карту, вздохнул: «Да, не удержим…» Дал согласие. 18 марта 1867 г. Стекль в Вашингтоне подписал договор. Продали за 7,2 млн долларов (11 млн руб.) – даже по фиктивному договору о продаже на 3 года России выплачивалось 7,6 млн долл. Причем из вырученной суммы 25 тыс. составила личная награда Стекля, 100 тыс. было списано на «дела, известные императору» – посол давал или якобы давал взятки конгрессменам, пропагандировал сделку в прессе (американцы, чтобы сбить цену, тоже развернули кампанию, будто Аляска им не нужна, это «зоопарк полярных медведей»). За бесценок США отошли 1.519.000 кв. км. – Аляска и прилежащие острова, освоенные русскими за 126 лет со всеми селениями, городом Новоархангельском (Ситхой), предприятиями. (Только на одной добыче золота и только в 1915 г. Аляска принесла прибыли на 200 млн долларов.) Российская общественность, даже либеральная, узнав о продаже, возмущалась. Но… сделка уже совершилась.

Впрочем, и царя, и общественность отвлекла угроза европейской войны. Наполеон III жаждал сразу получить часть обещанных ему «компенсаций» – Люксембург. Он числился германской крепостью, там стоял прусский гарнизон. Бисмарк не желал терять лицо перед Германией, отдавать область французам и признавать, будто обязан Наполеону. Но и воевать Пруссия была не готова. И в данном случае она приняла предложение России о международной конференции. Весной 1867 г. в Лондоне

собрались делегации Англии, Франции, Италии, Бельгии, Австрии, России, Пруссии. Вынесли компромиссное решение, признать Люксембург нейтральным. Наполеону он не достался, но и от Германии отошел. На это Бисмарк согласился, прусский гарнизон вывел. Выигрыш он получил другой – стал пугать германские государства французской агрессией, сплачивать вокруг Берлина.

А отношение Наполеона III к России оставалось далеким от дружбы. В Османской империи периодически бунтовали христиане, их жестоко подавляли. А покровительство христианам стало после Крымской войны коллективным. Но неоднократные предложения России созвать конференцию, заставить султана Абдул-Азиза выполнить обязательства о правах христианам Франция неизменно пресекала. Благо, послом в Константинополе был назначен Игнатьев – тот самый, что отличился в Средней Азии и в Китае. Он воспользовался тем, что Горчаков почти не обращает внимания на восточную политику. Взялся действовать самостоятельно. Сумел приобрести колоссальное влияние. Его боялись турецкие министры – Игнатьев слишком много узнал об их делишках. У Абдул-Азиза он стал одним из ближайших советников, его называли «вице-султаном». Ему удавалось как-то помочь христианам, и порушенное влияние России на Балканах стало восстанавливаться.

А Наполеон III решил пустить пыль в глаза Всемирной вставкой. Представить Париж эдакой всемирной столицей. На масштабные приготовления были брошены грандиозные ресурсы, лучшие инженеры, ученые, писатели, художники, архитекторы, режиссеры, артисты. Приглашения рассылались ведущим политикам, монархам. В том числе и турецкому султану. Его Наполеон встретил с чрезвычайной помпой. А вот Александра II пригласить «забыли». Крайне обеспокоился Горчаков, и французы исправили «оплошность».

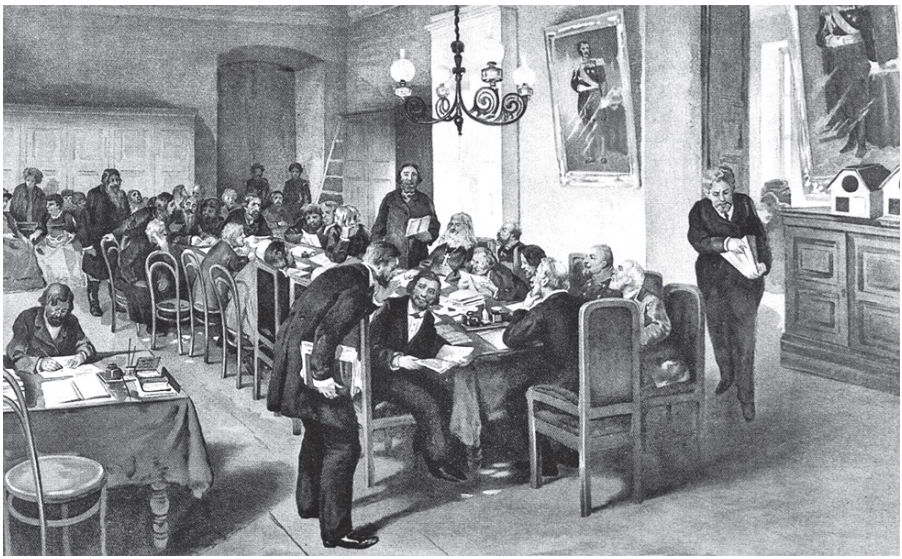
Но многие приближенные и жена уговаривали государя не ехать – Франция была гнездом польских революционеров. Горчаков настаивал, что надо ехать. Все еще цеплялся за возможность наладить альянс с Наполеоном при личных встречах. Александр согласился… но из своих соображений. Воодушевился встретиться там с Катей. 20 мая 1867 г. он прибыл в Париж с Горчаковым, сыновьями Александром и Владимиром. На выставку прикатила и Долгорукова с женой брата Луизой. В первый же вечер они встретились, и пребывание во Франции стало их «медовым месяцем». Отбыв на парадных мероприятиях, осмотрах экспозиции, царь мчался к возлюбленной. От посторонних глаз они уезжали гулять в Булонский лес.

Обретенная любовь как бы омолодила Александра Николаевича, он наполнился энергией, сбросил копившуюся усталость.

Но 25 мая он с сыновьями и Наполеоном III в одной коляске возвращались с военного смотра на ипподроме. Из толпы раздался выстрел. Террориста схватили, им оказался поляк Березовский, участник восстания. Пистолет у него в руке разорвало, и пуля отклонилась, попала в лошадь сопровождавшего конюшенного. Поляк сразу признался – целил в царя. Катя ошеломленно переживала – ее любимый снова был в опасности. А государь успокаивал ее тревоги ласками, назвал своим ангелом-хранителем: во второй раз спасся, когда она была поблизости.

Ну а политические последствия визита в Париж в итоге стали вполне определенными. Наглядно подтвердилось, как Франция прикармливает сепаратистов, даже на время приезда царя не взяла их под строгий надзор. От французов Александру Николаевичу то и дело приходилось слышать демонстративные выкрики «Да здравствует Польша, месье!», похвалы Березовскому. На суде над террористом адвокат Лашо закатил антироссийскую речь о растоптанной Польше, за которую его подзащитный мстил вполне справедливо. Публика была целиком на стороне Березовского. Его слова, что он боролся за родину, встречали овациями. Его все же осудили, царь-то был гостем Франции. Но не на смертную казнь, как участников покушений на Наполеона III, а на пожизненную каторгу. Александр II из всего этого сделал выводы. Линия Горчакова на мифический альянс с Францией потерпела полное фиаско.

Глава 19. И снова реформы…



Заседание земства

Прусские победы изменили облик всей Европы. Австрия лишилась влияния в Германии, последних владений в Италии. Канцлер Франца Иосифа Бейст придумал, как укрепить зашатавшуюся империю. Обратился к вечно оппозиционным венграм, им предоставили фактически государственные права, и они превратились в опору престола, а империя – в «дуалистическую» Австро-Венгрию.

А для 22 немецких государств, попавших в Северогерманский союз, вроде бы сохранялась полная самостоятельность, но… Общими (по сути – прусскими) становились армия, почта, телеграф, банки, железные дороги, внешняя политика, налоги, гражданство, законы. Избирался общий парламент – рейхстаг, где Пруссия обеспечивала себе заведомое большинство [77]. Мелкие королевства и княжества схватились за головы, но куда им было деваться?

Южным немецким государствам, не вошедшим в эту федерацию, Бисмарк предложил реорганизовать давний Таможенный союз. Доселе он был равноправным, теперь его главой признавался прусский король. А в компетенцию союза включалась и защита «безопасности общих таможенных границ», в том числе «вне таможенной зоны». Не всем это понравилось, но членство в организации со взаимными льготными условиями приносило слишком большие выгоды, как тут откажешься? А

насчет защиты безопасности Бисмарк раскрывал перед партнерами запросы Франции. В результате южные немецкие государства заключали тайные оборонительные договоры с Северогерманским союзом.

Ну а Наполеон продолжал ошибки. Итальянцев, хоть и битых, возбудило присоединение Венеции, а в Италии еще оставалось одно независимое государство, Папское. В 1867 г. Гарибальди выставил свою кандидатуру на выборах в парламент и в ходе предвыборной кампании призвал к походу на Рим, к нему собралось 7 тыс. добровольцев. Итальянское правительство попустительствовало, не мешало. Папу выручил Наполеон III, срочно послал ему 3 тыс. солдат. Узнав об их появлении, 2 тыс. добровольцев разбежались, остальных разгромили, 150 были убиты, 220 ранены, 1700 сдались. Итальянские власти лишь после провала авантюры арестовали Гарибальди и сослали на о. Капрера (предоставив хорошие условия). Но французов в Италии стали считать врагами.

Грандиозным проектом Наполеона III был и Суэцкий канал. Строительство обошлось в 400 млн франков и неведомое количество жизней египетских крестьян. Открытие канала в 1869 г. французский император и египетский хедив превратили в эпохальный праздник. Прибыли коронованные особы, политики разных держав. На торжества было выброшено еще 38 млн франков. Специально для них у Верди заказали оперу «Аида», а для ее показа в Каире построили оперный театр [78]. Управление каналом и прилегающей зоной на 99 лет передавалось французской «Всеобщей Суэцкой компании». Хотя от России даже посол Игнатьев на торжества демонстративно не приехал, предвидя грядущие проблемы. Ведь канал стал открытым вызовом для Англии: Франция прибирала под свое влияние Египет, через Суэц пролегла самая удобная дорога к британским сферам влияния в Индии, Персии. Лондон начал интриги по подрыву позиций французов.

Между тем австро-прусская война вызвала и революцию в военном деле. Напомню, Пруссия была единственной страной, где действовала всеобщая воинская повинность. В строй призывали не всех, отбирали лучших. Остальные мужчины числились в ополчении – ландвере. Но и они проходили серьезную подготовку. Те, кто не исполнил воинскую обязанность, не допускались до государственных и общественных должностей. В Австрии, Швеции и ряде других стран сохранялась рекрутская система, как и в России. В Англии была наемная армия. Во Франции – смешанная: если не хватало желающих служить за плату, набирали рекрутов (с правом откупиться деньгами). Всюду

подразумевалось, что солдаты, призванные на время, никак не могут сравниться с профессионалами. Однако прусская армия проявила себя великолепно. Даже части ландвера успешно прикрыли второстепенные направления, позволив собрать кадровые кулаки на главных. Очень наглядно сказались и преимущества винтовок Дрейзе, как и крупповских пушек, заряжающихся с казенной части.

Все державы ринулись перевооружаться. Россия не была исключением. Но военное ведомство слишком почтительно относилось к западным образцам. Поверив рекламе английских винтовок Энифилда, оно только-только перевооружило войска ее аналогом – 6-линейками (калибр 15,24 мм), заряжавшимися с дула. И вдруг их надо было менять во всей армии! А финансы Рейтерн выделял скупо. Решили переделывать имеющиеся ружья. Теперь образцом стала винтовка Дрейзе, хотя и она была очень несовершенной. С бумажной гильзой, сгоравшей в стволе. Для выстрела гильзу прокалывала иголка, быстро выходившая из строя. Были и здравые предложения, переделывать под капсюль. Нет, в 1867 г. приняли систему англичанина Карле – копируя Дрейзе.

Но в западных странах оценили недостатки, начали делать ружья под патрон с металлической гильзой и капсюлем. Ведомство Милютина спохватилось, выбрало капсюльную систему австрийца Крнка. В 1869 г. постановило переделывать 6-линейки уже под нее. А тем временем русским инженерам, командированным в США, понравилась на заводах Кольта винтовка Бердана. Закупили машины для производства ружей и патронов на Тульских заводах. Начали производство. Хотя наши оружейники и в этой винтовке увидели недостатки, заменили откидной затвор скользящим (для согласований пришлось приглашать в Россию Бердана, платить ему), и с 1871 г. с конвейеров пошла винтовка Бердана № 2. У нее и ствол был короче, чем у прежних ружей, и калибр меньше – 10,75 мм. Ее даже назвали «скорострельной малокалиберной» [79].

Точно так же металось за западными образцами морское ведомство великого князя Константина. В войне Севера с Югом был широко раздут первый в мире бой броненосцев – «Монитор» северян с двумя огромными орудиями (заряжавшимися с дула) одержал победу над «Вирджинией» южан. Вскоре он утонул из-за чрезмерной тяжести: едва поднимался над водой, и при слабом шторме залило трюм. Но в порывах «дружбы» с США в Россию пригласили создателя «Монитора» Эриксона, и он на Балтике понастроил целую дюжину таких же броневых гробов, способных плавать лишь у берега по тихой погоде.

А вот изобретение русского инженера Александровского, самодвижущуюся мину, которую он назвал «торпедо», Морское министерство отвергло. Ответило, что это оружие для далекого будущего, из области фантастики. Но через год торпеду сконструировал англичанин Уайтхед. Она была хуже, чем у Александровского, – нет, для нашего флота начали покупать очень дорогие торпеды Уайтхеда. Далеко не сразу кораблестроение сумел взять в свои руки талантливый контр-адмирал Попов. Он объехал разные страны, изучив сильные и слабые стороны новинок. Заказал у Круппа крупнокалиберные орудия, заряжавшиеся с казенной части, и в 1869 г. заложил оригинальный броненосец «Петр Великий» – его признали лучшим в мире [80].

Обсуждался и переход на всеобщую воинскую повинность. Ведь ее преимущества признавал еще Николай I, и сын продолжал подготовку к ее введению. Ее сторонником был и Милютин, в 1868 г. на эту систему перешла Австро-Венгрия. Но консерваторы в правительстве выставляли возражения, что и прежний порядок нормально действует: к рекрутским наборам народ привык, они отработаны, завязаны с администрацией и действующими законами. А какой станет армия при всеобщей повинности, еще неизвестно. Переход на новую систему надо было и обеспечить материальной, юридической базой. Вопрос отложили для дальнейшей проработки, а царь в 1868 г. сделал лишь следующий подготовительный шаг, снизил срок действительной службы до 10 лет с 15-летним пребыванием в резерве.

Что ж, опасения можно было понять, реформы порой влекли и непредвиденные последствия. В 1867–1868 г. случился неурожай, голод. А задача спасения людей теперь переложилась от администрации на земства. Большинство из них оказались не готовы, должных мер не предприняли. Заниматься этим пришлось царю, борьба с голодом стала первым самостоятельным поручением наследника Александра. Автор земской реформы министр внутренних дел Валуев был отправлен в отставку. На его место Шувалов провел своего помощника по III Отделению Тимашева.

Но влияние Шувалова фактически и ограничивалось продвижением собственных сторонников, а либералы действовали по-прежнему активно. Того же Валуева вскоре вернули в правительство министром государственных имуществ. А Милютин в ходе военных преобразований задумал… ликвидировать казачество. Оно жило по исконным традициям, было верной опорой Самодержавия – и в западнические модели никак не вписывалось. Была развернута кампания, что казачья

патриархальность не соответствует нормам современной армии и общества. Милютин распорядился пересмотреть законоположения о казачестве, чтобы повысить его благосостояние и «гражданственность» [83]. В Казачьих войсках создали комитеты, вырабатывали проекты.

В 1865 г. в Петербурге был учрежден Особый комитет по данному вопросу, но… предложения от казаков он даже не рассматривал! Милютин на первом же заседании указал: если возникнут противоречия между вопросами военных традиций и «гражданственности», надо отдавать приоритет «гражданственности». Правительственная газета «Голос» обсуждала, нужно ли вообще говорить о благоустройстве Казачьих войск и расходах на это, если спорным является вопрос «о необходимости самого существования этих войск» как «силы, боевые качества которой не могут быть совершенны».

Царь казаков высоко ценил, и о прямом «расказачивании» либералы даже не заикались. Упразднили лишь несколько мелких Казачьих войск. В связи с проектами заселить казаками западную часть Кавказа еще в 1862 г. расформировали Азовское, из вернувшихся в Россию при Николае I эмигрантов-запорожцев. 5.224 человека переселили в Кубанское войско. Кто не пожелал ехать, остались в Приазовье. Их перевели на положение государственных крестьян, офицеров – дворян.

В 1868 г. ликвидировали Дунайское и Башкирско-мещерякское Казачьи войска. Маленькое Дунайское, когда отдали придунайскую часть Бессарабии, несло таможенную и полицейскую службу в Одессе, Аккермане. Бывшие казаки там и остались – на таможне, в полиции. А вот башкиры возмутились, забушевали – и добились, чтобы их включили в Оренбургское войско. В других областях волнения грозили куда более серьезные, и Казачьи войска стали разваливать исподтишка.

В 1868 г. на казачьих землях разрешили селиться иногородним, приобретать собственность. А казакам открыли свободный выход из своего сословия. В 1869–1870 гг. были приняты положения о земельном устройстве и общественном управлении в Казачьих войсках. На них распространили общегражданские суда, земства, приезжие переселенцы получили равные права в станичных общинах. Наделы офицеров и чиновников, полученные вместо окладов и пенсий, дозволили продавать – и пришлые скупали их.

Милютин реформировал управление, совместил должности начальников областей и войсковых атаманов. Получилось, что титулы атаманов довесили гражданским чиновникам. Евдокимова с его планами заселить Северный Кавказ казаками военный

министр спровадил в отставку. Назначал своих людей. Так, начальником Терской области стал близкий к нему генерал Лорис-Меликов, он прямо заявлял: «Роль и задача казачества уже окончена». А Милютин издал разъяснения, что «войсковой землей» считается только та, что непосредственно занята казаками. Районы, заселенные крестьянами, горцами и др., выделили в гражданское управление. В результате казачьи области раздробились, казачьи юрты перемежались гражданскими волостями [81].

В ходе административных преобразований от Оренбургского края отделили Самарскую и Уфимскую губернии. Те казаки, кто очутились на уже «неказачьих» землях, переводились на положение государственных крестьян – или вынуждены были переселяться. От Кубанского войска оторвали Черноморский край от Новороссийска до Адлера – вместо казаков его стали заселять армянами. Разорвали и единый пояс Кубанского и Терского войск, между ними Ставропольскую бригаду передали в «гражданское управление», 13 станиц переименовали в села, казаков переводили на положение крестьян [82].

А в 1870 г. истекал 9-летний срок, после которого освобожденные крепостные имели право отказаться от полученных наделов и идти куда угодно. Но надельчики-то в густонаселенных губерниях были крошечные. Крестьян стали зазывать в казачьи области. Там можно было дешево купить землю или арендовать, чтобы накопить денег на покупку. В Семиречье, оренбургские и уральские степи добираться было далековато, условия земледелия непривычные. А на Дон, на Северный Кавказ хлынули потоком. По мере наплыва переселенцев от Кубанского войска отделили и «расказачили» еще и Адагумский полковой отдел.

Милютин пересмотрел и структуру армии, значительно сократив конницу – счел, что ее роль в войне уменьшается. В 1869 г. оставил лишь 16 кавалерийских дивизий. В каждой 4 полка, уланский, драгунский, гусарский и казачий. Оставил и одну чисто казачью дивизию, 1-ю Донскую. Таким образом, в армии мирного времени сохранилось всего 20 казачьих полков. Казаков получалось в значительном избытке, на строевую службу попадал далеко не каждый. Тем не менее они по своему положению должны были за собственный счет приобретать коней, оружие, обмундирование, нести внутривойсковую службу…

Их подталкивали – зачем тратиться на снаряжение, отвлекаться на войсковые обязанности, если можно запросто выйти из казачьего сословия и спокойно заниматься хозяйством? Казаки осознают это и постепенно растворятся в массе

«иногородних». Но… у них действовала совсем иная логика. Невзирая ни на что, они оставались казаками! Случаи выхода из казачества были единичными. Даже переселялись из «расказаченных» селений в другие, лишь бы остаться казаками!

Ветры перемен ворвались и в Церковь. Причем с разных направлений, «изнутри» и «извне». Митрополит Московский Филарет (Дроздов) когда-то состоял в Библейском обществе, закрытом Николаем I. Занимался переводами Священного Писания на русский язык. Правда, сам же Филарет добился отстранения главного переводчика – наставника юного Александра Николаевича Герасима Павского. Но виной тогда была протестантская ересь, а перевод Филарет считал важным и богоугодным делом. Вскоре после коронации Александра II обратился к нему о разрешении возобновить эту работу. Такой вопрос государь считал себя не вправе решать самолично, предложил рассмотреть в Синоде. Киевский митрополит Филарет (Амитеатров) выступил резко против. Но в Синодальном обсуждении Филарет Московский сумел доказать: – чем русский язык хуже других, если Священное Писание уже переведено даже на алеутский? Труды возобновили под его руководством.

А в 1861 г. либерал Валуев представил царю доклад о необходимости улучшить благосостояние приходских священников. Вопрос был действительно болезненным. В больших городах состоятельные прихожане обеспечивали своим храмам и батюшкам хорошие условия. Но сельским священникам ради пропитания нередко приходилось самим крестьянствовать. Там, где церкви строили помещики, они и настоятеля содержали как одного из своих служащих – теперь это уходило в прошлое. А что могли деревенские прихожане пожертвовать? Овощей со своих огородов, кулек муки, несколько яичек…

Доклад Валуева поддержали святитель Филарет Московский, обер-прокурор Синода Ахматов. Но к обсуждениям активно подключились и великий князь Константин с реформаторами. Тема выплеснулась в печать. Заговорили о «соборности» в Церкви, под коей подразумевалась коллегиальность и выборность управления. О духовной «гласности», свободе выражения мнений. Валуев доказывал, что надо порушить кастовость духовенства, сблизить его с другими сословиями, с «общественной жизнью» – тут уж Филарет встревожился, протестовал.

В 1863 г. Александр II учредил Главное присутствие – изыскать способы улучшить быт священников. В него вошли все члены Синода, несколько министров. На местах создавались губернские присутствия во главе с епархиальными архиереями. Они разработали введенное в 1864 г. Положение о приходских

попечительствах. Эти органы избирались на общих собраниях прихожан, обязательно входили священник и сельский староста. Попечительства должны были собирать средства – добровольные пожертвования или обязательные, если прихожане составили об этом договор. Но собирали их по трем отдельным статьям: на содержание священников, на благоустройство церкви, на школьные и благотворительные нужды. Смешивать деньги, передавать с одной статьи на другую запрещалось. Однако подавляющее большинство жертвователей давали их на храм! На священников доставались крохи.

Зато с «гласностью» было все в порядке. Буйно расплодились церковные и «околоцерковные» газеты, журналы – зачастую весьма сомнительного свойства. Пошло и разрушение «кастовости». В 1863–1867 гг. было издано несколько указов, разрешавших выпускникам духовных семинарий поступать в университеты, детям духовенства в гимназии, а выходцам из других сословий – в духовные учебные заведения (хотя на практике все это делалось и раньше). Официально отменили негласное правило, что в приходах должности передавались по наследству – от священников, диаконов, псаломщиков к их сыновьям. С мнениями обер-прокурора Синода Ахматова либеральные реформаторы не считались, и он подал в отставку. На его место был назначен граф Дмитрий Толстой.

Он позиционировал себя сугубым консерватором, примкнул к крылу Шувалова – но сам был из «константиновцев», 8 лет возглавлял канцелярию морского ведомства. И на посту обер-прокурора повел себя довольно странно. Избегал общения со священнослужителями, к монахам испытывал какое-то болезненное отвращение. Петербургский митрополит Исидор свидетельствовал, что он не бывал на церковных службах, не заглядывал в собственную синодальную канцелярию – там лишь висел его мундир. На съезде духовенства в Феодосии он назвал «французской пословцей» Евангельские слова Христа «Нет пророка в своем отечестве», вогнав слушателей в шок. А когда писатель Лесков опубликовал «Мелочи архиерейской жизни», Толстой выговорил ему, что он «чересчур хорошего мнения о церковных иерархах» [3, с. 275–276].

Радикальные преобразования сдерживал лишь святитель Филарет – к нему царь всегда прислушивался. Но в ноябре 1867 г. он преставился, и реформаторы осмелели. В 1869 г. были изданы один за другим три закона. Дети духовенства исключались из духовного сословия, им предоставлялся свободный выбор профессии, государственной или военной службы, хотя они сохраняли прежние льготы – право поступления в духовные

училища, освобождение от подушной подати. Из духовного сословия исключались также церковные сторожа, пономари, псаломщики и другие младшие служители.

А приходским священникам для повышения благосостояния было решено увеличить казенные пособия. Но средства для этого обеспечивались за счет сокращения штатов и числа приходов. По 18 великорусским губерниям намечалось вывести за штаты 15 тыс. служителей церкви и упразднить 2 тыс. приходов! Мелкие предписывалось соединить с другими. На приход оставалось лишь 2 клирика – настоятель и причетник (псаломщик). В большом многолюдном приходе, с далекими от храма населенными пунктами, назначался «младший священник», из недавно рукоположенных. Предполагалось, что он будет набираться опыта и со временем получит повышение в настоятели.

За счет этих мер выплаты действительно увеличили, но суммы получились совершенно недостаточными. Пособие священникам выросло со 144 до 240 руб. в год. Оставившим служение назначили пенсии 90 руб., вдовам священников 55–65 руб. в год. Однако в полной мере позакрывать приходы реформаторы все же не смогли. Противилась паства, указания спускали на тормозах в епархиях. Вместо 2 тыс. количество приходов за время царствования Александра II уменьшилось на 449 (хотя православное население за этот же период выросло на 7 млн!).

Но строительство новых храмов фактически прекратилось под разными предлогами. Например, у военных традиционно возводились церкви на полковые суммы, у казаков – на станичные или войсковые средства. Ведомство Милютина категорически это запретило – только на частные пожертвования. Святитель Филарет по личным ходатайствам к Александру II учредил 4 новых монастыря и 2 скита. После его смерти за 14 лет не открылось ни одного – у Толстого и в правительстве такие инициативы натыкались на глухую преграду.

А в либеральной прессе вовсю обсуждалось, что обители – это «пережиток». Предлагалось их ликвидировать, «оставить лишь несколько монастырей, в которых ввести истинно аскетическую жизнь, отняв у них как у обществ отшельнических огромные богатства» [83]. Озвучивались и проекты преобразовать монастыри в чисто мирские благотворительные учреждения, «где не имели бы вовсе места иноческие обеты аскетического свойства, формально требуемые от монахов» [84]. До воплощения не дошло, но это публиковалось в православном государстве! И «свирепая» цензура это пропускала, не привлекала к ответу!

Тот же Филарет отстоял через царя, чтобы церковные школы не отдавать министерству народного просвещения, оставить в ведении Синода. Но с 1866 г. Толстой совместил посты обер-прокурора Синода и министра просвещения. В управлении духовных училищ и семинарий он ввел выборное начало, как в университетах. Перетряхнул учебные программы, расширил преподавание светских дисциплин, философии, педагогики – обосновывал, чтобы священники могли одновременно быть учителями. Но на церковно-приходские школы средства не выделялись, а частных пожертвований не хватало. Они закрывались, или их подбирали под себя земства – они-то имели право официально вводить сборы на школы.

В 1869 г. дошло до духовных академий. Толстой ввел в них новые уставы, во многом повторявшие университетские. Часть архиереев протестовала. Но другие уже перестроились в либеральную струю, поддержали новшества как приближение к современным требованиям. Семинаристы стали превращаться в подобие студентов. А Толстой, потакая «прогрессу», еще и облегчил процедуру снятия священником с себя сана, последствия такого шага. Замышлялась и реформа церковного суда по аналогии со светским – но тут уж епископы воспротивились, дело завязло в обсуждениях.

Получило официальную подпитку и духовное разномыслие. Либеральная печать дружно выступала за легализацию «раскола». Был создан Комитет «по раскольническим делам», выработал новые правила. Старообрядцам предоставили права свободно отправлять свои богослужения, выезжать за границу, учреждать свои школы, занимать общественные руководящие должности. Были признаны законными их метрические записи рождений, венчаний, смерти. Но царь и ортодоксальная часть Синода все же не допустили полной «свободы совести», поставили преграду. Ряд сект были признаны «вредными» и остались под запретом – хлысты, скопцы, «бегуны», духоборы, молокане, субботники, филипповцы, поморцы и др.

А уж кто получал льготу за льготой, так это иудеи. С самого начала «перестройки» им дружно протежировал весь хор «общественности». К государю подкатывались министры, советники, приближенные – и подписывались указ за указом. Метрические книги раввинов тоже были признаны законными. В воинской службе иудеев уравняли с русскими и мусульманами. Иудейские казенные училища, созданные Николаем I, были объединены с русскими, причем евреям назначили стипендии.

С 1864 г. всем жителям империи независимо от вероисповедания предоставили право поступать в гимназии и

университеты. И за 12 лет количество евреев, получивших среднее образование, выросло в 8 раз, с высшим образованием – втрое. «Черта оседлости» сохранялась. Но почти сразу по окончании Крымской войны ее расширили, дозволили евреям селиться в Крыму для восстановления порушенного хозяйства. Потом права на проживание в любом городе были предоставлены лицам с учеными степенями, купцам 1-й и 2-й гильдии, ремесленникам, врачам, юристам, выпускникам университетов, лицам «свободных профессий» вместе с их семьями [85].

Менялся и облик всей России. Сословия разрушались, перемешивались. Дворянство, не так давно составлявшее костяк администрации и армии, с отменой крепостного права утратило прежнее положение. Помещики транжирили полученные выкупные деньги за границей, в «веселой» Франции, в игорных домах Монте-Карло. Или находили призвание в земских говорильнях. А те из крестьян, кто сумел разбогатеть еще при барах, становились купцами. Новые и старые купцы тоже утверждались в земствах, скупали у разорившихся дворян поместья с «вишневыми садами». А детей хотели вывести «в люди», устраивали в университеты.

На первый план стали выходить те, кто оторвался от своих сословий. Дети священников, купцов, крестьян, дворян, но уже не священники, не купцы, не крестьяне и не дворяне – их называли «разночинцы». Они вытесняли дворян с чиновничьих должностей, из культурной сферы, формируя интеллигенцию. А настрой диктовали либералы, подменившие прежнюю формулу государственных устоев «Православие – Самодержавие – народность» иными ценностями «гласность – устность – гражданственность».

Глава 20. Париж, Германия и Черное море

Александр II в своем кабинете в Зимнем дворце

Наполеон III, не получив от Бисмарка никаких обещанных «компенсаций», взбесился, чувствовал себя обманутым. Но возмущалась и вся Франция: второсортная Пруссия забирает себе Германию, а мы что же, самая могущественная держава? Проучить наглецов! Французов баламутили и собственные демократы с революционерами, однако воинственный пыл перекрыл любые недовольства и претензии к власти. Стоило Наполеону начать бряцать оружием и задирать Пруссию, как его зашатавшийся авторитет круто подскочил. На референдуме, быть ли империи в прежнем виде, он получил 7,5 млн голосов против 1,6 млн. Войну задержало только то, что армию спешно перевооружали новыми винтовками Шасспо – они били дальше прусских винтовок Дрейзе. У французов появились и митральезы – многоствольные картечницы, прообраз пулеметов.

Пруссия тоже желала войны, готовилась, но без французской шумихи. На области, вошедшие в Северогерманский союз, распространили всеобщую воинскую обязанность, вливали в армию их контингенты, обучая по прусским методикам. Бисмарк

укреплял дружбу с Россией. Итальянцам, обиженным на Наполеона за Папское государство, подсказывал, что и эту проблему можно решить. Ну а Англия после открытия Суэцкого канала только и высматривала, как бы подставить Францию. Наполеон и его правительство в ослеплении «наполеоновских планов» прозевали, что очутились в изоляции.

А в Испании случилась революция. Королева Изабелла сбежала во Францию, отреклась от престола в пользу 13-летнего сына Альфонсо. Но испанцы ее не любили, предложили корону князю Леопольду Гогенцоллерну, родственнику прусского короля. У того не было никакого желания принимать шаткий трон в Мадриде, и тут-то сыграл Бисмарк. Уговорил ради блага Германии, 2 июля 1870 г. князь дал согласие [86]. Прусский канцлер знал, что делал. Возрадовались французы – они получили повод к войне. Испанию они числили своей сферой влияния, их ставленником был сидевший в Париже Альфонсо. В печати подняли бурю, что пруссаки «окружают» Францию, она окажется «меж двух огней».

8 июля французский посол Бенедетти прикатил к прусскому Вильгельму, лечившемуся на водах в Эмсе, вручил ноту о недовольстве Наполеона. К королю обратился и Александр II. Советовал замять конфликт, пусть Леопольд откажется от испанского престола. Вильгельм так и поступил – связался с князем, и тот 12 июля охотно снял свою кандидатуру. Но в тот же день Наполеон III созвал совещание. Его приближенные горячились, что такой повод к войне упускать нельзя, военный министр Лебеф доказывал: «Мы совершенно готовы, у нас в армии всё в порядке, вплоть до последней пуговицы на гетрах у последнего солдата».

13 июля на Вильгельма посыпались новые требования: извиниться и заверить, что подобного не повторится в будущем. Это уже лезло за рамки дипломатического этикета. Сперва король вежливо отказал, а когда посол сунулся к нему во второй раз с очередной нотой о «письменном обязательстве», Вильгельм его не принял – он уезжал из Эмса в Берлин. А Бисмарк не преминул опубликовать в газетах, что «Вильгельм I отказался принять французского посла» и «велел передать, что более не имеет ничего сообщить ему».

За это и ухватилось окружение Наполеона. Возбудило народ – как посмели так обращаться с нашим послом! Задета честь Франции! Париж забушевал. Депутатам парламента, настроенным более миролюбиво, толпа била стекла. Их клеймили «изменниками», «пруссаками». Англия и Россия предлагали созвать конференцию по урегулированию. Куда там! 19 июля

Франция объявила войну. Наполеон и его военные спешили. Они-то «готовы» – вот и застать немцев врасплох! Сразу же вторгнуться в Германию, и Северогерманский союз развалится. А Бавария и другие южные немецкие государства издавна были союзниками французов, присоединятся к ним. Главное командование принял сам Наполеон с начальником штаба Лебефом.

Александр II объявил: Россия остается нейтральной, пока не будут затронуты ее интересы. Она будет содействовать любым усилиям по сокращению масштабов войны и скорейшему ее окончанию. Вильгельм и Бисмарк запросили, какую позицию займет наша страна в случае успехов Франции. Царь твердо ответил не только о дипломатической, но и о «материальной поддержке Пруссии», если на стороне Франции выступит Австрия. С этим ответом германские дипломаты не преминули ознакомить Вену. Там тоже взыграли было воинственные настроения – в союзе с французами взять реванш за прошлый разгром. Но заявление Александра II остудило горячие головы. Получить удар от русских никому не захотелось.

Хотя и Россия не забыла уточнить у Пруссии, что она получит за свою позицию – указав на отмену ограничений по Черному морю. Бисмарк подтвердил: «Мы охотно сделаем для нее все возможное». А между Англией и Францией он вбил дополнительный клин. Опубликовал в «Таймс» неосторожно врученные ему в свое время проекты Наполеона о присоединении Бельгии. Для британцев это была прямая угроза их побережью, и Англия была гарантом независимости Бельгии! А нейтралитет Италии Наполеону пришлось покупать. Он согласился на избрание королем Испании итальянского принца и приказал вывести французский корпус из Папской области.

Впрочем, корпус ему понадобился и по другой причине. С войсками у него оказалось совсем не гладко. Французы бахвалились силой, подняли 400 тыс. солдат, из них в первом эшелоне 250 тыс. с 750 орудиями. А немцы по мобилизации поставили в строй больше миллиона – и южногерманские государства Бавария, Вюртемберг, Баден тоже примкнули к Северогерманскому союзу. Переброски войск по железным дорогам были четко отработаны, и в первом эшелоне быстро развернулись 450 тыс. штыков и сабель с 1584 пушками. 2 августа лишь один французский корпус начал было наступать, его сразу остановили. А 4 августа перешла в наступление вся германская армия, сминая противника.

Правда, немцы по старинке атаковали плотным строем, несли большие потери от митральез и винтовок Шасспо. Но и французы

сражались плотным строем. Их бронзовые пушки еще заряжались с дула, били на 2,5 км. А стальные крупповские орудия – на 3,5 км, заряжались с казенной части и расстреливали неприятеля. Сказывалось и четкое прусское планирование, управление войсками. Бестолково разбросанные французские корпуса и дивизии разносили по одиночке. Наполеон быстренько сложил с себя командование, а к 15 августа весь его первый эшелон перемесили. Французы в страшном беспорядке покатились назад, на соединение с выдвигаемыми резервами.

По всей Европе это вызвало шок. Такого никто не ожидал. Австрия не придумала ничего лучшего, как воззвать к России, чтобы остановила Пруссию. Конечно, Александр II не стал делать подобной глупости. Вену и посла Наполеона III известили, что Франция – «ответственная за события». Разве не сама она развязала войну? Но в нашей стране произошло парадоксальное расслоение. Симпатии царя и его приближенных были на стороне Пруссии – ее победы должны были способствовать выгодам России. А «общественность» вовсю сочувствовала Франции, известия о ее поражениях вызывали, по словам Милютина, «разочарование и прискорбие»! Хотя Франция-то выступала давним и упорным врагом России! Вот так сказывались паломничество в Париж дворянства и интеллигенции, экспансия больной французской культуры и нравов.

Но французские «свободы» вольнодумства и разврата в первую очередь разболтали саму Францию. Ее разъедали коррупция, хищничество, разгильдяйство. Только теперь выяснилось, что резервы существуют лишь на бумаге. Их спешно формировали, вооружали чем попало – винтовок Шасспо хватило лишь на 20–30 % солдат. Полный хаос царил и со снабжением, на транспорте. Рейнскую армию (170 тыс.) возглавил бездарный маршал Базен. Отступая из Меца, повел ее по единственной дороге – хотя дорог было пять. По ним обогнали немцы. Базен наткнулся на довольно небольшие силы. Счел, что пути ему отрезаны, вернулся и засел в крепости Мец. Немцы не стали ее осаждать, штурмовать. Просто блокировали двумя корпусами – прорваться Базен даже не пытался.

А французы из отступивших и резервных соединений собрали у Шалона вторую армию Мак-Магона (140 тыс.), с ней находился и император. Она выступила выручать Базена. Но немцы это обнаружили и повернули наперерез две свои армии. 1 сентября навалились с нескольких сторон. Мак-Магон был ранен, руководство запуталось. Отступление к крепости Седан переросло в паническое бегство. У ворот на подвесном мосту давили друг друга. А крепость была слабенькой. Ее окружали господствующие

высоты. Немцы быстро расставили на них 500 орудий, стали поливать снарядами. Набившиеся в Седан толпы солдат вообще обезумели. После нескольких часов одностороннего расстрела армия капитулировала. Победителям досталось 558 орудий, 86 тыс. пленных (3 тыс. французов погибло, 14 тыс. было ранено). Попал в плен и Наполеон III.

Об этом узнали в Париже, и 4 сентября город взорвался общим возмущением. Императрица и окружение Наполеона сбежали в Англию. А императора объявили низложенным, провозгласили республику. К власти дорвались либералы и демократы, создали Правительство национальной обороны во главе с генералом Трюшо. Но вское возле французской столицы показались и германские части. Там находился лишь один корпус, вовремя отступивший. Призвали добровольцев, формировали национальную гвардию. Хотя штурм Парижа Бисмарк и прусские военачальники не предусматривали. Город окружили, чтобы торговаться о мире.

Новое правительство искало спасения где угодно. Направило по Европе своего уполномоченного Тьера. Он безуспешно побывал в Англии, Австрии, Италии, 15 сентября прикатил в Петербург. Молил о помощи, обещая за это больше никогда не вмешиваться в польские дела. Встретили Тьера хорошо, его принял царь. Сказал, что в войну не вступит, но сделает все от него зависящее, чтобы смягчить условия для Франции. Советовал скорее просить мира у победителя, выхлопотал для него пропуск к Вильгельму.

Но французское правительство и само уже закидывало удочки о мире. Бисмарк потребовал отдать Эльзас и часть Лотарингии, где население было смешанным, немцы с французами. Плюс выплатить астрономическую контрибуцию 5 млрд франков. Александр II слово сдержал. Склонял Вильгельма умерить запросы. Объяснял, что требование Эльзаса с Лотарингией затруднит примирение и на будущее посеет вражду между державами. Однако Бисмарк не уступил. Царю он перечислил, что Франция – «вулкан революционной опасности», на протяжении веков ведет себя агрессивно, многократно вторгалась на германские земли, что собиралась сделать и теперь, а плацдармом для нападений были как раз Эльзас с Лотарингией.

Бисмарк завел торг с разными группировками во Франции. Наполеону III предлагал за принятие прусских условий восстановить его на престоле. А республиканскому правительству угрожал: если будет упрямиться, он договорится с монархистами. Выпустит армию Базена, осажденную в Меце, откроет ей дорогу на Париж. Александр II, узнав об этом, выразил серьезное

недовольство. Наполеон уже показал себя врагом России, и царь предупредил Вильгельма с Бисмарком, что «не имеет никаких мотивов желать восстановления режима, который он никак не мог похвалить». Хотя и Наполеон понимал: если он сдаст Эльзас с Лотарингей, на троне ему все равно не усидеть. Благоразумно отказался. А демократы боялись, что новое восстание сметет их, тоже не соглашались. Поэтому война продолжилась.

Разгром Наполеона III отозвался в Италии. Даже после вывода французских войск из Папского государства король Виктор Эммануил опасался его трогать. Ведь официально Рим оставался под защитой Франции. Зато после Седана, пленения целой армии вместе с императором стало ясно – теперь французам совсем не до Италии. Виктор Эммануил хотел договориться по-хорошему. Предложил папе Пию IX: итальянские войска вступят в Рим как бы для защиты самого папы. Но Пия занесло – то ли от высокомерия, то ли во гневе. 10 сентября он ответил: «Я не пророк и не сын пророка, однако утверждаю, что вы никогда не войдете в Рим!»

Да, пророком он не был. На следующий день в его владения двинулась 50-тысячная армия. У Пия оставались лишь швейцарская гвардия и «папские зуавы» – дивизия из наемников, в общей сложности 13 тыс. человек. Они без боя отошли в Рим, заняв оборону по древней стене Аврелиана. Итальянцы три часа обстреливали город из пушек, нашли в полуразвалившейся стене пролом и 20 сентября влезли в Рим. Папская армия потеряла 19 убитых и 68 раненых, итальянская – 49 убитых и 132 раненых. Последнее отдельное государство в Италии прекратило существование. Пию оставили «суверенную» резиденцию на Ватиканском холме.

Но и Александр II рассудил, что пришла пора решить российские проблемы. Впоследствии Горчаков приписал инициативу и заслугу себе. Это неправда. Восстановление наших прав на Черном море обсуждалось давно, в том числе и с Пруссией. Посол в Константинополе Игнатьев и директор Азиатского департамента МИДа Стремоухов докладывали, что можно смело перечеркнуть не только «демилитаризацию» моря и его берегов, но и целиком Парижский трактат 1856 года, вернуть отнятую у России Южную Бессарабию.

А толчок дал сам государь. 15 октября он созвал Совет министров и указал – пришло время отказаться от условий Парижского договора. Но Горчаков, Милютин, Тимашев и Рейтерн занервничали, призывали к крайней осторожности. Настаивали ограничиться только Черным морем, не трогая Южную Бессарабию, отошедшую к Румынии, – а то как бы не пришлось

воевать. Такое решение и было принято. 19 октября Горчаков разослал европейским правительствам «Циркулярную депешу», что статьи Парижского трактата уже неоднократно нарушались, и Россия больше не может мириться с пунктами, мешающими охране ее владений. Поэтому Александр II объявляет, что не считает себя связанным обязательствами по Черному морю. Восстанавливает свои права во всей полноте и возвращает такие же султану.

Причем подчеркивалось, что Россия не оспаривает Парижский договор в целом, отменяя лишь отдельные статьи. Публикация ноты взбудоражила всю страну. Тютчев писал: «Эта смелая выходка правительства льстит русскому, столь пострадавшему самолюбию». Но всплеснулись и страхи, что вся Европа снова обрушится войной. И в самом деле, вздыбились Англия, Австро-Венгрия. Заявили протесты, признавали такое решение поводом к войне. Царь ответил, что Россия никому не угрожает, она лишь «возвращает права суверенитета, без чего не может существовать ни одно великое государство». А реально-то воевать без Франции ни британцы, ни австрийцы не могли.

Очень недоволен был и Бисмарк. Объявлял действия России совершенно несвоевременными. Нет, вот тут Александр II явно переиграл «железного канцлера». Ждать, пока Пруссия окончательно сломит Францию – значило получить свою долю выигрыша от немцев, быть им обязанными. Сейчас Россия брала этот выигрыш сама. Да и стопроцентно доверять Бисмарку у государя не было никаких оснований. Как он себя поведет, когда поддержка нашей страны ему будет больше не нужна? А пока война не завершилась, Бисмарку пришлось подыгрывать России. По его предложению вопрос был вынесен на конференцию держав, подписавших Парижские трактаты в 1856 г.

У французов тем временем дела обстояли совсем худо. Армия Базена так и просидела в Меце, пока не кончилось продовольствие. 29 октября сдалась. Немцы держали в окружении Париж, зачищали второстепенные крепости на севере страны. Попытки сопротивления подавляли самым суровым образом. Брали в селениях заложников. При каких-то враждебных действиях их расстреливали, как и любых вооруженных не военных. Селения сжигали.

Хотя большая часть Франции оставалась свободной. Филиал правительства обосновался в Туре. Туда из Парижа прилетел на воздушном шаре один из самых энергичных лидеров республиканцев, Гамбетта. Призвал в строй всех мужчин от 20 до 40 лет. Расширялось производство оружия. Его закупали в Англии, Бельгии, США. Формировали новые соединения – 11

корпусов, 238 батарей. Больше, чем было в армии Наполеона III, и оружие было лучше за счет иностранного.

Но эти войска состояли из необученных новобранцев. Для новых батарей не хватало артиллеристов. Не было и толковых командиров. Дважды французы предпринимали наступления, чтобы снять осаду Парижа. И если в начале войны немцы пользовались значительным превосходством, то теперь французские войска превосходили их в три раза! Однако профессиональные германские дивизии легко били и прогоняли сборища наскоро вооруженных крестьян, рабочих, лавочников.

Оккупировать всю Францию для немцев было нереально. Но германские группировки продвигались на юг – подталкивали ее к капитуляции. Заняли Орлеан, Дижон, Руан, еще ряд городов. К Парижу доставили тяжелые осадные орудия, с 27 декабря открыли бомбардировку. Выпускали по 300–400 снарядов в день, усиливая раздрай в городе. Там и запасы продуктов кончались. В январе французы начали третье наступление, деблокировать Париж. Немцы его расколошматили еще круче, чем прошлые. Это стало последней каплей.

Переговоры развернулись одновременно по обе стороны Ла-Манша. 17 января 1871 г. в Лондоне открылась конференция по российскому отказу от нейтрализации Черного моря. А на следующий день в пышных декорациях захваченного Версальского дворца Вильгельм I провозгласил объединение Германии. Она превращалась в империю, и прусский король принимал титул императора. Момент был выбран не случайно. Все германские государства жаждали разделить грандиозный триумф, и Вильгельм с Бисмарком давали возможность каждому немцу быть победителем, на равных. Поэтому Франции предстояло капитулировать не перед Пруссией, а перед всей Германией (но и Германию связывали этим воедино).

Делегаты французского правительства уже обсуждали с Бисмарком условия, и 28 января заключили перемирие на 21 день. Объявили о капитуляции Парижа и сдали немцам часть фортов – в залог, что боевые действия не возобновятся. А перемирие требовалось из-за того, что революционное французское правительство было совершенно нелегитимным (его признали только Испания и США). 8 февраля по всей Франции прошли выборы в Национальное собрание, немцы разрешили провести их и на оккупированной территории. 12 февраля новый парламент собрался в Бордо, и большинство депутатов трезво оценивали, что брыкаться больше не имеет смысла.

Президентом выбрали Тьера – полгода назад как раз его клеймили «предателем» за то, что выступал против войны. 26

февраля он подписал предварительный мирный договор, уступая Эльзас с Лотарингией, соглашаясь на 5 млрд контрибуции – а «в залог», до выплаты, во Франции оставались оккупационные войска, причем за французский счет. Между тем срок перемирия истек, и немцы подтолкнули, 1 марта их войска вошли в Париж – спокойно, без эксцессов. Узнали, что Национальное собрание утвердило договор, и покинули французскую столицу.

Страсти кипели и в Лондоне. Против действий России бурно возражали Англия и особенно Австро-Венгрия – требовала для Турции каких-то иных гарантий безопасности, вообще закрыть для русских Босфор и Дарданеллы. Царский посол Бруннов твердо держался инструкций – что Александр II не испрашивает разрешения отменить ограничения. Он их упразднил в одностороннем порядке. К другим державам обратился лишь для того, чтобы оформить это документально. Россию поддержал посол Бисмарка Бернсторф – а позиция Пруссии в данное время была более чем весомой. На Пруссию оглядывалась и Италия. От австрийских предложений отказалась даже Турция, тут уж Игнатьев поработал, разъяснил султану, что ссориться с русскими не время, Вена турок не защитит. А представитель Франции появился на конференции лишь к концу заседаний, когда сформировалось правительство Тьера. Оно не хотело сердить ни русских, ни Пруссию.

15 марта был подписан договор об отмене «нейтрализации» Черного моря. Хотя англичане с австрийцами все же втиснули в него антироссийскую статью – султану, если он сочтет нужным для безопасности Турции, предоставлялось право даже в мирное время открывать проливы «для военных судов дружественных и союзных держав» [87]. Восстановление наших прав на Черном море вся Россия встретила восторженно. Славили Горчакова, в день ратификации договора, 18 марта, царь пожаловал ему титул светлейшего князя. Впрочем, награда была чисто по должности. На самом-то деле Горчаков до последнего цеплялся за нелепую идею союза с Францией. Альянс с Пруссией и дипломатическая победа были личной заслугой Александра II. Но не мог же он чествовать и награждать сам себя.

А Франции война обошлась в 140 тыс. погибших военных, 300 тыс. мирных жителей (в германской армии 40 тыс.). Но французская трагедия еще не завершилась. Ею воспользовались радикальные революционеры. Самые сильные позиции у них были в Париже: в рабочих предместьях, среди люмпенов, студентов. Для обороны от немцев из того же контингента создавалась национальная гвардия – предприятия остановились, для многих паек и жалованье стали единственным способом прокормиться.

Агитаторы раскрутили негодование позорным миром, требовали не признавать «предательское» правительство. Национальная гвардия разоружаться отказалась. Захватила пушки, брошенные разбежавшимися артиллеристами.

18 марта Тьер послал воинские части отобрать орудия. Сбежалась национальная гвардия, гражданские. Солдаты стали брататься с ними. Генералов Леконта и Тома схватили и расстреляли. Тьер спешно вывел из города оставшиеся верными войска, полицию, чиновников. Столицей правительства стал Версаль. А Париж оказался во власти революционеров, провозгласивших самоуправляемую коммуну. В их руки попали арсеналы, масса ружей, 1600 орудий. Начались стычки. Версальцы расстреляли нескольких пленных. В ответ коммуна постановила брать заложников, за каждого своего казнить троих.

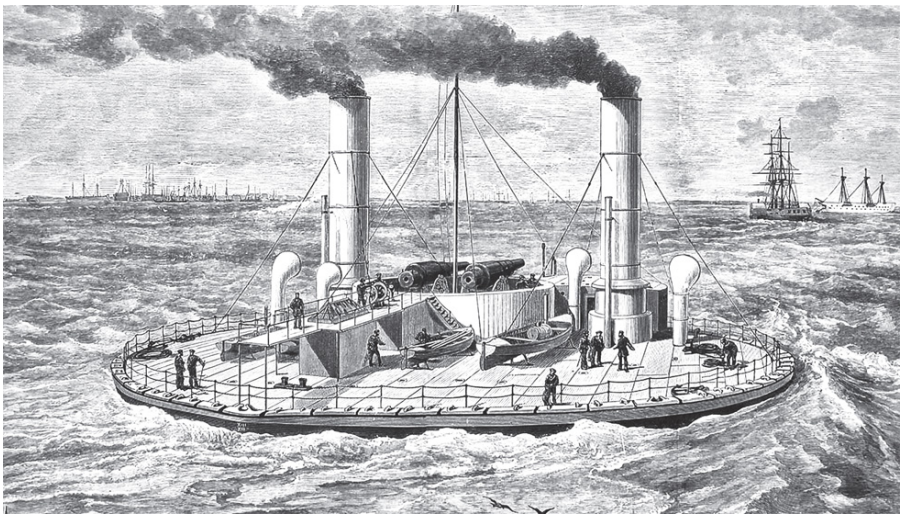
Но в руководстве восстания соединились разные партии – социалисты, анархисты, бланкисты, коммунисты, неоякобинцы. Завязли в спорах о программах, в выработке законов. В военном деле никто не понимал. Главнокомандующий Люллье пил запоем. Сменивший его Клюзерле лавинами издавал приказы, которые никто не выполнял. Комендант Парижа Бержере был из рабочих, забыл занять ключевой форт Мон-Валерьян, и его без боя захватили версальцы. Вместо Бержере поставили бывшего российского офицера и польского революционера Домбровского. Он добился издания декрета о призыве в строй всех мужчин от 17 до 40 лет. Но добровольцы уже служили, а остальные проигнорировали.

22 дня предводители коммуны не могли утрясти свою программу, лишь 19 апреля обнародовали «Декларацию к французскому народу». Под влиянием этих воззваний начались было восстания в Лионе, Сен-Этьене, Марселе, Тулузе, Бордо, Лиможе. Но правительство было уже наготове, быстро подавило их. Правда, у Тьера сил было совсем мало, да и те ненадежные – новобранцы военного времени, такие же, как национальная гвардия. Помогли немцы. Отпустили пленных Седана и Меца, собралась 130-тысячная армия под командованием Мак-Магона. Немцы пропустили ее через расположение своих войск с севера и востока от Парижа.

21 мая через ворота, которые никто не охранял, эта армия ворвалась в город. Хотя все улицы были перегорожены баррикадами, на них расставили пушки. Начался жесточайший штурм. Коммунары расстреляли архиепископа Дюбуа и еще 62 заложника. Приказали защитникам поджигать или взрывать каждый дом, если его приходилось оставить. Заполыхали пожары. Но французские военные проявили себя гораздо лучше, чем в

сражениях с пруссаками. В плену обозлились, а в революционерах видели изменников, ударивших в спину. Баррикады разносили артиллерией. Всех, кто вел себя враждебно, приканчивали на месте. К 28 мая коммуну уничтожили. Заработали военно-полевые суды. Из 10.448 обвиняемых расстреляли 293, остальных растасовали по каторгам и тюрьмам. Но это уже были лишь недобитые остатки. Мак-Магон оценивал, что при подавлении без судов расстреляли 15 тыс., председатель военно-полевого суда Аппер называл 30 тыс. И Франция не ужасалась, не клеймила их «палачами». Наоборот, признавала спасителями государства от полной гибели.

Глава 21. Плоды «прогресса»



Броненосец «поповка»

Казалось бы, освобождение крестьян и либеральные реформы должны были вызвать рывок отечественной экономики – как и преподносилось, Россия будет догонять «передовой» Запад. На деле картина стала обратной. При министре финансов Рейтерне ввозные пошлины снизились к 1868 г. в 10 раз, а по некоторым товарам в 20–40 раз. Импорт вырос в 4 раза, подавляя отечественное производство. Из промышленной революции Николая I страна скатилась в кризис. Переработка хлопка упала в 3,5 раза, выпуск чугуна и стали – на 25 % [88, с. 101, 289]. Потом выработка черной металлургии стала все же расти, но за время царствования Александра II увеличилась лишь на 67 %, а в Германии за тот же срок – на 319 %.

Предпринимательство действительно забурлило, но спекулятивное. Банки, подряды, концессии. Вот здесь-то коррупция развернулась в полную волюшку. В министерстве государственных имуществ Валуева позже вскрылись крупные злоупотребления по продаже «расказаченной» земли на Южном Урале. А самые масштабные махинации развернулись вокруг железнодорожных концессий – условия предоставлялись фантастические, государство гарантировало частным компаниям покрытие их расходов, еще и оговоренную норму прибыли, доплачивая из казны. Они бессовестно завышали свои расходы и занижали доходы, и убытки на такие доплаты превышали 40 млн руб. в год. К столь сытным кормушкам, разумеется, дорывались

те, кто имел связи, делился с кем нужно, и появились «железнодорожные короли» из банкиров: Поляков, Блиох, Кроненберг, Губонин и др. [89, с. 183, 352].

Историки приходят к выводу, что государство в этот период «в сущности, служило орудием для обогащения грюндеров, спекулянтов, вообще – хищнической буржуазии» [90, с. 256]. Бюджет трещал по швам. Чтобы покрыть дефициты, правительство наращивало выпуск бумажных денег, и если при Николае I они твердо обеспечивались золотом, то при Александре II курс кредитного рубля упал до 0,617 к золотому. Для покрытия расходов Россия стала регулярно прибегать к иностранным займам, и брали их на крайне невыгодных условиях, внешний долг достиг 5,9 млрд руб. [89, с. 59–60].

Ну а заявления Шувалова и других консерваторов, что пора прекратить реформы, стали лишь благими пожеланиями. Те преобразования, что уже раскрутились, сами тянули за собой следующие. Так, земское самоуправление внедрили для губерний и уездов. В их ведение попали и города, и сельская местность. Но у городов, особенно крупных, была своя специфика, и еще в 1864 г. выборное самоуправление было учреждено в Москве. Посыпались предложения распространить новшество на всю страну для улучшения городских хозяйств.

Снова создавались комиссии, вырабатывались проекты, обсуждались на местах и в столице, и 16 июня 1870 г. государь утвердил Городовое положение, вводившее органы общественного управления, городские думы и управы. Выбирали их те горожане, кому исполнилось 25 лет и старше, плативших городские налоги и сборы: домовладельцы, купцы, промышленники, состоятельные ремесленники. Женщины и лица до 25 лет, попадающие под эту категорию, тоже имели право голосовать, но не лично, а через доверенных. Не допускались к выборам банкроты, осужденные, лишенные духовного сана, состоящие под следствием, но не допускались и губернские чиновники, полицейские.

Дума из 30–72 гласных принимала решения, для исполнения избирала управу из 2–3 человек, состав ее периодически обновлялся. Избирался и городской голова, председатель как думы, так и управы. В губернских центрах его утверждал министр внутренних дел, в прочих городах – губернатор. В думе могли состоять не христиане, но не более одной трети, а должность городского головы не могли занимать евреи. В ведение органов самоуправления передавались хозяйственные дела, благоустройство, продовольственное обеспечение, противопожарные меры, здравоохранение, народное образование, устройство бирж, кредитных учреждений. По данным вопросам

городская дума могла издавать обязательные для жителей постановления (согласованные с полицией и губернатором). А на расходы она вводила сборы с недвижимости, торгово-промышленных заведений, рынков, скотобоен, могла брать займы.

Городская реформа стала дополнением земской. В компетенции земств теперь стали пониматься в основном сельские районы, а в городах появились свои органы, при этом количество выборных общественных учреждений резко возрасло. Соответственно, в их деятельность вовлекались более широкие слои населения, в этих «школах демократии» обкатывались новые либеральные активисты, мечтали о новых правах, «свободах» (и раздражались контролем со стороны администрации и полиции).

Незавершенной оставалась и реформа образования. Начальные школы отдали земствам и городским самоуправлениям, высшие учебные заведения подгоняли под западные университетские уставы, а было еще среднее звено. Основой его являлись гимназии, учрежденные Александром I в пору собственных либеральных увлечений. Они должны были готовить «просвещенных» дворян, чиновников, кандидатов в европейские университеты, и для них переняли распространенную тогда на Западе масонскую систему «классического» образования. Упор делался на латынь, древнегреческий язык, гимназисты досконально изучали античных классиков, историю Древней Греции и Рима – это считалось признаком «культуры», а латынь – международным научным языком.

Ранее уже отмечалось, что Николай I признал более нужными для страны не знание греческой мифологии и латинских цитат, а подготовку квалифицированных специалистов. Из программы обучения собственных детей зубрежку мертвых языков он вычеркнул, а гимназии стал преобразовывать в «реальные» с углубленным преподаванием технических, естественных, точных наук. С 1864 г. российские гимназии стали всесословными, принимали учеников независимо от происхождения и вероисповедания, если родители или опекуны могли оплачивать учебу.

Но расследование покушения на царя, вскрывшее целый ряд революционных организаций, установило, что разрушительные веяния гуляют главным образом среди учащейся молодежи, даже той, что еще не состояла ни в каких кружках. Председатель следственной комиссии М. Н. Муравьев докладывал, что требуется «очищение» учебных заведений, которые «вместо образования полезных граждан» воспитали «поколение,

зараженное ультрадемократизмом, социализмом, нигилизмом». Его поддержали многие патриоты, о необходимости оздоровления системы образования взывал популярный публицист и издатель Катков.

Согласился и государь, издал рескрипт о радикальном преобразовании школы, чтобы искоренить «пагубные лжеучения», «стремления к умствованию, дерзновенно посягающие на все… искони священное, на религиозные верования, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уважение к установленным властям». Но… Валуев, еще будучи министром внутренних дел, повернул всю критику на реальное образование. Указывал императору, что оно «всегда и везде более способствовало распространению материализма и грубых социалистических теорий, чем классическое».

Причем его доводы подхватили и многие консерваторы – дескать, естественные науки способствуют утверждению материализма, а стало быть, атеизма, ну а следом и революционные учения. Озаботились и наплывом в гимназии детей торговцев, ремесленников, богатых крестьян – а в результате умножалось число разночинцев среди студентов, чиновников (для поступления на государственную службу достаточно было закончить даже не гимназию, а прогимназию). Высокопоставленные деятели вспоминали времена своей молодости, когда гимназии были только классическими, дворянскими – и никаких политических проблем не возникало.

А взялся за реформу столь сомнительный консерватор из «константиновцев», как Толстой. Ставил задачу ограничить доступ в университеты выходцев из низших сословий и выход видел в том же «классическом образовании» – доказывал, что трудный курс «мертвых» языков станет барьером для хуже подготовленных разночинцев. Большинство членов Государственного совета возражали против предложенного проекта. Но Александра II от «классики» избавил отец, он не осознавал в полной мере никчемность этой системы. А Толстого поддержали как либеральные советники, так и консерваторы, убеждая государя, что это возврат к доброй старине от реформаторских перегибов.

30 июля 1871 г. был утвержден новый гимназический устав. Гимназии сохранялись только классические, с 8-летним курсом обучения. Программы были пересмотрены, на латынь и древнегреческий отводился 41 % учебного времени – за счет сокращения русского языка, литературы, отечественной истории, географии. Физика, математика, естествознание занимали лишь 18 % учебных часов. Для воспитательной работы вводились

должности классных наставников и надзирателей. Реальные гимназии упразднялись. Вместо них через год открыли 6-летние реальные училища. Но в университеты принимали только выпускников гимназий!

Последствия стали совсем не радужными. Классические гимназии воспитывали отнюдь не православных монархистов – по сути, они взращивали космополитов. Преподавателей латыни и древнегреческого в России оказалось слишком мало, зазывали иностранных (в основном из Австро-Венгрии). А другие педагоги приходили из университетов, уже зараженные вольнодумством. Расчеты на «барьер» от низших сословий провалились. Дворянство разорялось, мельчало, и его доля среди гимназистов снижалась (с 1863 по 1880 г. – на 21 %). Зато купцов, мещан, предпринимателей ради престижного образования «классические» трудности не смущали – их доля выросла за тот же период на 18 %.

Впрочем, противопоставление простонародья «более надежным» дворянам вообще не имело смысла – в данное время большинство революционеров было из дворян. Но в университеты закрыли дорогу молодым людям, действительно тянувшимся к естественным наукам. Технических вузов, куда они могли поступить после реального училища, было мало. Начал нарастать дефицит инженерных кадров. А студентами университетов становились вчерашние гимназисты, от науки далекие, – и им были куда интереснее революционные кружки.

Такие факторы министры и советники государя почему-то не разглядели. Ему докладывали об успехах реформы. А внимание царя было поглощено совсем другими делами. Разгром Франции вернул России не только права на Черное море, но и роль одного из европейских лидеров. На нее снова оглядывались, старались заручиться ее расположением. Александр II вопреки мнениям Горчакова намеревался углублять плодотворный альянс с Германией. Но и в Берлине оценивали, насколько важна была поддержка России, помогшая удержать от вмешательства в войну Австро-Венгрию.

В 1871 г. последовал обмен дружескими визитами царя в Берлин, прусского принца Фридриха Карла и фельдмаршала Мольтке в Петербург. Александр II полагал, что пора нормализовать отношения и с Веной. Бисмарк это всячески приветствовал. В 1872 г. в Берлине состоялась встреча императоров и министров иностранных дел Германии, России и Австро-Венгрии. Говорили о союзе, однако выявились серьезные противоречия. Утратив положение лидера в Германии и владения в Италии, венские политики для повышения статуса своей

империи определили другое направление – расширять ее влияние на Балканах, где сталкивались с традиционными интересами России.

Тем не менее встречи на высшем уровне продолжались. Весной 1873 г. Петербург посетили Вильгельм I, Бисмарк и Мольтке. Им устроили небывалую по пышности встречу. Россия и Германия заключили военную конвенцию. При нападении на одну из сторон внешнего противника вторая выставляла на помощь союзнице 200-тысячную армию. Через месяц Александр II с Горчаковым отправились в Австро-Венгрию. После переговоров она присоединилась к альянсу России и Германии. Возник «Союз трех императоров».

Хотя он стал еще более номинальным, чем Священный союз Александра I и Николая I. Конвенция с Австро-Венгрией, в отличие от русско-германской, не содержала никаких конкретных обязательств. При нападении на одну из сторон какой-либо третьей державы Петербург и Вена должны были только «сговариваться» о способе действий, чтобы «держаться сообща». Но и в соглашении с Германией царь и Вильгельм с Бисмарком подразумевали разную подоплеку. Для немцев оно требовалось, чтобы подстраховаться от попыток реванша Франции. В Берлине понимали, что она рано или поздно захочет расквитаться. А для России ценность конвенции была – противостоять Англии.

В Петербурге отдавали себе отчет, что изменение статуса Черного моря влекло за собой и серьезные угрозы. Ведь море перестало быть «нейтральным» и для турок. У них имелся военный флот в Средиземном, Эгейском, Мраморном морях, англичане с французами построили для них даже броненосцы. По статье Лондонского договора султан мог открыть проливы «для военных судов дружественных и союзных держав» – и к нашим берегам могли пожаловать турецкая, британская, а то и австрийская эскадры. А берега эти были беззащитными, Черноморского флота не существовало.

Царь с военными и моряками обсуждали, что в первую очередь надо прикрыть самые важные места. Одно определили возле Одессы и Николаева – главные торговые порты, судоверфи. Второе – Керченский пролив, проход в Азовское море. Море в обоих местах очень мелкое. Главный специалист в судостроении вице-адмирал Попов обосновал: чтобы достичь успеха при нападении с моря, неприятель должен будет применить корабли с крупнокалиберными орудиями. Значит, и нам против них нужны корабли с тяжелыми орудиями, мощной броней, но с малой осадкой для мелководья.

Попов неожиданно предложил построить броненосцы

круглые и плоские, как тарелки, – на волнах такая форма будет устойчивой, а высокая скорость для обороны не требуется. Царь идею одобрил. В Николаеве восстановили верфи и срочно заложили два броненосца береговой обороны, «Новгород» и «Киев». Под воду они уходили меньше, чем на 4 м, скорость – 7,5 узлов (14 км/ч). Зато броня толщиной 23 см, в башнях по 2 огромных орудия. У «Новгорода» 11-дюймовых (280 мм), у «Киева» 12-дюймовых (305) мм. И еще по 4 легкие пушки на палубах. В народе круглые суда прозвали «поповками», многие насмехались. Но англичане определили: у них нет кораблей, способных сражаться на мелководье с такими броненосцами.

Вооружения после нескольких европейских войн развивались очень быстро. До сих пор и для выстрелов, и в снарядах использовалось единственное вещество – черный порох. Теперь химики по разным странам вели опыты с нитроглицерином, в Германии изобрели тротил, открыли взрывные свойства пикриновой кислоты. В Швеции Нобель (обучавшийся в России) получил в 1867 г. динамит. А в Петербурге учитель Нобеля полковник Петрушевский в 1868 г. предложил для снарядов свой динамит, испытания в Кронштадте дали хорошие результаты [91]. Немцы в войне с французами уже использовали динамитные патроны для подрыва крепостей, мостов. Их начали внедрять в войсках и Франция, Австрия, Россия (но вместо своих специалистов ведомство Милютина наняло австрийского химика Трауцля).

А царь во время Франко-прусской войны обратил внимание, что система всеобщей воинской обязанности в Германии снова показала себя блестяще. Это помогло преодолеть аргументы консерваторов, и тогда же, в 1870 г., Александр II издал манифест, что Россия будет переходить на аналогичный способ комплектования войск. Развернулась непосредственная подготовка под руководством Милютина – и в военных структурах, и в администрации, и в законодательном обеспечении.

1 января 1874 г. император утвердил Устав о всеобщей воинской повинности. Она распространялась на всех мужчин старше 20 лет независимо от происхождения. Срок службы устанавливался в армии 15 лет (6 лет в строю и 9 в запасе), на флоте 10 лет (7 в строю, 3 в запасе). Количество новобранцев определяло военное министерство, и среди лиц, достигших нужного возраста, проводилась жеребьевка. Не попавшие на действительную службу зачислялись в ополчение. Армия превращалась во всенародную, отвечающую передовым требованиям своего времени.

Но реформа в исполнении Милютина имела и серьезнейшие слабые стороны. Она не предусматривала предварительной работы по учету призывников, а слепая жеребьевка игнорировала их физические и моральные качества. Лучшие могли остаться «за бортом», худшие – очутиться в строю. Однако и на военное обучение ополченцев, в отличие от Пруссии, не обращалось никакого внимания. Оно вообще не было налажено, никто за него не отвечал, и попавшие в ополчение оставались сугубо гражданскими людьми, не имевшими никаких навыков.

Даже сам термин «повинность» был крайне неудачным – подразумевая подневольное занятие, нужду и тем самым принижая престиж военной службы. У казаков данный термин вызвал бурные протесты, когда в 1875 г. устав распространили на них. Они-то традиционно понимали службу как свое главное жизненное предназначение, высший долг. А вот образованные слои населения, опять же, в отличие от Пруссии, получили широчайшие льготы.

От службы освобождались учителя, преподаватели, священники всех христианских конфессий, врачи, ветеринары, фармацевты, выпускники Академии художеств. Учащимся давали отсрочки (и они становились где-нибудь преподавателями, получая освобождение). Если же не получили, то выпускникам высших учебных заведений (на которых вообще выпал жребий) срок действительной службы сокращался до 6 месяцев, выпускникам гимназий и реальных училищ – до 1,5 лет, уездных училищ – до 3 лет, народных училищ – до 4 лет. Такие послабления совсем не способствовали выработке патриотического мировоззрения интеллигенции – армия оставалась для нее чем-то чужим и враждебным, и она скатывалась в либеральный пацифизм, оппозицию «военщине».

А между тем, кроме внешних угроз, для России вызревали и внутренние. Впрочем, и они имели внешние корни. Это видно хотя бы по составу. Опору французских или итальянских революционеров составляли рабочие, чернь, люмпены, а в нашей стране смутьянами становились студенты. Потому что либеральные профессора сеяли среди них импортное вольнодумство. А в Англии и Швейцарии уже действовали русские эмигрантские центры, связанные с I Интернационалом, международным социалистическим движением. Они имели некие источники финансирования, «бахметьевский фонд», замаскированный под пожертвования помещика Бахметьева. Но эти «пожертвования» получались неиссякаемыми, а распоряжался деньгами Герцен – связанный с британскими Ротшильдами.

В 1868 г. «вождем» революции решил выдвинуться

вольнослушатель Петербургского университета Сергей Нечаев. После студенческих волнений он уехал в Европу. Придумал легенду, будто был арестован и бежал из Петропавловки. Называл себя руководителем «Русского революционного комитета». В Швейцарии сошелся с видным анархистом Бакуниным, соратником Герцена Огаревым. Получил от Герцена 10 тыс. франков. Вместе с ними издал ряд прокламаций и собственный «Катехизис революционера» – требовал ради революции подавлять в себе все человеческие чувства, рвать с законами нравственности, безоговорочно повиноваться руководителям, а к «высшим категориям» общества применять любые средства: убийства, шантаж, провокации.

Приехав в 1869 г. в Москву, Нечаев создал организацию «Народная расправа», в основном из студентов. Но его диктатура, постоянная ложь возмутили 23-летнего Ивана Иванова, он взбунтовался. Предводитель обвинил его в предательстве, с четырьмя членами своей организации заманил в парк сельскохозяйственной академии и убил. Нечаев снова удрал за границу, а «Народная расправа» была уже «под колпаком» у III Отделения, Иванов состоял на учете революционером. Всю организацию взяли, 87 человек.

В 1871 г. четверых соучастников убийства приговорили к каторге, двоих к ссылке, 27 – к тюремному заключению, остальных оправдали. Материалы процесса широко публиковались, в том числе и «Катехизис революционера» – перед российским обществом воочию вскрылось, что это вовсе не детские игры, а реальная и смертельная война на разрушение страны, всего святого, самого миропорядка. Как раз по материалам суда над «нечаевцами» и по расспросам общих знакомых Ф. М. Достоевский создал свой знаменитый роман «Бесы».

Ну а Нечаев опять тусовался с вождями эмиграции. Герцен содеянное не одобрил, но деньги согласился дать. А в январе 1870 г. он умер, и Нечаев с Огаревым и Бакуниным возобновили выпуск «Колокола». Предводитель «Народной расправы» рвался жениться на дочери Герцена – стать «наследником». Но из России посыпались публикации с процесса, подробности убийства, и мэтры революции отвернулись от Нечаева, от него открестился и I Интернационал. Он вынырнул в Париже в дни коммуны, при подавлении скрылся в Швейцарии, и все же сотрудники III Отделения его выследили, Россия потребовала его выдачи как уголовного преступника. Швейцарские власти согласились, и его приговорили к каторге на 20 лет – остаток жизни провел в Петропавловке.

Однако в то самое время, когда вся Россия ужасалась открывшимся тайнам «нечаевцев», радикальную молодежь это от разрушительных замыслов отнюдь не отвратило! В 1871 г. в Петербурге слились существовавшие уже два года революционные кружки Натансона и Перовской, взялись объединять кружки в других городах – «на федеративных началах», не требуя подчинения. Организацию называли «народники», или «чайковцы» (хотя Николай Чайковский не был руководителем, он лишь выступал представителем «народников» на переговорах с родственными структурами).

В этой организации, в отличие от Нечаева, была полная демократия, поэтому к ней присоединялись охотно. Среди народников оказалось много будущих видных революционеров – Чайковский, Перовская, Натансон, Кропоткин, Плеханов, Аксельрод, Степняк-Кравчинский, Волховский, Желябов и др. Программу написал Кропоткин. Целью ставилась народная революция, а готовить ее намечалось пропагандой, агитацией и организацией. Народники установили связи с заграничными центрами, с I Интернационалом, и для них тоже нашлись крупные суммы из неведомых источников. В Швейцарии они смогли создать собственную типографию. Издавали там большими тиражами и нелегально переправляли в Россию сочинения Маркса, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и прочую революционную литературу.

Первым этапом стало «книжное дело» – эту литературу распространяли среди интеллигенции в 37 губерниях, выявляя и привлекая сторонников, им предназначалась роль «руководителей масс». Вторым этапом началась агитация среди рабочих. Для этого народники устраивались учителями в школы для взрослых, их организовывали на предприятиях многие хозяева. Создавались и нелегальные рабочие кружки. А с осени 1873 г. развернулась подготовка к «хождению в народ» – поднимать на революцию крестьянство. Народники запасались поддельными документами, напечатали огромное количество коротких подрывных брошюр.

Весной 1874 г. тысячи молодых людей хлынули по деревням. Одни выступали под видом офеней, коробейников – бродячих торговцев книгами и всякой мелочевкой. Другие нанимались работниками в больших хозяйствах. Третьи создавали по селам мастерские – столярные, слесарные, обувные (как видим, снова деньги требовались немалые). Распространяли свои брошюры, призывали к борьбе – не платить налоги, не повиноваться властям, переделить землю. Однако для народа агитаторы оказались совершенно чужими. Они не знали крестьян,

оказывались среди них «белыми воронами». В лучшем случае их гнали прочь, а то и вязали, сдавали полиции. Уже в мае 1874 г. жандармерия определила, что акция ведется организованно, накрыла один из центров в Саратове. От него пошла зачистка по всей стране.

Но на внутреннюю политику России накладывалась и борьба группировок в правительстве, придворные интриги. Против соперника Шувалова либеральное крыло Милютина догадалось использовать даже личную жизнь государя, его роман с Екатериной Долгоруковой. Они больше не скрывались, Александр Николаевич сам рассказал обо всем супруге, в 1870 г. настоял зачислить Екатерину фрейлиной императрицы, причем никаких придворных обязанностей на нее не возложили, но она получила возможность свободно приходить во дворец.

Конечно же, Мария Александровна была не в восторге и их дети тоже. Но государыня теперь постоянно болела. А наличие фавориток у коронованных особ в то время считалось обычным и нормальным. Александр Николаевич и его жена помнили и отца, Николая I. Тогда у императрицы со здоровьем тоже было худо, и супружескую близость запретили врачи. У императора появилась возлюбленная, Варвара Нелидова – жена сама «санкционировала» эту связь. Нелидова, тоже фрейлина государыни, всегда держалась незаметно, в тени [92]. Даже после смерти Николая Павловича вдовствующая императрица оставила ее при себе – их объединила любовь к покойному государю.

Мария Александровна так не умела. Но разговоры в семье и среди приближенных об увлечении мужа пресекала, считала их недостойными. Хотя и Долгорукова, в отличие от Нелидовой, не умела быть незаметной и абсолютно бескорыстной. Она всегда была на виду, притягивая внимание, на балах царь танцевал только с ней. С годами чувство Александра Николаевича ничуть не слабело. Екатерина родила нескольких детей. Третьи роды начались внезапно, никого рядом не оказалось, и царю пришлось самому принимать их, исполнять роль повитухи. Дети еще больше привязали его к Долгоруковой, государь любил их. Он хотел, чтобы Катя всегда была рядом. Поселил ее в Зимнем дворце, купил ей два дома в Крыму на периоды своего отдыха в Ливадии.

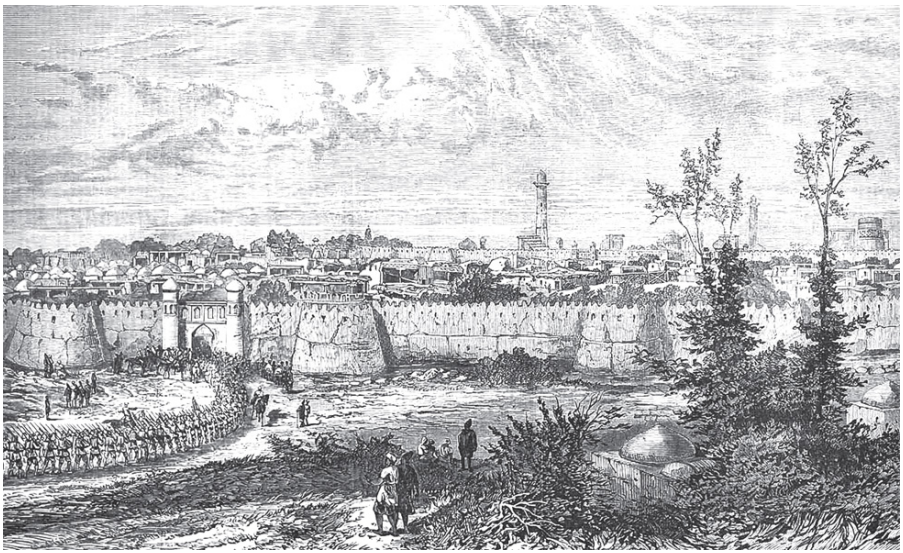
Но путешествовать по стране или за границу, когда Александр Николаевич отправлялся туда, для одинокой незамужней женщины было не принято, и в 1870 г. Долгорукова нашла себе компаньонку, Варвару Шебеко. Она приходилась Кате родственницей – сестра жены ее брата Михаила. Женщина веселая, жизнерадостная, она стала поверенной сердечных тайн

государя и Долгоруковой: они в своей переписке называли Варвару «Вава». Но Шебеко была и дамой деловой, пронырливой. Смекнула, какую выгоду можно извлечь, научила этому Екатерину, которая простодушно довольствовалась любовью монарха и его подарками.

Вава активно наводила «полезные» связи. Через нее к фаворитке открылась дорога для искателей железнодорожных концессий, подрядов – им помогали за соответствующее вознаграждение. Возможности Вавы с Екатериной оценил и Милютин. При их участии летом 1874 г. удалось подвести мину под Шувалова. Подробности интриги остались скрытыми, но «всесильный» начальник III Отделения и шеф жандармов был вдруг снят со своих постов, отправлен послом в Лондон. А на его место был назначен генерал-адъютант Потапов, ярый либерал – перед этим он занимал должность генерал-губернатора в Вильно, и первое, что он там сделал, – разогнал команду сотрудников, собранных Муравьевым.

Что ж, жандармерия и полиция свое дело знали. Продолжали вылавливать народников, арестовали более 4 тысяч! Но начальство у них переменилось. Вместо новых масштабных процессов, которые показали бы всю степень опасности для России, требовало умеренности, профилактических мер. Из 4 с лишним тысяч революционеров к дознанию было привлечено лишь 770, из них под стражей оставлено 265. А после судебных реформ и дознание стало лишь предварительным. Дела передали судебным следователям – настроенным вполне либерально. В результате следствие тормозилось и затянулось аж на три года…

Глава 22. Схватка за Среднюю Азию



Русские войска вступают в Хиву

В 1869 г. британский министр иностранных дел Кларедон предложил России разграничить зоны влияния в Средней Азии, сохранить между ними «пояс, который бы предохранял их от всякого соприкосновения». В Лондоне опасались, что в случае «соприкосновения» восстанут в надежде на русских народы Индии. Отсюда еще раз видно, насколько владычество нашей страны отличалось в лучшую сторону от Англии. Александр II и его дипломаты на разграничение согласились, а в качестве нейтрального «пояса» назвали Афганистан. Нет, Кларедон закрутился, что понятие и границы Афганистана неопределенные. Настаивал провести границу по реке Амударье.

Стало ясно, что англичан заботит не только предохранить Индию, но и подмять изрядную часть Средней Азии – за Амударьей оставались Хивинское ханство, часть территорий Бухары, туркменские земли. А в «нейтралитет» предложенного пояса никак не верилось. В Афганистане британцы уже влезли в междоусобицы, дали артиллерию свергнутому эмиру Шир-Али и помогли вернуть престол. А он по советам английских «друзей» предложил соседям создать сильный союз, и откликнулся хан Хивы Мухаммед Рахим. Ему британцы тоже подарили несколько пушек.

Но Хива и без того оставалась гнездом разбойников. Допекала русские владения набегами. Хивинцы требовали дань с

царских подданных казахов, подстрекали переходить к себе и присоединяться к грабежам. Похищали людей в рабство, громили купеческие караваны. Александр II проанализировал проекты «буферного пояса» и пришел к выводу: то, что не утвердим за собой мы, попадет под контроль англичан. Войска Кавказского округа уже несколько лет как высвободились от боевых действий, и 22 августа 1869 г. император повелел им немедленно занять восточный берег Каспийского моря. Тысяча солдат и казаков полковника Столетова высадились в Красноводском заливе, построили крепость Красноводск. С ней установили пароходное сообщение из Баку.

Правда, вдруг подал голос Иран. Восточный берег Каспия ему никогда не принадлежал, но шах решил тоже предъявить претензии. С ним уладили быстро, договорились о границе по реке Атрек. А Красноводск стал расти, уже весной 1870 г. возле гавани поселились 2,5 тыс. туркмен и персов. Заинтересовались купцы и промышленники. Первый Всероссийский съезд фабрикантов и заводчиков в 1870 г. особо обратил внимание, что прокладка пути из Красноводска в Туркестан очень удешевила бы среднеазиатский хлопок. Царь учредил новый Закаспийский округ – он поддерживал связи с Россией через море и был подчинен Кавказскому генерал-губернаторству.

В соседнем, Туркестанском генерал-губернаторстве жизнь шла своим чередом. В восточных провинциях Китая восстали дунгане, уйгуры. Возникло несколько самозваных государств. Одно из них, Илийский султанат, ополчилось нападать и на русских. На него в 1871 г. выступил генерал Колпаковский с семиреченскими казаками и солдатами. Разгромил султанат и взял Илийский край под российскую власть. А к хивинскому хану генерал-губернатор Кауфман неоднократно засылал предложения нормализовать отношения, наладить торговлю. Но Мухаммед Рахим под защитой безводных пустынь чувствовал себя в полной безопасности. Отвечал горделивыми отказами и не прекращал безобразничать. Даже английский посол в Петербурге Уэлсли, продолжая переговоры о «буферном поясе», докладывал в Лондон – хан будто умышленно вызывает Россию на ссору.

Наконец, 3 декабря 1872 г. Особое совещание под личным председательством царя утвердило поход на Хиву. К этому времени и Горчаков сумел подписать соглашение с англичанами. «Нейтральным» поясом признавался все-таки Афганистан, но российский канцлер пошел на серьезные уступки – согласился, что к Афганистану относятся области Бадахшан и Вахан на Памире, хотя они были независимым ханством. Он постарался успокоить британцев и заявлениями, что Россия вынуждена

наказать Мухаммеда Рахима, но присоединять Хиву вовсе не собирается.

Ударить на нее наметили с разных сторон. Ранней весной 1873 г. выступили четыре отряда, в каждом от 2 до 5 тыс. штыков и сабель. С востока, из Ташкента – Туркестанский отряд генерала Головачева, с ним находился и Кауфман, осуществлявший общее командование. С севера, с Эмбы, двинулся Оренбургский отряд генерала Веревкина. С запада, с Каспийского побережья – Мангышлакский отряд полковника Ломакина и Красноводский полковника Маркозова. Общие силы составили более 12 тыс. человек, 56 орудий, 4600 лошадей, 20 тыс. верблюдов. В низовья Амударьи направили и 2 парохода Аральской флотилии.

Трудности пришлось преодолеть неимоверные. Оренбургский отряд пробивался через морозы, бураны, снежные заносы в степях. Холода и ветры встретили и Туркестанский отряд. А потом всех ждали зной, палящее солнце в пустынях. Измученные солдаты отставали и падали. Казаки подбирали их, подвозили на крупах коней. Доходило до того, что люди, впав в тупое отчаяние, бросали оружие, скидывали одежду, копали глубокие ямы в раскаленном песке и зарывались в надежде хоть как-то охладиться.

Каждый из отрядов побывал на краю гибели из-за нехватки воды, разыскивали по картам колодцы – некоторые оказывались пустыми, засыпанными. Красноводский отряд, пройдя 400 км и оставшись без воды, потерял большую часть верблюдов и повернул назад. Пароходы не смогли войти в Амударью из-за мелководья. Остальные продвигались к цели, 14 мая Мангышлакский отряд соединился с Оренбургским. Но по мере приближения к Хиве начали нападать шайки конницы, сливались в большие скопища, появилось пешее ополчение.

В этих схватках выделился подполковник Михаил Скобелев. В юности он славился как кутила и повеса, но всегда рвался туда, где горячо. Из элитной лейб-гвардии добровольцем выпросился в Польшу в гусарский полк, гонялся за мятежниками. Далеко не блестяще окончив академию генштаба, постарался попасть в Туркестан. Отличился в пограничных стычках, в разведках. А в походе возглавил авангард Мангышлакского отряда, находил колодцы. С 10 казаками схватился с многочисленным загоном кочевников, в рубке получил семь ран. В другой раз с двумя сотнями казаков прикрывал обозы и разгромил несколько тысяч нападавших.

Объединенным Оренбургскому и Мангышлакскому отрядам Веревкина хивинское войско преградило путь у Ходжейли. Его отбросили, но к нему стекались подкрепления и встретили у

Мангыта. Здесь хивинцев крепко разнесли, положили до 3 тыс. Тем не менее они нахлынули в третий раз, у Кята. Их опять разбили. Подступили к Хиве и 28 мая штурмом взяли передовые позиции перед Шахабадскими воротами с 3 новенькими английскими пушками. Веревкин был ранен, передал командование полковнику Саранчову. Установили орудия, открыли огонь по городу.

Но вечером стало известно, что с юга приближается Туркестанский отряд Кауфмана. А из Хивы явилась делегация для переговоров. Ее препроводили к Кауфману. 29 мая он сообщил, что город согласился на капитуляцию, и Веревкин потребовал от защитников открыть ворота. Однако против него собрались самые воинственные, они отказались. Тогда Шахабадские ворота вышибли прямой наводкой из пушек, Скобелев с двумя ротами пехоты и казаками захватил их и прилегающий участок стены. Отбивал контратаки хивинцев. Бой прекратился по приказу Кауфмана. Ему уже открыли противоположные Хазараспские ворота, и он вступал в город с южной стороны. Хан сбежал к туркменам, за ним подались и непримиримые. 30 мая был день рождения святого Александра Невского – это был и день рождения Петра I, а святой князь был небесным покровителем Александра II. Победный молебен отслужили в их честь.

Мухаммед Рахим узнал, что русские не мстят, не грабят, не жгут город, и через два дня предпочел вернуться. Подполз к Кауфману на животе, умолял на любых условиях вернуть ему владения. В Хиве освободили 10 тыс. невольников из царских подданных – русских и казахов. Многие, похищенные еще детьми, успели состариться в рабстве. Кидались на шею воинам, не верили нежданному избавлению. В плену у хивинцев набралось и 15 тыс. персов. Узнав о возвращении домой, они заливались слезами счастья, падали на колени перед солдатами: «Дозвольте, и мы оближем пыль с ваших божественных сапог».

По мирному договору хан признал себя «покорным слугой императора всероссийского», отказывался от самостоятельной внешней политики, ему запрещались любые военные действия без разрешения русских. Он платил контрибуцию 2,2 млн руб. с рассрочкой на 20 лет. Обязывался «уничтожить на вечные времена рабство и торг людьми». Русские купцы получали право беспошлинной торговли, а часть ханства на правом берегу Амударьи отходила к России [93]. Кауфман основал здесь крепость Петро-Александровск – присматривать за Хивой.

Некоторые племена и сбежавшие из города непримиримые не признали капитуляцию, намеревались воевать. Против них выслали 2 отряда и в июне распотрошили их в сражении у

Кокчука, перебили более 2 тыс. Больше желающих не нашлось. Кауфман решил также проверить, почему Красноводский отряд Маркозова не дошел до Хивы. Вызвался Скобелев, всего с 2 казаками и 3 туркменами преодолел 640 км, выдержал бои с местными племенами и доложил: колодцы пересохли, дойти было невозможно. Это оправдало Маркозова, уже отстраненного от должности, его восстановили на службе.

Царь пожаловал Кауфмана орденом С в. Георгия II степени, наградил и других отличившихся, а для всех участников похода учредил особую медаль. После соглашения с Англией он пытался и дальше нормализовать отношения. В данном направлении старался и Горчаков, удалось договориться о династическом браке. 11 января 1874 г. любимая дочка императора Маша стала супругой герцога Эдинбургского Альфреда. Хотя он был младшим сыном королевы Виктории, а при английских порядках такое родство вообще мало значило.

Но вот союз с Германией стал омрачаться. Французское правительство мобилизовало весь народ поднапрячься. Гигантскую контрибуцию выплатили досрочно, в 1873 г., и Вильгельму пришлось выполнить пункт мирного договора о «залоге», вывести войска из Франции. 5 млрд франков оказались для новорожденной Германской империи очень кстати, обеспечили строительство и модернизацию промышленной базы. Но Бисмарк рассчитывал надолго подорвать силы Франции и встревожился, как быстро она рассчиталась с долгами, восстанавливается после разгрома. Возникла идея добить ее, пока не оправилась, низвести в разряд второсортных государств. Военные обсуждали планы, дипломаты начали придирки. Германская пресса по команде Бисмарка стала взвинчивать антифранцузские настроения.

В феврале 1874 г. Петербург впервые посетил австрийский император Франц Иосиф со своим канцлером Андраши. И в это же время Франция обратилась к Англии, России и Австро-Венгрии, что немцы готовятся воевать, просила защиты. Горчаков давно уже внушал царю, что усилившаяся Германия становится угрозой для нашей страны, и надо поддерживать французов. Государь и сам видел, что Франция, в отличие от прошлой войны, не нарывается, ведет себя миролюбиво. С ними согласились гости, и Горчаков с Андраши предприняли совместную демонстрацию, посетили посла Франции и заверили: их правительства осуждают действия Бисмарка.

Через два месяца состоялся визит Александра II в Лондон – в числе прочих вопросов обсуждали и настрой Германии. Англичане катастрофой Франции воспользовались не менее

плодотворно, чем Россия. Вынудили египетского хедива Исмаила-пашу за долги отдать свой пакет акций Суэцкого канала, 44 %. Из-за французских затруднений Лондон, не вложив ни копейки в строительство, фактически прибрал под себя управление каналом, а попутно и Египет. Но теперь соперницей Англии становилась уже не Франция, а Германия. Дальнейшее ее усиление британцев не устраивало.

По данному вопросу позиции России и Лондона оказались близкими, и на обратном пути царь навестил Вильгельма, побеседовал о нежелательности бряцать оружием. А королева Виктория отправила германскому кайзеру личное письмо, что новая война с его стороны может привести к плачевным последствиям. Но Бисмарк надеялся, что все еще можно изменить. Принялся исподволь перетягивать в союз Австро-Венгрию, а в Россию в начале 1875 г. послал своего личного представителя Радовица. Тот в очень туманных выражениях стал сулить поспособствовать русским в экспансии на Ближний Восток вплоть до приобретения Константинополя. Цену выложил – отказ от поддержки Франции. Царь возразил, что турецкую столицу захватывать не собирается. А Горчаков вообще отказался обсуждать подобную сделку [94, с. 54].

Хотя Бисмарк уже начал задираться. Встревоженная Франция приняла закон об увеличении армии на 144 тыс. Но тут уж в Германии раскипятились, что готовится нападение. Мольтке провозглашал, что война неизбежна и необходимо упредить французов. В кулуарах уже обсуждались будущие требования к ним. Отдать оставшуюся часть Лотарингии с крепостью Бельфор (в 1870–1871 гг. немцы так и не смогли ее взять), добавить контрибуцию в 10 млрд, ограничить численность французской армии.

Но войну предотвратили Англия и Россия. Новый премьер Британии Дизраэли объявил, что «Бисмарк – это поистине новый Бонапарт, он должен быть обуздан» – и так же, как против Наполеона, заговорил даже о союзе с нашей страной. А Александр II и Горчаков в мае прибыли в Берлин. На переговорах царь убедил Вильгельма не нарушать мира, и Бисмарк сдал на тормозах. Развел руками, что и в мыслях не имел нападать на Францию, слухи о военных приготовлениях – это махинации биржевых брокеров, а Мольтке не политик, и его предложения о превентивном ударе не имеют значения. В общем, договорились по-хорошему.

Но Горчаков допустил довольно грубый ляп. Разослал хвастливую телеграмму: «Император покидает Берлин, уверенный в господствующих здесь миролюбивых намерениях. Теперь мир

обеспечен». Ее публиковали газеты, и Бисмарк был в ярости. Обвинил Горчакова, что ему хочется прослыть «спасителем Франции», и его надо показывать в парижском театре в виде ангела-хранителя. Жаловался и царю на «нечестный» поступок Горчакова. Александр II пытался смягчить, что не надо принимать всерьез проявления «старческого тщеславия». Однако Бисмарк затаил обиду – а он был злопамятным.

Что ж, Горчаков и впрямь тяготел к Западу, сопереживал Франции, а заявление Дизраэли о «союзе» вообще воодушевило его. Но вот «патриотизм» русского канцлера, незаслуженно воспетого Тютчевым и Пикулем, был, мягко говоря, своеобразным. И вскоре этому последовало очередное подтверждение. Россия осваивала Сахалин, усилила там гарнизоны, а в качестве рабочей силы на остров перевели каторжные тюрьмы. Но Япония не угомонилась насчет совместного владения. Дважды ее высокопоставленные чиновники приезжали в Россию с требованиями разграничить и отделить для них Южный Сахалин.

В 1875 г. в Петербург прибыл первый постоянный посол Японии Такэаки с теми же запросами. Переговоры с ним возглавил Горчаков и «запросто» все урегулировал. Сахалин переходил в полное владение России, которой и без того принадлежал, а взамен Япония получала все Курильские острова – тоже принадлежавшие России. Все население островов было уже православным, научилось говорить по-русски – а их отдали одним росчерком пера. Потеря Курил сказалась и на статусе Охотского моря. По международным законам оно стало «открытым», туда могли заходить иностранные суда. И на Охотское побережье потянулись американцы, англичане. Промышляли морского зверя, контрабандой скупали драгоценную пушнину. Впоследствии спохватились и о военном значении Курильских островов, да поздно было (исправил столь вопиющий просчет Горчакова только Сталин в 1945 г.).

Ну а «дружба» с Англией оказалась сугубо «одноразовой», ради сдерживания Германии. Тот же Дизраэли, говоривший о союзе, видел в России главную угрозу для интересов Великобритании. Взывал, что она «подобно глетчеру» надвигается на британские сферы влияния в Азии. Хотя Кауфман в Туркестане ни на кого надвигаться не собирался. Он благоустраивал вверенный край, отрыл первую в Средней Азии библиотеку, 60 школ – и в них учились не только русские, но и дети местных жителей. А уж крестьяне и купцы нарадоваться не могли по сравнению с поборами и грабежами прежних властей.

Но недовольство копили местные феодалы, привыкшие к

своему неограниченному произволу, работорговцы и кочевники, лишившиеся хищнического промысла. Бухара после недавних взбучек вела себя благоразумно, оценила выгоды взаимной торговли. Зато Коканд бурлил. Хана Худояра, принесшего присягу царю, знать и религиозные фанатики честили «изменником». И… соглашение с англичанами о разграничении влияния обернулось пустой бумажкой. Тут как тут появились их агенты, разжигая возмущение и обнадеживая поддержкой [95].

А Худояр сам усугублял свое положение. Лишившись части владений и доходов, разорял народ непомерными поборами, насильно сгонял без всякой платы строить себе дома, рыть арыки, прокладывать дороги, строить ханские дома. За ослушание людей жесточайше наказывали. Летом 1875 г. Кауфман отправил в соседние китайские владения посольство дипломата Вейнберга, военную разведку и командование охраной из 22 казаков поручил полковнику Скобелеву. Дорога лежала через Коканд, и послы должны были передать Худояру недовольство России, вразумить, что такое правление обернется бедой. Но опоздали. Когда прибыли в ханство, военачальник Абдурахман-автобачи поднял там восстание. Присоединились сыновья хана Насриддин и Мухаммед-Алим с армией, захватили Коканд.

Худояр укрылся у послов, Скобелеву с Вейнбергом и казаками пришлось охранять его, вывозить на российскую территорию. Ханом провозгласили Насриддина, и кокандские банды нахлынули на русские посты, почтовые станции. На одной из них староста Яковлев отбивался два дня, погиб в рукопашной, когда станцию подожгли. Хотя Насриддин и Абдурахман-автобачи прислали делегацию к Кауфману, официально известили, что на престоле новый хан. Генерал-губернатор передал, что признает Насриддина, если тот подтвердит условия договора 1868 г., возместит убытки России и ее подданным в ходе восстания и назначит пенсию Худояру.

Вместо ответа новый хан и его военачальник призвали возвратить прежние владения ханства, объявили «священную войну». Массы кокандцев вторглись в Туркестанское генерал-губернаторство. Разоряли, убивали, пытались взбунтовать население. Одно из скопищ, 6 тысяч, разгромил генерал Головачев в долине Ангрена. Скобелев с двумя сотнями казаков разгонял банды возле Ташкента. А Абдурахман-автобачи осадил Хождент, где отбивались полтора батальона солдат полковника Савримовича. Продержались два дня, получили подкрепления и контратакой отогнали врагов.

Кауфман понимал: оборона от банд, лезущих со всех сторон, – дело неблагодарное. Надо ударить самим. Собрал, что

смог, привел в Ходжент 4 тыс. солдат и казаков с 20 орудиями. Абдурахман-автобачи стягивал кокандцев у селения Махрам, у него было 50 тыс. и 40 пушек. При приближении русских налетели тучи конницы. Их ошпарили картечью. Пехота развернулась в атаку в лоб, а конницей командовал Скобелев. Ошарашил противника залпом ракетной батареи и опрокинул смешавшиеся толпы противника на фланге. Они побежали. Их преследовали и рубили 10 верст. Больше 2 тыс. перебили, захватили все орудия (у русских было 5 убитых и 8 раненых).

После такого разгрома кокандцы откатывались в панике. 29 августа русские без боя вступили в Коканд, хан Насриддин сдался. Абдурахман отступал. Но и войска Кауфмана не отставали. Город Маргелан обороняться не осмелился, тоже открыл ворота. Для дальнейшей погони за Абдурахманом отправился Скобелев с 6 сотнями казаков и 2 ротами пехоты, посадив ее на арбы. Неприятеля настигли, еще раз проутюжили, сдался город Ош. Только Абдурахман с оставшимися воинами скрылся в горах.

Низлагать Насриддина Кауфман не стал. Но заключил с ним уже новый договор. Хан признавал себя слугой русского царя, терял право самостоятельной внешней политики и военных действий, запрещал в своих владениях рабство и работорговлю, платил России ежегодную дань в 500 тыс. руб. и отдавал часть ханства к северу от реки Нарын. Там был образован новый Наманганский отдел генерал-губернаторства. Его начальником стал Скобелев, пожалованный в генерал-майоры. Причем он подобрал себе персональную форму, белую. И коня всегда брал белого, отчего и получил прозвище «Ак-паша» – «белый генерал».

Но едва русские войска удалились, как с гор спустился Абдурахман, к нему стекались новые сторонники. Восстал Коканд, Насриддина тоже объявили «изменником», и он бежал к русским. Ханом Абдурахман поставил воинственного Пулат-бека, они снова призывали на «священную войну». С теми, кто проявил лояльность к России, расправлялись страшно. По приказам Пулата было казнено 8300 человек, в том числе один из сыновей и 8 внуков Худояра. Возбуждали себя надеждами, что вмешаются и помогут Англия, Турция, Иран, Афганистан [96].

У Скобелева было всего 3 батальона пехоты, 5 сотен казаков, 12 орудий. Когда полезли мятежники, он выступил из Намангана и выкинул врагов. Но у него в тылу восстал Наманган. Оставленный маленький гарнизон укрылся в цитадели, едва сумел отразить штурм. «Белый генерал» рассердился. Возвратился и миндальничать не стал. Подверг город жесточайшей бомбардировке из орудий, часть кварталов сгорела.

Потом без промедлений повернул на Пулата и на Балыкчанских завалах разметал 20 тыс. его воинства.

Кауфман снова видел: – действовать надо решительно и быстро. Добавил Скобелеву войск, и 25 декабря он повел на врагов 2800 солдат и казаков. Кокандцы теперь боялись его. От боя уклонялись, откатывались к Андижану, где Абдурахман собрал 37 тыс. человек. 8 января «белый генерал» начал штурм Андижана. Артиллерия открыла огонь – по массам мятежников, набившихся в город, промахнуться было трудно. А следом и солдаты с казаками пошли на приступ. 10 января Андижан пал, противники разбегались. Абдурахман и Пулат с оставшимися отрядами удирали в разные стороны.

Скобелев кинулся за самым опасным из них, Абдурахманом. Догнал и добил. Сам Абдурахман уцелел, несколько дней прятался по кишлакам, но осознал, что ничего у него не получится. Явился и сдался на милость победителей. В Коканд вернулся хан Насриддин. Но Кауфман и Скобелев уже позаботились обзавестись в ханстве сетью разведчиков – из сочувствующих жителей, из платных агентов. Почти сразу стало известно, что и Насриддин ненадежен. Связался с враждебной России знатью, предводителями воинственных племен, фанатичным духовенством. Снова обсуждаются помощь Англии, Турции, Афганистана.

Кауфман пришел к выводу: если не ликвидировать этот гнойник, покоя не будет. Представил соответствующие предложения царю, а Скобелеву приказал занять Коканд. 7 февраля его войска взяли столицу ханства под контроль. Отобрали 62 орудия, огромные склады боеприпасов (среди вооружения нашли и английское). А Александр II согласился с доводами Кауфмана. 19 февраля 1876 г., в годовщину своего восшествия на престол, издал указ о присоединении Кокандского ханства к России. Оно превращалось в Ферганскую область Туркестанского генерал-губернаторства. Губернатором был назначен 32-летний Скобелев. За подвиги в Средней Азии он удостоился золотой сабли «за храбрость», золотой шпаги с бриллиантами, орденов С в. Владимира III степени, С в. Георгия IV и III степеней.

К противникам, замирившимся добровольно, даже и натворившим немало бед, царь отнесся милостиво, только удалил их из Средней Азии. Худояра и Насриддина поселил в Оренбурге, Абдурахмана – в Екатеринославе. Только Пулат-бек с бандой продолжал резать русских и тех, кого считал изменниками, грабить и жечь замирившиеся селения. Однако его быстро выловили, за все злодеяния по приговору военного суда

повесили. А Скобелев сумел наладить с местным населением нормальные отношения. Земледельцы-сарты (узбеки) вообще хорошо встретили русскую власть, для них она стала сказочным облегчением. Воинственные кипчаки вполне восприняли авторитет «Ак-паши» – покорившись ему, клятву верности не нарушали.

Враждовать пытались лишь горные племена киргизов под началом Абдул-бека. В июле 1876 г. Скобелев совершил трудный поход по хребтам Алая. Разбитый Абдул-бек бежал за рубеж. «Белый генерал» принимал делегации старейшин с изъявлением покорности, привел их племена в подданство царю. Границы России продвинулись до Памира. Скобелев основал и новую столицу области, Фергану. С 1907 по 1924 г. этот город носил его имя – Скобелев.

Глава 23. Раскаленные Балканы

Резня в Болгарии. Художник А. Пиотровский

После Крымской войны по условиям Парижских трактатов турецкий султан признал формальное равноправие мусульман и христиан. Под влиянием англичан и французов начал реформы «танзимата» по европейским образцам, менял систему администрации, внедряя местное самоуправление, судебные органы. Но положение христианских подданных это резко ухудшило. Раньше паша, правивший провинцией, крепко выжимал их, но и защищал – это был его источник доходов. Теперь чиновники и жандармы вовсю обирали их, местные начальники перекладывали на них повинности и подати. А суды не принимали свидетельства христиан против мусульман. Если кого-то ограбили, убили, изнасиловали, управы добиться было невозможно.

Из балканских народов самостоятельность пока получила только Греция. Фактически независимость отвоевала с помощью России и Черногория, но юридического признания государства не имела. От произвола избавились и автономные Сербия, Румыния – хотя числились в подданстве султана, платили ему дань. В остальных христианских областях копилось возмущение. Но… этим пользовались и революционеры. Их организации формировались из молодежи, обучавшейся во Франции, Румынии, России, где они втягивались в студенческие кружки (так, один из

видных борцов за освобождение Болгарии Христо Ботев был близок к Нечаеву). В Бухаресте был создан Болгарский революционный центральный комитет, связанный и с русскими, и с польскими, и с западными радикалами. Он создавал сеть подпольных организаций в Болгарии – целью ставилась не только независимость, но и воплощение собственных революционных программ.

В 1875 г. турки значительно повысили ашар – натуральный продовольственный налог с крестьян, они возмущались. А в июле в одном из округов Герцеговины турецкие сборщики попытались вытрясти поборы во второй раз. Люди взбунтовались. Восстание быстро разлилось по Герцеговине, перекинулось в Боснию. Выдвинулись предводители из крестьян, разбойников-гайдуков, из тех же революционеров. Создавали отряды «четников», громили турецкие учреждения. Войск здесь было немного, они укрылись по крепостям. Султанское правительство начало перебрасывать дополнительные силы. Но и повстанцы связались с князем Черногории Никлой, с князем Сербии Миланом.

Они поддержали, неофициально направили военных под видом добровольцев, оружие, боеприпасы. Границы непризнанной Черногории вообще были не определены, и Никола полагал, что Герцеговину можно будет присоединить. А Сербия рассчитывала забрать Боснию. Хотя ей приходилось осторожничать. Англия, Австро-Венгрия, Италия, Франция и Германия вынесли ей коллективное предупреждение: в случае ее агрессивных действий против Турции она потеряет право на защиту европейских держав от оккупации. Хотя в Австро-Венгрии к восстанию негласно подключились хорватские воеводы, тоже прислали отряды прибрать Боснию. Между сербскими и хорватскими командирами доходило до столкновений.

Но мощная поддержка началась и со стороны революционных кругов. Уже в августе 1875 г. в Париже усилиями Гарибальди, Виктора Гюго и других лидеров был создан Международный комитет помощи повстанцам с филиалами в Риме, Венеции, Лондоне, Вене. Собирались деньги, закупалось оружие, медикаменты. В Боснию и Герцеговину поехали добровольцы, среди них и русские народники Степняк-Кравчинский, Клеменц, Сажин и пр. Болгарский революционный комитет в Румынии постановил, что самое время тоже поднимать восстание. Его наметили на 16 сентября, разослали уполномоченных. Но подпольные центры на местах оказались не готовы. Крупный мятеж вспыхнул только в Старой Загоре. Однако быстро прибыли войска и подавили, 700 человек схватили, 7 из них повесили. Отдельные отряды выступили и в Шумене, Русе, их легко

разогнали.

В России общественность развернула широкую кампанию, что надо помочь братьям славянам. Правительство поначалу заняло осторожную позицию. Посол в Константинополе Игнатьев имел огромное влияние на султана Абдул-Азиза и великого визиря Махмуда Недима. По советам посла они шли на уступки. Предложили мятежникам амнистию, отменили на год налог ашар, а другие подати – на два года. Соглашались даже выделить помощь в ремонте пострадавших домов, обсудить реформы по самоуправлению для христиан. Но те больше не верили обещаниям турок, их было уже слишком много. А Черногория, Сербия, революционеры подпитывали восстание из собственных интересов.

Усмирить его силой тоже не удавалось. В Боснию и Герцеговину ввели 30 тыс. солдат, 5 тыс. башибузуков. Крупных сражений с войсками повстанцы не выдерживали и уклонялись от них. Укрывались в горах, нападали из засад в ущельях, на потерявшие бдительность гарнизоны. Турки занимали города – а их блокировали, перерезая дороги. Видя, что они не могут сладить с Боснией и Герцеговиной, снова взялись готовить восстание болгарские революционеры. Созвали «Великое народное собрание» – представителей 60 селений. Выступление назначили на 1 мая 1876 г. Но сразу пошел разброд, кто-то не успевал, переносил.

А султанская администрация еще с сентябрьского мятежа знала о замыслах революционеров, усилила гарнизоны в Болгарии. И к тому же как раз здесь была расселена большая часть башибузуков (в переводе «сорвиголовы») – иррегулярных войск из эмигрантов с Кавказа. Местные турки донесли, что опять затевается восстание. Покатились аресты. 19 апреля в городок Копривиштица приехали 20 жандармов, начали обыски, взяли двоих активистов. Их товарищи ударили в набат, созывая народ. Один жандарм сбежал, остальных перебили [97]. Разослали призыв в другие селения – выступать немедленно.

Восстание началось неорганизованно, в основном в южной Болгарии, охватило 32 населенных пункта. Старые кремневые ружья имелись лишь у 4–5 тыс. человек, остальные вооружались топорами, пиками, самодельными пушками. А турки уже 22 апреля бросили войска. Единого руководства у мятежников не было. Отдельные отряды отбивались по селениям, монастырям с отчаянием обреченных, кто не погиб, турки казнили на месте. Башибузуки особенно свирепствовали, резали всех подряд, невзирая на пол и возраст. Измывались, распинали, беременным вспарывали животы.

В большом селе Батак чорбаджи (богатые хозяева) потребовали от мятежников уйти. Но башибузуки все равно вырезали село, в том числе чорбаджи. Опустошали и попутные села, вообще не поддержавшие восстание. Из центрального комитета в Румынии только в мае сумели прислать на пароходе руководство во главе с Христо Ботевым и 175 человек под командованием дезертировавшего из русской армии поручика Войновского (поляка или литовца). Высадились на севере Болгарии, но через три дня отряд уничтожили. Восстание утопили в крови. Разорили около 200 селений, полностью сожгли 80, перебили свыше 30 тыс. человек [98].

И в это же время были парализованы возможности русского дипломатического воздействия. Против султана Абдул-Азиза организовали заговор вельможи во главе с Мидхат-пашой, лидером прозападной тайной организации «Новые османы» – она же масонская ложа «Молодая Турция». На престол намеревались возвести племянника султана Мурада, тоже масона, связанного с англичанами [99, 100]. Игнатьев через свою агентуру узнал, предупредил Абдул-Азиза, Мурада арестовали.

Однако заговорщики спровоцировали антихристианские выступления в разных городах. А 10 мая, опираясь на курсантов созданной западными державами военной академии, заблокировали султана во дворце. Заставили его отправить в ссылку великого визиря Махмуда Недима, заменить маршалом Хусейном Авни. После чего и Абдул-Азиза низложили, возвели на престол Мурада. Прежний султан с любимой женой через несколько дней были убиты – народу объявили о самоубийстве. При новом правительстве главным советником оказался уже не Игнатьев, а британский посол Элиотт.

А болгарская резня вызвала по Европе ураганы возмущения. Газеты живописали чудовищные зверства (хотя бесчинствовали те же самые переселенцы с Кавказа, которых Запад героизировал, пока они резали русских). Но после переворота в Константинополе угроза такой же резни нависла и над Боснией, Герцеговиной. Надеяться на мягкое урегулирование больше не приходилось. Вся российская общественность призывала вмешаться, защитить турецких христиан. Причем движение объединило как либералов, так и патриотов. Только задачу они трактовали по-разному. Например, Достоевский фактически обосновывал историческую миссию «Третьего Рима», сплочения всех православных народов под покровительством русского царя. Часть «славянофилов» положила начало мертворожденным теориям «панславизма» о создании некой федерации «свободных» славянских народов. А «западники» видели «освобождение»

в чисто либеральном ключе: Россия, встав на европейский путь, должна и балканским странам нести аналогичные «свободы».

Государственная верхушка разделилась. Войну считали необходимой главнокомандующий гвардии, кавалерии и инженерных частей великий князь Николай Николаевич, наследник престола Александр, его советник Победоносцев. Неожиданно горячо вдруг включилась в политику императрица, отстаивая эту линию, даже присутствовала на совещаниях с военными. Другие настаивали, что надо довольствоваться дипломатическими мерами: канцлер Горчаков, министр финансов Рейтерн, посол в Лондоне Шувалов, министр внутренних дел Тимашев. Царь колебался. Говорил Милютину: «Конечно, если нас заставят воевать, мы будем воевать, но… может выйти то же, что было в Крымскую войну, опять вся Европа опрокинется на нас».

Впрочем, с Крымской войны кое-что изменилось. Франция цеплялась за Россию, чтобы уберегла от немцев. Но в Англии премьер-министр Дизраэли откровенно брал Османскую империю под покровительство. В парламенте и в прессе жонглировал лживыми донесениями посла Элиотта, рисующими нового султана и его правительство благородными реформаторами, поборниками европейского «прогресса». Предложения России созвать по защите турецких христиан конференцию великих держав Англия похоронила. А на балканскую заваруху косилась еще и Австро-Венгрия, и британские дипломаты в Вене проявляли чрезвычайную активность.

Однако по-человечески, по-русски Александр II горячо сочувствовал восставшим. От отца он унаследовал и убеждение, что покровительство страждущим единоверцам – долг русского царя. Избегая войны, он начал помогать исподволь. Разрешил объявить в печати о сборе средств для повстанцев и беженцев, сам первым внес 10 тыс. руб. По разным городам стали создаваться славянские комитеты. На добровольные пожертвования закупали оружие, медикаменты, одежду, продовольствие (всего было собрано около 4 млн руб.).

А Сербия и Черногория уже готовились открыто вступить в войну. Российское правительство предостерегало их, но не категорически. Больше для международной видимости. Сербский князь Милан пригласил главнокомандующим героя Туркестана генерала Черняева, и можно смело утверждать, что царь негласно дал добро. Только изобразили, будто Россия ни при чем. В Петербурге Черняеву отказали в выдаче загранпаспорта, установили за ним надзор. Но он поехал в Москву, и там в канцелярии генерал-губернатора мгновенно получил паспорта со своим другом, фабрикантом Михаилом Хлудовым. А приказ по

телеграфу задержать генерала на границе был отправлен лишь тогда, когда поезд пересек ее.

Известие, что сербскую армию возглавил Черняев, чрезвычайно подняло его популярность. При славянских комитетах вполне легально открылись «вербовочные присутствия», и на Балканы хлынули добровольцы: генерал Новоселов, полковники Дохтуров, Киреев и др.: 460 офицеров, 1806 нижних чинов. Кто-то из отставки, другие легко получали ее из армии. Снаряжали госпитали, туда отправились видные специалисты Склифософский, Боткин с сотнями медиков. Ехали журналисты, писатель Успенский, художники Поленов, Маковский, число волонтеров доходило до 4 тыс.

В июне 1876 г. Сербия и Черногория потребовали от Турции прекратить посылку карательных экспедиций в Боснию и Герцеговину, а при отказе объявили войну. При этом Герцеговина сразу же объявила о воссоединении с Черногорией, а Босния – с Сербией. Конфликт разрастался, и царь приложил все силы, чтобы достичь взаимопонимания с другими державами. 8 июля приехал с Горчаковым в австрийский замок Рейхштадт, встретился с Францем Иосифом и его канцлером Андраши. Договорились в случае победы турок не допускать зверств, потребовать восстановления довоенного положения Сербии, признания независимости Черногории и административных реформ в Боснии и Герцеговине. Но на случай поражения Турции протокольные записи обеих сторон очень отличались.

По российской записи Черногория присоединяла Герцеговину, Сербия – большую часть Боснии. Австро-Венгрии за невмешательство доставались оставшаяся у турок часть Хорватии и приграничные районы Боснии. А Россия получала право вернуть отнятую у нее в 1856 г. Южную Бессарабию и присоединить на Кавказе порт Батум. Предусматривалась также независимость Румынии и Болгарии. Но в записи Андраши Сербии и Черногории доставались лишь пограничные районы Боснии и Герцеговины, а остальное отходило Австро-Венгрии. И для Румынии с Болгарией предполагалась лишь автономия в составе Османской империи. Чем объяснить такую разницу, остается гадать. Горчаков легкомысленно не сверил? Или в Вене подправили соглашение задним числом?

Впрочем, обсуждение гипотетической победы славян оказалось бессмысленным. Сербия по общей мобилизации подняла 124 тыс. воинов, 160 орудий. Черногория выставила 28 тыс. На смотрах эти бойцы произвели на Черняева прекрасное впечатление бравым видом, воодушевлением. Но… постоянная сербская армия составляла всего 4.100 человек, остальные были

необученными ополченцами. Вооружили их кое-как. А турки двинули на них 133 тыс. регулярных солдат и 20 тыс. башибузуков со 192 орудиями, ждали еще 25 тыс. подкреплений. В первых же сражениях сербы потерпели тяжелые поражения.

Россия, Австро-Венгрия и Германия совместно потребовали прекращения боевых действий и переговоров. Турки согласились на месячное перемирие, потому что у них возникли свои проблемы. Султан Мурад был алкоголиком, и у него развилась душевная болезнь. На публичных мероприятиях, в мечети случались приступы. Та же группировка «Новых османов» 31 августа свела его с престола по недееспособности, изолировала в загородном дворце, а на трон возвела его брата Абдул-Хамида. Но на переговорах турки жестко требовали капитуляции Сербии и Черногории, разоружения повстанцев. Россия предлагала международное вмешательство. Для давления на Османскую империю ввести в Эгейское море объединенную эскадру великих держав, и Александр II направил в Италию отряд кораблей контр-адмирала Бутакова. Однако Англия пресекала любые подобные инициативы.

Получилось, что перемирие стороны использовали лишь для перегруппировки. Причем султанские военачальники подтягивали побольше сил, запасов. А Черняев столкнулся с отсутствием дисциплины, многоначалием, полной некомпетентностью военного ведомства. Обнаружил он и то, что князь Милан ничего не решает – рулило либеральное правительство. И ориентировалось оно вовсе не на Россию, одна партия – на Францию, другая – на Австрию. Генерал даже предлагал Милану фактический переворот, провозгласить себя королем и принять всю полноту власти – он и весь народ сочувствуют России, вот и отбросить иные влияния. Нет, к такому князь был не готов.

Когда перемирие истекло, Черняев начал наступление на левом берегу Моравы. Но в сражениях у Кревета и Великого Шильеговца сербская армия была разбита. Черняев пробовал остановить турок, заняв сильную позицию у Джуниса. У него было 28 тыс. бойцов, 120 пушек, а на них навалились 104 тыс. и 250 орудий. Сербские ополченцы переполошились, что их окружат, бросили окопы и побежали к мостам на Мораве. Русские добровольцы прикрывали их до последнего, многие полегли. Черняев отбил телеграмму Александру II: «Все русские погибли, все сербы бежали. 24 часа!» (откуда еще раз видно: генерал действовал по негласному благословению царя).

Милану он доложил, что дальнейшие боевые действия безнадежны. Тот воззвал к Александру II – дорога на Белград

была открыта, и нашествие грозило резней и опустошением всей Сербии. Царь в это время находился в Ливадии. Проводил совещания с министрами, военными. Отдать Сербию на растерзание было невозможно. Это значило не только сдать позиции России на Балканах, но и потерять лицо на международной арене, перед собственным обществом и народом.

А более решительные шаги уже грозили войной. Разработать планы поручили профессору Николаевской академии генштаба Обручеву. Было принято решение начать в России формирование болгарских добровольческих частей, командовать ими был назначен ветеран Крымской, Кавказской, Туркестанской войн генерал-майор Столетов. Но на стороне турок с большой вероятностью могла выступить и Англия. Спохватились, что в этом случае эскадра Бутакова, посланная в Средиземное море, станет легкой добычей британского флота. Морское министерство предложило повторить тот же маневр, что во время польского восстания, – направить эскадру в США. Если англичане вмешаются в схватку, корабли выйдут на океанские коммуникации, нарушая перевозки между Британией и ее колониями. Бутакову в Италию полетел соответствующий приказ. А контр-адмирал Пузино получил предписание собрать все боеспособные корабли в Тихом океане и на Дальнем Востоке, тоже вести их в США [101].

По телеграфу были переданы указания и послу в Константинополе Игнатьеву. 18 (30) октября он вручил султанскому правительству ультиматум – заключить перемирие на 2 месяца, согласиться с созывом для урегулирования на Балканах конференции великих держав. В случае отказа Россия разрывала отношения с Османской империей. На размышление давалось 48 часов. А британского посла Лофтуса, приглашенного в Ливадию, император предупредил – если Европа не проявит твердости в защите балканских христиан, он будет вынужден действовать сам.

Покинув Крым, Александр Николаевич выехал в столицу. 20 октября прибыл в Москву и в Кремле на собрании городского общества произнес речь, повторив требования к Турции и обещание – если великим державам не удастся добиться от султана реальных гарантий прав христиан, он принял твердое решение действовать самостоятельно. Подкрепил он свои слова, объявив частичную мобилизацию, и турки ультиматум приняли. Остановили свои армии, уже разохотившиеся распотрошить Сербию. Теперь это требовалось даже из чисто практических соображений – войска надо было перебрасывать к северной границе.

Впрочем, султанское правительство надеялось на англичан – оставалось большим вопросом, позволят ли они созвать конференцию или тоже ответят русским воинственными нотами. Но в информационной войне России помог «союзник» – американский журналист Мак-Гахан, женатый на русской, друг Скобелева. Он проехался по местам резни в Болгарии, публикуя факты зверств в петербургской газете «Голос» и в британской оппозиционной «Дейли Ньюс». Разоблачал ложь Дизраэли и посла Элиотта, выставляя их покровителями палачей. Премьер-министру пришлось оправдываться от обвинений в парламенте. Подключился его политический соперник Гладстон, издал брошюру «Болгарские ужасы и Восточный вопрос» – в качестве решения проблемы предлагал предоставить автономию Болгарии, Боснии и Герцеговине. Дизраэли взяла под защиту королева Виктория, внука иудейского купца произвела в пэры, он стал графом Биконсфильд. Но поддержку общественного мнения он потерял.

А в декабре на главную военно-морскую базу США в Норфолке пришла эскадра Бутакова – фрегат «Светлана», два корвета и клипер, на ней находились сын и племянник царя, великие князья Алексей Александрович и Константин Константинович. В Сан-Франциско пришла вторая, Тихоокеанская эскадра Пузино: корвет, три клипера, канонерская лодка, транспорт и три шхуны. Американцы встретили наших моряков очень тепло. В Белом доме их принял президент с высшими должностными лицами.

Англичанам предоставили подумать, какие потери и убытки они понесут, если эти корабли выплеснутся на океанские трассы. И вдруг – еще вместе с американцами? Да ведь и французского «пушечного мяса» в распоряжении британцев больше не было. Они все же согласились на конференцию, открывшуюся в декабре в Константинополе в здании русского посольства. На предварительном этапе представители России, Англии, Франции, Австро-Венгрии, Германии и Италии вырабатывали общую позицию. Председательствовал Игнатьев и сумел всех уговорить на свой проект договора: с Сербией султан должен заключить мир, признать независимость Черногории, отдав ей часть Герцеговины, а в Болгарии и других областях Боснии и Герцеговины ввести самоуправление. Назначить генерал-губернаторов из христиан, учредить там местную милицию, а турецкие гарнизоны оставить лишь в нескольких городах. За осуществлением реформ должна была наблюдать международная комиссия с международным вооруженным отрядом.

Игнатьев убедил согласиться даже британского лорда

Солсбери, и Дизраэли был в бешенстве: «Солсбери не отдает себе отчет в том, что главная задача, с которой его послали в Константинополь, – удержать русских подальше от Турции, а не создавать идеальные условия существования для турецких христиан. Он оказывается более русским, чем Игнатьев…» Но… англичане действовали не только через конференцию. Посол Элиотт с лидером «Новых османов» Мидхат-пашой подготовили сюрприз. 23 декабря открылось общее заседание, с участием турок. И внезапно загромыхал салют.

Османский министр иностранных дел Саффет-паша поднялся перед изумленными делегатами и провозгласил, что свершился великий акт. Султан осчастливил своих подданных конституцией, дающей им все права и реформы, поэтому конференция и ее решения совершенно излишни. Дальнейшие попытки как-то заставить Турцию принять выработанные меры успехов не дали – султанские вельможи разводили руками, что права христианам уже дали, будет избран парламент, примет те законы, которые нужны подданным. Выходка со срывом конференции была слишком откровенной и наглой. Но Дизраэли изобразил, будто поверил обещаниям. Заговорил, что надо дать туркам время для проведения своих реформ.

Россия же возмутилась. Восприняла случившееся как оскорбление. А царь показал, что шутить не намерен. Объявил вторую частичную мобилизацию, начал выдвигать войска к границе, в Бессарабию. У немцев позаимствовали методики железнодорожных воинских перевозок, и они шли быстро, слаженно. Начались переговоры с Румынией. Она ежегодно платила султану дань, 914 тыс. лей, и совсем не прочь была избавиться, расширить владения, а ее господарь Кароль – стать королем.

Турки все же согласились на переговоры с Сербией и Черногорией – после новых грозных предупреждений Игнатьева, а главным образом из-за необходимости развернуть силы против русских. С Сербией подписали мир на довоенном положении и границах. Но с Черногорией так и не заключили вообще, ведь следовало признать ее независимость, а значит, и границы определить. А в Боснии и Герцеговине продолжалась война. Турки усмиряли повстанцев карательными операциями, жгли села. Царь видел – воевать все-таки придется.

Но при этом МИД предпринял ряд весьма сомнительных шагов. По поручению Горчакова посол в Австро-Венгрии Новиков провел переговоры с канцлером Андраши и подписал в Будапеште соглашение, подтвердившее прежние договоренности. Но подтвердившее именно в австрийском варианте протокола! За

дружественный нейтралитет в случае войны и дипломатическую помощь, чтобы «парализовать» вмешательство других держав, Австро-Венгрия получала право занять Боснию и Герцеговину. Соглашение было настолько секретным, что о нем не знали ни в царском правительстве, ни посол в Константинополе Игнатьев.

Факты показывают, что не знал и сам государь. Он дал Игнатьеву совсем другое задание. В частном порядке, под видом лечения, объехать Вену, Берлин, Париж, Лондон. Все-таки добиться общего давления великих держав на султана. Был составлен протокол с требованиями к Турции принять решения Константинопольской конференции. Андраши и Бисмарк подписали их. Министр иностранных дел Франции Деказ ужаснулся, что проект «слишком резкий», принялся смягчать. А в Англии Дизраэли тоже значительно урезал требования и объявил: его правительство подпишет протокол только после демобилизации русской армии.

Долго спорили и приняли компромисс, предложенный Австрией: Россия должна немедленно приступить к демобилизации, «как только явится уверенность, что турецкое правительство подчинится советам Европы». 31 марта протокол был подписан. Хотя еще за 12 дней до этого открылся созданный по новой конституции османский парламент, и стало очевидно – никаких послаблений христианам ждать не приходится. Их турецкая «демократия» совершенно не коснулась.

Да и сам парламент стал лишь формальной вывеской. Абдул-Хамид, впоследствии заслуживший прозвище «кровавого», играть в либерализм вообще не собирался. Не намеревался он и терпеть группировку «Новых османов», которая слишком легко меняла султанов. Начал удалять их, меняя на поборников старых традиций: воинственных, жестких. Как только надобность играть в конституцию миновала, ее автора и лидера «Новых османов» Мидхат-пашу Абдул-Хамид отправил в ссылку, а позже осудил на смерть за убийство Абдул-Азиза (кстати, заступились за него англичане – и султан «помиловал», но пашу умертвили в тюрьме).

А протокол великих держав Абдул-Хамид отверг. Было заявлено, что Османская империя рассматривает его как вмешательство в свои внутренние дела, «противное достоинству Турецкого государства». Мало того, вместо демобилизации султан призвал в армию из запаса 120 тыс. резервистов, увеличил ассигнования на военные нужды и перевел военный флот со Средиземного моря на Босфор. Это был уже открытый вызов.

Но с другой стороны, отбросив коллективное решение великих держав, Абдул-Хамид перечеркнул и пункт Парижских трактатов 1856 г. об их покровительстве. А русская армия уже

сосредоточилась в Бессарабии, туда приехал и царь. 12 (24) апреля 1877 г. после парада войск в Кишиневе и торжественного молебна епископ Павел (Лебедев) зачел манифест о войне. Сам Александр Николаевич слушал его верхом на коне, был взволновал, на глазах его были слезы. Да и дата была не случайной. В этот же день, 12 апреля в 1828 г. объявил войну Турции его отец – принес свободу Греции, автономию Сербии, Валахии, Молдавии. Между прочим, у Александра II было предчувствие, что он, начав войну с Турцией, скоропостижно умрет. Он даже специально вызвал наследника, наставлял его на подобный случай. Но, скорее всего, это было не предчувствие, а подозрение или даже результаты его тайного расследования, что отец в сходной ситуации умер не случайным образом [3, с. 230].

Однако Англия, в отличие от прошлой войны, враждебных действий не начала. Вместе с другими великими державами объявила нейтралитет, и русские эскадры в США получили приказ возвращаться. А вот Горчаков постарался перестраховаться перед Западом. Еще осенью за спиной государя он с какой-то стати пообещал британскому послу Лофтусу, что в случае войны русские не будут переходить Балканские горы. А на пороге войны стал рассылать обязательства, чего ни одна европейская страна никогда не делала, для французов, англичан, немцев это было бы просто диким! Заверял, что Россия не займет Константинополь, не будет искать приобретений за Дунаем, не будет претендовать на исключительное покровительство балканским христианам. Англичанам сверх того пообещал не задевать сферы их интересов, не распространять боевые действия на восточную часть Средиземного моря (а значит, не направлять туда наши корабли, не мешать морским переброскам турецких войск). В общем, своя же дипломатия вязала военных по рукам и ногам…

Глава 24. За други своя…

Оборона Шипки. Художник А. Попов

Народ воспринял войну с общим энтузиазмом – как справедливую, священную. Шли, как в старину, «за други своя», спасать братьев, единоверцев. По разным городам люди торжественно провожали воинов, служили молебны о победе, слали в армию письма и коллективные напутствия, подарки, освященные иконы. Но в исторической литературе с какой-то стати выпячивается, будто в войне проявились блестящие результаты военных реформ Милютина. Факты показывают обратное.

Всеобщая воинская повинность была введена только в 1874 г. В строю служили первые призывы 1874–1876 гг., часть из них еще плохо обученные. Подготовленного резерва для развертывания по штатам военного времени пока не было. По мобилизации призывали солдат, служивших по старым уставам, не знакомых с современным оружием. Огромная «прореха» обнаружилась с кавалерией. Ее же сократили всего до 16 дивизий. А в короткий срок усилить ее призывниками из запаса было невозможно, для этого нужна выучка, выезженные лошади. Спасло положение казачество – которое Милютин очень желал, но не сумел «расказачить». Казаки составляли всего 2,2 % населения страны,

но по призыву выставили 7,4 % армии, 125 тыс. воинов [102]. В новых корпусах, развернутых по мобилизации, было по 2–3 пехотные дивизии, а кавалерийская была казачьей.

Из-за метаний военного министерства между заграничными образцами на вооружении оказалось четыре вида винтовок: Карле, Крнка, Бердана № 1 и Бердана № 2. Из них лишь последняя современная, а у 75 % воинов – устаревшие. Длинноствольные, большого калибра. В полевой артиллерии имелись 4– и 9-фунтовые пушки (84 и 107 мм) – медные, нарезные, заряжались с казенной части, разрывные гранаты снаряжались порохом. Тактику переняли у победоносной Германии, стали учить солдат атаковать плотным строем – хотя из-за этого немцы несли большие потери, а в России после Крымской войны уже переучивали войска на рассыпной строй.

Но вот образец германского генштаба, центра стратегии и планирования, перенять не удосужились. В отличие от него, созданный в ходе реформ Главный штаб под началом генерал-адъютанта Геймана, ближайшего помощника Милютина, самостоятельной роли не играл. Был лишь управлением военного министерства, занимаясь массой вопросов: учебными заведениями, госпиталями, военными тюрьмами, формированием резервов. А военная разведка была вообще никакой.

Ведомство Милютина очень преуменьшило силы противника. Брало в расчет только те контингенты, что стояли против наших войск, а в других частях Османской империи не учитывало, как будто они не могли переместиться. А боевые качества турок оценивало крайне низко. Царя и правительство убеждали, что война будет скоротечной и победоносной. Даже секретность не соблюдалась. Военное министерство заключило контракт на снабжение армии с иностранным товариществом «Коган, Грегор, Горвиц и Ко» – и по пункту 3 контракта главное командование обязалось за неделю извещать поставщиков о перемещениях частей и соединений [44]!

Между тем турки тоже реформировали армию под руководством прусских инструкторов. Могли выставить до 800 тыс. солдат плюс башибузуки и другие иррегулярные войска, численность которых не знали в самой Турции [33, с. 73]. Султанские воины отличались стойкостью, выносливостью, упорством, учились быстро окапываться, строить полевые укрепления. А вооружены они были гораздо лучше русских. Стальные орудия Круппа по дальности и точности стрельбы превосходили нашу артиллерию. Новенькие английские винтовки Пибоди, а накануне войны турки закупили американские винтовки Винчестера, уже магазинные, 12-зарядные, их выдавали

коннице.

При составлении планов особое внимание уделялось фактору времени. Нейтралитет европейских держав был явно ненадежным, при затяжной войне могли вмешаться. У Англии основная часть войск была разбросана по колониям, и специалисты оценивали: чтобы собрать армию в 50–60 тыс., ей требовалось 13–14 недель, а для переброски ее в Турцию – еще 8–10 недель. Победить требовалось быстро, за одну кампанию. Генерал Обручев взял за основу план Николая I и Дибича, осуществленный в 1829 г.

Главную, Дунайскую армию, 185 тыс. человек при 810 орудиях, возглавил брат царя великий князь Николай Николаевич. Она должна была блокировать турецкие крепости и прорываться за Балканы, прямо на Константинополь. Кавказской армией (95 тыс. человек при 276 орудиях) командовал другой брат, наместник на Кавказе Михаил Николаевич. Она оттягивала на себя часть турецких сил и должна была занять сопредельные территории – присоединить их к России или использовать для торга на мирных переговорах. Хотя сил для выполнения этих задач собрали совершенно недостаточно. На Дунае против русских стояла армия Абдул-Керим-паши, 206 тыс. солдат при 400 орудиях, на Кавказе – армия Ахмет-Мухтар-паши, 75 тыс. бойцов и 100 орудий. Наложились и личные амбиции в российском командовании. План Обручева взялись править по своим разумениям Милютин, Николай Николаевич, его помощники Непокойчицкий и Левицкий.

Добавилась дележка командных должностей между высокопоставленными лицами, чьими-то протеже. Даже делили дивизии на бригады, чтобы дать возможность не одному, а двум таким командирам стяжать лавры и награды. А талантливые военные нередко оттеснялись на второй план. Лучшего стратега Обручева Николай Николаевич вообще не любил и не взял к себе. «За бортом» остался и Черняев, его фигуру считали слишком независимой и скандальной. А Скобелев в Средней Азии пытался бороться со злоупотреблениями и казнокрадством, на него посыпались доносы, и его сняли с должности губернатора. И тут как раз началась война, он примчался в действующую армию. Но в штабе Николая Николаевича его встретили недружелюбно, насмехались, что победы над «халатниками» ничего не стоят, и он, не получив никакого назначения, пристроился на неопределенном положении при Кавказской казачьей дивизии своего отца.

Наступление на обоих фронтах началось без промедления, сразу в день объявления войны. Дунайская армия двинулась через румынскую границу. Население встречало приветливо, русских

друзей не забыли. Но залили дожди, дороги развезло непролазной грязью, реки разлились, снося мосты. Хиленькие румынские железные дороги не могли обеспечить перевозок. Большая часть войск вязла в грязи. Неимоверными трудами вытаскивала застрявшие повозки. Ремонтировали и наводили переправы. По сравнению с плановыми сроками опоздали на 2 недели, но все же преодолели 600–700 км, развернулись вдоль Дуная. А когда армия прикрыла Румынию, она 21 мая провозгласила независимость, и князь Кароль (получивший от России 1 млн франков на военные нужды) объявил войну Турции.

На Кавказе для наступления был создан Действующий корпус под командованием одного из любимцев Милютина, генерала от кавалерии Лорис-Меликова (52 тыс. штыков и шашек, 160 орудий). Отдельно от него действовал Рионский отяд генерал-лейтенанта Оклобжио (24 тыс. бойцов, 96 орудий), продвигался вдоль моря, брать Батум. Получив известие о войне, наши войска ринулись через границу. Турок застали врасплох, столь быстрых ударов они не ждали.

Корпус Лорис-Меликова был разделен на три части. На левом фланге 11-тысячный отряд боевого генерала Тергукасова выступил от Эривани. Стремительной атакой сбил неприятеля с Зорского перевала. С налета захватил крепость Баязет, не успевшую изготовиться к обороне. Оставил там гарнизон и помчался дальше. Занял Алашкерт, под Драм-Дагом разгромил турецкий корпус Магомет-паши. Погиб сам паша, находившиеся с ним британский советник генерал Кэмпбелл и корреспондент «Таймс» капитан Норман удрали, бросив русским имущество и документы. На правом фланге наступал от Ахалциха 13-тысячный отряд генерала Девеля, штурмом взял Ардаган. Соединился с главными силами Лорис-Меликова, продвигавшегося от Александрополя. Вместе собралось 40 тыс., 124 орудия. Подступили к Карсу и… Лорис-Меликов остановился, ожидая подкреплений. Позволил вражескому командующему Мухтар-паше оправиться от поражений, собрать силы.

Но и обстановка на Кавказе резко изменилась. Ведь турки сохраняли господство на Черном море. У Босфора сосредоточился их флот под командованием Гобарта-паши (британского адмирала) – 6 броненосных фрегатов, 7 броненосных корветов, 4 монитора, 5 броненосных канонерских лодок, десятки других военных пароходов и транспортов. А в составе российского Черноморского флота было лишь 2 «поповки» – броненосцы береговой обороны, для операций в открытом море они не предназначались. Перед началом войны лучшему военному инженеру, герою Севастополя Тотлебену было поручено срочно

оборудовать мощные береговые батареи в Керчи, Севастополе, Очакове, Одессе. Впервые на них использовали электрические прожекторы для ночного наблюдения и огня. Устанавливали минные заграждения. А для действий на море вооружили 15 гражданских пароходов, прислали для них военных моряков с Балтики – для этого импровизированного флота Александр II отдал и личную яхту «Ливадия».

Но в Черное море вошла эскадра Гобарта. К крупным укрепленным портам не совалась, опасаясь «поповок», мин и батарей. По Одессе и Севастополю постреляла с самых дальних дистанций и сразу убралась – только для отчета перед султаном. Зато засыпала снарядами беззащитные Евпаторию, Феодосию, Анапу, Поти. Главной же целью турок было взорвать восстанием Северный Кавказ. Туда загодя направили эмиссаров из местных эмигрантов. Уже в конце апреля Алибек-Хаджи, Дада Залмаев и бывший наиб Шамиля Ума-Хаджи Дуев подняли мятеж в Чечне, он перекинулся на Дагестан.

Восстание началось и в Абхазии. 1 мая подошла эскадра, два дня бомбардировала Сухум. Русские войска оставили его, и высадилось 10 тыс. солдат. Наши части, охранявшие побережье, выбить их не смогли. Турки высадили еще три десанта, в Очамчирах, Гаграх и Адлере, заняли все побережье Абхазии. А в Чечне и Дагестане мятежники распространяли слухи, что у русских войск на Кавказе не осталось, что турки уже взяли Тифлис, показывали какого-то человека в красном халате, будто это турецкий паша, присланный султаном.

Великому князю Михаилу Николаевичу пришлось разворачивать на Абхазию часть сил Рионского отряда, наступление на Батум остановилось. В Чечню и Дагестан бросили две пехотные дивизии и казачьи полки из резерва, предназначенного для корпуса Лорис-Меликова. Поднялись и терские, кубанские казаки старших возрастов, молодежь, не попавшие под мобилизации. Но и местные жители далеко не все поддержали повстанцев. Старейшины, муллы, улемы осуждали авантюру. Большие села Шали, Умахан-Юрт, Шаро-Аргун и др. отказывались впустить мятежников. На стороне русских выступили дружины чеченской, дагестанской, ингушской милиции (откуда видно: за годы мирной жизни люди успели оценить – царская власть вовсе не несет им зла).

А у Лорис-Меликова по кавказским меркам было немало сил, но он без толку прождал подмоги. Мухтар-паша собрал в Эрзеруме 40 тыс. аскеров, в Ване Фаик-паша – 25 тыс. Они сами двинулись на русских. Узнав о появлении неприятелей, Лорис-Меликов повел навстречу отряд генерала Геймана – 17,5 тыс.

солдат и казаков, 64 орудия. Под Зивином наткнулись на 10 тыс. турок с 16 пушками. Атаковали, но очень неуверенно, боялись обходов – и потерпели поражение. Дух Лорис-Меликова подрывали и известия с Северного Кавказа. Он снял осаду Карса, приказал отступать в Россию.

В результате отряд Тергукасова, рейдировавший в отрыве от корпуса, попал в тяжелейшее положение. В нем было всего 7–8 тыс. бойцов, а против него повернула вся армия Мухтара-паши, обложила с разных сторон. Ну а корпус Фаик-паши ринулся из Вана в открытые тылы фронта, 6 (18) июня нахлынул к Баязету. Гарнизон крепости насчитывал 1650 солдат и казаков с 2 пушками. А за ними дорога в российскую Армению лежала открытая. В Эриванской губернии оставалось всего 2 роты! Но защитники Баязета встали на пути турецкого вторжения. Держались под бомбардировками, отражали штурмы. В цитадели не было воды, и смельчаки жертвовали жизнью, принося ее под обстрелом из источника. Через неделю комендант, подполковник Пацевич, пал духом и хотел сдаваться. Офицеры его застрелили и выбрали командиром майора Штоквича, решив стоять до конца. Еды уже почти на было, на сутки выдавали по 2–3 сухаря. Воду раненым по кружке в день, здоровым по полкружки через день. А были и дни, когда воду делили по столовой ложке. Люди «высыхали», как скелеты.

Спас положение Тергукасов. Мухтар-паша навалился на него под Даяром, надеялся раздавить. Но он в критический момент боя бросил конницу ударить по флангам, и турки побежали, потеряв 2 тыс. аскеров. А Тергукасов хитрыми маневрами выскользнул между неприятельскими группировками и вырвался к российской границе, прикрыв Эривань. Едва дав отряду передохнуть, помчался на выручку Баязета. С налета атаковал и прогнал воинство Фаик-паши [61, с. 251–252]. Гарнизон продержался 24 дня, потерял 119 убитых и 167 раненых. Для защитников Баязета Александр II учредил особую медаль.

На Балканском фронте в это же время сражения только начинались. В июне наша армия готовилась форсировать Дунай. Ширина достигала километра, обрывистый правый берег был удобным для обороны. Главные вражеские силы, около 100 тыс., были сосредоточены в «четрехугольнике крепостей» Рущук – Шумла – Силистия – Варна. Они прикрывали дороги у Черного моря, в обход Балканского хребта. Но и остальное течение Дуная защищала линия крепостей, укрепленных позиций. Сорвать переправы должна была и сильная флотилия, 46 судов, в том числе 9 мониторов и броненосных корветов французского производства с крупнокалиберными орудиями.

Чтобы расчистить от них реку, на берегу устанавливали тяжелые батареи, а из Петербурга в Николаев доставили по железной дороге 14 легких паровых и 17 гребных минных катеров. Под прикрытием «поповок» их довели морем до Дуная. Флагманский броненосный корвет врага подорвали береговые батареи. Атаки минных катеров были очень рискованными – под огнем подойти к неприятельскому судну, подвести под днище мину на шесте и взорвать. Тем не менее наши моряки потопили два монитора. На подступах к переправам они понаставили и морских мин, на них погибла турецкая канонерка, несколько судов получили повреждения. Остальные прекратили курсировать по Дунаю, укрылись на базах [80, с. 319].

Переправу русское командование наметило у Систово. Готовило ее тщательно и в глубочайшем секрете. Район оцепили, кордоны никого не пропускали. Все необходимые средства доставлялись по ночам, прятали в протоках, оврагах, зарослях. Артиллерийские батареи маскировали. Солдат тренировали в тылу высадке с понтонов. А к исходным позициям выводили лишь накануне, располагали незаметно для вражеских наблюдателей, палатки не разбивали, костров не разводили.

Турок обманывали. Изображали подготовку в нескольких других местах. 10 (22) июня бригада генерала Жукова на румынских судах переправилась через реку в низовьях у Галаца. Штурмом захватила Буджацкие высоты, а за ней 14-й корпус двинулся в Добруджу. Показывал, будто русские будут прорываться у моря. 12 (24) июня загрохотали орудия у Рущука и Никополя, били по крепостям три дня. А у Систово, посередине между Рущуком и Никополем, было тихо.

Но 15 (27) июня в 2 часа ночи через Дунай отчалили понтоны. Для форсирования была назначена 14-я дивизия генерала Драгомирова, усиленная стрелковой бригадой, казаками и горными батареями. Солдат переодели в зимние черные мундиры, чтобы быть незаметными в темноте. Погода стояла ненастная, ветреная. Первый эшелон, 2500 бойцов, враги заметили только вблизи своего берега. Открыли беспорядочный огонь, но русские высадились, захватили плацдарм.

Вторым рейсом отправился сам Драгомиров, с ним напросился и Скобелев просто «добровольцем». Турки обрушили шквал пуль и снарядов. Несколько понтонов потопили. Но на плацдарм переправлялось все больше войск. Они атаковали Систовские высоты. Неприятельские пушки подавили наши батареи с левого берега. А Скобелев по своей инициативе возглавил четыре роты стрелков. Повел в штыки во фланг позиций, и турки покатились назад, высоты взяли. Потери

составили 324 погибших, 380 раненых [103].

К перевозкам подключились пароход, баржи, минные катера. Саперы принялись наводить два понтонных моста. По ним потекли войска, артиллерия, обозы. Дунай форсировали блестяще. Султан в бешенстве снял военного министра Редиф-пашу. Командующего армией Абдул-Керим-пашу отдал под суд, заменил Мехмед-Али-пашой (немцем Карлом Детруа, перешедшим в ислам). Потрясена была не только Турция, но и Европа – предрекали, что на Дунае русские застрянут надолго и переправа обойдется в колоссальные жертвы.

Но… едва разнеслись известия о прорыве этого рубежа, на Западе сразу оказались забыты и болгарская резня, и поддержка балканских повстанцев. Британская пресса заголосила, что Россия рвется захватить Константинополь. Подхватили в других европейских странах. В Будапеште прокатились манифестации, венгры требовали выступить на стороне турок. В Османскую империю ехали отовсюду поляки – драться с русскими. Прибывший из Франции Юзеф Ягмин, участник восстаний 1830, 1848, 1863 годов, начал формировать «Польский легион».

А османское командование срочно взялось выправлять положение. Пришли в движение те самые группировки, которые не учло ведомство Милютина. Сербия не осмеливалась нарушить мирный договор, но для присмотра за ней в Видине стояла армия Османа-паши. В Албании армия Сулеймана-паши наступала на Черногорию, готова была сокрушить ее. Черногорцев русский бросок через Дунай спас. По приказу султана Сулейман спешно выводил войска из боя, в албанских портах их грузили на пароходы и везли в Македонию – преградить путь русским. Повернуть на них велели и Османа-паше.

А вот великий князь Николай Николаевич со своим штабом и Милютиным очень лихо подкорректировали планы наступления. Два корпуса, 7-й и 10-й, в состав Дунайской армии вообще не входили, подчинялись военному министерству, их развернули по берегу моря от Крыма до Дуная – охранять от десантов. 14-й корпус, отвлекавший турок в низовьях Дуная, оставили отвоевывать Добруджу – ее обещали румынам. Еще два корпуса, 4-й и 11-й, только тащились через Румынию, их оставили в резерве. А оставшиеся силы за Дунаем разделили на три отряда. Восточный (Рущукский) под командованием цесаревича Александра состоял из 12-го и 13-го корпусов (75 тыс. штыков и сабель, 216 орудий), должен был блокировать основные турецкие силы в «четырехугольнике крепостей», обеспечить левый фланг. Западный составил 9-й корпус генерал-лейтенанта Криденера (35 тыс. бойцов, 108 орудий), обеспечивал правый фланг – ему

предстояло взять Никополь, где засело 10 тыс. турок, и Плевну.

Но для прорыва на главном направлении, за Балканы, по плану Обручева предназначалась половина армии. Теперь для этой задачи остался лишь 8-й корпус генерал-лейтенанта Радецкого и ряд отдельных частей. Эти части объединили в Передовой отряд генерал-лейтенанта Ромейко-Гурко: бригаду стрелков, 6 дружин болгарского ополчения, кавалерия, казаки – 12 тыс. человек, 40 орудий. Три русские группировки стали расходиться веером. В штабе главнокомандующего опасности в этом не видели. Рассуждали, что вступление в Болгарию вызовет общее восстание. 9-й корпус Киденера, зачистив правый фланг, тоже повернет на главное направление. А там и отставшие корпуса подтянутся.

22 июня (4 июля) Передовой отряд ринулся к Балканам, за ним выступил корпус Радецкого. Заслоны турок сбивали, 25 июня без боя вступили в древнюю столицу Болгарии Тырново. Болгары встречали восторженно, забрасывали цветами, угощали чем могли – вином, ракией, сыром, табаком. Следом заняли город Габрово. Узнали, что турки укрепились на Шипкинском перевале – самом удобном для прохода войск, артиллерии, через него вела шоссейная дорога к Адрианополю, Константинополю. Но соседние с ним перевалы с узкими горными тропами оставались неохраняемыми. Гурко решил обойти Шипку. По страшной жаре наши колонны преодолели 120 км, через Хаинкойский перевал перешли горы. Атаковали Шипку с двух сторон. Неприятель отчаянно отбивался. Но испугался окружения, ночью бросил позиции и ушел.

На правом фланге в эти же дни корпус Криденера подступил к Никополю. Разведка, полусотня донских казаков есаула Афанасьева, с налета ворвалась в Плевну. Застала врасплох гарнизон, всего роту турок, и разоружила ее. А Никополь русские осадили, установили батареи, открыли бомбардировку. 4 июля увидели, что турки покидают крепость. Командиры частей проявили инициативу, скомандовали атаку, и Никополь взяли. Захватили богатые трофеи, у пристаней – два новейших монитора. Доложили о победе – не зная, что отступившая вражеская группировка получила приказ частью сил занять бесхозную Плевну. До нее было 40 км. Нахлынувшие турки выгнали казаков Афанасьева.

Криденер тоже получил приказ занять Плевну, но промедлил. Дал уставшим войскам отдохнуть. А между тем и Осман-паша из Видина вел аскеров форсированным маршем. 5 июля наши разъезды обнаружили большие колонны неприятеля, но в штабе главнокомандующего донесениям не придали значения. Криденер

только 6 июля выслал к Плевне дивизию Шильднера-Шульднера, 7 тыс. бойцов. А буквально под носом у них туда успел Осман-паша с 16-тысячным корпусом, по пути собирал массу башибузуков. Русские подошли вечером того же дня. Увидели, что турки укрепляют город. Не зная их численности, начали артиллерийский обстрел, а утром штурмовали. У врагов это вызвало замешательство. Они тоже не знали, какие силы их атакуют, и русские ворвались в недостроенные окопы. Но противник опомнился, навалился и вышиб их. От полного разгрома их спас 9-й Донской казачий полк, прикрыл отступление. Потеряли 2800 убитых и раненых.

Еще больше лилось крови болгар – возвращая оставленные города, турки истребляли их подчистую. А к Плевне после неудачи Николай Николаевич послал весь корпус Криденера, 30 тыс. штыков и шашек при 140 орудиях. Они три дня перестреливались, вели разведки, но численность гарнизона так и не определили. 18 (30) июля атаковали двумя колоннами. Хотя неудачно выбрали самые укрепленные участки, действовали вразнобой. А у Османа-паши было 24 тыс. аскеров, 57 пушек и неизвестное число башибузуков. Шквальный огонь повыбил многих солдат. Они овладели двумя траншеями и несколькими укреплениями, дальше продвинуться не могли. Турки обрушились контратаками, расстреливали их, и Криденер приказал отступить. Прикрыл Скобелев, охранявший фланг с тремя казачьими полками. Отбросил врагов, кинувшихся в преследование. В строю недосчитались 7 тыс. убитых и раненых.

Восточный русский отряд цесаревича Александра продвигался в это время к Рущуку. Части турецкой армии Мехмеда-Али атаковали его у реки Кара-Лом, завязались встречные бои. А Передовой отряд Гурко спустился с Балканских гор к Казанлыку, в знаменитую Долину роз. Несколько русских бригад и болгарское ополчение с боем взяли Стару-Загору и… столкнулись с массами турок. По соседству, на железнодорожной станции Сейменли разгружались контингенты Сулеймана-паши, переброшенные из Албании. К ним присоединились войска, отступавшие перед русскими, собралось 35 тыс. пехоты и конницы.

19 (31) июля завязалось сражение. Наши воины стояли насмерть, чтобы население смогло уйти от резни. В штыковой свалке был убит болгарский знаменосец. Знамя, изготовленное для болгарского ополчения городом Самарой и вышитое монахинями Иверского монастыря, упало, к нему кинулись враги. Подхватил его подполковник Калитин, уже дважды раненный. Вскочил в седло со знаменем, призвал в атаку – и был сражен

тремя пулями. Продержались до вечера, потеряв 428 убитых и 192 раненых. С таборами беженцев отступили к Шипке. Благо турки не преследовали – кинулись грабить город.

Только после этих поражений в штабе Николая Николаевича осознали: наличных сил совершенно недостаточно. Подтягивались резервы, но и их раздергивали – вражеские отряды вклинивались в стыки между тремя русскими отрядами. Царь находился при армии, он вмешался, вызвал из России элиту, Гвардейский и Гренадерский корпуса. Хотя для их переброски требовалось немало времени. Обратились к румынскому князю Каролю. До сих пор его войска (120 тыс.) оставались на родине, охраняли тылы, склады, дунайские берега. Николай Николаевич просил прислать их на фронт, дипломатично предложил Каролю командовать объединенными силами. Румынам польстило, они выделили 43 тыс. солдат.

Турки тоже допускали серьезнейшие ошибки. Сулейман-паша задержался на несколько дней в грабежах Старой Загоры и Казанлыка, убийствах не успевших уйти болгар, упустив возможность сразу же атаковать перевалы. Но английские советники султана разработали план окружения царской армии за Дунаем. Наметили концентрические удары армий Османа-паши от Плевны, Мехмеда-Али с востока и Сулеймана через Балканы. Эти удары сходились у переправы в Систово, русских прижимали к Дунаю и громили.

Сулеймана-пашу подхлестнули приказом, и он повел к Шипкинскому перевалу 37 тыс. аскеров с 36 орудиями. А защищали его Орловский пехотный полк, две сотни кубанских пластунов и 5 болгарских дружин – 4 тыс. бойцов и 27 пушек. 9 августа загремела канонада, турки полезли в яростные атаки. Генерал Радецкий в Тырново получил тревожное донесение, но на следующий день сумел прислать лишь Брянский полк, 2 тыс. солдат. Остальные части были разбросаны по разным направлениям, до Шипки им было по 3–4 дневных перехода.

А на перевале волны турок и башибузуков накатывались одна за другой. Они обходили, появлялись даже в тылу. На третьи сутки сражения кончились патроны, снаряды. Наши бойцы отбивались штыками, прикладами, камнями. Враги ворвались на позиции. И вдруг с тыла показалась странного вида колонна – скакал полк донских казаков, а на крупах лошадей везли батальон 4-й стрелковой бригады. Стрелки и казаки с ходу бросились в контратаку, отшвырнули противника.

Следом подходили другие части – двигались через сплошной встречный поток болгарских беженцев. Через слезы, через надежды в тысячах взглядов, что русские спасут. Командование

на перевале принял Радецкий, и ему пришлось самому водить роту в штыки. Был ранен генерал Драгомиров, убит генерал Дерожинский. Но и турок повыбили, через 6 дней непрерывной битвы Сулейман прекратил атаки. Еще 17 дней бомбардировал Шипку из орудий, но перевал отстояли [61, с. 254–255].

А навстречу Сулейману нацеливался Осман-паша из Плевны. К нему из тылов подходили свежие силы, армия выросла до 50 тыс. Начала атаки на русские позиции, но ее загоняли обратно. Под Плевну стягивалось и все больше наших войск, переместилась ставка главнокомандующего и царя. 16 (28) августа торжественно встретили румынского князя Кароля. Он по обещанию стал командующим всей группировкой, хотя ему приставили русского начальника штаба, генерала Зотова.

Чтобы пресечь дальнейшие попытки Осман-паши порваться навстречу Сулейману, было решено взять городок Ловча на этом направлении – его занимали 10 тыс. турок и башибузуков. Для этого выделили отряд генерала Александра Имеретинского, 22 тыс. пехоты и конницы, 98 орудий. Решительную атаку возглавил Скобелев, ворвался в крепость. Осман-паша из Плевны сам выступил на выручку. Но опоздал, в свирепой сече гарнизон перебили, остатки бежали в Плевну. Таланты Скобелева наконец-то отметил сам царь, произвел его в генерал-лейтенанты.

А к Плевне подходили румынские дивизии, собралось 84 тыс. бойцов (из них 32 тыс. румын), 424 орудия (108 румынских). Штурм назначили на 30 августа (11 сентября), на праздник С в. Александра Невского – тезоименитство императора. Однако командование (где фактически стал рулить Зотов) опять подкачало. 5 дней вели артподготовку. Но чтобы уменьшить потери от турецких крупповских пушек, стрелявших точнее, вели огонь с дальних дистанций, только днем. За ночь враги исправляли повреждения. А по интенсивности обстрела Осман-паша узнал, где будет атака.

Главный удар нацелили так же, как при прошлом штурме, на правом фланге. Хотя там укрепления были самые мощные, Гравицкие редуты. На них двинулась румынская пехота вместе с русскими. Но румыны были необученными, необстрелянными, плохо вооруженными. Их офицеры ничего не понимали в военном деле. Лишь с третьей атаки зацепились за редут и были совершенно измочалены. В центре шесть русских атак было отбито. Лишь на левом фланге Скобелев с 16 батальонами пехоты сумел взять два редута, выйти на южную окраину Плевны. Но и он понес большой урон, просил подкреплений. Их не прислали. Зотов и Николай Николаевич, оценив огромные потери, в успех уже не верили и вечером распорядились отвести войска на

исходные позиции.

А утром 31 августа Осман-паша повернул против Скобелева две трети своей армии. Редуты расстреливали артиллерией, обходили с флангов. Отряд отразил четыре атаки – последнюю возглавил сам Осман. Дольше держаться сил не было, Скобелев приказал отступить. Третий штурм Плевны стоил русским 13 тыс. убитых и раненых, румынам 3 тыс. Турок полегло 3 тыс. На Западе это вызвало волну злорадства – и успокоения. Русские завязли, их били, чего же еще оставалось желать?

Глава 25. Щит на вратах Цареграда

Александр II с гвардейцами под Плевной

Александр II, находясь в армии, не подменял собой главнокомандующего, в отличие от своего отца на войне 1828 г. Обсуждал планы, но исполнение целиком оставлял на усмотрение Николая Николаевича и других начальников. Царь не оставлял государственных дел, работал в походной канцелярии. Постоянно выезжал в войска, в госпитали, это всегда воодушевляло солдат – сам государь был с ними, помнил о них. Даже для императора трудностей хватало. Отвратительные дороги, жара или дожди, ночлег в случайных грязных домах. Он переболел какой-то лихорадкой, у него обострилась астма. Но переносил это спокойно – простым солдатам и офицерам приходилось не в пример тяжелее.

Фрейлина А. А. Толстая писала: «Многие бранили его за присутствие в армии, но они не учитывали того, какую радость приносил он, посещая госпитали или, как это бывало неоднократно, подбирая в свою коляску раненых после боя… Доктор Боткин говорил мне, что вся свита государя беспрестанно жаловалась, ворчала, как вырваться из этой каторги. Он один был ясен и терпелив, невзирая на тяжесть положения» [3, с. 230].

Но он не был на войне праздным наблюдателем. Он оставался царем. После третьего катастрофического штурма

Плевны Николай Николаевич со своим штабом и окружением румынского Кароля впали в полную депрессию, высказывались однозначно – отступать. И не только от Плевны, а за Дунай. В литературе бытует версия, будто ситуацию переломил Милютин. Но это известно только со слов самого Милютина. А документы свидетельствуют иное. Решительно сказал свое слово государь. Он лично на следующий день после штурма, 1 (13) сентября, созвал военный совет. И председательство взял на себя лично, а не Николай Николаевич, как полагалось бы по армейской иерархии.

Именно он своей царской волей провел решение: мысли об отступлении отбросить, брать Плевну осадой, задавить «железным кольцом» [62, с. 256]. Гвардейский и Гренадерский корпуса уже выполняли его приказ, двигались на Балканы. А для руководства осадой Александр Николаевич (опять лично) вызвал из Петербурга инженер-генерала Тотлебена (и тем самым деликатно, без обид, отстранил от командования собранной под Плевной группировкой Николая Николаевича, Кароля и иже с ними).

А отступление обернулось бы полной бедой! Турок победа окрылила. Султан и его советники отдали повторные приказы наступать по всем фронтам. 3 (15) сентября Сулейман-паша предпринял второй штурм Шипки. Вражеские колонны с двух сторон подобрались ночью по горным тропам. Одна из колонн ворвалась на ключевую позицию, Орлиное гнездо. Вторую вовремя заметили, остановили и расстреляли на горном слоне. А возвращать Орлиное гнездо пришлось в отчаянной штыковой драке. Потеряв 3 тыс. человек, враги откатились. На восточном фланге ринулась в атаки и 100-тысячная армия Мехмеда Али-паши из «четрехугольника крепостей» – а против него в Рущукском отряде цесаревича Александра оставалось всего 45 тыс. штыков и сабель. Но турок встретили достойно, они смогли лишь потеснить русские части, понесли большие потери и остановились. Недовольный султан снял Мехмеда-Али и заменил Сулейманом-пашой, а под Шипкой командование принял Вессель-паша.

Но ведь в случае отхода русских войск пришлось бы оставить и Шипку, и другие позиции. Это деморализовало бы солдат, внесло неразбериху. А три турецкие армии устремились бы в преследование! Реализовался бы тот самый план – прижать русских к Дунаю у Систово и крушить со всех сторон. Отсюда, кстати, напрашивается вопрос: случайными ли были просчеты военного ведомства, занизившего силы и боеспособность противника? Масонство никто не отменял. А разгром России

одними лишь турками опозорил и опустил бы ее куда круче, чем номинальное поражение от всей Европы. И… создал бы либералам плодороднейшую почву для нового витка «перестроек». Но Господь не попустил – и царь.

Выправлялось положение и на Черном море, на Кавказе. Русские импровизированные крейсера действовали активно. Бывший торговый пароход «Веста» сумел выиграть бой с бронированным корветом. По нескольку неприятельских судов захватили или потопили пароходы «Россия», «Эльбрус», царская яхта «Ливадия». Пароход «Владимир» дооборудовали, и он начал ставить мины у Босфора, парализуя судоходство. А пароход «Великий князь Константин» лейтенанта Макарова, будущего адмирала, в одном плавании потопил военный бриг и 3 грузовых судна, в другом еще 2 брига и 2 шхуны. Но Макаров был увлечен идеей торпед. Сам сконструировал мину «крылатку», на борту парохода закрепил 4 паровых катера. Их спускали на воду, и катер тащил «крылатку» на тросе. Нацеливал на врага, поворачивал в сторону, а мина шла дальше, и ее подрывали. Но «крылатки» были слабыми и несовершенными, первые атаки в портах Батума и Сулина стали неудачными.

Раздуть общее восстание на Кавказе туркам не удалось. Захваченную ими часть Абхазии блокировали. Собрав достаточно войск, повели наступление с разных сторон. Подкрепления из Турции прекратились, там все силы направляли к Плевне и Шипке. Противника теснили к Сухуму. Оборонять его помогала броненосная эскадра Гобарта, вела огонь по нашим войскам. Но Макаров ночной атакой своих катеров подбил броненосный фрегат. Он получил пробоину, его увели на буксире. И для других кораблей пребывание здесь сочли опасным. Турки начали эвакуацию войск. 19 августа в Сухум вошли русские.

В Чечне количество повстанцев не превысило 3 тыс., в Дагестане примерно столько же. Свирепствовали, уничтожали «христианские» селения – русские и армянские. Но их обложили войсками, казаками, местной милицией. В сентябре-октябре основные отряды мятежников разгромили, восставшие аулы сжигали, жителей переселяли на равнину. Дружественные горцы вылавливали разбежавшихся. В ноябре и сами повстанцы потянулись приносить повинную, выдавали или убивали предводителей. С главарями на этот раз обращались не как с пленными, а как с бунтовщиками, нарушившими присягу. Предавали военно-полевым судам, в Чечне было повешено 13 человек, в Дагестане – 23.

К осени войска на Северном Кавказе высвободились, и великий князь Михаил Николаевич решил повторить наступление

на турок. Но он имел все основания не доверять «талантам» Лорис-Меликова, провалившего прошлую операцию. Возглавил армию сам, а для планирования вызвал из Петербурга генерала Обручева. По отрядам силы больше не раскидывали, собрали 56 тыс. штыков и шашек против 40-тысячной армии Мухтара-паши, закрепившейся на сильных позициях Аладжинских высот. 19 сентября (1 октября) русские начали атаки. Дрались упорно, ни те, ни другие не уступали.

Но через восемь дней боев, когда турецкие резервы втянулись в сражение, Михаил Николаевич послал в глубокий обход треть своих войск под командованием генерала Лазарева – перерезать противнику пути отступления к Карсу. 2 (14) октября враги обнаружили русских у себя в тылу. Заметались, разворачиваясь туда – а Михаил Николаевич нанес общий удар. Армию Мухтара-паши разнесли вдребезги, из 40 тыс. воинов она потеряла 22 тыс. (9 тыс. пленными), 35 орудий. За эту победу царь наградил брата орденом С в. Георгия 1-й степени. Он вернулся к исполнению обязанностей наместника, а Лорис-Меликову предписал наступать по разработанному плану.

Для осады Карса оставили Лазарева с частью войск, а остальные устремились преследовать Мухтара-пашу. Он созывал подкрепления откуда только можно, собрал 20 тыс. аскеров на хребте Деве-Бойну, преграждающем путь к Эрзеруму – крутые склоны, высота 1500–2000 м. Но турок обманули. 23 октября (4 ноября) генерал Гейман начал атаку в лоб и на левом фланге, а Тергукасов с двумя пехотными дивизиями и пятью казачьими полками нанес удар на правом. Врагов разнесли еще раз. Они потеряли 6 тыс. человек, 43 орудия.

Часть аскеров просто разбежались. Другие примчались в полной панике в Эрзерум, Мухтар-паша приказал срочно эвакуировать все ценное. Но опять сказались особенности Лорис-Меликова. Гнаться за турками ночью он опасался, послал только парламентера с требованием сдать крепость. Мухтар сообразил, что у него еще есть время. Навел порядок среди аскеров, изготовился к обороне. Лорис-Меликов штурмовал лишь через 5 дней, и его отбили.

Зато Лазарев под Карсом действовал грамотно. Обложил крепость, неделю бомбардировал из 96 орудий. А поздно вечером, в темноте 5 (17) ноября последовал штурм. Утром уцелевшие турки сдались. Из 25-тысячного гарнизона 3 тыс. погибло, в плен взяли 22 тыс., 303 орудия. На Кавказе наших воинов тоже встречали восторженно. Здешние армяне настрадались от турецкой власти и насилий, видели в русских освободителей [104]. Но боевые действия прервала природа – в горах ударили

морозы, завалили снега.

Тем временем на Балканах к нашей армии подходили резервы. Приехавший Тотлебен наметил взять Плевну в полную блокаду. Строились позиции, батареи. Чтобы пресечь связь Осман-паши со своими тылами, требовалось овладеть селениями Телиш, Горный Дубняк и Дольный Дубняк, прикрывавшими дороги. Турки превратили их в самостоятельные крепости, в каждой разместили 4–5 тыс. воинов. Для взятия выделили свежие части лейб-гвардии под командованием Гурко. Горный Дубняк сумели захватить в жестоких рукопашных, с серьезными потерями – 869 погибших, 2,5 тыс. раненых. Телиш отразил все атаки. Тогда собрали побольше артиллерии, открыли бомбардировку – шквальную и непрерывную, изматывающую. Защитники не выдержали, капитулировали. Гарнизон Дольнего Дубняка сделал из этого выводы. В самом начале бомбардировки без боя оставил позиции и ушел в Плевну. С 20 октября (1 ноября) блокада замкнулась.

Султан и его правительство пытались выручить Османа-пашу. У Софии формировалась новая Западная армия Шакира-паши, 35 тыс. В ноябре она дважды предпринимала наступление, силясь пробиться к Плевне. Гвардейцы Гурко остановили ее в боях на Златицком перевале. Атаковала и Восточная армия Сулеймана-паши. Первый натиск у Трестеника и Косабины удалось сдержать. Но турки перегруппировались, 22 ноября (4 декабря) нанесли удар у города Елена. Пользуясь пятикратным превосходством, разбили здесь 5 тыс. русских, прорвали фронт. Двинулись на Тыново, где были склады и обозы нашей армии, в тылы Шипкинскому перевалу. Наследник Александр спешно погнал на этот участок резервы, закрывшие дыру. Но и Сулейман увидел, что русские оттянулись к Елене. Нанес удар на другом направлении, у Мечки. На пути врагов оказалась 21-я донская батарея. Косила накатывающихся турок картечью, гранатами и выстояла до подхода подкреплений. Противника отшвырнули контратаками.

А блокада делала свое дело. Армия Османа стала голодать. В ночь на 28 ноября (10 декабря) она пошла на прорыв. На рассвете, в тумане, обрушилась на позиции Гренадерского корпуса. Но внезапности не получилось, этого ждали. Поднялась общая тревога, загрохотали пушки и ружья. Под руководством Тотлебена русские основательно укрепились, а турки лезли напролом густыми массами. Их расстреливали, а по телам мертвых и раненых напирали новые, схватываясь в рукопашных. Сибирский гренадерский полк, стоявший на острие прорыва, смяли. Пришли в движение русские резервы – на случай, если все

же проломят. Не проломили. Положив 6 тыс. аскеров, турки сломались. В беспорядке побежали назад.

Наши солдаты погнались. Рядовой Жданов захватил знамя Османа-паши, переколов охрану. Командиры на других участках оценили ситуацию, тоже скомандовали атаку. Бойцы устремились к Плевне. Карабкались на пустые укрепления, ворвались в город. Раненый Осман понял, что все кончено, и выслал парламентеров. Капитулировал со всей армией. Его приняли с фельдмаршальскими почестями, представили царю. Александр II, признавая его мужество и доблесть, возвратил сданную саблю. В плен попало 43.338 турок, и русских воинов перевооружали трофейными винтовками вместо устаревших Карле и Крнка.

Дунайская армия выросла до 314 тыс. штыков и сабель. Русские победы встряхнули Сербию, она снова вступила в войну. Однако на пути наших войск к Константинополю лежали Балканы – или «четрехугольник крепостей» на приморском направлении. А в горах выпали снега, бушевали метели. От них уже страдал гарнизон Шипки. Боев там больше не было, но потери достигали 9,5 тыс. больными, обмороженными, замерзшими. Зимний же переход армии через Балканы все специалисты считали невозможным. Начальник германского генштаба Мольтке убрал военную карту в сейф, сказав: «До весны».

Но до весны турки оправились бы от поражений, сформировали новые армии. Укрепили бы горные перевалы и ключевые города похлеще Плевны. Да и международное положение оставалось слишком шатким. Стоило русским поражениям смениться победами, снова забурлили враждебные кампании в Англии, Австро-Венгрии. Времени терять было нельзя, и решение опять обеспечил царь. Он поддержал предложение генерала Гурко – идти за Балканы немедленно. По сути, на этом этапе Александр Николаевич взял на себя руководство амией. Но ненавязчиво, стараясь не ущемить брата. Еще во время осады Плевны вызвал для планирования предстоящих действий Скобелева, которого Николай Николаевич терпеть не мог. Царь начал продвигать и талантливых военачальников – того же Гурко, Скобелева.

Николая Николаевича он за Плевну пожаловал орденом С в. Георгия 1-й степени – великий князь последним в истории России удостоился этой высочайшей награды. Но всего через день после победы, 30 ноября (12 декабря), не главнокомандующий, а царь созвал в Порадиме военный совет очень узкого состава: Обручев, Милютин, Николай Николаевич со своим начальником штаба Непокойчицким, князь Кароль, Тотлебен. План Обручева по

форсированию Балканского хребта был утвержден. Румын, показавших свои боевые качества, к нему не привлекали, отвели им охрану тылов – чем Кароль был очень доволен. Гурко, автору идеи, выпало и первому испытать, возможно ли это? Он был отчасти подготовлен: брал Шипку, остановил турок на Златицком перевале. В его отряд выделили гвардию, кавалерийские соединения, IX корпус – 71 тыс. человек, 318 орудий.

13 (25) декабря его колонны двинулись в горы. Там ждали стужа, бураны, заносы. Лошади выбивались из сил, скользили по обледенелым склонам. Их разгружали, и люди оказывались выносливее лошадей. Тащили на лямках пушки, несли на руках снаряды. Один из отрядов, генерала Дендевиля, застрял в снегах, потерял 53 человека замерзшими и 813 обмороженными. Гвардейские аристократы возмущались, жаловались, костерили начальника. Гурко собрал их и объявил: «Я поставлен над вами волею государя и только ему, Отечеству и истории обязан отчётом в моих действиях. От вас я требую беспрекословного повиновения и сумею заставить всех и каждого в точности исполнять, а не критиковать мои распоряжения… Если большим людям трудно, я их уберу в резерв, а вперед пойду с маленькими».

И прошел. Через 6 суток неимоверной дороги русские свалились, как снег на голову, на позиции турок, охранявших выход с перевала. Отшвырнули их, открыли дорогу на равнину. Ошарашенные враги разбегались, и 23 декабря (4 января) войска Гурко без боя вошли в Софию. Установили связь с сербами. А его прорыв через Балканы подтвердил, что для наших солдат это реально. Восточнее, через Траянов перевал, выступил следующий отряд, генерала Карцова. Он был маленьким, 6 тыс. бойцов с 8 пушками. Но по планам Обручева следовало рассеять внимание турок, навести панику – русские появляются отовсюду. Хотя Траянов перевал оказался укрепленным. В снегах штурмовали, потеряли 146 убитых, замерзших и раненых, вышли к Сопоту.

А еще восточнее лежал Шипкинский перевал. Здесь под началом Радецкого сосредоточилось 45 тыс. штыков и шашек. Но дорогу с гор перекрывала 30-тысячная армия Вессель-паши, успевшая построить огромный укрепленный лагерь протяженностью 7,5 км с 14 сильными редутами, батареями, сплошными окопами. Лобовая атака, да еще и по склону вниз, сулила только потери. Было решено обойти врага с двух сторон по узеньким горным проходам – попросту говоря, тропам. 24 декабря (5 января) с востока, по Тревненскому перевалу, выступила колонна князя Святополк-Мирского, 19 тыс. бойцов. С запада, по Имитлийскому перевалу, колонна Скобелева, 16 тыс.

Пробивались через снега по пояс, а то и выше человеческого роста, карабкались по обледенелым тропкам над ущельями. Артиллерию не смогли протащить, отправили назад. Оставили лишь по нескольку горных орудий.

Полки Святополк-Мирского вышли в долину 26 декабря, на следующий день атаковали вражеский лагерь с востока. Захватили первую линию траншей. Но атаки с запада не было. На пути Скобелева оказались не только снега, но и турки. На спуске с гор они оседлали господствующие высоты, расстреливали нашу пехоту и задержали. Отличился адъютант Скобелева хорунжий Дукмасов. С 20 казаками под покровом темноты взобрались на отвесные кручи, сшибли с позиций сотню неприятельских стрелков. В долину выбрались с запозданием.

А утром 28 декабря (9 января) аскеры Вессель-паши сами навалились на войска Святополка-Мирского. Росли потери, иссякали боеприпасы, и генерал послал донесение Радецкому – положение трудное. Никаких известий от Скобелева не было, и тот решил выручать. Начал атаку с перевала. Но солдаты скользили сверху вниз по обледенелой дороге, а она была у турок под перекрестным огнем. Повыбитые батальоны откатились обратно. Долину укрыл туман, и Радецкий с горы не видел, что Скобелев уже начал атаку. Тот же туман помог ему подобраться к вражескому лагерю, а силы турок оттянулись против Святополка-Мирского, Радецкого. «Белый генерал» сам повел за собой подчиненных, вломились в лагерь. Услышав шум боя, Святополк-Мирский тоже поднял бойцов. Турок стиснули с двух сторон. Они метались в неразберихе. Вессель-паша счел, что его окружили, и вывесил белый флаг, приказал сложить оружие. Хотя часть его конницы не послушалась и ускакала. Турок побили 5 тыс., 22 тыс. взяли в плен, захватили 93 орудия.

Переход русских через Балканы, пленение еще одной армии потрясли Османскую империю. В правительстве посыпались отставки – теперь султан подбирал вельмож со связями на Западе. Было ясно, что слабая армия Шакир-паши в Болгарии остановить прорыв не сможет, и Абдул-Хамид повелел Сулейману-паше в экстренном порядке перебросить сюда группировку из «четрехугольника крепостей». Но одновременно султан обратился к царю. Только теперь, когда наши колонны преодолели горы, Александр Николаевич уехал в Петербург. Видел, что победа уже обеспечена. А в столице через британского посла ему передали послание султана, просившего остановить войска, начать переговоры о мире. Александр Николаевич согласился, назвал предварительные условия. И пока без остановки войск.

А события раскручивались стремительно. 40-тысячная

сербская армия перешла в наступление на Ниш, на Косово – сил против нее осталось слишком мало. Цесаревич Александр обнаружил, что стоявшие против него турки отходят, и двинул свои корпуса следом, без боя занимал города. Так же и в Добрудже двинулся вперед 14-й корпус. А турецкие контингенты, выводимые отсюда, срочно везли к Филиппополю (Пловдиву), там Сулейман-паша собирал армию, подчинив части Шакир-паши. 50 тыс. аскеров со 122 орудиями развернулись вдоль реки Марица, уничтожив мост. Но и Гурко от Софии повернул к Филиппополю.

Вечером 2 (14) января 1877 г. его авангарды вышли к Марице и, не останавливаясь, на морозе бросились в реку. Перешли ее по грудь в воде, дружно сбили врага с передовых позиций. На следующий день через реку переправлялось все больше наших войск. Гурко начал атаки и обходил противника с фланга, овладел Филиппополем. В ночь на 5 (17) января Сулейман приказал отступать. Русские заметили. Лейб-гвардии Литовский полк ворвался прямо в середину начавшей отход армии, принялся крушить что подвернулось. Турки побежали. За ними гнались, две отставшие дивизии уничтожили. Вражеская армия свернула не к Константинополю, а на юг, в Родопские горы. В преследование пустилась кавалерия под началом Дмитрия Скобелева, отца «белого генерала». Настигла турок у Караджилара и довершила разгром. Они потеряли всю артиллерию, 5 тыс. убитых, 2 тыс. пленных. Остатки армии развалились. Без оглядки удирали подальше, к Эгейскому морю.

А от Шипки стремительно продвигались колонны Скобелева-сына. Вперед он выслал авангард генерала Струкова из двух кавалерийских и казачьего полков. Они мчались бурей, громя железнодорожные станции, обозы, склады. Турки в панике разбегались. В Адрианополе (Эдирне) находился 2-тысячный гарнизон. Но 8 (20) января появились русские, и неприятели даже не пытались обороняться, бросили город. Через два дня в Адрианополь торжественно вступил сам Скобелев. А его конница скакала дальше, влетела в Сан-Стефано, пригород Константинополя, в 12 км от него.

Ее остановил высочайший приказ Александра II. Царь держал слово, не захватывать османскую столицу. Да, получилось примерно так же, как в древние времена, когда князь Олег не стал брать Цареград, но в ознаменование победы прибил на воротах свой щит. В Адрианополе бывший посол в Турции Игнатьев начал переговоры с султанскими уполномоченными. Они соглашались на что угодно. Быстро были выработаны предварительные условия, определены демаркационные линии для воюющих

сторон. На Черном море напоследок блеснул лейтенант Макаров. После первых успехов с самодельными «крылатками» он сумел выпросить в морском министерстве несколько страшно дорогих торпед Уайтхеда. 14 января на рейде Батума впервые в мировой истории потопил торпедой военный пароход. А 19 (31) января было подписано перемирие.

Но при прорыве русских к Константинополю вздыбилась вся Европа! Австро-Венгрия объявила мобилизацию, стягивала войска к границам. В Англии Дизраэли произнес русофобскую речь, и парламент абсолютным большинством голосов выделил 6 млн фунтов на военные нужды. В Эгейское море пожаловала британская эскадра адмирала Хорнби. Как только разнеслась весть о перемирии, 20 января (1 февраля), она по приказу из Лондона вошла в Дарданеллы, направляясь к Константинополю. Но в ответ и великий Николай Николаевич двинул войска через демаркационные линии. Прозвучало заявление царского правительства – ввиду действий англичан русские займут Константинополь. Это остудило британцев. Через три дня договорились: эскадра удаляется на 100 км от турецкой столицы, а наша армия возвращается за демаркационную черту.

По условиям перемирия турки сдавали крепости: Рущук, Силистрию, Видин, Белградчик, на Кавказе – Эрзерум. А переговоры продолжались, и 19 февраля (3 марта) в Сан-Стефано был подписан мирный договор. Россия выиграла битву «за други своя». Крови пролила немало: пало в боях и умерло от ран более 22 тыс. солдат, казаков, офицеров. Из раненых 35 тыс. были уволены в небоеспособные. Еще больше были потери от болезней, травм, перегрева, обморожений [105]. Но такой ценой русские принесли свободу балканским единоверцам.

По Сан-Стефанскому договору получали независимость Сербия, Черногория, Румыния, их территория увеличивалась. Болгария становилась автономным государством – в ее границы включались и Македония, часть Албании. Управление страной налаживалось через русского комиссара, на 2 года в Болгарии оставалось 50 тыс. наших войск. Автономию приобретали и Босния с Герцеговиной, объединенные в одну область. В турецкой части Армении султан должен был провести реформы с самоуправлением христианских общин, ограждением их от насилий – под контролем российского правительства. Царские войска оставались в Эрзеруме, пока Александр II не убедится, что предприняты достаточные меры. Сходные реформы предусматривались в Албании и оставшихся в Османской империи греческих областях.

Турция выплачивала России контрибуцию, 1 млрд 410 млн

рублей. Из них 1 млрд 100 млн погашались территориальными уступками. Султан отдавал на Кавказе Батум, Ардаган, Карс, Баязет с прилегающими районами, в Европе – дельту Дуная и Добружду. Их царь передавал Румынии, которая взамен возвращала России Южную Бессарабию. Проливы Босфор и Дарданеллы не только в мирное, но и в военное время становились открытыми для всех торговых нейтральных судов, следующих в русские порты и из них.

Между прочим, Абдул-Хамид объяснился с подданными весьма своеобразно. Он открыто и нагло объявил о… своей победе. В турецких газетах было опубликовано официальное обращение: «Наш милостивый и победоносный государь на этот раз совершенно один вышел из борьбы победителем неверных собак. В своей неимоверной благости и милосердии он согласился даровать нечистым собакам мир, о котором они униженно просили его… Брат повелителя русских имеет немедленно явиться с большою свитою в Стамбул и в прах и в пепел, в лице всего мира, просить прощения и принести раскаяние. При этом имеет быть уплачена обычная числящаяся за ними дань, после чего повелитель правоверных в своей неистощимой милости и долготерпении вновь утвердит повелителя русских в его должности вассального наместника его страны. Но дабы отвратить возможность нового возмущения, султан, в качестве верховного повелителя земли, повелел, чтобы 50 тыс. русских остались в виде заложников в Болгарии» [106].

Александр II своих заслуг не выпячивал, и историки его роль в войне обычно замалчивают. Хотя решающий поворот к победе обеспечил именно он. Спас армию от катастрофы после третьего штурма Плевны, провел решения о ее осаде, о зимнем походе за Балканы. И далась эта победа государю совсем не легко. Очевидец отмечал: «Когда царь уезжал на войну, это был высокий и красивый воин… Когда он возвратился, его с трудом можно было узнать. Щеки его отвисли, глаза помутнели, фигура согнулась, все тело исхудало так, что казалось, это была кожа да кости. Несколько месяцев было достаточно, чтобы он превратился в старика» [3, с. 229].

Зато вся Россия праздновала звоном колоколов, благодарственными молебнами, салютами, банкетными или трактирными тостами – что кому ближе. Праздновали сербы, болгары, черногорцы, босняки, славили русских братьев и царя. Впрочем, у Болгарии память оказалась короткой. Но до сих пор день подписания Сан-Стефанского договора остается у нее национальным праздником, Днем освобождения. А в Болгарской Церкви до нынешнего дня на Литургии во время Великого входа

оглашают память Александра II и его павших воинов: «Блаженопочиналия наш освободител император Александър Николаевич и всички воини, паднали на бойното поле за вярата и освобождението на нашето отечество, да помене Господ Бог в Царството Си».

Глава 26. Битвы не железных канцлеров

Берлинский конгресс. Художник Антон фон Вернер

Казалось бы, война и конфронтация с Западом должны были сплотить Россию в патриотическом подъеме, как в период польского восстания. Но… единой России с общими ценностями уже не стало! Жандармерия и полиция едва успели выловить тысячи агитаторов, хлынувших «в народ», а в 1875 г. в Москве вскрыли еще один клубок, «Всероссийскую социально-революционную организацию». Она тоже имела заграничные корни, возникла в Швейцарии из обучавшихся там студентов. А из Москвы создавала дочерние центры в Киеве, Туле, Одессе. Она сделала выводы из провалов народников, ввела правила конспирации: поддельные документы, клички, шифры. «Социал-революционеры» развернули агитацию среди рабочих – они были ближе к мужикам, чем интеллигенция, из них намечалось подготовить актив для работы в деревне. Цели ставились те же: свержение самодержавия, политические «свободы».

Едва ликвидировали гнездо в Москве, как в Петербурге возникло «Общество народников», позже название поменялось на старый девиз «Земля и воля». Эта организация тоже ввела конспирацию, а кроме того, централизацию, строгую дисциплину, целью ставила крестьянскую революцию, учреждала филиалы по другим городам, в деревнях устраивала агитаторов на постоянной

основе – писарями, учителями, землемерами. Новые структуры вбирали в себя тех, кто ускользнул от прежних арестов или был освобожден при следствии (а жандармы еще и получали втыки от начальства, что нахватали безвинных).

6 декабря 1876 г. «Земля и воля» устроила первую в России политическую демонстрацию. Перед Казанским собором вышли 150 человек, студент Плеханов произнес речь, подняли красное знамя. Полицию с дракой отогнали, она вызвала подкрепления. Часть демонстрантов разбежались, 31 задержали. Квалифицировали как бунт, сопротивление властям. Перед судом предстал 21 человек, троих оправдали, об остальных сам суд ходатайствовал перед царем о смягчении приговора. Трое получили большие сроки каторги, 9 – ссылку в Сибирь, трое рабочих – в монастырь на 5 лет. А революционеры были разочарованы: потери большие, результат нулевой.

У либерального начальника III Отделения Потапова выявилось в это время явное душевное расстройство, царь отправил его в отставку, назначил вместо него умного служаку генерал-лейтенанта Мезенцова. Благодаря ему (и личным напоминаниям государя) наконец-то стали сдвигаться с мертвой точки «зависшие» дела. В начале 1877 г. в Особом Присутствии Сената состоялся «процесс пятидесяти» над московскими «социал-революционерами». Обвинение: «тайное сообщество, задавшееся целью ниспровержения существующего порядка».

Но показательного процесса, который встряхнул бы Россию осознанием опасности, как дело «нечаевцев», больше не получилось. Хорошо поработали адвокаты. А подсудимые превратили суд в трибуну, произносили пламенные речи, и их тиражировали за границей. Преступникам сочувствовала «общественность», в том числе виднейшие деятели культуры Некрасов, Салтыков-Щедрин, Тургенев. Десяток осужденных отправили на каторгу, два с лишним десятка в ссылку, троих оправдали, остальные отделались краткосрочным тюремным заключением.

И лишь в ноябре 1877 г. дошла очередь до агитаторов, ходивших «в народ», подбивая его на восстание в 1874 г. Но большинство арестованных отпустили (и многие уже попадались вторично). 43 человека умерли в тюрьме (туберкулез-чахотка у студентов был повальным явлением, а в заключении быстро погрессировал), 12 покончили с собой, 38 сошли с ума или симулировали помешательство – что красноречиво свидетельствует о психическом состоянии смутьянов. На суд вывели 193, и обвинения были еще серьезные, всероссийский заговор, призывы к восстанию, «перерезать всех чиновников и

зажиточных людей».

В эти же дни наши воины самоотверженно дрались под Плевной и Карсом, надрывались в балканских снегах. А в Петербурге подсудимые выступали с зажигательными речами. Публика им симпатизировала, чувствительные дамочки устраивали истерики. В таких условиях решили разбить революционеров на группы, судить за закрытыми дверями. Но 120 обвиняемых объявили, что бойкотируют суд, назвали его «домом терпимости». Невзирая на это, отнеслись к ним крайне мягко. 28 человек приговорили к каторге от 3 до 10 лет, 36 – к ссылке. Прочих оправдали или зачли предварительное заключение (а среди них были будущие предводители террористов Перовская, Желябов, Морозов и др.). Узнав о таком приговоре, Александр II был возмущен. Распорядился в административном порядке выслать 80 оправданных, хотя многих уже след простыл.

Но мало того, на суде всплыло нарушение закона петербургским градоначальником Треповым. Летом он инспектировал тюрьмы, и один из 193-х, Боголюбов, встретил его нарочитой демонстрацией дерзости, не снял шапку, как полагалось по тюремным правилам. Трепов приказал его высечь – однако телесные наказания допускались только для осужденных преступников, а Боголюбов был подследственным. Революционерка Вера Засулич 24 января записалась к градоначальнику на прием и тяжело ранила из револьвера.

А через неделю в Одессе хозяин квартиры на Садовой сообщил в полицию, что у его квартиранток собираются подозрительные, носят какие-то грузы. Там устроила подпольную типографию организация Ковальского – его уже дважды арестовывали, в том числе по «делу 193-х». 30 января жандармы пришли с обыском, а на квартире как раз собрались активисты. Ковальский стал палить из револьвера, его товарищи вооружились ножами. Были ранены несколько жандармов и полицейских, дворник, смутьянов взяли с боем (ранили двоих). Но война еще не закончилась, Одесса находилась на военном положении, и арестованных предали военному суду.

Из столицы примчались лучшие адвокаты, сверкавшие в недавних процессах. Тем не менее Ковальского приговорили к смерти, троих его соратников к каторге, двоих к ссылке. Но в день оглашения приговора оставшиеся на воле сообщники собрали у здания суда огромную толпу молодежи, рабочих, портового сброда. Разгоняли войсками, и зазвучали выстрелы с обеих сторон. Несколько солдат было ранено, двое манифестантов убито. Начались поиски организаторов, а Ковальского расстреляли.

Зато в Петербурге Веру Засулич суд присяжных полностью оправдал. На ее стороне был и председатель суда Кони, один из авторов судебной реформы. Освободили под восторженные овации публики – в зале она не вместилась, множество людей встречало «героиню» на улице. Царь, правительство, правоохранительные органы были в шоке. Сразу же был отдан приказ арестовать террористку, приговор опротестовали, но ее уже спрятали и по чужим документам отправили за границу. По Европе Засулич, Кони и адвокат Александров стали «звездами», их превозносила вся пресса.

А по России понеслось… В Ростове-на-Дону революционеры убили рабочего – отошел от них, и заподозрили, что доносит. В Киеве активист «Земли и воли» Осинский смертельно ранил товарища прокурора Котляревского, организовал убийство жандармского штаб-ротмистра Гейкинга. Там же в Киеве в университете студенты напали на ректора. 120 человек исключили, 15 сослали в Сибирь. Когда их этапировали через Москву, здешние студенты устроили массовую демонстрацию в их поддержку. Вмешались торговцы и простонародье. С криками «бей изменников русского царя!» разогнали студентов. Беспорядки были и в учебных заведениях Петербурга, поотчисляли и выслали 600 человек. В Харькове разбушевавшуюся молодежь усмиряли казаками.

Начальник III Отделения Мезенцов представил проект: через специальные печатные издания развернуть среди простонародья контрреволюционную пропаганду, а в образованных слоях общества создавать кружки, препятствующие распространению антигосударственных учений и замыслов [107]. Эти предложения высокопоставленные либералы отвергли как «слишком смелые». Утвердили лишь пункт создавать сеть секретных агентов в революционной среде, на это выделили 400 тыс. руб. А царь предоставил Мезенцову право всех политических, чья виновность доказана, высылать в Восточную Сибирь в административном порядке, без суда. Для особо тяжких преступлений повелел создать верховный уголовный суд.

Но невольно напрашивается вопрос: случайно ли бурный всплеск революционного движения совпал с обострением международной обстановки? Ох, не верится в такие совпадения. Смутьянам откуда-то поступали средства. Подпольных типографий у них возникло несколько. В Петербурге «Земля и воля» начала издавать не только прокламации, но и нелегальную газету. А происходило это на характерном фоне. Лондон и Вена Сан-Стефанского договора не признали, требовали созыва международной конференции. Австро-Венгрия наращивала

военные приготовления. Британский министр иностранных дел Солсбери обратился к европейским державам с грозным циркуляром с обвинениями России. К нему присоединился Андраши.

Королева Виктория подписала указ о призыве резервистов. На Мальту начали перебрасывать колониальные войска из Индии, в Эгейское море послали дополнительные силы флота. Сразу воспрянул духом Абдул-Хамид. Приводил в порядок растрепанные войска, взялся укреплять Константинополь. Но и… Франция, недавно спасенная русскими от повторного разгрома, направила эскадру совместно с британской. И «союзная» Румыния вдруг присоединилась к западным державам, покатила бочки на Россию. Причина была прозаической – получив от царя независимость и обширную Добруджу с дельтой Дуная, она не хотела отдавать Южную Бессарабию. А если подфартит, то и другие части Бессарабии прихватить.

Наша страна очутилась на грани куда более масштабной войны. Царь приостановил возвращение в Петербург лейб-гвардии. Распорядился формировать «обсервационную» армию на австрийском направлении, между Киевом и Луцком, готовить к обороне Балтийское побережье, а черноморским морякам ждать сигнала к минированию Босфора, запереть его от незваных гостей. В Румынию государь направил XI корпус, и он попросту занял Бухарест, предостерегая Кароля и его присных от опрометчивых шагов.

Еще один фронт грозил открыться в Средней Азии. Аппетиты англичан там ничуть не уменьшились. В 1877 г. Дизраэли докладывал королеве, что надо «очистить Среднюю Азию от московитов и загнать их в Каспий. Мы имеем хороший инструмент для этого в лице лорда Литтона, который и послан туда с этой целью». Упомянутый Литтон, новый вице-король Индии, старался натравить на русских Афганистан. Для этого давил на эмира Шир-Али, требуя разместить в Кабуле постоянную британскую миссию – которая и будет регулировать эмира. Или найдет других партнеров среди местной знати. Шир-Али понимал угрозу стать британской марионеткой или слететь с престола. Уклонялся под разными предлогами, что бесило Литтона.

Но некоторых афганских вождей британцы втянули под влияние, а в российских владениях оставался обширный уязвимый промежуток. Между покоренным Хивинским ханством и Каспийским морем оставались независимыми туркменские племена – сильные, воинственные. Сообщение между Красноводском и Ташкентом шло кружным путем, через Астрахань и Оренбург. Через Афганистан туркменам начали

поставлять английские винтовки [61, с. 261]. А они и без того были беспокойными, у них ценилась удаль. Непрестанно нападали и на персов, и на бухарцев, и на русские владения. А достать их было крайне сложно в оазисах среди пустынь.

Царское правительство о происках англичан знало. Строились планы подчинить туркмен, отрезать от сопредельных государств, проложить прямую дорогу от Каспия в Туркестан. Закаспийским отделом с центром в Красноводске командовал генерал-майор Ломакин. Он подчинялся Кавказскому округу, сил у него было мало, чуть больше полка. Пока шла война, о подкреплениях даже речи не было. Но все же в 1877 г. Ломакину поставили ограниченную задачу – добраться хотя бы до ближайшего оазиса Кизил-Арват и закрепиться там, застолбить за собой. Глядишь, и на туркмен подействует. Ломакин приказ выполнил, дошел до Кизил-Арвата. Но кончилась еда. Наладить подвоз через пустыню и туркменские отряды не получалось, пришлось возвращаться в Красноводск.

В начале 1878 г. опасность столкновения с Англией стала реальностью. Царь объявил мобилизацию Туркестанского округа, повелел привести войска в полную готовность. А в Афганистан направил тайную миссию генерала Столетова – одного из героев войны, командира болгарского ополчения. Ему поручались переговоры с эмиром Шир-Али, постараться повернуть его из-под британского влияния на нашу сторону. В Кавказском округе войска были еще заняты в Турции, готовили оборону Черноморского побережья. Но и Ломакину приказали провести «усиленную рекогносцировку» главного оазиса, Ахал-Текинского. То есть припугнуть туркмен. Генерал выступил с наличными силами. Местные племена в бой не вступали. Укрылись в мощной крепости Геок-Тепе – квадрате глинобитных стен, длиной и шириной с версту. Солдаты Ломакина добрались до нее с неимоверными трудами. Для штурма или осады их было слишком мало, да и приказа такого не имели. Ограничились разведкой и двинулись назад. Но туркмен их появление ничуть не вразумило. Наоборот, сочли, что русские их испугались. Нападения посыпались пуще прежнего.

А между тем в конце апреля в европейском противостоянии произошел перелом. Германия предложила свое посредничество в урегулировании. Для России новая война была никак не с руки. Она понесла потери, израсходовала военные запасы, истратила 1 млрд 26 млн руб. Военное министерство заявляло о неготовности, министерство финансов стращало кризисом, конфронтация могла подорвать и торговлю – ведь страна втянулась в зависимость от импорта, в основном британского.

Александр II принял предложение Вильгельма I и Бисмарка. Конгресс был назначен в Берлине.

Но обращает на себя внимание еще одно совпадение! Сразу после этого терроризм вдруг всплеснул в Германии! 11 мая Вильгельм с дочерью ехал в открытой коляске по улице Унтер-ден-Линден, и анархист Хедель трижды выстрелил в него из револьвера. Промахнулся, террориста схватили, после суда обезглавили. А 2 июня Вильгельм снова ехал по Унтер-ден-Линден, и некий доктор Нобилинг из окна разрядил в него охотничью двустволку, тяжело ранил. И с собой попытался покончить, умер от раны. Кто стоял за ним, осталось неизвестным. Но Вильгельм, друг Александра II, вышел из строя. Заместил его кронпринц Фридрих, женатый на дочери британской королевы, ярой русофобке – а ее мнения были для мужа законом.

Ну а ведомство Горчакова придумало хитрый план – перед конгрессом расколоть противников, закулисно договориться с ними отдельно. Но в Вене Андраши предъявил то самое «сверхсекретное» соглашение, где Австро-Венгрии за нейтралитет обещали Боснию и Герцеговину. И тут уж перед нами всплывает грандиозная загадка с этим самым соглашением [88, с. 314, 318]. Выделение Боснии и Герцеговины в отдельное автономное образование впервые озвучил сам Александр II – когда Абдул-Хамид запросил о мире, и царь перечислил предварительные условия. Именно они легли в основу Сан-Стефанского договора. Вот и спрашивается: мог ли государь «забыть» о соглашениях, которые он же заключал с Австро-Венгрией? До такой степени «забыть», что оказаться на грани войны, собирать армию на Украине!

Нет. Он был по натуре человеком чести. А с Австро-Венгрией лично налаживал отношения, создавал «Союз трех императоров». И вдруг так откровенно «кинуть» Франца Иосифа, перечеркнув собственные обязательства? Вывод напрашивается единственный. Не только Игнатьев, составлявший Сан-Стефанский договор, но и государь об этих соглашениях ничего не знал. Представители российского МИДа заключили их за спиной своего императора. И может быть, даже не перед войной, а задним числом теперь, при сепаратных договоренностях. Цель – обосновать претензии Австро-Венгрии и собственные уступки. В любом случае это был дипломатический сговор.

Что же касается англичан, громче всех скандаливших, то они вдруг выказали полную готовность договариваться. Но Дизраэли озаботили границы Болгарии. Она получила территории с выходом не только к Черному, но и к Эгейскому морю. А если

станет младшей союзницей России, то и русские через нее получат выход в Эгейское и Средиземное моря, да и с Константинополем в любой момент окажутся совсем рядом. Волновал англичан и сдвиг наших границ в Закавказье, углубление в Азию. Посол в Лондоне Шувалов получал из министерства инструкции договориться во что бы то ни стало, и по всем пунктам шел на уступки, заключив соответствующее секретное соглашение. А крайним для ликвидации конфликта сделали автора Сан-Стефанского договора Игнатьева, лучшего дипломата России уволили в отставку.

Но Англия-то была себе на уме. Невзирая на договоренности с Шуваловым, заключила соглашение в Австро-Венгрией, держаться на конгрессе заедино. И с Турцией – обязалась защищать ее интересы, за что султан… отдавал британцам остров Кипр. В результате не русские раскололи противников, а Англия окрутила всех, в том числе Россию. Берлинский конгресс открылся 1 (13) июня 1878 г. под председательством Бисмарка. Встретились представители Англии, Франции, Австро-Венгрии, России, Италии, Турции. Приехали и делегаты Сербии, Черногории, Греции, Румынии, от турецких армян. Но к ним относились свысока, а то и с откровенными насмешками. Держали за дверью и вызывали лишь в случаях, непосредственно их касающихся. Даже официальных заявлений от их правительств не принимали.

Тон задавали главы британской и австрийской делегаций, Дизраэли и Андраши. Франция и Италия им поддакивали. На заседаниях присутствовали германский кронпринц Фидрих с женой-англичанкой, настроенные к нашей стране враждебно. Но ведь и Бисмарк держал «зуб» на Россию и персонально на Горчакова. А тот возглавлял русскую делегацию. Ему было уже 80 лет, он стал полной развалиной. Мало того, силясь почерпнуть «молодую» энергию, он давно уже употреблял наркотики. На первое заседание его принесли в кресле, и он сразу же «по ошибке» показал Дизраэли секретную карту, составленную в МИДе, с максимально допустимыми для России уступками [3, с. 231]. Разумеется, на меньшее англичане с австрийцами уже не соглашались.

Отбиваться от лица нашей страны пришлось Шувалову. Но как ему было отбиваться, если он сам по указаниям МИДа подписывал соглашение с Дизраэли? А царь писал Долгоруковой: «Я надеюсь, что конгресс не приведет к началу новой войны… Хотя я скорее предпочту войну тому постыдному миру, который Англия и Австрия, как представляется, собираются нам навязать» [24, с. 254]. Однако даже от царя зависело далеко не все. Его

дипломаты еще до конгресса сдали все позиции! Споры разгорались уже о частностях. А вокруг государя находились люди (и в том числе Долгорукова), убеждавшие, что воевать все равно нельзя, выработанные решения придется принять.

1 (13) июля конгресс завершил работу подписанием Берлинского трактата. Как и требовали англичане, Болгарию отодвинули от Константинополя и Эгейского моря. Для этого ее разделили надвое. Автономным княжеством становилась только Северная Болгария, до Балканских гор. А в Южной вводилось самоуправление, губернатор из христиан, но она оставалась турецкой провинцией. Управление Болгарией налаживалось не одним русским комиссаром, а коллективно, с комиссарами других великих держав. Пребывание в стране русских войск сокращалось с 2 лет до 9 месяцев.

Босния и Герцеговина вместо образования автономного государства передавались под протекторат Австро-Венгрии. Независимость Сербии, Черногории, Румынии конгресс подтвердил, но территориальные приобретения сербов и черногорцев сильно урезал. За интересы жадной Румынии англичане и австрийцы воевать совершенно не собирались, ей пришлось вернуть России Южную Бессарабию, получив взамен Добруджу и дельту Дуная. Но попутно… конгресс предписал Румынии дать евреям равные права с христианами.

В Закавказье за Россией оставались отвоеванные у турок Карс, Ардаган, Батум с прилегающей областью. Но Баязет и Алашкертскую долину по настоянию англичан возвращали султану. Контроль за реформами в Турецкой Армении возлагался не на царское правительство, а на все великие державы. Русские войска из Эрзерума и других османских владений выводились. Проливам Босфор и Дарданеллы возвращался прежний статус, султан в случае войны мог закрывать их по своему усмотрению.

Французский историк А. Мале писал, что самые значительные выгоды урвали «две державы, не принимавшие в войне никакого участия, причем одна из них, Англия, сделала неизбежной саму войну, поощряя турок». Да, Австро-Венгрия хапнула Боснию и Герцеговину, британцы за услуги султану получили Кипр. Границы балканских государств конгресс перекроил, перессорив их между собой. Из-за передачи реформ в Турецкой Армении под коллективный надзор великих держав, возвращения территориального залога и вывода царских войск эти реформы так и не были проведены. Последствиями Берлинского трактата стали резня армян в 1894–1896 гг., геноцид в 1915 г., Балканские войны, теракт в Сараево в 1914 г. и завязка Первой мировой войны.

Впрочем, эти итоги проявились позже. А по завершении конгресса Горчаков телеграфировал царю: «Берлинский трактат – самая черная страница в моей служебной карьере». Александр II приписал на полях: «И в моей тоже». Правда, при более взвешенном анализе либеральное крыло правительства признало достижения успешными. Государя убеждали: «Не сочли бы мы безумцем того, кто еще два года назад предрек бы столь блестящий результат». Оценивали, что «Россия получила значительные приобретения», а ущерб нанесен в большей степени ее престижу, и Милютин назвал условия трактата «значительным прогрессом» [24, с. 257]. Царь в конце концов согласился, что в реальной обстановке России удалось извлечь из своей победы все, на что можно было надеяться.

Но общественность встретила итоги конгресса негодованием. И патриоты, и славянофилы шумели о позоре, о чудовищном дипломатическом поражении. Призывали к разрыву трактата, фактически к войне. Клеймили «предателями» Германию и Австро-Венгрию. Хотя предателей можно было поискать и ближе. Мы не знаем, каким образом в государственном руководстве разбирались со «сверхсекретными» играми дипломатического ведомства. Горчаков остался на своем посту. Но чисто номинально. От дел его царь отстранил, отправил на лечение в милую ему Европу. Руководить МИДом назначил собственного ставленника Гирса [3, с. 232].

И в это же время миссия Столетова долго добиралась до Кабула. Афганские вожди, связанные с англичанами, не пропускали ее. Столетов все-таки достиг цели. С эмиром Шир-Али он встретился 26 июля. Однако генерал попал в весьма своеобразное положение. С одной стороны, выяснилось, что эмир и сам, без уговоров, настроился переориентироваться от англичан на русских. Он же видел разницу между своими соседями. Но, с другой стороны, Столетов в Кабуле получил известия о завершившемся Берлинском конгрессе. Конфронтация между Россией и Англией разрешилась мирными соглашениями, и теперь нельзя было их нарушать, давать новый повод для конфликта. Поэтому визит ограничился благожелательными беседами, устными заверениями, без всяких договоров.

Но… британцы миссию Столетова отслеживали, встречу с Шир-Али восприняли крайне тревожно. Предъявили эмиру ультиматум (в жесткой и грубой форме) – принять в Кабуле постоянное британское посольство, дать согласие следовать советам Лондона во внешней политике. И вообще открыть Афганистан для всех англичан: военных, торговцев, предпринимателей. При попытках Шир-Али оспорить некоторые

пункты Дизраэли объявил войну. В ноябре 1878 г. в Афганистан двинулась заранее изготовившаяся 40-тысячная армия. Эмир к вторжению был не готов. Его войска потерпели несколько поражений. Шир-Али оставил управление страной сыну Якуб-хану и бежал в Россию. Однако до границы не доехал, убили.

Глава 27. Еще один фронт – внутренний

Подорванный поезд царской свиты в Замоскворечье

Революционеры добавили в пропаганду и Берлинский трактат – дескать, яркое свидетельство, что царь и его правительство не способны решать не только внутренние, но и внешнеполитические проблемы, не смогли защитить интересы России, братьев-славян. А 4 августа 1878 г. в центре Петербурга член руководства «Земли и воли» Степняк-Кравчинский подошел к начальнику III Отделения Мезенцову и нанес смертельный удар кинжалом. Прыгнул в поджидавшую его пролетку и умчался, после чего улизнул за границу.

Царь устроил Мезенцову очень пышные похороны. 8 августа в почетном карауле стояла лейб-гвардия, присутствовали сам император с наследником и высшими должностными лицами, дипломатический корпус. А сразу после похорон Александр II повез тех же должностных лиц в Зимний дворец на заседание Совета министров. Постановили террористов и оказавших вооруженное сопротивление предавать военному суду, участников сходок и беспорядков – ссылать в Восточную Сибирь, выделить для политических отдельные тюрьмы и каторжные колонии. Опубликовали призыв ко всему обществу помочь в борьбе с крамолой. Вместо Мезенцова Александр II назначил своего личного доверенного, генерала от инфантерии Дрентельна. Подал в отставку и министр внутренних дел Тимашев, был заменен статс-секретарем Маковым.

Через неделю царь с больной женой отправился в Ливадию и… чудом избежал очередного покушения. Ехали через Николаев, а там продолжалось расследование о прошлогодних беспорядках в Одессе, с перестрелкой у здания суда. За два дня до прибытия государя жандармы нагрянули с обыском к одному из подозреваемых и нашли части взрывного устройства. Хотя его предназначение против императора открылось только через год. Он проследовал в Крым, еще не зная об этом.

Кстати, в Германии после покушений на Вильгельма Бисмарк ввел «Закон о социалистах» – любые революционные партии, кружки, литература, разговоры запрещались под страхом тюремного заключения или (за чтение и хранение такой литератур) крупных штрафов. Выполняли закон жестко, местные смутьяны побежали в эмиграцию. Впрочем, можно отметить и другое. За играми на «экспорте революций» по-прежнему стояла Англия. А главной противницей она снова видела не Германию, а Россию – и персонально Александра II. Наша страна сумела возвратить былое величие и авторитет, продемонстрировала военное могущество, расширяла границы – и даже Берлинский конгресс усилиями всей Европы не смог свести на нет результаты ее побед.

Стоит ли удивляться, что убийца Мезенцова Степняк-Кравчинский получил убежище в Англии, и его не выдали. Хотя преступление он не скрывал, описал его в брошюре «Смерть за смерть» [108]. Но он женился на дочери богатого британского купца, друга Энгельса, сошелся с английскими социалистами и, по сути, продолжил дело Герцена. Писал и издавал книги «Подпольная Россия», «Россия под властью царей», «Русская грозовая туча». Его произведения не только пользовались успехом у зарубежной публики, но и поступали в нашу страну, стали настоящими «учебниками» революционеров. Для их поддержки Степняк-Кравчинский создал в Англии «Общество друзей русской свободы», начал издавать журнал «Свободная Россия».

А царское правительство разделилось на две партии. Наследник Александр Александрович и его сторонники стояли за непримиримую войну со смутьянами, ужесточение законов и охранительных мер. Другое крыло во главе с Милютиным и Валуевым доказывало, что главная причина нестабильности – «незавершенность» реформ. Надо углублять их, и все успокоится.

Хотя война-то уже шла. В Киеве вычислили организатора двух терактов Осинского. Брали на улице – он и его подруга Лешерн пытались отстреливаться. Там же, в Киеве, жандармам пришлось штурмовать конспиративную квартиру, где отбивалась вооруженная группа Брандтнера и Свириденко (между прочим, у

всех перечисленных революционеров за плечами было уже по нескольку арестов, и всякий раз их освобождали). В Харькове генерал-губернатор Кропоткин возвращался из театра, и его застрелил боевик «Земли и воли» Гольденберг. В Москве убили полицейского агента Рейнштейна, раскрывшего одну из революционных структур. В Петербурге активист «Земли и воли» Мирский (два месяца назад выпущенный через адвокатов на поруки) верхом на коне догнал карету начальника III Отделения Дрентельна и дважды пальнул из револьвера в окно, но промахнулся.

Теракты взвинчивали в стране нервозную обстановку – а пользовались этим либералы. 1 апреля 1879 г. в Москве собрался нелегальный «общеземский» съезд – напомним: проводить объединенные мероприятия губернским земским структурам не дозволялось. Но делегаты, съехавшись без разрешений, как бы праздновать Пасху, провозгласили, что в России надо ввести конституционное правление. Постановили, чтобы подобные инициативы посыпались одновременно от разных губернских собраний. Хотя обнаглевшие земцы сразу поджали хвосты – на следующий день прозвучали выстрелы в Петербурге…

Царя вызвался убить вчерашний сельский учитель и агитатор Соловьев. Он должен был представиться одиночкой, но готовила покушение столичная организация «Земли и воли». Группа Веры Фигнер изучила маршруты прогулок Александра II, режим охраны. Соловьев тренировался в тире стрельбе из английского крупнокалиберного револьвера Уэбли (революционеры любили его, называли «медвежатник»). Репетировали теракт, роль государя исполнял один из сообщников. Время со Страстной пятницы (30 марта) и всю Пасху Христову (1 апреля) Соловьев провел у проститутки, оттягивался напоследок [109].

Утром 2 апреля, в Светлый понедельник, Александр II совершал обычную прогулку в окрестностях Зимнего. 7 человек охраны держались на отдалении, царь не хотел, чтобы ему мешали. На набережной Мойки встретился молодой человек в гражданской фуражке, отдал честь. А когда государь прошел мимо, вытащил из-под пальто револьвер. Александр Николаевич заметил движение за спиной, побежал. Соловьев выстрелил, погнался, выпустив еще три пули. Но «Уэбли» сильно дергался при отдаче, а 61-летний царь помнил воинские тренировки, бежал зигзагами. Две пули лишь прострелили полы шинели. Соловьева догнал начальник охраны штабс-капитан Кох. Ударил шашкой по спине. Тот споткнулся, едва не упал – и повернул прочь. Его схватили сбежавшиеся люди, чуть не растерзали.

Тут уж стало ясно, что меры по борьбе с революционерами

совершенно недостаточны. 5 апреля император учредил временные генерал-губернаторства в Петербурге, Харькове и Одессе. На должности генерал-губернаторов поставил героев недавней войны, в Петербурге – Гурко, в Одессе – Тотлебена. В Харьков назначил Лорис-Меликова – на его счету значился Карс (взятый Лазаревым), потом он успешно руководил карантинными мероприятиями против чумы в Астраханской губернии, а главное – был клевретом Милютина. Генерал-губернаторам царь дал чрезвычайные полномочия – предавать политических преступников военному суду по законам военного времени, по своему усмотрению арестовывать и высылать подозрительных, останавливать или запрещать издание газет и журналов. Применять и иные средства, если сочтут их нужными.

Те же меры были распространены на Московское, Киевское, Варшавское генерал-губернаторства. Первыми под военный суд попали 17 революционеров в Киеве, которых арестовывали с перестрелками. Осинский (близкий друг Льва Толстого), его любовница Лешерн, Брандтнер и Свириденко были приговорены к расстрелу. Царь, узнав об этом, указал, «что в подобном случае соответственнее назначать повешение», о чем военная прокуратура оповестила всех генерал-губернаторов [110]. Лешерн государь все же помиловал, казнь ей заменили пожизненной каторгой, а троих осужденных вздернули.

В Петербурге осудили и публично повесили Соловьева. А в Одессе вскрыли разветвленную организацию, в свое время устроившую бой у здания суда. Она будоражила рабочих, контролировала поток контрабанды запрещенной литературы, создала лабораторию по производству динамита. Тогда-то и выяснили, что здешние революционеры в прошлом году готовили убийство царя в Николаеве. Военный суд приговорил к смерти 28 человек. Но России все-таки было далеко до Франции с зачисткой Парижской коммуны. Количество показалось слишком большим. Повесили пятерых, остальным заменили на каторгу или ссылку.

Однако в лице «Земли и воли» государство получило очень опасных противников. Номинально партию возглавлял коллегиальный Исполнительный комитет, а реально лидером выдвинулся Александр Михайлов. Молодому чиновнику Клеточникову, жаждавшему стать террористом, он сделал другое предложение. С «чистым» прошлым и служебным опытом поступить в… III Отделение. Его приняли письмоводителем в агентурную часть 3-й экспедиции. Он проявил себя умным, старательным, через его руки проходили секретные донесения, распоряжения. Законспирировали его образцово. Одну явку выделили только для связей с ним. Знали ее и наведывались

лишь 2 человека, и Клеточников оповещал, кому грозят обыски, аресты.

Хотя внутри «Земли и воли» копились противоречия. Она неоднократно принимала и публиковала заявления, что с задачей революции «терроризация не имеет ничего общего. Против класса может восстать только класс, разрушить систему может только сам народ». Поэтому все усилия надо обращать на агитацию, «террористы – не более чем охранительный отряд». Однако у «деревенщиков», работавших в крестьянской среде, дело не клеилось. Точнее, результаты-то были. Учителя-революционеры сеяли среди детишек семена атеизма, противостояния власти – но ведь этим семенам предстояло прорасти еще не скоро. А сами интеллигенты и студенты, привычные к городским удобствам, не выдерживали сельской жизни, удирали. Зато теракты гремели на всю стану. Исполнители становились героями в глазах экзальтированной молодежи. А среди активистов выделилась группировка, считавшая терроризм самым эффективным средством «разбудить народ» и «сломить деспотизм».

18 июня 1879 г. в Воронеже состоялся нелегальный съезд «Земли и воли». Но предварительно 11 сторонников терроризма собрались в Липецке. Выработали требования – временно перенацелиться на их методы. При этом вынесли приговор Александру II. Указывали, что в самодержавном государстве царь за все недостатки отвечает лично, и ставили ему в вину обман обещаний народу, лицемерие реформ, разгром польского восстания, «подавление свободы», казни своих сообщников. На съезде в Воронеже переругались, с большим трудом слепили компромиссные резолюции. Но 15 августа на новом съезде в Лесном под Петербургом раскололись окончательно.

Будущие теоретики марксизма Плеханов, Аксельрод, Аптекман, Дейч возглавили организацию «Черный передел», а самые боевые Михайлов, Перовская, Желябов, Гольденберг, Гартман и др. выделились в «Народную волю». Ее программа провозглашала свержение Самодержавия, созыв Учредительного собрания, «демократические свободы», передачу земли крестьянам. Создать условия для переворота должен был террор, и мишенью подтвердили царя. Его гибель потрясет государство, возбудит сочувствующих для захвата власти. Был выдвинут лозунг «Теперь или никогда!». Силы у террористов оказались немалые. В одном лишь Петербурге они обзавелись несколькими типографиями, начали издавать газету «Народная воля», в короткий срок образовали отделения в 50 городах. Агент в III Отделении Клеточников тоже остался в ведении Михайлова – с народовольцами.

А царь и правительство усиливали оборону. 5 августа ввели поправки в законы. Политических преступников допускалось предавать суду без предварительного следствия, судить без свидетельских показаний, приговоры обжалованию не подлежали. На осень государь, как обычно, уезжал с супругой в Ливадию, а в Петербурге назначил особую комиссию под председательством министра государственных имуществ Валуева: выработать меры, как остановить распространение гибельных учений среди молодежи. В нее вошли почти все министры и высшие начальники. Первым делом предложили повысить плату в учебных заведениях, сократить всякие льготы, стипендии – отсекая малоимущих разночинцев, которые в основном и пополняли ряды революционеров.

Министр народного образования Толстой заговорил о более серьезных переменах: упразднить университетский устав 1863 г. с автономией, не позволяющей влиять на внутреннюю жизнь учебных заведений, на направления преподавания. Усилить инспекцию средних школ. Министр финансов Грейг и шеф жандармов Дрентельн поправили, что не проверки надо усиливать, а передать все школы в ведение Синода и правительства, отстранив от них земства. Эти идеи поддержало большинство, но они так и не были реализованы. Завязли в юридической паутине и спустились на тормозах.

А пока министры заседали и обсуждали, «Народная воля» развернула грандиозную операцию. После покушения Соловьева револьверы забраковали как слишком ненадежное оружие. Революционеры с инженерным образованием во главе с «главным техником» Кибальчием наладили изготовление динамита, а нужные компоненты можно было купить в аптеках. Было решено взорвать поезд царя при возвращении из Крыма. Но Александр II ездил из Ливадии двумя путями. Иногда плыл морем до Одессы, а там пересаживался на поезд. Или садился в вагон прямо в Крыму, в Симферополе.

Диверсии взялись готовить на обоих маршрутах. В Одессе к члену правления Юго-Западной железной дороги Унгерну, зятю Тотлебена, пришла на прием знатная дама. Замолвила словечко за своего слугу – дескать, у его жены обнаружили туберкулез, и ему нужна работа на свежем воздухе. Унгерн охотно пошел навстречу, черкнул записку, и террориста Фроленко приняли сторожем-обходчиком. Его «женой» была сообщница Лебедева, а роль дамы исполнила Фигнер. Она с Кибальчичем остановилась в Одессе, организовав мастерскую для производства взрывчатки.

На второй трассе из Крыма в Александровске (Запорожье) появился некий купец с супругой. Приобрел землю под

строительство кожевенного завода – участок выбрали возле железнодорожного полотна. Наняли откуда-то мастеровых, начали работы. Купцом и супругой были террористы Желябов и Якимова, рабочими – их помощники. Рыли подкоп под насыпью дороги – в этом месте она проходила вдоль глубокого оврага, куда и должен был рухнуть поезд.

Но на случай, если царь не погибнет под Одессой или Александровском, готовился и запасной вариант. Молодая пара купила дом в Замоскворечье, в 7 км от Курского вокзала – около железной дороги. Парой были Перовская и Гартман. Под предлогом перестройки дома к ним ходили «родственники», рабочие – во главе с самим их лидером Михайловым. Из подвала рыли подземный тоннель к магистрали. Землю по ночам выносили и разравнивали на огороде. Работа была тяжелейшая. Предстояло прокопать более 40 м. Крепили нору деревянными опорами, досками. Некоторые брали с собой под землю яд – если завалит, чтоб не мучиться. Когда залили дожди, из подкопа вычерпывали по 300–400 ведер в сутки.

Под железнодорожную насыпь подрыться не смогли, грунт был слишком сыпким. Возникли опасения, хватит ли динамита, если рвануть не под полотном, а рядом. Но в ноябре поступила информация: царь поедет через Александровск. Гольдерберга (убийцу харьковского генерал-губернатора Кропоткина) срочно командировали в Одессу – привезти оттуда «высвободившуюся» взрывчатку. Груз он забрал, однако в Елисаветграде показался полиции подозрительным, и 15 ноября его задержали с пудом динамита. Экстренно доложили Дрентельну, он оставил на донесении резолюцию: «Не к проезду ли императорского поезда он готовился?» По пути следования государя полетели предупреждения «о возможном покушении по случаю проезда государя из Ливадии в Петербург».

18 ноября литерный поезд миновал Александровск. В степи его ждали. Царь, как уже знали народовольцы, ехал в четвертом вагоне. Когда он наехал на мину, наблюдатель крикнул «жарь!». Желябов замкнул провода электрической батареи, и… взрыва не последовало. Неправильно соединили цепь взрывателя или где-то повредили. Вечером 19 ноября вступила в дело запасная команда, московская.

Но… произошла непредвиденная террористами случайность. Александр II ездил двумя поездами. Первым – свита, вторым – сам государь. А на этот раз в Туле порядок следования поменяли. Вроде бы, обнаружились неполадки в паровозе свитского поезда, и император не захотел ждать. Но вполне вероятно, что поменяли их преднамеренно, после предупреждения Дрентельна. Первый,

царский поезд народовольцы пропустили. Рванули по сигналу Перовской под вторым. Замоскворечье потряс грохот. Четвертым был багажный вагон, его перевернуло вверх колесами, еще 8 вагонов сошли с рельсов. Лишь каким-то чудом обошлось без жертв. И государя снова спас Господь.

Дом, откуда произведен взрыв, определили сразу. Самовар террористов был еще горячим, хотя они улизнули. Но на ноги были подняты жандармерия и полиция по всей стране. Перетряхивая подозрительных, захватили нескольких народовольцев, в том числе члена Исполнительного комитета Квятковского – ранее он курировал теракт Соловьева. А обитателей дома в Замоскворечье описали соседи, развернулись усиленные поиски Гартмана. Об этом предупредил Клеточников, и Гартман по фальшивому паспорту на фамилию Майера сбежал за границу.

Агенты III Отделения выследили его во Франции, по представлению из России французская полиция его арестовала. Царское правительство потребовало его выдачи, представило необходимые документы. С Францией соглашения о выдаче политических преступников не существовало, но налицо была и уголовщина, подорванный поезд! Однако Исполнительный комитет «Народной воли» постарался раздуть шум на всю Европу. Направили обращения к президенту Франции Греви, председателю парламента Гамбетте, разослали в западные левые газеты воззвание «Ко всей Франции, ко всем любящим свободу и ненавидящим деспотизм».

Доказывали, что борются за те самые «свободы», которые во Франции уже есть, а в России нет, что их цель «культуры и человечества», а «единственным оружием была пропаганда прогрессивных идей». «Только дикое насилие принуждает нас браться за оружие». Горячо подключились Виктор Гюго, Гаррибальди, другие знаковые фигуры. Степняк-Кравчинский приехал из Лондона в Париж, его принял Гамбетта, и убийца взывал к нему: «Честь Франции зависит от решения этого вопроса».

Открыто ссориться с Россией для французов было ни к чему, но они выкрутились, удовлетворив и собственную общественность, и террористов. Развели руками, признав недостаточными доказательства, что Майер и Гартман – одно лицо. Освободили его, подсказав не задерживаться во Франции, и он перемахнул в Англию. Приобрел статус заграничного представителя «Народной воли», Маркс всюду представлял его как своего друга, а в Россию послал его сообщникам свою фотографию с автографом.

Хотя они-то под овации всей Европы уже творили новые злодеяния. В ноябре при аресте Квятковского у него на квартире обнаружили кипы нелегальных газет «Земля и воля», «Община», пачку подложных паспортов, нитроглицерин и три карандашных наброска плана Зимнего дворца. Крестиками были отмечены покои царя, его кабинет, другие комнаты, где он бывает, и столовая. Встревоженный Дрентельн обратился к государю, просил тщательно обыскать весь дворец. Такую перетряску Александр Николаевич счел неприличной и слишком скандальной. Успокоил начальника III Отделения: «Все вздор! Уверен, что все в порядке».

Но во дворце в должности столяра уже работал террорист Халтурин. Пока царская семья была в Ливадии, он имел возможность почти свободно перемещаться по Зимнему, набросав те самые планы. Сообщал народовольцам о плохой охране. Слуги вовсю воровали, и Халтурину тоже пришлось прихватывать кое-какие вещицы, чтобы не вызвать подозрение. А в ящике с инструментами он небольшими порциями проносил во дворец динамит, складывал в своем личном сундучке с вещами – ему выделили место для проживания в полуподвале, вместе с двумя плотниками и старичком-вахтером.

По приезде царя Халтурин однажды оказался с ним рядом, позвали повесить картину в его кабинете. В руках террориста был тяжелый молоток с острым концом, и охраны никакой. Но… взрыв – это одно, а другое – живой обаятельный человек с добрыми глазами, запросто и душевно говоривший с простым рабочим. У революционера не поднялась рука [3, с. 270]. Удержала ее неведомая Сила. А замыслы народовольцев во многом были скомканы арестом Квятковского. Он руководил операцией, передачи взрывчатки прервались.

В январе 1880 г. в правительстве разгорелся очередной спор. Великий князь Константин и Валуев подняли вопрос, что выборных представителей общественности надо допустить к государственному управлению – и это оздоровит обстановку в стране, угасит крамолу. Фактически повернуть к парламентаризму. Резко против выступил наследник престола, и его поддержало большинство членов Особой комиссии. Он настаивал, что надо не играть в либерализм, а наоборот, жестко давить смуту. Создать Верховную следственную комиссию, как во время польского восстания или после покушения 1866 г., дать ей широкие полномочия. Государь пока воздержался, не принял ни то, ни другое предложение.

А тем временем Квятковского заменил Желябов, подготовка теракта возобновилась. По расчетам «главного техника»

Кибальчича взрывчатки требовалось много, 8–10 пудов. Но обсуждения в правительстве все же дали кое-какие результаты. Усиливался полицейский контроль в столице, в том числе и охрана дворца, надзор за прислугой. Народовольцы забеспокоились, что полный заряд им собрать не дадут. Решили: авось хватит уже имеющегося, около 3 пудов.

5 февраля царь принимал недавно избранного князя Болгарии Александра Баттенберга и его отца, принца Гессенского. На 18 часов был назначен обед в дворцовой столовой. Она располагалась на втором этаже, под ней – караульное помещение, а еще ниже, в полуподвале, как раз и жили рабочие. Вахтер и двое плотников отправились ко времени обеда на кухню, кормили-то во дворце отлично. Халтурину никто не мешал, он поджег фитиль и поспешил скрыться. Не знал, что императрица чувствовала себя плохо, слегла. Государь с наследником, сыном Владимиром и гостями сперва пошли навестить ее, а обед сдвинули на полчаса.

Рвануло в 18.15, когда они уже направлялись в столовую, но никто туда еще не вошел. Динамита и в самом деле оказалось маловато. Двойные кирпичные стены выдержали. Вынесло перекрытие между подвалом и первым этажом, в караульной. На втором, в столовой, вздыбился паркетный пол, треснула стена, на стол рухнула люстра. Пострадали караульные солдаты Финляндского полка, 11 погибли, 56 были ранены и изувечены. Наследник записал в дневнике: «Это ужасное зрелище я никогда не забуду» – людей извлекали из-под обломков, кругом валялись окровавленные части тел.

Столица была в ужасе. Террористы казались неуловимыми и вездесущими – рванули даже дворец! А Исполнительный комитет «Народной воли» подлил масла в огонь обращением: «Мы еще раз предупреждаем императора о том, что мы продолжим борьбу, пока он не отречется от своей власти во благо народа. До тех пор, пока он не поручит реорганизацию институтов народному Учредительному собранию». В городе началась паника. Кто-то распустил слухи, что 19 февраля, в 25-ю годовщину воцарения Александра II, будут взрывы в разных частях города. Некоторые покидали столицу. По «сигналам» впечатлительных саперы рыли землю и искали минные ходы у Госбанка, еще двух учреждений.

Но на похоронах погибших солдат, перед выстроенными в ряд гробами, Александр II сказал: «Кажется, что мы еще на войне, там, в окопах под Плевной». Он принял то самое решение, что предлагал наследник. 12 февраля учредил Верховную распорядительную комиссию. Диктатуру с широчайшими полномочиями и задачей «положить предел беспрерывно повторяющимся в последнее время покушениям дерзких

злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок».

Однако персональное назначение диктатора многих удивило. На эту роль Милютин сумел провести собственную фигуру, малоизвестную в правящей верхушке, – Лорис-Меликова. В роли харьковского генерал-губернатора после убийства Кропоткина он выделился тем, что навел относительный порядок мягкими мерами, без широких арестов, закрытий радикальных изданий, прекрасно спелся с либеральной общественностью. Красноречивая характеристика – почти всем генерал-губернаторам народовольцы вынесли смертные приговоры, а Лорис-Меликов стал исключением [111].

Он и на новой должности первым делом 15 февраля опубликовал обращение «К жителям столицы». Объяснял, что он, борясь с преступниками, хочет «успокоить и оградить законные интересы здравомыслящей части общества», а опираться будет на поддержку общества «как на главную силу, могущую содействовать власти». Это окрылило либералов, назвавших систему Лорис-Меликова «диктатурой ума и сердца».

Празднования юбилея восшествия Александра II на престол и годовщины отмены крепостного права прошли без каких-либо эксцессов. Зато на следующий день, 20 февраля, «бархатный диктатор» после службы вышел на оживленную улицу, к нему подбежал молодой революционер Млодецкий и пальнул из револьвера. Промазал, пуля лишь пробила полу пышной шубы. Второго выстрела Лорис-Меликов сделать не дал, сам сгреб террориста в охапку. Спокойно передал подоспевшей полиции и продолжил прогулку – такое поведение сразу подняло авторитет генерала.

А он сам допросил задержанного и сам, пользуясь своими полномочиями, приговорил повесить. Тут уж даже царь вмешался, что все-таки нужен суд. А со стороны либералов во главе с писателем Гаршиным посыпались ходатайства, что надо бы помиловать, показать собственное великодушие. Лорис-Меликов ответил: выстрелы были направлены не в него лично, а в должностное лицо, в государство. Млодецкого повесили в рекордные сроки, через 40 часов после теракта. Это понравилось сторонникам решительного наведения порядка.

Глава 28. Последние победы

Скобелев на рекогносцировке у крепости Геок-Тепе

В эпоху Александра II продолжился расцвет российской культуры, литературы, искусства, начавшийся при его отце. Он ширился в масштабах – ведь и культура из дворянской становилась всесословной, интеллигенция пополнялась разночинцами из разных социальных слоев. Но и читателей, ценителей искусства становилось все больше, и тоже из разных слоев. Хотя, кроме количественных, сказывались и качественные перемены. «Цветы» культуры стали распускаться «с душком» – гнилостным, болезненным. Приоритет получали произведения «перестроечные». Оппозиционные, критиканские, противоречащие православной морали, оплевывающие отечественное прошлое.

По таким признакам приобретали популярность даже откровенно слабые книги, вроде «Что делать?» Чернышевского. Но и таланты склонялись в ту же струю, как околореволюционный Некрасов. Прославился Алексей Толстой с омерзительной исторической ложью «Князя Серебряного», «Смерти Иоанна Грозного», ерничаньем «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева». Всероссийским авторитетом стал его троюродный брат Лев Толстой, удаляясь от христианства и углубляясь в политическую оппозицию – и в 1873 г. обоих братьев избрали член-корреспондентами Императорской академии наук! В темные глубины умствований

Лев Толстой увлек от православия своего поклонника Лескова. Гаршин превратился в настолько горячего защитника террористов, что после казни Млодецкого сошел с ума. А талантливую и остроумную «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина по разрушительным последствиям в сознании читателей можно, наверное, сопоставить с трудами Маркса. С ними-то далеко не каждый знакомился, а воспринимать Родину «городом Глуповым» стало модно.

Российские художники задались вопросом – не как изображать, а что изображать, выхватывали жанровые сюжеты из народной жизни. То же самое делали многие европейские живописцы – писали крестьян, тружеников. Но если собрать российские шедевры той эпохи, то в совокупности складывается картина «как у нас все плохо» – мерзко, затхло, беспросветно. Вот такого направления западная живопись не принимала никогда, а в России стяжала самую широкую популярность: взять хотя бы полотна «главного художника» этого времени Перова: «Сельский крестный ход на Пасхе», «Чаепитие в Мытищах, близ Москвы», «Дети-сироты на кладбище», «Тройка», «Последний кабак у заставы». Сходную направленность общей безысходности и несправедливости нетрудно увидеть в картинах Якоби, Неверева, Пукирева, Прянишникова.

Но именно такие картины взывали интерес общества, их начал скупать меценат Третьяков, собирая свою знаменитую галерею, Перов был его любимым художником. Точно так же, как через литературу, внедрялись и искажения отечественной истории. Чем чернее показать, тем лучше. Яркие примеры: «Утро стрелецкой казни» Сурикова, «Княжна Тараканова» Флавицкого – за картину автор получил звание профессора исторической живописи, хотя было хорошо известно, что сюжет неверен (Тараканова умерла на два года раньше изображенного наводнения).

А живописная чернота и безысходность разве не подсказывали зрителям вывод: все надо ломать. Нужны дальнейшие реформы. Или революция. Группа лучших художников, создавшая Товарищество передвижных выставок, признавала, что вдохновляется «народничеством». И путешествия по России с выставками она рассматривала как форму «хождения в народ». Нести ему искусство. Следовательно, и настроения, навеваемые этим искусством. Самым последовательным в направлении «ломать» стал один из самых талантливых художников, Репин. Его «Крестный ход в Курской губернии» откровенно полил грязью православные традиции. А впоследствии Репин не скрывал, что вел собственную «борьбу с

монархизмом средствами искусства» [112].

Под его кистью рождался целый цикл, посвященный революционерам: «Арест пропагандиста», «Отказ от исповеди», «Сходка», позже «Не ждали» – вернувшийся с каторги народоволец, а на стене изображение Александра II на смертном одре. Кстати, и самое знаменитое полотно Репина «Иван Грозный и сын его Иван» стало персональной местью художника Самодержавию за казнь убийц Александра II [112]. Впрочем, память первого русского царя считали «хорошим тоном» пнуть все, кому не лень. Драматурги Мей и Островский, художники Плешаков, Шварц, Седов, Литовченко, Пукирев, Неврев, Аскназий, Маковский и др.

Да, были в России и авторы, видевшие весь ужас скатывания в пропасть. Пытавшиеся открыть на это глаза людям, как Достоевский. Но даже их связывали условности извращенного «общества». Издатель Суворин записал в дневнике, как после теракта в Зимнем Достоевский вдруг спросил его – если бы они на улице случайно услышали от незнакомцев, что сейчас там будет диверсия, «пошли бы мы в Зимний, чтобы предупредить о взрыве, или обратились ли к полиции, городовому, чтобы он арестовал этих людей? Вы пошли бы?» Суворин признался: нет. «И я не пошел бы. Почему? Ведь это ужас. Преступление… Просто боязнь прослыть доносчиком. Разве это нормально, оттого все и происходит…»

А вот шедевров патриотических, конструктивных, пропагандирующих светлые ценности и зовущих к свершениям, в искусстве, увы, не стало. Те силы, которые формировали культурный потенциал страны, направляли его на сгущение негатива (читай – на реформаторство), подмену традиционных ценностей «общечеловеческими» – оправдывая безнравственность, преступления, самоубийства (как у Островского, Толстого, Лескова). Культура переместилась в однозначную оппозицию и к Самодержавию, и к Православию.

А в Церкви и без того было неладно. Уходило старое поколение священнослужителей, видящих свой долг в поддержании неизменного, заданного церковного устроения, правил, обычаев. Семинаристы обмирщились, подстраивались под модный (и крутой!) имидж студентов – и в гулянках, и в вольнодумстве. В городах выделялись «передовые» священники, видели себя частью «общества», искали поле деятельности в земских структурах, городских думах, благотворительных и культурных организациях, купеческих товариществах, оставляя духовное служение на «заднем» плане. Выдвигались и «передовые» архиереи, умеющие понравиться либеральным

покровителям во власти, стать своими в научных, академических кругах (далеко не православных). Или в масонских ложах.

Ранее уже отмечалось, что с 1858 г. в Синоде возобновилась работа над русским переводом Священного Писания. Однако за основу была взята не церковнославянская «Елизаветинская» Библия, а греческие и латинские переводы трудившегося в России в начале XIX в. филолога Христиана-Фридриха Маттеи (мастера ложи «Трех мечей») и католического богослова Иоганна Шольца. Хотя проверками и редакцией занимался лично святитель Филарет Московский. В 1860 г. был издан русский перевод Четвероевангелия, в 1862 г. – остальных книг Нового Завета.

В 1867 г. Филарет ушел в мир иной. Без него работа перешла под коллективный контроль Синода, разбилась по группам переводчиков. В 1868 г. вышло «Пятикнижие Моисеево» – его переводили еще при Филарете. В 1869 г. были изданы исторические книги Ветхого Завета, в 1874 г. – учительские, в 1875 г. – пророческие. А в 1876 г. появилась полная Библия на русском языке. Печаталась она по благословению Синода, и перевод получил название «Синодальный».

Но… для разных частей Священного Писания он стал совершенно неоднозначным. Если, например, мы сличим тексты Евангелий, церковнославянский и синодальный, то видим очень близкое соответствие. Однако русский перевод Псалтири, сделанный уже после смерти Филарета, совершенно не совпадает с церковнославянским! В этом наглядно может убедиться каждый, сравнив, допустим, знакомый многим православным 90-й псалом «Живый в помощи…» с его синодальной версией. А Псалтирь – одна из ключевых книг в православном богослужении, когда-то по ней и грамоте учили. Но оказалась искаженной и ущербной. Вопрос, куда же смотрел Синод, давший благословение, остается без ответа.

Зато Синодальный перевод Библии стал настоящим подарком для протестантов, которые и сейчас им пользуются. Глава Союза русских баптистов Вилер восторгался: «Пробил час раскрепощения миллионов [жителей] России, которые столетиями изнывали от духовного и телесного рабства». Библия стала доступной, понятной. Крестьяне покупали ее, и по деревням массами стали возникать стихийные кружки – мужики изучали Священное Писание, толковали по-своему. Возникло движение «штундистов» [113]. Особый размах оно получило в южных областях – там были поселения немецких колонистов, у них религия как раз и замыкалась на чтениях Библии, русские соседи получали у них консультации, и «штунда» вылилась в бурное умножение протестантских сект, сливаясь с баптистами,

евангелистами и др.

И все-таки, невзирая на развивающиеся духовные болезни, Бог не оставил Россию. Православие оставалось ее опорой, жило, торжествовало. Да-да, торжествовало – хотя даже верхушка Церкви была уже заражена отнюдь не православными веяниями. Но Господь являл на нашей земле новых и новых святых. Столпом веры до самой кончины оставался святитель Филарет Московский (Дроздов). Апостолом Америки навали святителя Иннокентия (Вениаминова) – архиепископа Камчатки, Якутии, Приамурья и Аляски, создателя алеутской грамоты, переводчика Священного Писания и богослужения на алеутский и якутский языки, устроителя Благовещенска, первого на Дальнем Востоке Свято-Троицкого Николаевского монастыря. Он был постриженником Филарета Московского, а потом сменил его на посту митрополита.

В тяжелые годы Кавказской войны духовную жизнь в Кавказской и Черноморской епархии налаживал святитель Игнатий (Брянчанинов). А труды Иннокентия (Вениаминова) на Дальнем Востоке продолжил по его благословению равноапостольный Николай Японский (Касаткин), переводчик Священного Писания на японский язык и основатель Японской православной церкви. Продолжил и святитель Макарий (Невский) – «апостол Алтая», создатель алтайской грамоты, переводивший православные книги и богослужение на алтайский, татарский языки, устроитель Благовещенского Чулышманского монастыря, духовных училищ для инородцев.

Но православие утверждалось не только архиереями, миссионерами, проповедниками. Господь открывал светочи веры в народной толще. В Томской губернии доживал свой земной век праведный старец Федор Кузьмич, бывший император Александр I, оставивший престол для покаяния и молитвы. В еще недавно второразрядной Введенской Оптиной пустыни под Козельском прославились, сменяя друг друга, святые старцы – Лев, Макарий, Моисей, Антоний, Иларион, Амвросий, Анатолий, Исаакий… К ним потянулись паломники со всей России за советом, духовной помощью. А в грязном портовом Кронштадте среди трущоб, пьянства, разврата появился настоящий чудотворец, обычный рядовой священник Иоанн Сергиев, по молитвам которого исцелялись больные, разрешались безвыходные ситуации. К нему тоже стали стекаться люди – а чудеса и известия о них восстанавливали и укрепляли шатающуюся веру. Учеником праведного Иоанна Кронштадтского стал талантливый офицер Леонид Чичагов, будущий святой митрополит Серафим. А в семье наследника подрастал сын Николай, будущий святой

великомученик…

Вера жила – и Россия жила. Берлинский конгресс очередной раз показал ее политическую изоляцию. Горчаков, лечившийся за границей, настойчиво слал царю прежние проекты – сближаться с Францией. Но Франция-то ни малейшей дружбы не проявляла. На нее же Германия пока не лезла. Скандал с освобождением террориста Гартмана стал завуалированным плевком в адрес царского правительства, и российский дипломат в Париже Татаринов делал правильный вывод о заграничных кукловодах революционеров: «Достаточно внимательно почитать наиболее авторитетные французские газеты, чтобы не осталось сомнений в наличии сговора между поджигателями этих настроений и махинациями нигилистов в России, социалистов в Германии и анархистов всех мастей в Италии, Испании и других местах». Автор приходил к заключению, что самая разумная политика – альянс с немцами. «Вызывать раздражение Германии и провоцировать ее бесплодным любезничанием с Францией Гамбетта и Флоке было бы преступлением против России, династии и здравого смысла» [24, с. 316].

Именно это и пытался сделать Александр II, восстановить партнерство с Берлином. Бисмарк вроде бы встретил инициативу с радостью. В августе 1879 г. царь встретился с оправившимся после ранения своим дядей Вильгельмом. Долго беседовали, а Гирс, заменивший Горчакова, вел переговоры с Бисмарком. Однако германский канцлер плел собственные игры – настаивал, чтобы в союзном соглашении участвовала и Австро-Венгрия. После ее поведения в турецкой войне Россия восприняла такие предложения без восторга.

Однако Бисмарк ставил это непременным условием. Хотя вскоре выяснилось, что он темнил. Одновременно вел переговоры с Андраши. Австро-Венгрия как раз и боялась, что русские захотят расквитаться за враждебные выходки, за Боснию с Герцеговиной. А Германия, по сути, предлагала ей покровительство. В октябре 1879 г. Бисмарк известил Россию, что заключил с Австро-Венгрией военный союз. Против кого он направлен, догадаться было не трудно. После этого и договор с Россией, который готовил Гирс, превратился лишь в новую редакцию чисто декларативного «Союза трех императоров».

А англичане продолжали войну в Афганистане. Якуб-хан, наследник убитого Шир-Али, капитулировал. Отдал британцам приграничные области, открыл всю страну для их свободного прохода и проезда, признал над собой их покровительство, согласившись принять английскую миссию и «следовать ее советам». Но часть афганцев возмутилась. Приехавшего в Кабул

резидента Каваньяри со свитой из 75 человек перебили взбунтовавшиеся воины эмира. В ответ англичане оккупировали Кабул. Их войска двинулись на север страны, вторглись в Афганский Туркестан – это было уже рядом с российскими владениями.

В таких условиях оставлять «ничейной» буйную и враждебную Туркмению было никак нельзя. В 1879 г. в Закаспийскую область с Кавказа перебросили дополнительные войска, собралось 10 тыс. пехоты и конницы, 34 орудия. Поход на туркмен возглавил герой недавних побед генерал-лейтенант Лазарев. Хотя при подготовке выяснилось, что обеспечить обозы с продовольствием для такого количества солдат не получается. В августе Лазарев выступил с половиной корпуса. А зноя пустынь не выдержало его сердце, через две недели марша Лазарев умер.

Командование опять принял Ломакин. А туркмены снова сражаться в поле не стали, засели в Геок-Тепе. 28 августа русские авангарды дошли до крепости. Из ворот вылетела масса воинов. Их побили шквалом пуль, они кинулись обратно, давясь в воротах. Наши солдаты погнались в штыки, преследовали до самых стен. Подтянулись и главные силы. Развернули пушки, открыли огонь. Но снаряды полевых орудий не пробивали глиняные стены трехсаженной толщины. А с продуктами было худо, стоять в осаде было нельзя.

Ломакин приказал воинам, измученным дорогами через пустыни, штурмовать ночью. Полезли без подготовки, нахрапом. Туркмены встретили огнем английских винтовок, завязалась свирепая рубка. Погибло 200 солдат и офицеров, 250 было ранено. Колонны отступили в полном беспорядке, темнота усугубила неразбериху. Хотя туркмены в это же время собрались на маслахат (военный совет), и настроения были унылые. У них полегло 2 тыс. воинов, был тяжело ранен главный предводитель Берды-Мурат-хан. Сошлись, что надо просить мира. Утром выслали делегатов и… обнаружили, что русские снимают лагерь. Побрели обратно через каракумские пески. Туркмены восторженно праздновали победу – со скачками, пальбой, угощениями. Всех пленных изрубили и с их трупов собирали жир: по местным поверьям, жир врагов заживлял раны.

Теперь всякая возможность договориться миром была похоронена. Туркмены занеслись, они – победители русских! Их нападения резко активизировались. Бухарский эмир прислал царю совет, что на туркмен нельзя идти иначе, чем со 100-тысячным войском. А хивинский хан и иранцы убеждали русских, что лучше их вообще не трогать, «так как храбрее и сильнее текинцев нет никого на свете». Но Александр II велел готовиться

к новому походу. И немедленно, пока англичане по соседству заняты боями с непокорными племенами.

Начальником Закаспийского отдела назначили еще одного героя минувшей войны, Тергукасова. Однако он только начал приводить в порядок войска после печального возвращения, разболелся и выбыл по здоровью. Тогда царь сам выбрал командующего – Скобелева. Вызвал к себе, лично предоставил ему большие полномочия, ресурсы. Скобелев еще из столицы послал войскам первый приказ всего из одного слова: «Подтянуться!» Впрочем, «подтягиевнием» дело не ограничилось.

«Белый генерал», пользуясь особыми правами от государя, затребовал себе лучшие новинки: скорострельные картечницы Гатлинга (прообраз пулеметов), аэростаты, холодильники, опреснители, паровозы. Набрал в помощники лучших специалистов. Морские перевозки поручил прославившемуся капитану II ранга Макарову. Талантливому инженеру Анненкову приказал сразу же начинать строительство в пустыне железной дороги. Начальником штаба взял отличного хозяйственника Гродекова, он занялся устройством продовольственных баз, даже на сопредельной иранской территории.

Скобелев самолично проверял подготовку и снаряжение войск, четко рассчитал операцию. 4 июня 1880 г. 8 тыс. пехоты и конницы с 64 орудиями выступили налегке, без лишних грузов. За 8 дней отмахали 400 верст, достигли оазиса Кизыл-Арват. Там как раз созрел урожай пшеницы, и на время воинов можно было накормить. До Геок-Тепе оставалось 100 верст, но идти туда по летнему зною, без припасов, Скобелев не стал. Приказал войскам встать лагерем у селения Бами, разводить огороды, выращивать овощи.

От Красноводска ударными темпами прокладывали железную дорогу, по построенному участку курсировал поезд. От крайней точки, куда он дошел, грузы забирали 8 тыс. верблюдов, множество вьючных лошадей, полторы сотни фургонов. В Бами было доставлено 800 тыс. пудов запасов: снаряды, порох, патроны, продовольствие, фураж. Туркмены пытались нападать на караваны, на промежуточные базы, но их усиленно охраняли, отбивали наскоки.

В июле Скобелев провел дерзкую рекогносцировку. Взял с собой 750 солдат и казаков, 6 пушек, 8 ракетных станков и 2 картечницы. Но взял и военный оркестр. Появился у Геок-Тепе, выпустил по крепости сотню снарядов. Объехал вокруг нее с музыкой и отправился обратно. Разъяренные туркмены помчались вдогон. Отряд окружило до 10 тыс. всадников, осыпая пулями. «Белый генерал» спокойно велел подать раскладной табурет, сел

лицом к противникам, разглядывая их в бинокль. Неприятелей покосили картечью и ракетами. Потеряв две сотни, они отхлынули. Наших воинов погибло 19. А туркмены уже не говорили, что русские удрали. Они признавались: «Мы боимся этого генерала, будь на его месте другой, мы давно разбили бы кара-гяуров».

Корпус в Бами пополнялся. Собралось уже 11 тыс. штыков и шашек, 97 орудий. В конце ноября четыре колонны двинулись к Геок-Тепе. По пути взяли крепость Сиянь-бахтырь-кала – ее обороняли слабо, туркмены, как обычно, собрали все силы в главной твердыне. Скобелев сделал эту крепость тыловой базой, сюда стали завозить запасы из Бами. А с востока, из Туркестана, подошел через пустыни отряд полковника Куропаткина, 700 человек. Прибавка была небольшая – но туркменам специально показали: до их оазисов русские способны добраться с разных сторон.

23 декабря Геок-Тепе взяли в осаду. Построили батареи, рыли окопы, подходили к стенам апрошами. Текинцы по ночам трижды выплескивались на вылазки. Их массы, то 4 тыс., а то и 12 тыс., подкрадывались в темноте, как кошки, и кидались в свирепые рубки с холодным оружием. В этих схватках русские потеряли более 400 убитых и раненых. Осажденные захватили знамя Апшеронского полка, 2 пушки. В плен попал артиллерист Никитин. Туркмены требовали научить их обращаться с орудиями. Он отказался. Его резали на куски, жгли огнем, и он умер под пытками. А сами текинцы разобрались, как производить выстрелы, но секрета снарядной трубки не поняли, снаряды не взрывались.

Приблизившись траншеями к стенам, русские стали рыть мины. 6 января в нашем лагере праздновали Крещение Господне. Скобелев приказал отметить торжество салютом из всех орудий – но не холостыми, а боевыми, по крепости. И многократно. Загрохотала бомбардировка. А звуки подкопа туркмены услышали, но не встревожились, даже порадовались. Сочли, что русские хотят пробраться в крепость через подземный ход и их будет легко рубить по одному, когда будут вылезать.

В мину забили 72 пуда пороха (нет, еще не динамита, как у террористов). 12 января взрыв разнес часть стены и ошеломил защитников. Вперед ринулись три колонны: Куропаткина – в пролом от взрыва, полковника Козелкова – в брешь, пробитую артиллерией. Третья колонна, подполковника Гайдарова, должна была только отвлекать противника, но и она вскарабкалась на стены по лестницам. В жаркой схватке туркмен сломили, они побежали. В преследование пустились казаки, довершая разгром.

Погибло более 6 тыс. текинцев, у русских 59 человек было убито, 339 ранено.

После такого побоища туркмены не смели больше сопротивляться. Следующая большая крепость, Асхабад, 18 января открыла ворота без боя [61, с. 264–267]. В Петербурге праздновали победу, в Зимнем дворце был назначен «большой выход с благодарственным молебном», Скобелева царь произвел в генералы от инфантерии, пожаловал орденом С в. Георгия II степени. Милютин писал, что взятие Геок-Тепе «несомненно, поправит наше положение не только в Закаспийском крае, но и в целой Азии». Действительно, российские владения становились компактными, Закаспийский край соединялся с Туркестаном, начатая Скобелевым железная дорога теперь должна была протянуться до Ташкента. Продвижению англичан в Среднюю Азию был положен предел.

К «Белому генералу» туркменские старейшины прислали письмо, что готовы покориться, но боятся его. Он ответил, что «войска могущественного Белого Царя пришли сюда не разорять жителей, а, напротив, усмирить и водворить в них полное спокойствие с пожеланием добра и богатства». Все, кто придет с миром, получат мир. «Велик Белый Царь, несокрушимо его вечное могущество, неисчерпаемо Его Царское милосердие, а впрочем, как сами знаете».

Старейшины начали приезжать к Скобелеву, приносили присягу. Возвращались разбежавшиеся жители, воины – и им никто не мстил. Нуждающимся давали продукты, одежду, оказывали медицинскую помощь. В конце марта к «Белому генералу» явился главный военный предводитель туркмен Дыкма-сердар. Вручил свою саблю, поклялся верно служить Белому Царю и получил саблю обратно. Вскоре собрался большой сход туркменских племен, просил принять их в подданство России. Делегацию из пяти старейшин во главе с Дыкма-сердаром с почетом снарядили в Петербург. Но об этих успехах Скобелеву пришлось докладывать уже другому государю…

Глава 29. Два заговора

Царский дворец в Ливадии

Лорис-Меликов был весьма своеобразной личностью: крайне честолюбивой и хитрой. Он умел нравиться всем, консерваторам – показать себя поборником сильной власти, с немцами – представить себя германофилом, с англичанами – англоманом, с французами – поклонником Франции. Реально же «своим» он стал в салоне фрейлины Нелидовой, заменившей в этом качестве умершую Елену Павловну. У нее собирались крайние либералы: великий князь Константин, Валуев. С Нелидовой открыто сожительствовал Абаза – выходец из кружка той же Елены Павловны, глава департамента экономии Государственного совета, один из руководителей Главного общества железных дорог, хорошо погревший руки на концессиях [114].

В рамках чрезвычайных полномочий Лорис-Меликову было подчинено и III Отделение. Дрентельн увидел, что он тянет всю власть под себя, вступать в борьбу не захотел, подал в отставку – Александр II назначил его Одесским генерал-губернатором, Тотлебена перевел в Северо-Западный край. А Лорис-Меликов принялся рассылать сенатские ревизии по стране, собирать сведения о революционерах. Докладывал царю, что под надзором состоят 31.152 человека, 6.790 задержанных, и Александр II записал в дневнике: «Лорис-Меликов собирается лично изучить каждое дело».

11 апреля он представил государю доклад, что надо твердо координировать органы власти для борьбы со смутьянами, но и повторял свой тезис опоры на общественность – для этого проявить «благорасположение» к земствам и городским самоуправлениям, реформировать систему образования, устранять причины недовольства: облегчить подати и положение крестьян, даровать права раскольникам, преобразовать административные учреждения. Для централизации Лорис-Меликов предложил сосредоточить политический сыск в одних руках, вообще упразднить III Отделение, передать его дела во вновь учреждаемый Департамент полиции министерства внутренних дел. Настаивал убрать наломавшего дров министра народного просвещения и обер-прокурора Синода Толстого.

Царь согласился, и на просвещение Лорис-Меликов провел ярого либерала Сабурова. Хотя на должность обер-прокурора Синода государь выдвинул кандидата сам – своего бывшего преподавателя и советника наследника Победоносцева. А для подготовки налоговых реформ был отправлен в отставку министр финансов Грейг – вместо него Лорис-Меликов протолкнул собственного приятеля Абазу. В общем-то борьба с революцией стала весьма специфической. Прежнего центра, подотчетного только императору (и вдобавок занимавшегося контрразведкой, коррупцией и др.), не стало. Вместо активизации правоохранительных органов пошла реорганизация. При переводе в новое ведомство сотрудников III Отделения крепко прочистили (но агент «Народной воли» Клеточников понравился самому Лорис-Меликову, получил орден С в. Станислава III степени, стал заведующим секретной частью 3-го делопроизводства).

Казни революционеров по законам военного времени продолжались, двоих повесили в Киеве. Но их осудили еще до «диктатуры» Лорис-Меликова. Унтер-офицер Лозинский, батальонный писарь, вел агитацию к бунту среди солдат, при аресте пытался бежать, скрутив и разоружив конвоира. А студент Розовский попался после взрыва царского поезда с прокламациями, восхваляющими теракт, призывающими к цареубийству. Однако к делам новых арестованных стали подходить мягче. А тысячи смутьянов, высланных под надзор в административном порядке (из-за неуверенности, что их получится наказать по суду), Лорис-Меликов амнистировал. Массу неблагонадежных студентов, исключенных за беспорядки, запрещенную литературу, восстановил в учебных заведениях.

Он стал расширять права земств и городских самоуправлений. Ослабил цензуру, значительно смягчил правила печати. Выплеснулись новые либеральные газеты и журналы

«Порядок», «Страна», «Земство», «Голос», «Неделя», «Молва», «Русская речь», «славянофильская» «Русская мысль». Лорис-Меликов озаботился и судьбой евреев. Всех, кто теми или иными способами незаконно поселился за «чертой оседлости», распорядился оставить на местах проживания [85]. Общество славило такую «диктатуру», заговорило о «новых веяниях».

Некоторые успехи «мягкие» методы Лорис-Меликова все же обеспечили. В Екатеринославе оставался захваченный с динамитом Гольденберг. На допросах он не отвечал, напугать его казнью и склонить к сотрудничеству надеждой на помилование не удавалось. Но к нему в камеру подсадили его знакомого, перевербованного революционера Курицына, и Гольденберг обо многом наболтал. А потом его взял в оборот товарищ прокурора Добржинский. Говорил по-хорошему, устроил свидание с матерью, доверительно представлял себя чуть ли не единомышленником.

Внушал, что и в правительстве сейчас «новые веяния», оно настроено на переход к конституции – и только внутренняя война мешает этому. Но ведь это же просто недоразумение! Соратники Гольденберга – прекрасные люди с великими замыслами. Однако они обречены, «Народная воля» уже разгромлена, большинство активистов арестованы, их ждет виселица. Хотя правительство разделяет те же самые замыслы! И прекратить войну, кровопролитие, казни может сам Гольденберг. Он должен раскрыть цели и кадры своей партии, и власть получит доказательства, насколько эти цели благородны. Преследования прекратятся, все политические будут освобождены по амнистии. А Россия получит конституцию!

Гольденберга перевезли в Петербург, в Петропавловке его навестил сам Лорис-Меликов и совершенно очаровал. Террорист писал: «Во главе Верховной распорядительной комиссии стоит один из самых гуманных государственных деятелей – граф Лорис-Меликов, и это именно обстоятельство в значительной степени содействовало тому, что я решился раскрыть все мне известное, но чего бы я никаким образом не сделал при прежнем положении вещей». Он дал показания на всю верхушку «Народной воли», перечислил 143 человека с подробными характеристиками. Правда, захватить удалось немногих – Клеточников предупредил. А Гольденберг после очной ставки с арестованным революционером Зунделевичем понял, что попался на крючок следствия. Повесился в камере на полотенце.

Но его бывшие товарищи уже готовили новые диверсии. В июне намечались «пушкинские» торжества в Москве, открывали памятник величайшему поэту России. И Одесса, где он бывал,

загорелась не отставать. По инициативе городской думы и университета там тоже должны были заложить памятник, а Итальянскую улицу переименовать в Пушкинскую. На те и другие торжества ждали царскую семью. В Москве террористы слишком «наследили» в прошлом году. А вот в Одессу весной выехали 7 народовольцев. Перовская и Саблин сняли дом как раз на Итальянской улице. Для видимости открыли там бакалейную лавку. Два пуда динамита наметили заложить на улице с помощью бура. Но в глинистой почве он застревал. Пришлось снова рыть подкоп. При изготовлении запала террористу Исаеву оторвало три пальца. Однако на хлопок в доме никто не обратил внимания, пострадавшего сумели без подозрений устроить в больницу. А потом узнали, что царь в Одессу не приедет. Маскировали следы, засыпали подкоп…

Планы Александра II сломались из-за того, что 22 мая умерла его супруга. Государь примчался из Царского Села, где находился. Окружающие в эти дни были поражены его видом. Он опять, как на войне, как-то резко и сразу постарел, стал совершенно седым. Его мучила усилившаяся астма. Лицо осунулось, на нем читалось полное изнеможение. В глазах – печаль и опустошенность. Но вряд ли кто-то подозревал, что причиной была не только потеря жены. Да, семейное счастье у них не сложилось. Тем не менее супруга всегда оставалась для Александра Николаевича близким человеком, матерью их детей, государь глубоко уважал ее, и это усугублялось чувством собственной вины перед ней. Усугублялось и жалостью. Ее измучили болезнь, страхи за мужа, постоянная опасность терактов – и как раз после взрыва во дворце состояние особенно ухудшилось. Смерти императрицы в общем-то уже ждали.

Но ведь рядом с государем была и Долгорукова с тремя детьми. Ему было 62, ей 32. Для Александра Николаевича она оставалась той же, что 14 лет назад. Государь писал сестре, что она «посвятила всю свою жизнь любви и заботам обо мне. Она имеет полное право на мою любовь, уважение и благодарность… Она живет только для меня, занимаясь воспитанием наших детей, которые до сих пор доставляли мне столько радости». Однако на самом-то деле Екатерина давно уже не была наивной девушкой, боготворившей всемогущего покровителя, перенесшего ее, нищую сироту, в дворцовую сказку.

Она прошла школу Варвары Шебеко, освоилась в мире придворных интриг и махинаций. Научилась «рулить» пожилым государем «кнутом и пряником», сменяя ласки на капризы и истерики. И в ней копились комплексы неполноценности, зависти – законное место рядом с императором занимала супруга,

а она «никто». Любовница, содержанка… Она рвалась стать значимой персоной, и 15 марта 1880 г. царь записал в дневнике: «Терпеть не могу, когда она вмешивается в политику». Дорожку к Шебеко и Екатерине давно проторил Милютин. Вполне вероятно, что и Абаза – с железнодорожными концессиями. Исследователи предполагают, что Долгорукова на этом наварила огромные суммы. Разумеется, без ведома государя [3, с. 144].

И уж конечно, сойтись с Екатриной позаботился Лорис-Меликов, еще до смерти императрицы. Они оказались нужны друг другу. «Диктатор» поможет реализовать ее комплексы и амбиции, а она поможет воплотить замыслы либералов. И сразу же в день смерти императрицы на надломленного, больного государя обрушился ад. Любимая Катя насела на него, напоминая давние клятвы и требуя официально занять место покойной. Не считаясь ни с чем – ни с его состоянием, ни с общепринятыми правилами приличий, элементарного человеческого такта.

Французский историк Каррер д'Анкосс внимательно исследовала переписку царя с Екатериной, его дневники, другие документы и пришла к выводу, что «кроткая любовница, чей идеализированный образ явили кинематограф и романисты, в те часы могла быть настоящей мегерой» [24, с. 330]. По сути, император попал в лапы абьюзера. Давившего без послабления, не позволяя перевести дыхание. В свое время Александр Николаевич проявил слабость, соблазнился – теперь за это приходилось расплачиваться. 22 мая, в день смерти жены, государь записал в дневнике: «Она не скрывает радости. Она уже начала разговоры об официальном признании ее положения. Я сделаю для нее все, что будет в моей власти, но не могу идти наперекор интересам Отечества».

Самой Кате он написал: «Ты знаешь, милый ангел моей души, что я исполню свой долг, как только обстоятельства сделают это возможным». Нет, такой ответ не удовлетворил. Разборки и сцены продолжились, и уже на следующий день в дневнике царя появилась запись: «После долгого разговора с ней я решил уступить ее желанию и сочетаться браком по прошествии сорока дней». Исполнял то самое обещание, «при первой возможности я женюсь на тебе». Хотя уступка была неслыханная! Скандальная! Венчаться не через год, а всего через 40 дней после смерти жены!

Но ведь и это Катю не удовлетворило! Она желала стать «настоящей» императрицей – короноваться. А тут и Лорис-Меликов подключился. Внушал монарху: «Для России будет большим счастьем иметь, как в былые времена, русскую царицу». Подсказывал, что и первый царь из рода Романовых, Михаил Федорович, был женат на Долгоруковой. Как символично! Или

«Божий промысел»! Это был настоящий заговор, и возлюбленная царя играла в нем одну из главных ролей. Александра Николаевича зажали с разных сторон. Шесть дней от смерти до похорон супруги стали для него кошмаром.

Вопрос-то вставал не только о Екатерине, а о наследовании престола! Александр Александрович, готовившийся сменить на троне отца – или… Вдруг сынишка от Кати Георгий? Или… разве не было на троне Екатерины I, Екатерины II? Павел I своим законом исключил женщин из права наследования. Но законы не вечны, многие из старых и «незыблемых» менял сам Александр Николаевич. В любом случае в династический порядок вносились двусмысленность, возможность интриг и смут. Император искал выход – и считал, что нашел его… Он бесконечно устал. 25 лет служения на троне, колоссальной ответственности за всю страну и народ, постоянного бремени самых разнообразных дел исчерпали его силы, подорвали здоровье. Кстати, о такой же усталости говорили его отец, его дядя Александр I. И. так же, как у дяди, у него уже раньше возникли мысли передать власть наследнику, а самому отдохнуть, напоследок насладиться жизнью частного лица.

Давление на него достигло апогея 27 мая (это был канун похорон жены!). Государь деликатно сдерживал Екатерину, писал ей: «Но ты должна понять, милая Дуся, что мне претит касаться подобной темы, когда еще даже тело покойной не предано земле. Поэтому не будем больше об этом, ибо ты меня знаешь достаточно, чтобы во мне сомневаться». Куда там! Она же и пользовалась состоянием царя, добиваясь своего. В дневнике он записал: «Никогда Катя не доставляла мне столько хлопот, как в эти дни. В конце концов я обещал ей коронацию, дающую нам возможность уйти на покой».

Да, короновать ее по истечении годичного траура, но после этого уступить престол наследнику. Лорис-Меликов был в курсе, даже принимал участие в обсуждении этого решения, и государь в дневнике отмечал: «Чтобы обеспечить наше будущее, Лорис-Меликов советует перевести часть ценностей за границу. Уже долгое время я подумываю о том, чтобы приобрести за границей, где-нибудь на юге, крупный участок земли и удалиться туда на покой» [24, с. 329, 339]. 28 мая Марию Александровну упокоили в усыпальнице Петропавловского собора. А после похорон и траурных панихид Александр Николаевич засобирался в Царское Село, отъезд назначили на 16 июня.

Но и народовольцы узнали об этих планах и сроках. Если сорвалось с Одессой, почему бы не в столице? Рыть поземные ходы было поздно, однако на дороге от Зимнего дворца к

Царскосельскому вокзалу внимание Михайлова и Желябова привлек Каменный мост через Екатерининский канал. Готовый «подкоп»! В те времена по каналам и рекам Петербурга движение было оживленным – на лодках и баржах везли дрова, товары, стройматериалы. У набережных были сделаны мостки и плоты, на них стирали белье. Террористы на лодке обследовали опоры моста. Взрывчатку наметили спрятать под водой. Для этого Кибальчич изготовил четыре гуттаперчевые подушки с динамитом общим весом 7 пудов. Ныряли и закрепили на опоре поглубже, чтобы с лодок не видно было. Провода от взрывателей вывели на плот для стирки выше по течению.

В назначенный день Фигнер заняла позицию у моста – дать сигнал. Желябов ждал своего сообщника Тетерку, тот должен был принести гальваническую батарею в корзине с картошкой. Но… элементарно проспал. Появился с опозданием, царь уже проехал. Террористы пытались вытащить динамит «кошками». Связку из двух подушек от опоры оторвали, а ее унесло течением. Вторую связку зацепить не получилось, так и оставили. А при разборе неудач задумались, что устройство стационарных мин – дело тяжелое, и сколько уже раз труды шли насмарку из-за случайностей. Нужны запасные варианты с ручными бомбами, чтобы взрыватель срабатывал от сотрясения. Кибальчич взялся их сделать.

Тем временем царя мурыжили теми же проблемами. Министром двора был Адлерберг – тот самый вернейший адъютант Николая I, который в день восстания декабристов с пистолетами наготове вывозил маленького Сашу с сестрами из Аничкова дворца в Зимний. 5 июля Александр Николаевич объявил ему о предстоящем венчании. Тот был в шоке. Умолял не нарушать обычаев, не омрачать образ государя в глазах народа, указывал на неизбежные конфликты в императорской семье. Царь ссылался на долг чести, министр продолжал его уговаривать, и измученный Александр Николаевич просто вышел, оставил его наедине с Катей. Она насела бурно, неудержимо. Через некоторое время государь заглянул в кабинет, спросил, не пора ли ему войти. Долгорукова отрезала: «Нет, оставь нас докончить разговор», – и император закрыл дверь. Адлерберг понял и новых ее атак не выдержал, смирился.

Родным царь объяснил спешку угрозой терактов – он может погибнуть в любой момент и хочет обеспечить Долгоруковой и своим детям законные права. 6 июля в церкви Большого царскосельского дворца состоялась очень скромная церемония венчания. Присутствовали только Адлерберг, генерал-адъютанты Баранов и Рылеев, сестра невесты Мария и Варвара Шебеко. А

вечером царь подписал указ Сенату, что он вторично вступил в законный брак. Долгорукова становилась светлейшей княгиней Юрьевской. Тот же титул получали дети, и царь признавал их законными. Но он позаботился и об ограждении государственных интересов. Отметил, что дети от матери, не принадлежащей к венценосному роду, не получают прав на наследование престола – как и следовало по российским законам. А сам указ о вторичной женитьбе царя не подлежал огласке до 22 мая 1881 г.

Для императорской семьи она, конечно, не была секретом. У большинства великих князей имелись любовницы, о чем знали все, и никого это не смущало. Но Александр II единственный осмелился узаконить побочные отношения венчанием – это восприняли в штыки. Особенно жены его родственников. Они-то были из королевских, княжеских домов Европы. А вчерашняя любовница государя вознеслась над ними, ее честили «наглой авантюристкой». На следующий вечер после венчания Александр Николаевич созвал сыновей, братьев, племянников на ужин – представить им свою вторую семью, ввести ее в круг Романовых. Получилось это весьма натянуто. Когда царь с супругой вошли в столовую, все встали, великие княжны сделали реверанс – но демонстративно отвели глаза в сторону. Екатерина села на место покойной императрицы, это добавили в заочные обвинения. Завязался разговор «ни о чем», но как только Долгорукова пыталась присоединиться к нему, собеседники замолкали.

Впрочем, ведь и она была совсем не ангелом, «выжав» достигнутое положение. Вполне вероятно, что лишение ее детей права на престол тоже не обошлось без сцен. Их привели в конце ужина. Старший, 8-летний Георгий, взобрался на колени государя, стал играть его бакенбардами. Александр Николаевич спросил: «Скажи мне, Гого, как твое имя и фамилия?» Тот ответил, как научили: «Я князь Георгий Александрович Юрьевский». «Хорошо, мы все очень рады с вами познакомиться, князь Юрьевский, – шутил император и вдруг поддел: – Скажите, князь, хотели бы вы стать великим князем?» Екатерина нервно дернулась, перебила: «Пожалуйста, Саша, не надо…» – возможно, царь как раз и вспомнил ее запросы.

Нет, скромностью и тактом Долгорукова совсем не обладала. Ринулась сверкать на официальных и частных мероприятиях, придворных церковных службах, наносить визиты – хотя всюду ее встречали косыми взглядами, поджатыми губами. Образовался «второй двор», в Аничковом дворце наследника Александра. Причем сам он этому не способствовал. Наоборот, второй брак отца воспринял спокойно и к его новой супруге относился подчеркнуто лояльно. Но вокруг жены цесаревича кучковались

родственники, перемывая сплетни и выслеживая огрехи Долгоруковой. Хотя при этом и вокруг Александра Александровича стали группироваться государственные чины, недовольные новым окружением государя и «новыми веяниями».

А при «первом» дворе вынырнул вдруг давно пребывавший в тени царский брат Константин. Вместе с Лорис-Меликовым, Милютиным, Абазой пристроился к Екатерине. Долгорукова при светском бойкоте была счастлива высокопоставленным «друзьям». А они сворачивали беседы на свои замыслы реформ. Ну а государь, разумеется, видел столичное отношение ко второй жене. В августе увез ее и детей в Ливадию.

Это был их второй «медовый месяц» – если первым считать Париж в 1867 г. Они могли постоянно быть вместе. Гуляли по аллеям парка, у моря. Слушали шум прибоя и любовались закатами, яркими звездами ночного неба. Часами сидели на веранде дворца, глядя на веселую возню детей. Да только и эта идиллия отравлялась! У Екатерины играли ее комплексы. А вести себя тактично она не умела и не желала. Силилась утвердить себя хозяйкой во дворце, гнездышке Марии Александровны. Переставляла и меняла ее обстановку, избавлялась от ее любимых вещей и безделушек – не задумываясь, что «воюет» с покойницей и травмирует мужа.

А для него и от государственных дел отдыха не было. Разве что в Ливадию приезжал ограниченный круг должностных лиц, и первым появился Лорис-Меликов. Доложил, что принятыми мерами положение в стране нормализуется и Верховную комиссию можно упразднить, сам предложил снять с себя диктаторские полномочия. Царь тоже считал, что чрезвычайные меры не должны быть постоянными. Успех был как будто налицо – за время «диктатуры» ни одного теракта. О том, что их готовили в Одессе и на Каменном мосту, в правительстве не знали. А о том, что главари «Народной воли», названные Гольденбергом, разгуливают на свободе, Лорис-Меликов скромно умолчал.

Царь был доволен. Писал: «Вы достигли таких успешных результатов, что оказалось возможным если не вовсе отменить, то значительно смягчить действие принятых временно чрезвычайных мер, и ныне Россия может спокойно вступить на путь мирного развития». Лорис-Меликова он наградил высшим орденом С в. Андрея Первозванного. Назначил его министром внутренних дел, оставив ему и должность шефа жандармов. Но вчерашний диктатор набрал такой вес, что фактически стал главой правительства. А уж альянс с Долгоруковой обеспечил ему статус друга царской семьи. Между прочим, при новом назначении

Лорис-Меликова возликовала западная пресса. Прочила для нашей страны «новую», «счастливую» и «спокойную» эру. Радовалась и российская общественность [33, с. 229]. И не случайно. «Диктатура» стала для Лорис-Меликова лишь ступенькой для следующих шагов.

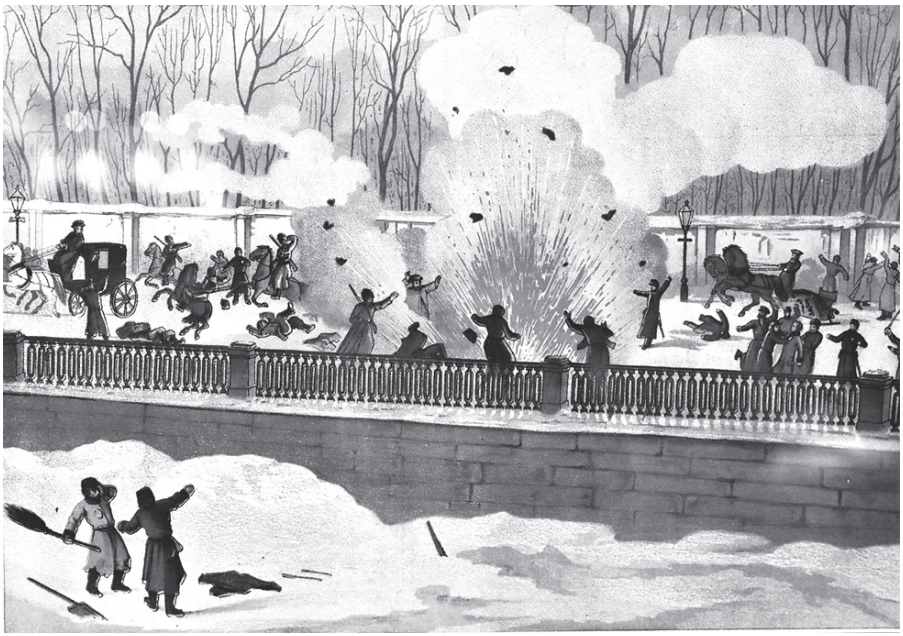
Он докладывал государю выводы из проделанной работы, своих сенатских ревизий. Те же самые, что раньше пытался протолкнуть Валуев. Что главная причина революционных настроений – незавершенность реформ. Дескать, многое сделано, а что-то и не доделано. Подросло поколение молодежи, не знающее «плохой» дореформенной жизни, а недостатки видит, вот и бунтует. Лорис-Меликов играл и на намерении царя после коронации Екатерины удалиться на покой. Рассуждал, что Александр Николаевич взял на себя грандиозную задачу, строить здание реформ, и их завершение станет достойным венцом его царствования.

В том же направлении нажимала супруга. Император взвешивал осторожно, но поддавался, соглашался начать проработки. А опыт и предчувствия подсказывали ему, что терроризм еще совсем не побежден. 5 сентября он поместил в Государственный банк процентные бумаги на сумму 3.002.970 руб. А в октябре дополнил завещание, что эти средства «есть собственность моей жены и наших детей». Александр Николаевич обратился и к наследнику престола: «Дорогой Саша. Если мне суждено погибнуть, я доверяю тебе заботу о моей жене и детях. Твое дружелюбное отношение к ним, которое мы отмечали, дает мне основание думать, что ты сможешь их защитить». Но при этом государь уточнял для наследника: «Моя жена не наследует ничего из имущества нашей семьи. Все, чем она владеет в настоящий момент, принадлежит ей, и ее семья не имеет ни малейшего права заявлять на это свои права».

И вот это пояснение свидетельствует о многом. Александр Николаевич честно выполнял обязательства перед Долгоруковой – узаконил их отношения браком, обеспечил ее с детьми на будущее. Однако безграничного влияния Екатерины на государя больше не было. Целиком идти на поводу супруги он не желал. Его личное состояние в данное время составляло около 12 млн. Но для Долгоруковых-Юрьевских он завещал только 3 млн (и 1 млн пожертвовал на строительство больницы в память Марии Александровны). Остальное предназначил для наследников от первого брака. Из текста можно видеть и то, что в запросах Екатерины уже сквозило родовое достояние Романовых, и царь ограждал его. Кстати, к этому достоянию относился и Ливадийский дворец, где она столь бесцеремонно взялась

хозяйничать…

Глава 30. Первое марта



Атака террористов на Екатерининском канале

Казалось, что внутренняя война действительно угасает. В Петербурге состоялся суд над 16 народовольцами, которых удалось изловить. Это были матерые террористы, и даже в этом случае сказались «новые веяния», повесили лишь двоих. Квятковского, напрямую завязанного со взрывом во дворце, и Преснякова – его специальностью были убийства «изменников». Прикончил революционера Шарашкина, начавшего сотрудничать с полицией, потом наборщика Жаркова – он дал признательные показания, и была захвачена типография «Черного передела».

Но и полиция, жандармерия стали действовать более эффективно. Набирались опыта в специфике тайного фронта. Теоретики «Черного передела» были плохими конспираторами, да и нацеливались на агитацию в «массах», где и засвечивались. Вслед за типографией разгромили саму организацию, Плеханов и прочие лидеры упорхнули за границу. Из показаний Гольденберга и других источников собиралось все больше информации о народовольцах. В ноябре удалось арестовать их предводителя Михайлова, заглянувшего на проваленную явку.

А реформаторы начали воплощать свои проекты. Лорис-Меликов создал комитет для пересмотра положения о печати. Министр финансов Абаза отменил соляной акциз, к великому

облегчению для народа. Заменил некоторым повышением таможенных пошлин. Составлял предложения по снижению выкупных платежей крестьян, переводу железных дорог в казенное управление, их выкупу у частных владельцев. Но пока это были лишь отдельные пункты, заранее подогревавшие популярность основному пакету реформ. Его разрабатывали в салоне Нелидовой те же великий князь Константин, Валуев, Абаза, Лорис-Меликов, экономист и ректор Киевского университета Бунге и др. [115]

Царя по возвращении в Петербург продолжили обрабатывать. По сути, намечалось внедрить в России начала парламентаризма. Тонко, завуалированно, в очень узком формате – но ведь главным было пробить эту щелочку в стене Самодержавия. Втиснуться в нее, а дальше-то расширять, расшатывать будет куда легче. Отношение Александра Николаевича к конституционному правлению знали и особо подчеркивали, что ни о каких конституциях речь не идет. В совещаниях по данному вопросу с Лорис-Меликовым активно участвовала Екатерина, а она давить умела. Адлерберг говорил, что государь очутился «совершенно в руках княгини Юрьевской». И сам Адлерберг, еще несколько сановников, которых она возненавидела, уже засобирались в отставку. Причем к этим интригам оказались причастны и иностранцы. Среди близких друзей Долгоруковой очутились сотрудники французского посольства.

И все-таки, невзирая на супругу, либералам не сразу удалось убедить императора. Но они нащупали выигрышный ход. 4 января 1881 г. царь записал в дневнике: «Лорис-Меликов советует учредить редакционные комиссии наподобие тех, что в 1858 г. занимались разработкой крестьянского вопроса». Как бы ничего нового. Повторить опыт, который сам Александр II уже использовал. Но слухи-то расползались – готовятся кардинальные преобразования. Они дошли до Берлина, и Вильгельм прислал царю предостережение, избегать каких бы то ни было конституционных реформ. Самому ему конституция с парламентом достались в наследство от либерального брата, и кайзеру хватало с ними головной боли. Александр Николаевич ответил: пока он жив, в России конституции не бывать.

Но 28 января 1881 г. Лорис-Меликов представил ему полный проект. Предполагалось расширить права земского и городского самоуправлений, свободу печати, ослабить административные рычаги и контроль, паспортный режим, реорганизовать систему образования. Большинство освобожденных крепостных до сих пор оставались во «временно-обязанностном» состоянии, и их следовало перевести на обязательный выкуп со снижением

выкупных платежей, пересмотреть другие налоги. Для подготовки соответствующих законов намечалось создать две комиссии, административно-хозяйственную и финансовую.

Состоять они должны были из выборных представителей земств и городов. Результаты работы этих комиссий поступали в общую, объединенную комиссию из тех же выборных. А 10–15 самых «опытных» из них вводили в Государственный совет – постоянно действующий законосовещательный орган при императоре. В таком составе Госсовет окончательно дорабатывал представленные законы. Лорис-Меликов не забыл лишний раз откреститься: «Установление изложенного выше и испытанного уже с успехом порядка предварительной разработки важнейших вопросов… не имеет ничего общего с западными конституционными формами. За верховной властью сохраняется всецело и исключительно право возбуждения законодательных вопросов» [116].

Нет, это не было «конституцией» в полноценном понимании. Это было «ползучим» внедрением парламентаризма. По факту – явочным порядком. Верховная власть только «возбуждает» вопросы. А разработка законов переходит к выборным делегатам. Комиссии – прообраз парламента. Их одноразовый созыв легко переходил в «установление изложенного порядка». Временное превращалось в постоянную практику. А Государственный совет пополнялся выборными депутатами – трудно ли было со временем увеличивать их число, прерогативы? Но царя окручивали со всех сторон самыми безобидными заверениями, а многие из названных реформ он и сам считал нужными. Он согласился вынести проект на Особое совещание.

Хотя, кроме либерального заговора, никуда не делся и революционный. Тишина убаюкивала правительство и общество – год без терактов, это казалось победой. Но удары лишь дезорганизовали народовольцев, заставили таиться. Место арестованного Михайлова во главе террористов заняли Желябов и Перовская. Восполняли потери, вызывая товарищей из провинции. Вербовали новых. Революционные кружки существовали даже среди офицеров, с ними познакомились, и флотский лейтенант Суханов возглавил военную организацию «Народной воли». А Михайлов и Нечаев в Петропавловке распропагандировали нескольких солдат-охранников, переписывались с волей.

Народовольцы изучали маршруты императора. Каждое воскресенье он ездил в Манеж на развод караулов. Чаще всего – через Невский проспект и Малую Садовую. Иногда – вдоль Екатерининского канала. Выбрали Малую Садовую, парочка

Богданович и Якимова сняла там полуподвальное помещение, открыла сырную лавку. Из нее повели подкоп для мины под проезжую часть. В Петербурге высокий уровень грунтовых вод, и пол в лавке был покрыт асфальтом. Ход пробили через стену. На день дыру закрывали щитом из досок, оклеенным обоями. Под землей наткнулись на деревянную сточную канаву. Обойти ее было нельзя, и прорезали до половины, задыхаясь от смрада нечистот. Прорезанную часть заделали и дорылись до центра улицы, заложив динамит. Предусматривали и вариант, что царь после взрыва останется живым. На этот случай намеревались использовать револьверы, кинжалы, а Кибальчич изготовил 4 ручные бомбы с массой взрывчатки около 3 кг.

Народовольцы объявили врагом и нового министра просвещения Сабурова – дескать, он своей мягкостью, заигрываниями сбивает молодежь с революционного пути. Были предложения убить его, но решили не настраивать против себя либеральную общественность, прессу. Ограничились провокацией, ее организовали Желябов и Фигнер. 8 февраля на торжествах в столичном университете один из студентов прилюдно дал пощечину приехавшему министру. Поднялась суматоха. Революционеры, затесавшись среди студентов, пытались поднять их на манифестацию, но не получилось – большинство было шокировано, ничего не понимало. Хотя переполошенное начальство вызвало полицию, военных, и скандал с разгоном стал громким.

Студенческие беспорядки стали тревожным звонком, давно такого не было. Но особого значения им не придали. 16 февраля проект Лорис-Меликова был в основном одобрен на Особом совещании (где заправлял сам Лорис-Меликов). 17 февраля царь утвердил журнал Особого совещания, велел подготовить официальное правительственное сообщение. А террористы действовали совсем не так вольготно, как год или два назад. Приметы и имена активистов были известны, круг сжимался. Попался агент в полиции Клеточников. Заболела хозяйка предназначенной только для него конспиративной квартиры. Ему назначили другую, а она была уже под надзором, явился в засаду. 27 февраля арестовали Желябова с несколькими сообщниками. Император 28-го записал в дневнике: «Три важных ареста, в том числе Желябов». Лорис-Меликов, доложив об этом государю, советовал отказаться от поездок по городу. Но Александр Николаевич пренебрег. Если террористы уже за решеткой, чего опасаться?

Чуть не провалилась и группа народовольцев на Малой Садовой. Сосед-купец сообщил в полицию, что хозяева сырной

лавки подозрительные, торгуют плохо, какие-то люди туда ходят. С проверкой под видом санитарной инспекции отправили пристава Теглева и начальника технической службы полиции, военного инженера генерала Мровинского. Увы, они подошли к делу формально. Ордера на обыск не имели, вот и ограничились «проверкой». Не простучали стены. Не открыли бочки, наполненные землей. Удовлетворились объяснениями хозяев, что в бочках сыр, а мокрое пятно на полу (от вынутой земли) – «сметану пролили».

Но руководство после Желябова перехватила его любовница Перовская. Не отменила планы, а активизировала. Аресты сообщников, проверка в сырной лавке подстегивали, что и оставшихся могут накрыть в любой момент. Она закусила удила – успеть расправиться с царем. Теракт назначила на ближайшее воскресенье, 1 марта. На квартире Геси Гельфман и Саблина «метальщикам», добровольцам из молодежи, выдали бомбы, Кибальчич провел с ними инструктаж.

В это время начался Великий пост. В субботу, 28 февраля, завершалась первая, самая строгая неделя, и Александр Николаевич решил причаститься Святых Христовых Таин. Жена недоумевала, зачем, да еще и в субботу? Можно и в другой день, более торжественный. Но государь все-таки причастился – кто мог предвидеть, что это напутствие в жизнь вечную? А 1 марта праздновалась Неделя Торжества Православия. Император со всеми родственниками отстоял на богослужении в дворцовой церкви.

После ее окончания подсуетились Лорис-Меликов и Валуев. Как раз к празднику, подсунули на подпись указ о привлечении представителей общественности к законотворчеству, созыве комиссий из выборных. Александ II подписал его, разрешив опубликовать. Договорились вынести проект Лорис-Меликова на обсуждение Совета министров 4 марта, после чего он должен был поступить в последнюю инстанцию, Сенат. Но когда довольные сановники удалились, царь сказал сыновьям: «Я только что дал свое согласие, но я признаюсь себе, что мы находимся на пути к конституции».

И на эти его слова стоит обратить внимание. Нет, невзирая на надлом, недуги, император не был безвольным человеком, которым можно вовсю манипулировать. У него была собственная позиция, и она отнюдь не совпадала с позицией Лорис-Меликова и жены. Термин «конституция» в его устах никогда не был позитивным. Вспомним и его недавний ответ Вильгельму, это было для него принципиальным. А принципами он не поступался и слово монарха считал долгом держать.

Да, ему доказали, что предлагается мера разумная. Его «дожали». Но он осознавал и опасность. Открыто обозначил ее наследнику и другим великим князьям. Значит, намеревался и противодействовать. Не допустить сползания от консультаций с общественностью к фактическому парламентаризму. Мы не знаем, какие способы он обдумывал. Внесение поправок при обсуждении в Совете министров и Сенате? При собственном утверждении? И сыновьям подсказывал, какую сторону принять. А может, и перекладывал окончательное решение на более сильные плечи наследника, он же рассчитывал, что его царствование вскоре завершится, после коронации супруги.

Но все расчеты и его, и либеральных заговорщиков, и жены доживали последние часы. Екатерине царь сказал, что едет, как обычно, на развод в Михайловский манеж. Оттуда заглянет по соседству, навестит кузину, великую княгиню Екатерину Михайловну. Она открыла у себя в Михайловском дворце бесплатную столовую для бедных [117], государь считал нужным поддержать инициативу. Супруге пообещал не задерживаться, вернуться без четверти три, и они вместе отправятся на прогулку. Зимний он покинул в 12.45. Охрана была обычной, за каретой скакали 6 конных казаков, на козлах рядом с бессменным кучером Фролом Сергеевым – унтер-офицер Мачнев. В отдельных санях сзади ехали полицмейстер Дворжицкий и два офицера.

Террористы на Малой Садовой изготовились к взрыву. Наблюдатели и «бомбисты» заняли позиции на соседних улицах и перекрестках. Но царь поехал по набережной Екатерининского канала. На разводе он поприветствовал гвардию. Велел ехать к кузине, там ему подали чай. А народовольцы ждали в страшном напряжении – и наблюдатели донесли, что карета проследовала к Михайловскому дворцу. Перовская сообразила: оттуда царю незачем ехать по Невскому и Малой Садовой. Направится обратно по старому пути, по Инженерной и вдоль канала. Такой вариант она уже продумывала и срочно переиграла, погнала «метальщиков» на набережную. Сама по мосту пересекла канал, встала на противоположном берегу.

В 14.15 показалась карета, и Перовская дала сигнал взмахом платка. В суматохе перемещений первый из бомбистов, Тимофей Михайлов, то ли опоздал занять нужную позицию, то ли нервы не выдержали, он ушел с места теракта. А царь обогнал караул от 8-го флотского экипажа, шедший с развода и вставший во фронт, поздоровался с ним. Кучер пустил лошадей рысью. По пути стоял террорист Рысаков. Он чуть-чуть ошибся. Боялся, что кони растопчут бомбу, швырнул ее прямо под карету. Но она быстро двигалась, и рвануло сзади.

Мощность ручного устройства была ограниченной, радиус поражения 2–3 м, осколков мало – динамит заливали в жестянки из-под конфет, печенья, керосина. Разрушило заднюю стенку кареты, а император не пострадал. Взрыв сразил двоих казаков, скакавших следом, корчился и кричал раненый 14-летний мальчик из мясной лавки, Коля Захаров – пользуясь воскресеньем, он тащил по набережной санки, покататься с горки. Рысаков кинулся наутек, но выскочивший из саней жандармский капитан Кох нагнал и сбил его с ног [118].

Александр Николаевич вылез из поврежденной кареты. Полицмейстер Дворжицкий просил его пересесть в свои сани, мчаться во дворец. Кучер Фрол, оценив состояние экипажа и лошадей, тоже подключился – карета на ходу, мигом долетим. Но… шла война. Мог ли государь со своим чувством долга и чести бежать с поля боя? Он стоял на своей земле, в своей столице. За него пострадали его подданные. Царь участливо склонился над лежащим казаком Малеичевым, над мальчиком, что-то сказал им. Подошел к схваченному террористу, спросил, кто он. Тот назвался «мещанином Глазовым».

К месту взрыва сбегался народ. Подоспел караул моряков, который только что обогнали. Офицер спрашивал: «Что с государем?» Александр Николаевич обернулся к нему: «Слава Богу, я уцелел, но вот…» – и указал на жертвы. Рысаков, ухмыльнувшись, выкрикнул: «Еще слава ли Богу?» Он увидел среди людей сообщника, Гриневицкого. Царь направился к своей карете, обдумывая необходимые распоряжения, а террорист вдруг метнулся прямо к нему, швырнул бомбу под ноги. Взрывной волной окружающих раскидало, а когда дым рассеялся, император полусидел, прислонившись спиной к решетке канала. Весь в крови, тяжело дышал, ноги были раздроблены, одна почти оторвана.

В это время примчался брат Михаил, а царь прохрипел: «Несите меня во дворец… там… умереть». Брат стал командовать ошалелыми и оглушенными людьми. Императора грузили в сани, одновременно пытаясь как-то перевязать. Прискакал верхом и наследник. А рядом был четвертый террорист, Емельянов. Он сунулся, нельзя ли помочь Гриневицкому. Понял, что помощь ему уже не нужна, и попал в толпу, укладывавшую царя на сани. С бомбой в руках. Но не пустил ее в ход ни против растерзанного государя, ни против великого князя и наследника – уже почти царя. Видимо, счел задачу выполненной. А может, удержался из-за неизбежных новых жертв в толпе.

Императора доставили во дворец, уложили в его кабинете. Обещав жене приехать в 14.45, он лишь чуть-чуть опоздал.

Лучших врачей уже собрали. Цесаревич на войне навидался раненых, осознавал, что положение безнадежно. Спросил, сколько жить отцу. Лейб-медик Боткин ответил: «От 10 до 15 минут». Наследник велел звать исповедника. Долгорукова в истерике взывала «Зачем?» – цепляясь за нереальные надежды изменить страшную действительность. Но и исповедник не понадобился, Александр Николаевич был в беспамятстве. Господь наставил его исповедоваться накануне.

В 15.35 на флагштоке Зимнего дворца пополз вниз черно-желто-белый императорский штандарт. Государь, помазанник Божий, отошел к Его Престолу. Возле ложа почившего царя-мученика в последний момент собрались родственники, приближенные. Среди них стоял и 12-летний внук Николай. Вот таким образом он становился наследником престола. Будущий царь Николай II… А кто-то из присутствующих вздохнул: «Вот к чему ведет конституция…»

Из государевой свиты и конвоя было ранено 9 человек, 11 случайных лиц. Казак Александр Малеичев, мальчик Коля Захаров и цареубийца Гриневицкий от полученных ранений скончались. В литературе гуляет байка, будто Александр II был так беспечен из-за гадалки, предсказавшей ему смерть от седьмого покушения, а он насчитывал лишь пять. Это полная чепуха. Гаданиями царь не увлекался, подобных свидетельств нет. А покушение было уже не седьмым, а одиннадцатым. Если бомбы Рысакова и Гриневицкого считать за два, то двенадцатым. Так что с предсказаниями не сходится.

Не сошлись и расчеты террористов, что смерть монарха и потрясение России выплеснут недовольство и приведут к восстанию. Простой народ воспринял злодеяние совсем иначе. В провинции толпы крестьян и бедноты избивали «общественников» с интеллигентами. Кричали: «А, вы рады, что царя убили, вы подкупили убить его за то, что освободил нас!» В Петербурге били студентов, и они маскировались, ходили без форменных фуражек, стригли «передовые» длинные волосы. «Передовые» девицы, наоборот, закрывали остриженные прически платками. На два дня закрылись заводы и фабрики – рабочие хотели быть на ежедневных панихидах по государю. Народом были переполнены не только православные храмы, но и мечети, мусульмане с искренними слезами оплакивали убитого падишаха, покровителя их веры [119].

С гневным осуждением террористов выступили все газеты. Хотя кое в чем разделились. Патриотические издания, как «Московский ведомости» Каткова, делали справедливый вывод: «Не будем самообольщаться, не будем сваливать всю вину на

ничтожную кучку ошалелых мальчишек. Мы сами еще более виноваты. Мы вскормили эту среду, среди нас они выросли… Мы оставили наших детей на произвол всяких веяний и нашим молчанием давали этим веяниям укореняться… Гонясь за разными видами либерализма, не понимая сущности свободы, мы попали в самый худший вид рабства – духовное рабство со всеми его последствиями».

А либеральные «Голос», «Молва», «Страна», «Земство», «Гласность» и иже с ними пытались спекулировать на трагедии. Дескать, светлая память о царе-Освободителе – это развивать начатые им реформы. Забрасывали удочки и о том, что администрация показала свое бессилие, – значит, необходимо привлечь общество. «Нет иного выхода, как уменьшить ответственность главы государства, а значит, и опасность, лично ему угрожающую». Передать бремя власти «представителям русской земли», «а личность русского царя пусть служит впредь только светлым символом нашего национального единства, могущества и дальнейшего преуспеяния России» [3, с. 289–296]. Вот так вот! «Оберегая» государя, отобрать у него власть!

Солидная зарубежная пресса в ту пору еще не позволяла себе оправданий терроризма. Но лондонская «Таймс» густо полила грязью порядки России: темнота, убожество «с продажностью и тиранией чиновников, с полицейским шпионством, тайными арестами и произвольными наказаниями, страданиями невинных и безнаказанностью виновных». Вот и результат, чему здесь удивляться. А выводы совпадали с российской «общественностью» – спасение только в либеральных реформах.

Но газеты эмигрантов, легально выходившие за рубежом, «Набат» Ткачева, «Le Revolte» Кропоткина открыто восхваляли народовольцев, и их никто не трогал. Английский журнал «Свобода» посвятил цареубийству чуть ли не праздничный номер – впрочем, редактора Моста за это ненадолго арестовали. Для приличия. В Графтонгалле устроили митинг в честь двух французских революций и «казни» царя – об этом был запрос в палате общин, но обошлось без последствий. Банкет революционеров состоялся в Вене, поднимались тосты «за удачное петербургское дело». Полиция знала, но явилась лишь после того, как участники разошлись. А в Париже насчитали 28 банкетов: отмечалась годовщина Парижской коммуны, но цареубийц избирали почетными председателями, возносили им дифирамбы. Ну а в Нью-Йорке, Чикаго и еще нескольких городах США митинги, приветствовавшие цареубийство, прошли открыто [3, с. 298–299]. Спрашивается, уж американцам чем не угодил Александр II? Прислал эскадры поддержать их в войне Севера с

Югом, согласился продать Аляску ради дружбы и союза!

Кстати, при всех расследованиях и судах остался в тени немаловажный вопрос, который в нынешние времена всплыл бы в первую очередь. Кто же финансировал «Народную волю»? Денежки-то тратились немалые. Несколько сотен человек жили на нелегальном положении, без всяких заработков. Ездили по всей стране, за границу. Снимали и меняли десятки конспиративных квартир. Покупали дом в Замоскворечье, участок земли под Александровском, арендовали магазины в Одессе и Петербурге (и товары завозили для видимости). Содержали две подпольные типографии, выпускали две газеты, не считая прокламаций. Лаборатории по изготовлению динамита, закупка нужных компонентов и деталей для взрывных устройств… В организации состояла молодежь, неплатежеспособные студенты. Добровольных взносов на такие расходы никак не хватило бы.

Можно поставить под сомнение и факт, что только ум Кибальчича обеспечивал производство эффективной взрывчатки, различных типов взрывателей. Даже в военном ведомстве России таких еще не было. Не помогли ли подсказки зарубежных специалистов? Да и феноменальная осведомленность народовольцев чего стоит! Они точно узнавали маршруты и расписание движения царского поезда, в каком вагоне едет император. Только ли Клеточников и наблюдатели на станциях обеспечивали сведения, достойные великолепной профессиональной разведки?

Следствие установило, что в руководство террористов был допущен некий иностранец. Он вовремя скрылся, не удалось установить даже имени. А народовольцам знать ничего лишнего не полагалось. Всю информацию им сообщал лидер партии, ведавший и ее финансами, Александр Михайлов, арестованный в ноябре 1880 г. Кстати, масон. С кем он был связан, от кого получал деньги и секретнейшие сведения, он унес с собой в могилу. Но можно еще раз отметить «совпадение»: энергичная деятельность Михайлова, резкая активизация революционного движения и терроризма с персональной охотой на царя развернулись с 1878 г. Когда Александр II снова вывел Россию в ряд ведущих мировых держав и снова обозначилась конфронтация с Западом, в первую очередь с Англией. Стоит сопоставить, что пункт 4 программы «Народной воли» предусматривал ни больше ни меньше, как расчленение России с отделением «Малороссии, Польши, Кавказа и проч.». Отсюда напрашивается и ответ – кому выгодно?

Глава 31. Твердой рукой…

Собор Воскресения Христова на крови, построенный на месте смертельного ранения Александра II

Либеральных заговорщиков даже смерть государя не заставила тормознуть свои планы. Наоборот, подстегнула их. Главный их инструмент, Екатерина, выпала из игры. Но Лорис-Меликов сразу же после убийства воспользовался шоком наследника. Рядом лежал истерзанный отец, а министр подкатился к нему, чтобы покойный распорядился публиковать манифест о созыве комиссий из выборных. Александр Александрович кивнул – очевидно, в большей степени машинально: «Я всегда буду уважать волю отца. Велите печатать завтра же». Хотя постепенно он приходил в себя, вспоминал отцовские слова после подписания документа. Узнал мнения доверенных – ближайшим из них был Победоносцев. Среди ночи на 2 марта Лорис-Меликов получил указание приостановить печатание манифеста.

Но и террористы пытались «ковать железо, пока горячо». Они обратились к новому государю с ультиматумом. Грозили продолжением войны и заявляли, что «Народная воля» прекратит свою деятельность при условиях общей политической амнистии и выборов в народное собрание «для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни». «Итак, ваше величество – решайте. Перед вами два пути. От вас зависит выбор». Как видим, революционеры точно так же требовали

парламентаризма, только более глубокого и необратимого, с «народным собранием», способным сразу обрушить империю и монархию.

Заседание Совета министров по обсуждению проекта Лорис-Меликова было перенесено. 4 марта, когда оно должно было состояться, останки императора только успели подготовить к прощанию, выставили в церкви Зимнего дворца. По стране начали приносить присягу новому государю. В этот день он издал указ впервые приводить к присяге и крестьян, ставших полноправными, свободными подданными. Однако и реформы оставались крайне больной темой. 6 марта Александр III получил отчаянное письмо Победоносцева:

«Час страшный, и время не терпит. Или теперь спасать Россию и себя, или никогда. Если будут Вам петь прежние сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступать так называемому общественному мнению – о, ради Бога, не верьте, Ваше величество, не слушайте. Это будет гибель России и Ваша… Безумные злодеи, погубившие Родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбою с ними на живот и на смерть, железом и кровью. Победить не трудно: до сих пор все хотели избегнуть борьбы и обманывали покойного Государя, Вас, самих себя, всех и все на свете, потому что то были не люди разума, силы и сердца, а дряблые евнухи и фокусники… не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может еще играть в двойную игру… Надобно покончить разом, именно теперь, все разговоры о свободе печати, о своеволии сходок, о представительном собрании» [120].

7 марта тело Александра II торжественно перенесли для прощания в Петропавловский собор, а 8-го состоялось отложенное заседание. Либералы были в явном большинстве, чувствовали себя уверенно и насели на государя с призывами в память об отце «увенчать здание» его реформ общественным законотворчеством. Но старый граф Строганов, бывший воспитатель Александра Александровича, справедливо возразил, что «власть перейдет из рук самодержавного монарха… в руки разных шалопаев, думающих только о собственной выгоде». Его поддержали министр почт и телеграфа Маков, еще несколько должностных лиц. Горячую речь произнес Победоносцев: «Нация ожидает твёрдого и авторитетного действия… и не следует приступать к таким мерам, которые уменьшают авторитет власти, дозволять обществу рассуждать о таких вещах, о которых до настоящего времени оно не имело право говорить». Даже из

проведенных реформ часть он квалифицировал как «преступные», обрушился на расплодившиеся «говорильни», которые сеют «растлевающие речи» [123].

Новый государь выслушал всех. Не спорил, но проект не утвердил. Вынес решение обдумать и пересмотреть позже. Хотя либералы догадывались, на чьей он стороне. И это стало проявляться. В ближайшие дни были закрыты или получили предупреждения несколько газет, возлагавших ответственность за цареубийство на «реакционеров», затормозивших реформы. А революционерам на их ультиматум царь уже отвечал. У схваченного 19-летнего террориста Рысакова не выдержали нервы. В надежде избежать виселицы он называл имена, адреса. Полиция накрыла квартиру, где получали бомбы, – Гельфман арестовали, Саблин покончил с собой. Тимофей Михайлов, не сумевший бросить бомбу, отстреливался, но тоже взяли. Изловили Перовскую, Кибальчича.

Александр III осознавал: на войне как на войне. 14 марта он подписал манифест, на случай своей гибели до совершеннолетия наследника Николая правителем государства назначил брата Владимира. 15 марта состоялись похороны отца, после чего государь переехал в Гатчину. Из загородных резиденций здесь были наилучшие условия для охраны, и Маркс издевательски назвал его «гатчинский военнопленный революции». Но Александр Александрович никогда не был трусом, показал это на фронте. И как раз фронтовой опыт учил: неосторожности на войне не место. Штаб должен быть надежно защищен – а в данном случае штаб всей державы. Второе цареубийство подряд грозило ей непредсказуемыми последствиями.

Тем временем механизмы полиции и жандармерии были пущены на полные обороты. Но и простые люди жаждали положить конец беспределу, сообщали о подозрительных, опознавали объявленных в розыск. Катились новые аресты, на следствии всплыли и подготовка терактов в Одессе, на Каменном мосту, на Малой Садовой. По горячим следам в Особом присутствии Сената начался суд над участниками цареубийства. Перед ним предстали Желябов, Перовская, Кибальчич, Тимофей Михайлов, Рысаков, Гельфман.

И вот тут в полной мере заблагоухали «цветы» либерализма. К государю с разных сторон начались подкаты, что он должен начать правление с милосердия, ответить добром на зло, пощадив убийц отца, – какой прекрасный дух он задал бы своему царствованию. «Властителя умов» Льва Толстого очень взволновала… нет, не кровь императора, а судьба преступников. Он обратился к Александру III с посланием (разумеется,

предназначенным и для собственных почитателей). Убеждал, что убивать этих людей нельзя, надо бороться с ними «духовно». Противопоставить идеал, который был бы выше их идеалов. Издать манифест с заголовком «А вам говорю, возлюби врагов своих». Террористам же дать денег и услать куда-нибудь в Америку. Пусть осознают, раскаются…

Популярный либеральный журналист и общественник Градовский доказывал, что казнить подсудимых вообще не за что. Желябова арестовали до теракта, и остальные пятеро непосредственно царя не убивали. Это сделал Гриневицкий – он и сам погиб. А философ Соловьев во время суда читал лекцию в зале Кредитного общества. Объявил, что сейчас «идет совет о том, как убить безоружных». И «если русский царь, вождь христианского народа, заповеди поправ, предаст их казни, если он вступит в кровавый круг, то русский народ, христианский народ, не может идти за ним. Русский народ от него отвернется…» Публика устроила ему овацию! Лорис-Меликову доложили, и… Соловьев отделался всего лишь запретом на чтение публичных лекций.

Встревоженный такими настроениями Победоносцев 30 марта писал царю, что ни в коем случае нельзя им следовать, поддаваться. Александр ответил: «Будьте покойны, с подобными предложениями ко мне не посмеют прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь». Террористов приговорили к смертной казни. Правда, Гельфман объявила, что беременна. Исполнение ей отсрочили до родов (после родов смягчили до вечной каторги, но развилось воспаление брюшины, она умерла). А народовольцы с участием военной организации Суханова еще и готовились отбить осужденных!

Намечали собрать 200–300 человек, когда цареубийц повезут к месту казни по улицам, броситься на кортеж, увлекая за собой толпу зрителей. Две группы отвлекают внимание, а центральная, куда входили все офицеры, громит конвой и утаскивает товарищей. Но от плана пришлось отказаться. Царь принял достаточные меры, 3 апреля улицы плотно оцепили войсками. Пятерых злодеев повесили на Семеновском плацу. А их сообщникам стало не до новых терактов. Жандармерия висела у них «на хвосте», брала одного за другим.

Ну а реформаторы долго ждали отложенного царского решения. 21 апреля Лорис-Меликов, Милютин и Абаза напомнили о нем Александру III, снова внушали необходимость реформ. Но теперь государь открыто отверг идею. Проект Манифеста о своем политическом курсе он поручил составить Победоносцеву. 28 апреля его вынесли на обсуждение

правительства. Либералы были ошарашены, возмущены. Все их надежды напрочь перечеркивались! Однако их возражения царь просто отмел. Своей собственной самодержавной волей.

На следующий день он подписал Манифест о незыблемости самодержавной власти, защите её «для блага народного от всяких поползновений». Призвал «всех верных подданных служить верой и правдой к искоренению гнусной крамолы, позорящей Русскую землю, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии всех учреждений». Лорис-Меликов, Милютин, Абаза, великий князь Константин Николаевич подали в отставку.

А Победоносцев докладывал государю, что в Петербурге «в среде здешнего чиновничества Манифест встречен унынием и каким-то раздражением: не мог и я ожидать такого безумного ослепления. Зато все здравые и простые люди несказанно радуются. В Москве ликование… Из городов приходят известия о всеобщей радости от появления Манифеста». Что ж, простым и здравомыслящим людям было чему радоваться! Александр III резко выправил курс накренившегося корабля империи. На места «перестройщиков» выдвигались патриоты, а все государственные дела царь взял под личный контроль.

Политическую полицию император усилил, в 10 губерниях предоставил ей право действовать в режиме «усиленной охраны», не подчиняясь администрации и судам. «Народную волю» разгромили очень быстро, к концу года от нее почти ничего не осталось. Впрочем, во власти сохранялись и скрытные влияния, ряду видных террористов удалось избежать заслуженной кары. В марте на чрезвычайный суд над цареубийцами некоторые не попали, потому что были арестованы раньше – главный руководитель Александр Михайлов, агент в полиции Клеточников. Других взяли уже после казни сообщников: четвертого «бомбиста» на Екатерининском канале Емельянова, участниц нескольких покушений Лебедеву и Якимову, лейтенанта Суханова и др.

Их судили только в феврале 1882 г. на «процессе двадцати». Десятерых приговорили к повешению. И снова завопили «общественность», Лев Толстой – что у него «негодованье поднимается, самое мучительное чувство». Но и за границей Виктор Гюго, французский классик, воинствующий либерал и первый развратник в Париже, обратился с «Призывом» к правительствам и народам Европы, мгновенно распубликованным в разных странах: «Цивилизация должна вмешаться! Сейчас перед нами беспредельная тьма, среди этого

мрака десять человеческих существ, из них две женщины (две женщины!), обречённые на смерть… Пусть русское правительство поостережётся…». О том, что «две женщины» по уши в крови, умалчивалось. И можно предположить, что грандиозный международный шум был поднят не из-за них, а из-за Александра Михайлова. Те самые зарубежные силы, с которыми он был связан (и чьи тайны он не выдал), защищали его.

А возле царя озаботились дипломаты, экономисты, финансисты, настраивая, что скандал повредит России. Для 9 смертников он заменил казнь пожизненной каторгой. Не помиловал только изменившего офицера Суханова, вместо виселицы предписал расстрел (в исполнение привели вчерашние подчиненные Суханова). В результате этого и других подобных смягчений некоторые боевики дожили до советской власти, за соучастие в цареубийстве 8 человек получили персональные пенсии. Но взрывавший Зимний дворец Халтурин под международную защиту не попал – он еще был на свободе. В Одессе с сообщником убил прокурора Стрельникова, и обоих повесили.

А реформы Александр III свернул. Ужесточил цензуру, ввел новые правила о печати, библиотеках. Многие издания были закрыты. Усилился контроль за земскими и городскими структурами самоуправления, общественными организациями. Ориентацию на Запад царь вообще отверг, поставив на первое место национальные ценности. Вернул в обиход триединую формулу «Православие – Самодержавие – народность». Изменил даже военную форму, приблизив ее к традиционным русским фасонам.

Автономия университетов была ликвидирована. Начальные школы передали в ведение Синода. В несколько этапов Александр III внес поправки в судебную систему. Учредил городские суды с назначаемыми и сменяемыми судьями. Ограничил судебную гласность и компетенцию суда присяжных. Разрешения Лорис-Меликова для нарушителей черты оседлости были отменены. Их предписали выселять (за исключением лиц ранее оговоренных профессий и их семей). Ввели квоты для иудеев в средних и высших учебных заведениях (в черте оседлости 10 %, за чертой 5 %, в столицах 3 %). Но видные еврейские деятели одобрили эту политику. Делегация из банкиров Гинцбурга, Зака, адвокатов Пассовера, Банка и ученого Берлина была принята государем, выражала «беспредельную благодарность» за меры по «ограждению еврейского населения» от конфликтов и нападок.

Возобновилось широкое государственное финансирование Церкви. Активизировалась миссионерская работа, росло

количество духовных изданий и их тиражи. Восстанавливались упраздненные приходы, пошло бурное строительство храмов, монастырей – всего было открыто 143 новые обители, каждый год освящалось до 250 храмов. Возрождались захиревшие церковно-приходские школы. В 1884 г. их оставалось 4400 со 105 тыс. учеников – к концу царствования Александра III 30 тыс. с 917 тыс. учеников.

Новый главноначальствующий Кавказа Дондуков-Корсаков застал вопиющую картину последствий «расказачивания». Казаков в подчинении гражданских властей притесняли и грабили, перелагали на них земские повинности и подати. Все земельные и прочие споры решались не в их пользу. Дондуков-Корсаков представил царю доклад и разработал «контрреформы», Александр III распространил их на все казачьи войска. Казаков вывели из-под власти гражданских начальников, прикрыли переселения на их земли. Запретили отдавать или продавать эти земли на сторону, а уже проданные начали выкупать [81].

Но и пакет преобразований, предлагавшийся командой Лорис-Меликова, Александр III отнюдь не отбросил. Советовался со специалистами, с земскими деятелями. Только без выборных кампаний, без созыва законотворческих комиссий. А то, что было полезным, царь вводил. Опять без всяких парламентских подобий, собственной самодержавной властью. Узаконили обязательный выкуп крестьянских наделов, снизив выкупные платежи. Учредили Крестьянский банк – для ссуд на покупку земли. Тяжелая подушная подать была вообще отменена. Для простонародья это стало праздником. Предпринимались первые шаги по защите труда: ограничивалась фабричная работа малолетних, ночная работа подростков и женщин.

Чтобы компенсировать дефициты в бюджете, налоговое бремя перераспределялось на состоятельные слои населения. Вводились налоги на наследство, процентные бумаги, на домовладение. Повышались акцизы на водку, табак, сахар, нефть, налоги на денежные капиталы, торговлю, промыслы. Увеличивались таможенные пошлины на импорт (с 1882 по 1885 г. – на 30 %). Железные дороги, как и предлагалось в проектах реформ, перешли из частных рук в собственность государства. Проверки и усиление правительственного контроля пресекали хищничества.

А наведение порядка во всех сферах, укрепление финансов и ограждение пошлинами от иностранных товаров привели к бурному росту экономики. Промышленное производство за 10 лет удвоилось. Расширялись и росли заводы, строились новые железные дороги – Закавказская, Закаспийская. Наконец, Великая Сибирская магистраль протяженностью 7 тыс. км, открывающая

возможности освоения природных богатств Сибири, прямую связь с побережьем Тихого океана. Промышленный рывок сказался и на укреплении военной мощи. Армия получала новейшее вооружение. Строился могучий флот. На воду было спущено 114 боевых кораблей, в том числе 17 броненосцев, 14 броненосных крейсеров. Что ж, Александр III трезво осознавал: за рубежом друзей у России нет. Любил говорить министрам: «Во всем свете у нас только два верных союзника, наша армия и флот. Все остальные при первой возможности ополчатся на нас».

И жизнь подтверждала его правоту. В освобожденной Болгарии князь Александр Баттенберг решил избавиться от «русской опеки», удалил из своего правительства помогавших ему русских министров. А без «русской опеки» получил добро от западных держав на объединение Северной и Южной Болгарии, остававшейся под властью султана. Такое одностороннее расширение возмутило Сербию, при подстрекательстве Австро-Венгрии она объявила болгарам войну. Но царь втянуть себя в новую схватку на Балканах не позволил. Болгарам и сербам объявил: пусть сами решают свои проблемы, на Россию не рассчитывают. Хотя и турок красноречиво предупредил, чтоб не смели посылать войска.

В Средней Азии Александр Александрович завершил дело отца. Его власть признала последняя независимая область, Мервский оазис. На Кушке русские встретились с афганским войском и англичанами и в однодневной войне разгромили противника. После этого Лондон тут же подписал новое соглашение о разграничении владений и влияний. В европейские дрязги государь не лез, оставался выше их – и над ними. Это оказывалось эффективным, авторитет России только укреплялся. Однажды на пруду в Гатчине император предавался любимому отдыху, рыбной ловле, и примчались западные дипломаты, требуя их немедленно принять. Александр III спокойно ответил: «Когда русский царь удит рыбу, Европа может и подождать».

Нет, далеко не все было безоблачно. Уцелевшие разбежавшиеся революционеры устроились в Швейцарии, Англии, и «передовые» русские интеллигенты в заграничных поездках считали долгом заглянуть к ним, как в паломничество. Притихшие либералы не умерили своих амбиций, копили их на будущее. Для творческой богемы модной осталась оппозиционность. Масонские ложи вовлекали новых адептов, помогая им занять ключевые должности. «Веселая» Франция притягивала образованные (и не бедные) слои российского общества «свободными» нравами. А западные политики, дипломаты, банкиры и их отечественные партнеры играли на

дерзких маневрах Бисмарка, вбивая клинья между Россией и Германией. Манипулируя принципами «европейского равновесия» и выгодными займами, втянули государя в союз с Францией – готовя почву для грядущих конфликтов. И все же выбор Александра III в пользу Самодержавия, его твердая рука отсрочили сползание России в пропасть революций, подарили ей четверть века величия и процветания…

Но в нашей стране хранили и светлую память об Александре II. Либералы ностальгировали по атмосфере «перестроек». А простые люди чтили доброго царя, жившего и правившего ради своего народа, Освободителя. И Мученика. Александр III повелел строить в память об отце храм на месте теракта. Ученику и постриженику святителя Игнатия (Брянчанинова) архимандриту Игнатию (Малышеву) по наитию свыше увиделось, каким должен быть этот храм, и он вдруг твердо ощутил: именно его проект будет принят. Обратился к знакомому архитектору Парланду, и действительно, царь выбрал их эскиз. Дивный храм Спаса на Крови строился 24 года, деньги на него собирала вся Россия. Обликом он перекликается с московским храмом Василия Блаженного – духовно связав мученичество царя-Освободителя с местом его рождения. И с истоками русского Самодержавия, с царем-мучеником Иваном Грозным.

Да, Александр II совершал немало ошибок. Но и править ему довелось на сложнейшем повороте отечественной истории. Сохранять порядки неизменными, как удавалось его отцу, стало уже невозможно. Либерализмом была пропитана вся правящая верхушка, культурная элита, дворянство. Один государь был не в состоянии, подобно плотине, сдерживать нарастающий напор. Да и жизнь не стояла на месте, некоторые реформы в самом деле назрели – крестьянская, военная, административная, образовательная. А стоило их начать, как напор прорвался мутными потоками.

Но несомненная заслуга Александра II – он все же не пошел по «проторенному» пути копирования западных политических систем, куда его настойчиво подталкивали. Искал свой, неповторимый, с сохранением традиционных устоев России, исторических и духовных. А на неповторимом, совершенно новом пути стал неизбежным метод проб и ошибок. Самого государя захватывали и кружили те же самые мутные потоки. В чем-то он поддавался реформаторам, принимал на веру их доводы. Но и самостоятельности не терял, личной ответственности с себя не снимал. «Выгребал» в бурном течении. Лавировал, уклоняясь от крайностей и подводных камней. Ставил преграды и ограничения, заподозрив опасности, хотя и замечал их не все и не сразу.

Он жестко, по-царски принял и внешние вызовы, и внутренние – с польским восстанием, балканской и террористической войнами. И если простые русские, болгары, сербы, черногорцы славили Александра II как Освободителя, то революционеры охаяли «Вешателем». Да, в 1863–1864 гг. было казнено около 400 польско-литовских мятежников и 5 изменников в Казани. А за 1879–1882 гг. (включая разгром «Народной воли» Александром III) казнили 30 террористов [3, с. 278–279]. Куда больше, чем 5 декабристов при Николае I. Но ведь и время было другое, размах злодеяний стал совсем иным. И все же по сравнению с подавлением Парижской коммуны даже близко не дотягивает.

В постоянном напряжении, в мешанине сложнейших проблем, интриг Александр Николаевич состарился, исчерпал силы и здоровье. Его окружали заговорщики – и среди них оказался даже самый близкий человек, разменяв чистоту душевной любви на корысть и амбиции. Государь очутился под мощным прессом с разных сторон, непрестанным, без передышки. Но долг он исполнил до конца. Отец завещал ему на смертном одре: «держи крепко». И он, уже слабея, все-таки «додержал». Пока Россию и самодержавную власть из его холодеющих рук не принял наследник – которого он сам же воспитал.

Самый трудный участок, «по целине», он прошел. Сыну осталось воспользоваться плодами его успешных преобразований, совершенствовать их. А то, что показало себя неудачным, пагубным, отбрасывать и менять. Александр Николаевич оставил после себя и пример честного служения Богу, России, народу. Отдавал себя полностью, до конца. И жизнь отдал за них на своем тяжелейшем царском посту.

Литература

Русский Архив. 1905. № 9. С. 129.

«Записки» императора Николая I (1831–1848) // Император Николай Первый. М.: Русский Мир, 2002. С. 79–80.

Ляшенко Л. М. Александр II. История трех одиночеств. М.: Академический проект, 2018.

Толмачев Е. П. Александр II и его время: в 2 т. М.: Терра, 1998. Т. 1.

Россохина А. В. Решение земельного вопроса при освобождении крестьян в остзейских губерниях в 1816–1819 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 4. Вып. 4. С. 82–88.

Покровский М. Н. 14/26 декабря 1925 года // Николай первый: pro et contra. СПб.: НП «Научно-образовательное культурологическое общество, 2013. С. 434.

Центрархив. Восстание декабристов. Материалы. Т. I. С. 180; Т. IX. С. 40, 62.

Сафонов А. А. Междуцарствие // Николай первый: pro et contra. СПб.: НП «Научно-образовательное культурологическое общество, 2013. С. 319.

Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XX века: правительственная политика и общественное мнение // Николай первый: pro et contra. СПб.: НП «Научно-образовательное культурологическое общество, 2013. С. 484–486.

Шамбаров В. Е. Кто стоял за декабристами? М.: Родина, 2022. С. 133–135, 275–278.

Из дневника императрицы Александры Федоровны за 1825 год // Император Николай Первый. М.: Русский Мир, 2002. С. 412.

Жуковский В. А. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 13: Письма, дневники. Записная книжка. 1804–1833. М., 2004. С. 243–244.

Шамбаров В. Е. Николай Грозный. Блеск и величие дворянской России. М., Родина, 2022.

Соборное уложение 1649 года. Издательство Московского университета, 1961. Глава 20.

Российская Империя. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. 12. СПб., 1830. С. 523–528.

Буровский А. М. Россия, которая могла быть. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование Николая I // Николай первый: pro et contra. СПб.: НП «Научно-

образовательное культурологическое общество, 2013. С. 472–473.

Полиевктов М. А. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918. С. 121.

Записки графа А. Х. Бенкендорфа // Император Николай Первый. М.: Русский Мир, 2002. С. 450–451.

Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // Русская старина. СПб., 1901. Т. 106. № 5 (май). С. 279–280.

Письмо к князю И. Ф. Паскевичу от 30 июня 1835 года // Русский Архив. 1897. № 1.

Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. М., 1999. С. 21–26.

Абрамов Н. А. Воспоминания о посещении Тобольска государем наследником цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 году // Тобольские губернские ведомости. 1867. № 46. С. 271.

Элен Каррер д'Анкосс. Александр II. Весна России. М.: Росспэн, 2010.

Корф М. А. Дневник. Год 1843-й // Николай первый: pro et contra. СПб.: НП «Научно-образовательное культурологическое общество, 2013. С. 386–393.

Император Николай I и европейские дворы: Исторические очерки. СПб., 1889.

Смирнова-Росетт А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 17.

Белинский В. Г. Письмо В. Г. Анненкову 1–10 декабря 1847 г. // Полн. собр. сочинений. Т. 12. М., 1965. С. 440.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. С. 488–502.

Вандам Е. А. Наше положение. СПб., 1912.

Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. СПб.: Полигон, 2002.

Тальберг Н. Император Николай в свете исторической правды // Николай Первый и его время. Т. 2. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 383.

Толмачев Е. П. Александр II и его время. В 2 т. М.: Терра, 1998. Т. 2.

Нилус С. Великое в малом. М.: Новое небо, 2019.

Император Николай Первый. М.: Русский Мир, 2002.

Последнее письмо к князю М. Д. Горчакову. 2 февраля 1855 г. // Русская старина. 1881. № 12. С. 895–896.

Тарле Е. В. Крымская война // Николай первый: pro et contra. СПб.: НП «Научно-образовательное культурологическое общество, 2013. С. 683–684.

Толь С. Д. Ночные братья. Масонское действо. М., 2000. С. 25–

27.

Зимин И. В. Медики и самодержцы: загадка смерти Николая I // Отечественная история. 2001. № 4. С. 57–66.

Дубельт Л. Заметки и дневники // Российский Архив. Вып. VI. М., 1995. С. 272–274.

Тютчева А. Воспоминания. М., 2000. С. 119–131.

Тальберг Н. Д. Христианин на престоле. Джорданвилль, 1955. С. 15.

Милютин Д. А. Кончина Николая Павловича // Родина. 1999. № 9. С. 60–63.

Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т. М.: Голос, 1994.

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1, ед. хр. 25, л. 22.

Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т. 5.

Кони А. Ф. Собр. сочинений. Т. 8. М., 1969. С. 193.

Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981.

Нарочницкая Л. И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871 гг. М., 1989.

Декабристы. Биографический справочник / под ред. М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. С. 159–160, 312–313.

Томсинов В. А. Университетская реформа 1863 года в России // Подготовка и проведение университетской реформы 1863 года. М.: Зерцало, 2012. С. LXVIII–CXVII.

Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990.

О значении семинарского образования // Московский журнал. 2010. № 2–3.

Смирнов А.В. Николай Гаврилович Чернышевский (биографические и библиографические сведения) // Русская старина. 1890. № 5. С. 451.

Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952.

Беленький А. Б. Разгром мексиканским народом иностранной интервенции (1861–1867). М.: Изд. АН СССР, 1959.

Чернышевский Н. Г. Барским крестьянам от их доброжелателей поклон. М.; Л., 1926.

Зинькевич В. «Несвядомая» история Белой Руси. М.: Книжный мир, 2017.

Гигин В. Ф. Оклеветанный, но не забытый (Очерк о М. Н. Муравьеве-Виленском) // Минск: Неман, 2005. Вып. 6. С. 127–139.

Миловидов А.И. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2: Переписка о военных действиях с 10 января 1863 года по 7 января 1864 года. Вильна, 1915. С. 56.

Харитонов И. За Царя, за Родину, за Веру! Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.

Текущая хроника и особые происшествия. Дневник В. Ф. Одоевского 1859–1869 гг. // Литературное наследство. Т. 22–24. М., 1935. С. 299.

Зимин И., Соколов А. Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2015.

Федорченко В. И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: энциклопедия биографий. Т. 2. Красноярск, 2003.

Чичерин Б. Н. Общее государственное право. Лекции наследнику. М.: Зерцало, 2006.

Сон юности. Записки дочери императора Николая I великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. М., 2023.

Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 313.

Боханов А. Н. Сумерки монархии. М.: Воскресенье, 1993. С. 29.

Бабаджанов Б. М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио, Ташкент, 2010. С. 255–259.

Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 201.

Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 2. С. 60–61.

Абаза К. К. Завоевание Туркестана. М.: Кучково поле, 2008. С. 101–103.

Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1903. С. 465.

Верещагин В. В. На войне в Азии и Европе. М.: Кучково поле, 2015.

Морис Палеолог. Александр II и Екатерина Юрьевская // Княгиня Екатерина Юрьевская. Александр II. Воспоминания. М.: Захаров, 2017.

Сафронова Ю. А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб., 2017.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1995.

Гальский Д. Великие авантюры. М., 1986. С. 231–234.

Малокалиберная скорострельная винтовка со скользящим затвором Бердана № 2. СПб., 1874.

Шамбаров В. Е. Морская история России для детей. М.: Родина, 2022. С. 310–312.

Малукало А. Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования,

социально-экономический статус. Краснодар, 2003.

Елисеев Ф. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. М.: Воениздат, 2001.

Беседа. 1872. № 6. С. 230.

Вестник Европы. 1873. № 8. С. 564.

Солженицын А. Двести лет вместе (1795–1995). М., 2001. Ч. 1. С. 142–144.

Ховард М. Франко-прусская война: Отто Бисмарк против Наполеона III (1870–1871). М., 1990. С. 39.

История дипломатии: в 5 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1959. С. 738.

Покровский М. Русская история с древнейших времён. М., 1911. Т. 5.

Витте С. Ю. Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Книгоиздательство «Слово», 1923.

Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Л.; М., 1926–1928. Т. 11.

Сухаревский М. Взрывчатые вещества и взрывные работы: Справочное руководство. Государственное техническое издательство, 1923. Т. 1.

Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898. № 1.

История дипломатии: в 5 т. Т. 2. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1963. С. 63–67.

Хвостов В. М. Франко-русский союз и его историческое значение. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955. С. 54.

ЦГИА Узбекистана. Ф. КТГГ, оп. 34, д. 287, л. 37–38: Донесения Вейнберга – Кауфману от 28 июля 1875 г.

Бейсембиев Т. К. Кокандская историография. Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. Алматы, 2009. С. 119, 292, 391.

Улунян А. А. Героическая эпопея болгарского народа (к 110-летию восстания 1876 г.) // Вопросы истории. 1986. № 5. С. 80–87.

Апрельское восстание 1876 // Советская военная энциклопедия. Т. 1. М.: Воениздат, 1976. С. 222.

The Concubine, the Princess, and the Teacher: Voices from the Ottoman Harem / ed. Douglas Scott Brookes. University of Texas Press, 2010. P. 16–17.

Авакян А. Г. Масонство в рядах «Иттихад ве Теракки» // Լրաբեր Հասարակական Գիտությունների (Вестник общественных наук). Ереван, 1994. № 1. С. 130–141.

Широкорад А. Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003.

Левченко В. Г. Россия воскреснет. М.: Парад, 2000.

Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1888. Т. 3. С. 272.

Саранджян С. А. Армянский вопрос на Берлинском конгрессе 1878 года // 100-летие Геноцида армян в Османской империи: уроки истории: сб. статей. Ереван, 2016. С. 23.

Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960.

Военная эниклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого Т. 1. М.: Изд. Сытина, 1911. С. 32.

Энциклопедия секретных служб России / авт. – сост. А.И. Колпакиди. М.: АСТ, 2004. С. 133–135.

Таратута Е.Л. С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М., 1973.

Московские ведомости. 1879. 27 мая. № 132. С. 3.

Троицкий Н. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М:. Мысль, 1978. С. 199.

Ляшенко Л. Бархатный диктатор // Московские новости. 2012. 14 марта.

Варшавский А. Судьба одного шедевра // Знание – сила. 1962. № 10. С. 54.

Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб.: РХГИ, 1997. С. 215.

Клейнмихель М. Дворцовые интриги и политические авантюры. М.: АСТ, 2014.

Три последних самодержца: дневник А. В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 59.

Голицын Н.В. Конституция гр. Лорис-Меликова. Материалы для истории // Былое. 1918. № 4–5. С. 161–166.

В.М. Столовая для бедных в С.-Петербурге // Всемирная иллюстрация. 1881. Т. 25. № 625. С. 10.

Зимин И.В. Царский телохранитель Карл Кох // Военно-исторический журнал. 2008. № 5. С. 70–72.

Джалил Мамедкулизаде. Избранные произведения. Баку, 1966. Т. 2. С. 430.

Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 315–317.

Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 328–329.